

Татьяна Устименко Лицо для Сумасшедшей принцессы

Хроники Рыжей – 2

Текст предоставлен автором <http://www.litres.ru>

«Лицо для Сумасшедшей принцессы»: «Издательство Альфа-книга»; М.; 2008
ISBN 978-5-9922-0223-6

Аннотация

Странная штука – жизнь! Случается так, что она неожиданно начинает развиваться по замысловатой спирали, неуклонно переходящей в смертельный штопор. Смещаются основы мироздания, еще недавно казавшиеся столь незыблемыми, и все вокруг безвозвратно утрачивает первоначальный смысл. И тогда друзья становятся врагами, а враг – возлюбленным. Просят помощи боги, великие демиурги теряют силу, гибнут всемогущие маги и рушатся древние пророчества. А единственную возможность обрести свое истинное лицо и заново переписать ход истории получает только она – Ульрика де Мор, прозванная Сумасшедшей принцессой.

Татьяна Устименко Лицо для Сумасшедшей принцессы

*Посвящаю моей наставнице и подруге, известной писательнице
Наталье Игнатовой*

Герой – тот, кто привлекает к себе повышенное внимание, и вызывает удивление или восхищение своими непредсказуемыми поступками

ПРОЛОГ

Утром неожиданно выпал снег. Первый в этом году. Легкий, узорчатый и крупный. Замысловато иззубренные снежинки медленно кружились в воздухе и скапливались на обломках кареты, еще недавно почти неправдоподобно, вызывая роскошную – серебристой, лаковой, с обильной отделкой изящными фарфоровыми медальонами. Таяли в лужицах дымящейся крови, густо пятнавшей истоптанную землю. Яркое-белое на красном и черном, классическая комбинация самых распространенных цветовых оттенков. Я невольно залюбовалась резким сочетанием противоположностей, и поэтому не сразу заметила его, сидевшего на ободе грязного колеса.

Весь в светлом, да еще в добавление к этому – белокурые локоны и мертвенно бледная кожа. Такого и специально то углядеть трудно! Кисти рук, едва выступающие из пены кружевных манжет, безвольно опущены вниз. Локти бессильно опираются на колени. Вся поза отражает крайнюю степень усталости и отстраненности. По длинному указательному пальцу, оканчивающемуся ухоженным черным ногтем, неторопливо скатывается алая капля крови и падает на свежий снег. Блямс... Красное на белом. Странной формы меч, рукоять которого щедро заляпана потеками густо-бордовой, уже начавшей сворачиваться крови, отлетел в сторону и криво воткнулся в комковатый суглинок. Но красавец-воин не обращает на верный клинок ни малейшего внимания. Голова его медленно качается из стороны в сторону, будто передо мной находится не юноша в расцвете сил и молодости, а дряхлый, немощный старик. Упругие завитки прекрасных локонов скребут по жесткому парчовому камзолу, извлекая из ткани жуткие, заунывные звуки. Шорк-шорк... Чуть розоватые тонкие губы сложены в издевательскую усмешку, а изредка с них срывается недоуменный полустон-полувсхлип. О-о-о-х... В гнетущей тишине слышится лишь ритмичное чередование этих ужасных звуков: блямс, шорк, о-о-о-х... И мне страшно, холодно и страшно!

Площадку вокруг искореженного корпуса кареты усеивают мертвые тела. Одни из них явно принадлежат слугам и охране. Широкие плечи, грубые плебейские черты, неловкие позы. Уже не люди, а всего лишь сломанные куклы, с неправдоподобно искривленными конечностями, покрытые ужасающими ранами. Другие тела больше напоминают сгустки плотного тумана, тающие с немыслимой быстротой, и словно в губку – впитывающиеся в незамерзшую еще землю. Кто же они?

Я спрыгиваю с Беса, бросаюсь на колени перед обескровленным юношей, и трепетно обхватив теплыми ладонями, приподнимаю его узкое, остывающее лицо. О, эти незабываемые глаза! Золотистые, огромные, с язычками обжигающего, потустороннего пламени, пляшущего в глубине бездонных, по-кошачьи вытянутых зрачков. Обрамленные длинными ресницами, кажущимися еще чернее на фоне неестественной белизны впалых щек. Ровные дуги бровей, холеная полоска темных усиков. Это он, мое невозможное наваждение, мой сказочный принц с портрета в Лабиринте судьбы. Юноша доверчиво прижимается ко мне всем телом, погружая лицо в вышитые батистовые рюши на моей груди. Едва различимое дыхание проникает в разрез рубашки, вызывая мурашки на коже и упоительно-жгучее подрагивание где-то глубоко. В душе, наверно. Потом он отстраняется от сладостного изголовья и заглядывает мне в лицо:

– Мы ошиблись, мы призвали древние силы, оказавшиеся намного могущественнее нас...

– О чем ты говоришь? – шепчу я, нежно баюкая его в своих объятиях.

– О Тварях стужи, Ледяных ярлах, Детях холода... у них множество имен, означающих одно – смерть без надежды на возрождение.

– Но как они смогли проникнуть в наш мир?

– Мы с сестрой первыми нашли Хроники Бальдура и оживили древнее заклятие, желая воспрепятствовать тебе! Слепые глупцы!

– И кто сможет остановить вызванное зло? – растерянно спрашиваю я, больше увлеченная очертаниями бледных губ, которые призывно приоткрываются так близко, слишком близко...

– Ты! – уверенно выдыхает он. – Ведь ты же нам поможешь, моя Сумасшедшая принцесса?

– Помогу! – я жадно тянусь навстречу его сахарным устам.

В какой-то непредсказуемой точке пространства мы встречаемся, и мир на мгновение замирает, не смея нарушить наше уединение. Время останавливается. Ленивое сонное солнце застывает над верхушками деревьев, и только наши сердца громко стучат в унисон, все убыстряя и убыстряя бег крови по венам. А потом я ощущаю, как его зубы удлиняются, превращаются в жуткие изогнутые клыки, жадно впивающиеся в мои доверчиво подставленные губы... И сказочный принц утробно и ненасытно рычит, крепко обхватив меня за плечи...

Часть первая

Глава 1

Я дернулась, больно стукнулась локтем о деревянный край кровати и проснулась. В очередной раз нарушенное твердое правило – не пить на ночь, привело к однозначным последствиям – мне приснился кошмар. Очень живой и реалистичный. Даже слишком правдоподобный, пугающий и объемный. Я на всякий случай дотронулась до губ, опасаясь обнаружить следы укусов, но к счастью, не выявила ничего, кроме обычной сухости и стянутости, всегда сопровождающей утреннее похмелье. Невыносимо ныло в затылке, а в надбровные дуги словно раскаленные иглы впились. Как известно, мигрень – болезнь аристократов, у простолюдинов обычно все протекает намного примитивнее – банально чердак раскалывается. Сегодня, не смотря на всю свою благородную родню, я на полном основании могла смело причислить себя к самому захудалому деревенскому быдлу. Добил бы меня, что ли, кто-нибудь добрый...

Из-за стены донесся приглушенный стон, и я обрадовано ухмыльнулась – видно не одна я сейчас маюсь страшной головной болью и омерзительной тошнотой, некоторым приходится не в пример хуже. К изнеженной жалобе Ланса добавился бесцеремонный бас Огвура, зычно требовавшего рассолу для поправки здоровья, изрядно пошатнувшегося по причине затянувшейся вчерашней попойки. И желательнее побыстрее, и побольше! Мой тонкий слух различил сначала далекое, недовольное ворчание хозяина, но потом его же более громкое, вежливое, очень подобострастное – сейчас, сейчас. Еще бы, один вид огромной секиры разгневанного орка – приводил в содрогание и более смелых противников. Вверх по лестнице торопливо протопали хоть и далеко не худые, но отнюдь не лишённые известной привлекательности ножки дебелой трактирщицы, а восторженный голосок трепетно спросил:

– Желает ли господин воин кофе в постель?

– В кружку, дура! – протестующе взревел недужный тысячник.

«Зря стараешься, милочка! – мысленно позлорадствовала я. – На Огвура женские чары не оказывают ни малейшего воздействия, и к тому же – ты просто не заметила симпатягу Лансанариэля, скромно затаившегося под натянутой до макушки простыней. А выглядывающие наружу шикарные пряди серебристо-пепельных волос запросто можно принять за девичьи!». Поступь поспешно удаляющейся толстухи, снова сотрясла хрупкую ступенчатую конструкцию, ведущую на второй, жилой этаж. Я снова прислушалась к своему желудку, требовательно вызывавшему к целительным свойствам хорошо настоявшегося огуречного рассола. Эх, а ведь совсем недавно я лицемерно советовала Эткину – меньше надо пить, пить надо меньше! Но наверно недаром сотни лет назад, и к тому же опытным путем установлено, что много пить – вредно, а мало – не интересно. Вот именно поэтому я

теперь и маюсь...

Пиво у паромщика оказалось с ярко выраженным мужским характером – забористое, задиристое, вздорное и бестолковое, хоть и варила его, ясно дело – жена. Да и самого паромщика, за время моего отсутствия умудрившегося спешно отгрохать непрочное, щелястое, двухэтажное здание, пышно названное «Королевская питейная», теперь следовало именовать уважительно – господином трактирщиком. Но нужно признать, несмотря на излишне крикливую вывеску и необоснованно задранные цены – кормили здесь отменно, кровати оказались удобными, а белье – свежим. В качестве главной достопримечательности, хозяин демонстрировал мой носовой платок, честно говоря – изрядно замурзанный и засморканный, очевидно, позабытый при прошлом посещении его гостеприимного домика, а теперь – вставленный в золоченую рамку и гордо вывешенный напротив входной двери. Моя слабая попытка вернуть себе раритетный предмет личной гигиены, с целью не позорить королевский род Нарроны подобным стыдобищем – успехом не увенчалась. Трактирщик уцепил за платок намертво, сопровождая судорожные движения рук таким жалобным хныканьем, что я плюнула и отступилась. Кажется, отныне и навсегда, мое венценосное семейство будет ассоциироваться у нетрезвых посетителей кабака не иначе как с длиннющей соплей, любезного моему сердцу зеленого цвета, эффектно засохшей на квадратном лоскуте криво подрубленного батиста. Ничего не скажешь, экспонат, вполне достойный звания Сумасшедшей принцессы!

Думается мне – все громкие дела обычно начинаются с не менее громкой пьянки. Не путать с успешными, которые подобной тотальной пьянкой обязательно заканчиваются. Почему? Да потому что мысли о безумных авантюрах никогда не приходят в трезвую голову. А позднее, после пышных тостов за удачу предприятия, и несчетного количества употребленных по назначению кружек спиртного, отступать уже бывает поздно. Да и совестно нам откровенно признаваться в собственном хвастовстве и завышенной самооценке. Вот так и становятся героями! «Чего пить – того не миновать!» – добавляет в таких случаях наш доморощенный философ Эткин.

Военный совет в «Королевской питейной» открылся здоровенными кружками фирменного темного пива. Ароматного, увенчанного пышными шапками белоснежной пены и обладающего неповторимым, чуть подкопченным вкусом. Благородный ячменный напиток как по маслу скатывался в возрадовавшиеся пищеводы, в сопровождении упругих ломтиков острого, золотистого сыра. А выловленная в Роне рыба! Вяленые окуньки, ровными рядками уложенные на продолговатое блюдо и посыпанные искрящимися кристалликами крупной соли. От таких закусок жажда только усилилась, и мы немного несмело заказали первую бутылку вина. Эльфийского белого, жасминово-мускатного, трехсотлетней выдержки. Упитанный, исполненный чувства собственного достоинства трактирщик, торжественно водрузил на стол высокую, узкую, покрытую паутиной бутылку. Мы почтительно молчали, не смея нарушить патетичную церемонию откупоривания сосуда с нектаром, достойным куда более пышного застолья. Огвур придирчиво осмотрел сургучную печать на пробке.

– Настоящее! – благоговейно подтвердил тысячник. – Урожай королевских виноградников, года...., – он громко присвистнул.

Орк медленно выцедил глоток божественного напитка, налитого в граненый, хрустальный бокал. Посидел, томительно долго перекатывая вино во рту, и мечтательно закрыв глаза... Ланс нетерпеливо толкнул его локтем в бок.

– Бесподобно, – вдохновенно выпалил дегустатор, – потрясающе, невероятно, умопомрачительно...

Мы торопливо застучали бокалами.

За эльфийским незамедлительно последовали более скромные сорта вина, затем хозяин притащил кувшин крепчайшего гномьего самогона, а позднее, уже ближе к вечеру – объемистую корчагу лимонной орочьей водки. К тому времени мы уже совершенно не отличали вкуса поглощаемых напитков. А потом... потом Огвур отравился овсяной

лепешкой. С этого все и началось!

Отобедали мы вполне тихо и скромно. Воспитанно отведали бараньего жаркого в горшочках, сдвинули пару скамеек, сблизили головы и негромко шушукались, обмениваясь планами и проектами, поочередно уперто отменяя все выдвигаемые идеи, кроме собственных. Любопытный Эткин, клубком свернувшийся во дворе, одним сапфировым глазом с любопытством заглядывал в окно первого этажа, пугая посетителей видом белоснежной зубастой улыбки, периодически мелькающей за не совсем чистыми оконными стеклами. Эльфийское дракон не одобрил. Слишком мало, неоправданно дорого и отдает парфюмом. Подозреваю, после бурных свадебных торжеств у него вообще сложилось не слишком хорошее мнение об элитной продукции знаменитых эльфийских виноделов. Но темное пиво пришлось по вкусу всем. Нужно было просто на нем и остановиться. Вместо этого, мы излишне самоуверенно переоценили собственные, более чем скромные способности. Гремучая смесь из пива, вина, водки и самогона оказала самое непредсказуемое воздействие на организм каждого из участников боевого совещания. Пьяный дракон, в одиночку выдувший бочку горячительного, громко затынул что-то душищательно-фольклорное. Не менее пьяные посетители слезливо кричали «бис» и бросали в окно жареные куриные ножки в качестве оплаты за сольный номер. Толстый трактирщик задумчиво облокотился на стойку, подперев кулаком расплывшуюся румяную щеку.

Жизнь-судьбина плавно
Катит под уклон,
Умирал бесславно
Раненый дракон...¹

... трогательно выводил Эткин, иногда фальшиво срываясь на высокой ноте и подпуская отчаянного петуха. Впрочем, это даже придавало его манере исполнения некую жалобную, проникновенную пикантность. В углу, обнявшись с обтрепанной метлой, в голос рыдала добросердечная трактирщица.

– Молчать! – неожиданно грохнул кулаком по столу орк. В его глазах плескалась лишняя кружка пива, очевидно, и ставшая той самой последней, роковой каплей. – Чего разнюнились, пентюхи?

Ланс предостерегающе дергал друга за рукав, но Огвура несло.

Тысячник смачно откусил от овсяной лепешки и обвел притихший трактир угрозующим взглядом налитых кровью глаз:

– Трусы! – при этом незаслуженном эпитете добрая половина зала угрозующе насупилась. – Мы, понимаешь ли, на подвиги собрались! Умирать, не щадя живота своего, за родину, за короля! А вы, трусы, все по кабакам отсиживаетесь, портки протираете. И невдомек вам, что отступать уже некуда, позади – Наррона. Бабы вы! – после этих слов, у второй половины зала, по-видимому, тоже возникло обоснованное и весьма слабо контролируемое желание примерно проучить несдержанного на язык оратора.

– Сам ты баба! – рикошетом прилетело из противоположного угла. – Или вон твой красавчик эльф, а то он как есть – вылитая девка!

Кто-то обидно заржал.

– Чего! – возмущенно полез из-за стола пьяно пошатывающийся орк. – Чего ты сказал, гнида? А ну-ка, повтори?

– Знаете, почему у вас двоих детей нет? – спросил еще ехиднее уже другой мужик, коренастый, до самых наглых глаз заросший нечесаной, густой бородой. – Не потому, что вы орк и эльф, а потому что вы мальчик и... мальчик...

¹ Здесь и далее стихи автора

Стены трактира качнулись от громового хохота, рвущегося из десятков глоток. Белый волк выдал в ответ длинное витиеватое ругательство и нетвердо сгреб со скамьи Симхеллу. Хозяин перепугано ойкнул и предусмотрительно нырнул под стойку. Первый же удар тяжелой секиры, пришедшийся на стол с недоеденными закусками, породил неуправляемую панику. Народ дружно сыпанул к выходу, в дверях образовалась пробка, намертво перекрывшая путь к отступлению. Разбитной малый с хитрой, рябой мордой, рыбкой сиганул в окно, напрочь вынеся стекло вместе с рамой. В образовавшуюся дыру тут же заглянул заинтересованный Эткин.

– Наших бьют? – радостно спросил он с вдохновенными интонациями, живо выдающими огромное желание подраться.

Я неопределенно пожала плечами.

– Ясно, – мгновенно скис дракон. – Оггур разминается. Но вот ведь странно..., – он просунул в окно лапу и утянул с ближайшего стола двухведерную корчагу с чем-то, интригуяще плещущимся и пенящимся. Глотнул, довольно крикнул, оптимистично подмигнул мне и продолжил: – Я всегда понимал агрессию как неоспоримое доказательство преимущества мышц над количеством мозгов. Но только не в отношении мудрого орка! – он снова шумно глотнул, неожиданно вперил застывший взгляд в одну точку и ... рухнул назад во двор, унеся с собой часть стены. Под прилавком горестно взвыл разоренный трактирщик. Я усмехнулась, выудила из кошелька пару немаленьких самоцветов и, не глядя, катнула их под стойку. Обреченный вой тут же стих. После этого я уселась на скамью, комфортно закинула ногу на ногу и принялась увлеченно наблюдать за происходящим.

А Оггур продолжал отрываться. Неподъемная Симхелла легкокрылой птичкой порхала в его могучих руках, превращая в щепки добротную мебель, и даже – попутно откалывая немалые куски от свежошкуренных стен. Ослепительные блики, испускаемые лезвием секиры, добавляли подобающие световые эффекты. Ну, ни дать – ни взять, а настоящая сцена эпического боя храброго орка с коварным зеленым змием. Весьма поучительно кстати. Я представила себя на месте Оггура и мысленно содрогнулась. Все – решено, с завтрашнего дня завязываю с горячительными напитками. Со двора, в качестве вполне уместного звукового сопровождения, доносился богатырский храп упившегося до беспамятства дракона. Скорчившийся под прочным дубовым прилавком трактирщик подпрыгивал, стучался затылком о доску и жалобно охал, видимо, подсчитывая грядущие убытки.

– Как страшно жить! – риторически сетовала я, прикрываясь от летящих во все стороны щепок.

Спотыкающийся Ланс перебрался ко мне на скамью, подтянув поближе к нам жбан пива и мисочку с жареными орешками.

– Хорошо секирой работает! – широко распахнутые зеленые глаза полукровки восхищенно следили за мощной фигурой друга, зазря изводившего на дрова неплохие столы и лавки.

– А смысл? – прищурилась я. – Ведь самому же завтра стыдно станет!

Я оказалась абсолютно права.

Я еще немного повалилась в постели, но потом кое-как поднялась, придерживая рукой голову, гудевшую как набатный колокол. И какой самоуверенный умник придумал широко известную фразу – пиво без водки – деньги на ветер? Денег ему, видите ли, жалко стало. Нашел что жалеть, проходящую, мнимую ценность. А о самом главном – о здоровье, он явно не подумал. И ведь что интересно, за те же самые треклятые деньги много чего купить можно – море вина, океан пива, реки самогона. А здоровье – его то, родимое, за все золота мира не купишь... Я порылась в походной сумке, выудила пузырек с настойкой тысячелистника и кукурузных рылец, зубами выдернула деревянную затычку и, кривясь от горечи – отхлебнула прямо из горлышка. Через пару минут мне заметно полегчало. Мысли обрели привычную ясность, мерзкая тошнота отступила. Застегнув помятый колет и плеснув в лицо степлившейся водой из медного рукомойника, я бодро простучала каблуками вниз по

лесенке.

В обеденном зале было не многолюдно. Может, по причине раннего времени, а может, что выглядело более правдоподобным, всему виной оказались вчерашние разнузданные выходки пьяного орка. За единственным, каким-то чудом уцелевшим столом, сидел сам Огвур, нахмуренный, опухший и самую малость смущенный. Черные волосы небрежно собраны в кривой хвост, один глаз заплыл и не открывается, второй – брезгливо устремлен на тарелку только что сваренной, дымящейся ухи из ершей.

– Ты поешь супчика то, сразу легче станет, – нудно бубнил полуэльф, пытаясь всунуть в судорожно сжатую ладонь тысячника здоровенную ложку, больше смахивающую на половник.

Огвур поморщился:

– Отравился я, – с заметным усилием и словно оправдываясь, выдохнул он, распространяя густое сивушное амбре. – Хреновые у хозяина лепешки оказались...

– И не хреновые они вовсе, а – овсяные! – робко вякнул трактирщик.

– Лепешки? – заломил изящную бровь Лансанаризель. – Лепешки? Так это они всему виной, после вина, пива, водки и самогона? Думаешь, трактирщик в них сушеные мухоморы подмешивает?

Я звонко рассмеялась. Орк глянула на меня укоризненно:

– Хотел бы я пожелать тебе доброго утра, Мелеана. Да вот, не могу...

– А все из-за негодных овсяных лепешек! – ехидно ввернул Ланс.

Огвур энергично кивнул – запамятавав про отравление, скабрезно выругался и схватился за ноющий лоб.

– Как ты себя чувствуешь? – заботливо спросила я.

Белый волк поднял на меня мученический взор:

– Бывало и лучше. В хрониках часто упоминается, что все великие люди жили не долго, но шумно. Вот и мне что-то не здоровится...

Ланс гаденько хихикнул.

– А если тебя настоечкой полечить? – неосмотрительно предложила я.

Огвур передернуло:

– До смерти зарекаюсь пить что-нибудь, крепче простой воды!

– Ну, дай то Пресветлые боги, – с облегчением проворчал трактирщик, торопливо сколачивающий новую скамью.

Полуэльф скептически покосился на орка и принялся аккуратно хлебать уху.

– А Эткин где? – поинтересовалась я, придвигая к себе вторую, наполненную тарелку и большой ломоть черного хлеба. Уха оказалась вкусной. Жизнь снова налаживалась.

– Их драконство в овине дрыхнут, – доверительным шепотом сообщил мне хозяин. – И упаси боги их разбудить. У меня итак уже от ихненского храпа две курицы нестись перестали, гусак заикаться начал, теленка на понос пробилло, а порося...

Не говоря ни слова, я вынула еще один самоцвет и катнула его через стол по направлению к рачительному хозяину.

– А порося я вашим милостям на обед зажарю, с кашей и грабами, – как ни в чем не бывало, радушно закончил трактирщик.

Я одобительно улыбнулась. Орк внимательно прислушался к слову «каша», посинел, позеленел, а потом резво бросился к открытому окну, прижимая ко рту ладони и издавая судорожные, клокочущие звуки. Я философски хмыкнула и облизала ложку. Самое тяжелое похмелье случается от пьянящего чувства собственной безнаказанности. Вот не стану в следующий раз платить за хулиганские выходки Огвура, вот тогда он, искренне надеюсь, сам наконец-то прочувствует эту простую истину.

Но и после ухи, которую, правда – с аппетитом съели мы с Лансом, покуда Огвура обильно выворачивало в окно, орку не стало лучше. Добрая хозяйка кудахтала как наседка, бурно всплескивала руками и обширным бюстом, суетилась и предлагала опробовать на совсем раскисшем тысячника проверенные народные рецепты – один другого хлеще. Я с

сомнением отмела убойную экзотику вроде мочи трехцветной кошки, толченых тараканов и сырого петушиного яйца... При упоминании о последнем средстве я вообще ничего не сказала, а просто изумленно выпучила глаза, и тут трактирщица мимоходом, как бы невзначай посоветовала прогуляться на речку и искупаться в прохладной, еще не прогретой солнцем воде.

– А что? – гибко потянулся Ланс, с готовностью демонстрируя тонкую талию и стройные бедра, на которые итак уже, с черной завистью во взоре, подозрительно косилась дородная хозяйка. – Это совсем неплохой вариант. Так и представляю, как эффектно будут смотреться мои волосы в потоках прозрачной речной воды...

Огвур промычал что-то одобрителное и немного посветлел лицом.

– Решено! – махнула рукой я. – Купаться, значит – купаться.

Мы шумно вывалились во двор. Орк, нагруженный полотенцами и неразлучной секирой, Ланс – тащивший под мышкой сафьяновый сундучок с расческами, притираниями от солнечных ожогов и еще с бог знает какими, милыми его утонченному сердцу причиндалами. И я – как обычно, с верным Нурилоном за спиной. Для каких непонятных целей я поперла с собой тяжеленный волшебный меч, я пока еще не придумала, но, подчиняясь интуитивному предчувствию неведомой опасности, словно кошка скребущемуся где-то на задворках здравого рассудка, незаметно для друзей прикоснулась к рукояти клинка, проверяя – по прежнему ли свободно он выходит из ножен.

Хозяин приврал – дракон не спал в овине по той простой причине, что элементарно не помещался целиком в ветхом, дощатом сооружении, со стропил которого непрерывно сыпалась мелкая труха от поминутно сотрясавшего их залиvistого храпа. От подобного забавного зрелища Огвур почти протрезвел. Голова Эткина скрывалась в проломе покореженной стены, тело распласталось внутри огороженного частоколом клочка земли, гордо именовавшегося огородом, а увенчанный кисточкой хвост, красиво возлежал на крыше изрядно просевшего курятника. Я рывком распахнула кривую дверь сараюшки и резво отпрыгнула сторону, выпуская скопившуюся внутри овина затхлую воздушную массу, густо пропитанную прокисшим послевкусием фирменного темного пива. Потом решительно шагнула через порог...

Эткин блаженно дрых, водрузив расплывшуюся в широкой ухмылке морду поверх плотно увязанных снопов, составленных из ядреных стеблей дикой конопли. Я громко присвистнула. Не пренебрегая наглядными уроками мэтра Кваруса, придворного лейб-лекаря в замке графа де Брен, я совсем не понаслышке знала о свойствах этого удивительного растения, способного одурманивать и погружать в продолжительный, крепкий и богатый видениями сон. Я решительно попинала окованным железом носком своего ботфорта по нижней планке входной двери, но дракон даже ухом не повел. Тогда я хулиганисто вытянула из пучка конопли длинный, гибкий стебелек и пощекотала мирно посапывающую морду. Эткин нехотя приоткрыл правый глаз.

– Киса, ку-ку! – радостно приветствовала я пятнадцатиметрового спящего красавца.

– Кто там? – недовольно буркнул гигант.

– Кто, кто – дед Пихто! – нахально представилась я. – Своих не узнаешь?

– Рыжая, сгинь! – плаксиво попросил дракон, прикрывая лапой массивную голову. – Позавчера пили, вчера – пили, сегодня – опять пить придется...

– Ни, ни, – решительно запротестовала я. – Хватит надираться до беспамятства каждый божий день, так и спиться недолго.

– Издеваешься, да? А опохмелиться? – страдальчески заканючил Эткин.

– Мы на речку идем, купаться, хозяйка посоветовала, – жизнерадостно оповестила я. – Она клянется что это, самое лучшее лекарство от головной боли.

Дракон медленно перевернулся на спину. Со двора донесся скрипучий звук окончательно завалившегося курятника и истошный вопль трактирщика. Я мысленно прикинула, не маловато ли драгоценный камень прихватила с собой из королевской

сокровищницы Нарроны.

– Нет, – лениво начал перечислять гигант, для наглядности загибая когти на лапе, – чего-то не хочется. Вода еще холодная – раз, может хозяйка поднесет бочку другую пива для поправки – это два, и третье, – он задумчиво посмотрел на меня снизу вверх, – нехорошие вещи плывут сегодня по реке...

– Плынут по Роне? – не поняла я.

– Ага. – Дракон утомленно прикрыл слезящиеся с похмелья глаза.

– Что за выдумки?

– А сам не знаю, – расслабленно признался Эткин. – Всю ночь ужасы какие-то снились.

Я вышла из овина, задумчиво покусывая квелую, горькую травинку. В реке должна, нет, просто обязана водиться многочисленная, но абсолютно банальная рыба. Плотва там, ерши, хариусы всякие. И на этом в логическом обосновании разнообразия нормальной речной фауны обычно ставится большая, жирная точка. Все прочее можно запросто объяснить совокупным воздействием огромных доз низкокачественного спиртного и тяжелым, сладковатым запахом, обильно испускаемым подсыхающей коноплей.

Но острые уколы непонятной тревоги не отпускали.

«А не пошел бы ты куда подальше со своим гениальным предвиденьем, Эткин! Ну, скажите на милость, что еще такого необычного может приплыть по Роне?»

Глава 2

Пальцы, оканчивающиеся остро-заточенными ногтями, выкрашенными в пронзительно-алый цвет, раздосадовано побарабанили по изысканно изогнутому подлокотнику трона. Король Аберон Холодный изволил гневаться. И было от чего. Он едва сдерживался, кусая тонкие губы и поигрывая желваками, чтобы не наслать какое-нибудь нерушимое проклятие на своих нерадивых слуг. Нет, конечно не на всех, а для начала хотя бы вот на этих двоих растяп! Король неприязненно покосился на коленопреклоненные фигуры нерасторопных подданных. «Лучшие воины острова, опытные и закаленные в боях, и надо же – провалили такое элементарное задание, упустили негодного мальчишку!» – Аберон недовольно скрипнул редкими, кривыми, какими-то мышинными зубами. Один из провинившихся некстати поднял голову и тут же испуганно опустил глаза, встретившись взглядом со страшными, злобно расширенными зрачками своего Повелителя. Белесые, холодные, щелевидные зрачки, окруженные кровавой радужкой. Виногато согбенные плечи воина затряслись мелкой дрожью. «Спасите меня Пресветлые боги от этого... этого выродка!» – промелькнуло в его воспаленном мозгу.

Король вздрогнул, выпрямился и откинулся на спинку трона. Некстати подслушанная неприятная мысль обожгла, будто удар вымоченного в соли кнута. Мстительно поджатые губы монарха не предвещали ничего хорошего.

«Знаю, – раздраженно размышлял Повелитель, – все вокруг называют меня одинаково! Даже когда подобострастно склоняются перед моей властью, запретной магией и знатностью нашего древнего рода! Дерзкие, двуличные лжецы! Любить и уважать меня вы не желаете, так значит, я силой заставлю вас бояться своего повелителя. Чего бы мне это не стоило, сколько бы еще крови не пришлось для этого пролить!» Король снова прищурил красные глаза, кажущиеся неописуемо отталкивающими на фоне его мертвенно-бледного лица. Пурпур бархатного колета разительно контрастировал с белой атласной обивкой трона и мраморными подлокотниками. Только белое и красное, всегда красное и белое – других цветов Аберон не признавал. И на то имелаась веская причина.

Шеарран, король Поющего острова, происходящий из знаменитого рода эль-Реанон, женился поздно, даже по традиционным эльфийским меркам. Казалось бы, ничего не предвещало приближения беды. Предсказания янтр, жриц-пророчиц, посвятивших себя служению великой богине Аоле, сулили молодоженам лишь долгое безоблачное счастье,

нерушимую любовь и одаренное талантами потомство. Но появление желанного, первого сына, как по велению недоброго рока, в одночасье и вдребезги разбило хрупкую чашу семейного согласия. Мальчик родился уродом. Нет, он не стал хромым, кривобоким или слабоумным. Тонкие черты Аберона хранили печать воистину королевского величия. Белоснежная кожа, роскошные серебристые локоны, умный высокий лоб, гордый подбородок. Первенец воистину и по законному праву носил титул наследного принца древнейшего из эльфийских родов. Но тонкогубый рот упыря, кроваво-красные глаза, лишенные ресниц и бровей – говорили сами за себя, вызывая чувство омерзения и гадливости у каждого, кто сталкивался с Абероном. Принц был альбиносом.

Трудно сказать точно, какая неправильная трансформация постигла сущность венценосного эльфа по выходу из Обители затерянных душ, отметив позорным клеймом извращенности не только его искореженную внешность, но, что оказалось хуже всего – и моральный облик. С юности Аберон проявлял пороки, обычно не свойственные нормальным детям – коварство, трусость, изворотливость и жестокость. Издевательства над беззащитными животными и птицами, доносы, мелкие, а со временем все более изощренные провинности, и прочие нелицеприятные выходки, далекие от простого безобидного баловства – вот что стало любимым времяпровождением юного наследника престола. Он горячо ненавидел свою прекрасную сестру – принцессу Альзиру, презирал младшего брата – смиренного, вежливого Лионеля, сторонился заботливой матери и чурался отца-Повелителя. «В семье не без Аберона!» – со вздохом сожаления признавали не только опечаленные родители, но и все прочие обитатели королевского дворца. «Выродок!» – более прямолинейно говорили простолюдины. К тому же, принц оказался напрочь лишен музыкального дара, от рождения обязательно присущего другим жителям Поющего острова, славящимся прекрасными голосами и редкостным талантом к стихосложению. Сам же Аберон всегда изъяснялся резкими каркающими звуками, а вместо написания утонченных баллад увлекся ужасными и запрещенными тайнами некромантии. Именно за противоестественные, отталкивающие в своей бездушности опыты над трупами мертвых животных, а как шептались по углам – и людей, наследник и получил беспощадное прозвище – Холодный. Прозвище прижилось.

Позднее, глядя на подрастающего наследника, король Шеарран начал крепко задумываться – к чему способна привести передача престола, да и судьбы всего государства в столь ненадежные, пагубно слабые руки. Ибо Аберон преступно мало помышлял об общем благе, ставя превыше всего собственные амбиции и удовольствия. Куда больше на роль правителя подошел бы младший принц – Лионель, не по годам добрый и рассудительный юноша, по всеобщему мнению прекрасный и душой и телом. Король, как мог, пытался скрыть от старшего сына столь невыгодные для того планы, но Аберон заподозрил неладное и скрытно начал собственную, рискованную игру – отважно поставив на кон свободу и даже жизнь.

Учителей у принца не было никогда. Королевским отпрыскам преподавали риторику, философию, математику, танцы и прочие элитарные науки, которые Аберон считал пустой тратой времени. Но в полуразрушенных дворцовых хранилищах он однажды случайно отыскал запыленный сундук, запертый на увесистый ржавый замок. Ключа в замке не оказалось. Позаимствовав в караульной огромный штурмовой топор, принц в течение получаса истово трудился над неподатливым запором. Наконец замок не устоял и раскрылся. Восхищенному взору наследника предстала груда заплесневелых, переплетенных в светлую кожу книг. «Похоже, человеческая» – безразлично отметил альбинос, с нескрываемым вожделением жадно поглаживая магические фолианты. С тех пор его тайные походы в заброшенный подвал участились, удлинились и постепенно вошли в привычку, вскоре – переросшую во всеобъемлющую страсть. Аберон путался в архаичном диалекте древних книг, портил зрение, дышал многовековой пылью и спорами плесневых грибов, но в итоге – добился желаемого. Поначалу обучение шло с трудом. Но принц оказался способным, а точнее – самородным, гениальным магом, обладающим крупными темной силы, по

неведомо какой, и вероятнее всего ошибочной причине, помещенными в не предназначенные для таких целей тело и разум. Незаметно миновало несколько лет, прежде чем Аберон убедился, что из искры разгорелся костер, а в последствии и жаркое, всепожирающее пламя. Миру явился новый маг – необузданный, могучий и не знающий пощады. Злодей, не любящий никого и, в свою очередь, никем не любимый.

Впрочем, рассуждая о всеобщей нелюбви к себе, Аберон намеренно кривил душой. У него все-таки водился один друг, давний, закадычный и необычный. Есть люди – которым необычайно идут любые пороки, а других – безобразят даже добродетели. Гнус принадлежал к расе гномов и состоял при дворцовой кухне, занимая положение всеми презираемого отщепенца. Остается только гадать, как смогли прекрасные эльфы, народ в общей своей массе добрый и отзывчивый, допустить подобную несправедливость? Но вот, тем не менее, не только допустили, но и одобрили. Когда-то очень давно, Гнус мечтал стать магом. Спокойный, услужливый паренек, неизменно вежливый и улыбающийся. Ну и пусть, что росту в нем было чуть больше чем у знаменитых рохосских догов. Ведь в любом человеке, эльфе или гноме, самое главное не импозантная внешность – а красота внутренняя, духовная. Сметливый гном очень нравился великим эльфийским магам, снисходительно допустивших его в число своих, не учеников конечно, а для начала – всего лишь помощников. По принципу – принеси, подай, смешай вон те компоненты, да смотри – не перепутай. А после всего – походи прочь. Но неглупый гном радовался и этому. И может, ждала бы его неплохая карьера кудесника-подмастерья, если бы в один черный день, передвигая потолочный кухонный крюк, он случайно не свалился в чан с кипящим маслом. Несчастного немедленно извлекли из огненной жидкости и излечили, ровно настолько – насколько это оказалось возможно. Гном выжил и постепенно оклемался. Но с той поры юношу безобразно перекосило, левая рука ссохлась и повисла серой, парализованной плетью, а покрытое ожогами лицо стало страшнее омерзительной личины самого непотребного демона. И имя его настоящее как-то мало-помалу забылось, сменившись презрительной собачьей кличкой – Гнус. Убогого уродца, из показной жалости, которая зачастую ранит людей намного сильнее открытой жесткости, не выгнали из дворца, а разрешили жить в темном углу под черной лестницей, иногда кидая туда объедки и поношенные лохмотья. Гнус замкнулся, озлобился и научился яро ненавидеть всех и вся. До тех пор, пока его однажды не отыскал малолетний принц-альбинос, который одел, накормил и приблизил к себе больного уродца – назначив личным, любимым шутком. Вот тут то Гнус и почувствовал удобную возможность отыграться на своих вчерашних обидчиках, ибо никакое моральное удовольствие в жизни любого живого существа никогда не сравнится с удовлетворением аморальным. И злопамятный шут начал мстить. Поскольку он всегда чрезвычайно успешно замечал мельчайшие следы своих проделок, то явных обвинений против него никто не выдвигал. Себе дороже. Но слухи никогда не рождаются на пустом месте. И наверно не зря намекали, что изобретательные выдумки Гнуса стали причиной падения тяжелой люстры, переломавшей немало рук и ног, и знаменитого отравления вкуснейшим раковым супом, от которого вроде бы скончался кто-то из самых заносчивых придворных, особо недолюбливающих выскочку-шута. Часть же излишне бойких на язык и вообще исчезла бесследно. Гнуса начали бояться, пожалуй, даже сильнее, чем его высокородного покровителя. Гном же не боялся никого. Ведь если ты никого не боишься, значит, ты и есть – самый страшный.

Второй человек, не брезговавший обществом Аберона, стал полной противоположностью отвратительного, полупарализованного шута. Принц частенько исчезал с Поющего острова, иногда на месяц, а порой и на более долгий срок. Мир людей еще будоражили отголоски кровопролитной войны между эльфийскими кланами, сильно сократившей их число, и вынудившей отступить выживших на территорию изолированного, неприступного острова. В юном возрасте наследника томили неясные, трудно реализуемые мечты и желания, лишавшие его не только власти над собственными подданными, но и над самим собой. Кто не властен над собой, зачастую склонен помогать власти над другими.

Аберон алкал всего одновременно – славы, силы, богатства и, конечно же, примитивной, но упоительно сладкой плотской любви. Запоздалое половое созревание, не чуждое и вечно молодым эльфам, всю давало знать о себе, требовательно волнуя кровь, и вызывая в сердце и чреслах неясное томление, называемой жаждой женщины. Аберон искал физических удовольствий.

Ее звали Маргота де Вакс, и она происходила из знатного, но обедневшего дворянского рода. Однажды, они случайно повстречались на лугу, где принц откапывал корневища золотого уса, а девушка собирала полевые цветы. Яркие лучи утреннего солнца, отразившиеся от серебряных эльфийских кудрей, и стали теми роковыми стрелами несчастной любви, насквозь пронзившими наивное девичье сердечко. Плащ из багряной парчи, подчеркнувший необычайность алых глаз юного альбиноса, совсем не напугал, а лишь сильнее привлек прекрасную Марготу. Аберон же в свою очередь, тоже был немного очарован безыскусной красотой шестнадцатилетней туземки. Каштановые косы девушки доверчиво сплелись с серебром его волос, узкие бледные губы соединились с вишневой мягкостью ее свежих уст. Маргота обещала скорее умереть под пытками, чем выдать высокий титул своего царственного возлюбленного, среди людей считавшегося чем-то сродни демону. Эльфов в этих краях ненавидели и боялись. Они встречались тайно, всего несколько раз. Уже на втором свидании их надежно укрыл стог свежескошенной травы, послуживший преступным влюбленным и венчальным алтарем, и первым брачным ложем. А вскоре в жизни наследника наступили столь значимые перемены, что он и думать забыл о мимоходом соблазненной им деревенской простушке, давшей нерушимый обет вечной любви и верности. Интересовала ли Аберона ее дальнейшая судьба? Да ничуть! Мужчины, слишком часто, сознательно выбирают роль не обремененных излишней щепетильностью ценителей нетронутого цветочного нектара. Эгоистично собирают его с девственного букета невинности, а впоследствии – грубо отбрасывают за ненужностью приевшиеся чувства, утратившую свежесть и новизну.

Несколько месяцев назад, Аберон уединенно сидел в своем рабочем кабинете и, сосредоточенно нахмутив лоб, медленно листал полуистлевшую рукопись, недавно и совершенно случайно приобретенную у заезжего рохосского купца. Культура и мифы этого небольшого государства мало интересовали ученого принца-альбиноса. Если разобраться, в самом Рохооском ханстве не было почти ничего необычного. Грубое захолустье, в котором всего-то две достопримечательности и имеются – роскошные псарни, славящиеся огромными, свирепыми догами, да дикорастущая трава янт, с пушистыми метелками, состоящими из мелких треугольных семян. Трава эта, впрочем, дала название целому жреческому клану, получившему чрезвычайно широкое распространение далеко за пределами Рохооса. Жриц-пророчиц, а проще – янтр, уважали даже эльфы. Целомудренные девы, посвятившие себя пожизненному служению богине Аоле и ее святым братьям, сжигали семена янт в высоких бронзовых чашах. Из тиглей струился горьковатый, одурманивающий аромат, погружавший жриц в состояние транса, под воздействием которого они и изрекали свои знаменитые, полубредовые пророчества. Наркоманки-янтры Аберона не привлекали вовсе, как и все немногочисленные рохоосские тайны. Но вот то, что находилось западнее крохотного государства... За страной трав и псарен начинался Край Тьмы – место проклятое и давно всеми позабытое. По его границе проходила полоса неведомой магии, образующая барьер, переступить который не смог представитель никакой расы. Многие пытались достичь Края Тьмы, но редко кто из тех безрассудных смельчаков умудрялся вернуться назад живым и здоровым. Да и рассказывали они не много. Мрак, невыносимый холод и резкие уколы пронизывающей боли, отбрасывающей назад или сжигавшей на месте – вот то, что выпадало на долю отчаянных храбрецов. Наверно – за Краем Тьмы находился сам конец мира. Однако, практичный Аберон в это не верил.

Принц послунил палец и бережно перелистнул потемневшую от старости страницу. И как подобный бесценный манускрипт попал в руки безграмотных, нечистоплотных

торгашей? Купец клялся и божился, что книга принадлежала самим Детям холода и входила в число Летописей Тьмы. В подобном утверждении можно было и усомниться, если бы Аберон уже не сталкивался с упоминаниями об этих давно утерянных документах в своих некромантических учебниках. Наследник озадачился. Вернее, он просто не верил в удачу, так легко и добровольно отдавшуюся в его жадные до всего магического, руки. В манускрипте точно указывалось место захоронения экземпляра Хроник Бальдура, одного из трех известных на сегодняшний день. Легендарное творение орочьего мудреца хранилось в Долине кленов, а в Хронике, в свою очередь говорилось о...

Аберон недоверчиво хмыкнул. Подобное просто не укладывалось в голове.

Дверь со скрипом приоткрылась. Наследник грудью навалился на стол, оберегая ценные бумаги от постороннего взгляда. С порога мерзко хихикнули. Альбинос немедленно узнал скрежешущий голос своего фаворита, поэтому неторопливо выпрямился с самым невозмутимым видом.

– Ты меня напугал, – нехотя признался Холодный.

Ответом ему послужил еще более неблагозвучный смешок. Принц обернулся.

У двери, неловко искривившись и опираясь на косяк, стоял низенький уродливый человечек. Шутовской колпак с серебряными бубенцами, пошитый из золотой парчи крикливого оттенка, прикрывал распухшую голову, усеянную шрамами и шишками. Из-под нелепого головного убора выбилось несколько жидких прядей волос, неопределенного пегого цвета. В правой руке шут сжимал гротескный скипетр, вырезанный из берцовой кости человека, левая же – ссохшаяся и навечно полусогнутая, висела мертвым бременем. Лицо уроды пугало даже самых храбрых, закаленных в боях бойцов.

– Ну не маячь же ты на пороге Гнус, заходи, – сердито приказал Аберон.

Гном повиновался, медленно переваливаясь на ходу и скорбно звеня бубенцами. Он остановился около принца и по-собачьи преданно заглянул ему в глаза. Наследник, жестом – отдаленно похожим на ласку, погладил шута по угловатому, криво склоненной на бок плечу.

– Все читаешь! – то ли спрашивая, то ли утверждая, издевательски прошипел Гнус.

– Читаю, – пожал плечами альбинос. – А что?

– Ну, дочитаешься скоро, умник! – пророчески пугнул урод.

– Да что стряслось то? – недовольно нахохлился принц.

Гном плюхнулся прямо на пол, на мохнатый белоснежный ковер, расшитый геральдическими розами, с довольным видом опустил мертвую руку на толстый мягкий ворс и закаркал:

– Лежу я, значит, сегодня спокойнехонько в кустах магнолии, никого не трогаю, устройство новое, хитрое налаживаю, а...

– Это какое-такое устройство? – заинтересованно перебил Холодный.

Гном похотливо ухмыльнулся:

– Система шнурочков-крючков-зеркал. Придворным стервам-фрейлинам кринолины приподнимать и под юбки заглядывать. А то, говорят, при дворе новая мода на прозрачные панталоны завелась.

Принц иронично улыбнулся:

– А как поживает та пятнадцатилетняя милашка-орочка, что я подарил тебе в прошлом месяце?

Гнус недовольно засопел:

– Дрянь девка оказалась! Все ныла да отбивалась, не давалась, ну я и решил ее малость поучить уму-послушанию. Сначала розгой гибкой, потом железкой каленой, потом на дыбе маленько, а потом...

– А что потом? – с любопытством переспросил наследник.

Гнус притворно-опечаленно отвел глаза, хотя на его уродливой морде не отразилось ни малейшего раскаяния:

– Преставилась орочка!

– Померла? – Аберон запрокинул голову и громко, весело расхохотался. – Ай да шут, ну ты и пошутил!

Гном горделиво выпятил тощую грудь:

– А с бабами иначе и нельзя. Все они стервы и шлюхи!

Аберон согласно кивнул. Слова фаворита задела его за живое. Не к месту вспомнилась Лилуилла, но принц гневно мотнул головой, отгоняя непрощенные мысли.

– Так вот значит, лежу я себе в кустах, в зимнем саду, – спокойно, как о чем-то будничном, рассказывал шут, – а тут вдруг идут по дорожке ваш батюшка-король и ваш слащавый братец, и мило так между собой беседуют...

– О чем? – напрягся Холодный.

Гнус состроил безразличную мину и даже принялся фальшиво насвистывать какую-то неприятную мелодию. Аберон скрипнул зубами, сорвал с пальца перстень с крупной жемчужиной и бросил его шуту. Урод на лету поймал драгоценную подачку, не глядя ловко сунул в карман и услужливо продолжил:

– Так предлагает ваш папенька принцу Лионелю трон вместо вас унаследовать, а вам в утешение выделить небольшой надел, например – Винсайский заповедный лес, да деревенок самых завалищих – штук двадцать.

– Ах, вон оно что! – угрожающе протянул альбинос, хищно прищуривая алые глаза. – Обойти меня хотят, законных прав на трон лишить, да заткнуть рот куском земли с парой сотней вилланов. Не выйдет!

– Вот и я думаю, что не выйдет! – с готовностью поддакнул гном.

Принц опустил голову на грудь и ненадолго задумался. Потом решительно встал и вынул из шкафа плащ ненавистного черного цвета.

– Пойду-ка я прогуляюсь в лавку к Кире, – он предусмотрительно прикрыл голову широким капюшоном, совершенно скрывавшим его черты. – Посоветуюсь кое о чем!

Гнус, прекрасно знавший, о чем идет речь, согласно кивнул.

На Поющем острове проживали не только эльфы, вернее, эльфы изначально составляли весьма малую толику всего разномастного и разноплеменного населения. Когда-то, в разгар войны, после загадочного исчезновения Храма розы, на остров вместе с благородной расой перебрались и их верные слуги и союзники – орки, гномы и даже люди. С тех пор число последних продолжало неуклонно возрастать с каждым годом, в отличие от бессмертных господ, которых оставалось не больше нескольких сотен. Но прекрасную столицу Ширул-эль-шэн «Стон опавших лепестков синей розы», или как ее называли чаще – Ширулшэн, строили по исконным эльфийским канонам. Просторные площади и мостовые, вымощенные синими и серыми мраморными плитками, утонченные фонтаны, окаймленные серебряной чеканкой, сады и статуи, и как венец всего – изящный, будто выточенный из хрусталя королевский дворец, резиденция правящего рода эль-Реанон. Даже черствый на душу Аберон, и тот невольно замедлил шаг, любясь резными балконами и золотыми шпилями своего воздушного замка, казалось, невесомо парящего над тихим городом. Стройные колонны, увитые стеблями геральдических синих роз, парадное крыльцо о тридцати ступенях, крытых узорчатой ковровой дорожкой, гнедые и рыжие жеребцы, горделиво гарцующие на лужайке... «И все это добровольно уступить рохле Лионелю? – на миг мелькнуло в голове. – Да ни за что! Только через мой труп! Уж лучше я сдохну, или, – отвергнутый наследник до крови прикусил нижнюю губу, – или я сам их всех убью! Всех! Отца, мать, брата, сестру Альзиру...» – тут Аберон неожиданно решил проявить милосердие. – Альзиру можно и помиловать, все равно она не в себе и вреда от нее никакого, ровно – как и пользы».

Принц свернул в узкую боковую улочку. Из ближайшей харчевни плыли аппетитные запахи, дразня голодный желудок. За суетой и волнениями, Холодный забыл позавтракать. В двери высунулся упитанный поваренок, зазывая благородного господина заглянуть ненадолго – перекусить жарким из кролика или полакомиться подрумяненной свиной

отбивной.

«Знаю я ваше хваленое меню, – беззлобно усмехнулся альбинос. – Жаркое, небось, час назад еще мяукало, а свинина на самом деле гнилая собачатина третьего сорта, рубленая вместе с будкой».

Он обогнал компанию толстых орок, пышными телесами перегородивших всю улицу и упоенно сплетничавших в полный голос о том, какого крупного леща словила сегодня утром белобрысая Марта, жена невезучего рыбака Симона, забывшая разбудить мужа к пятичасовому лову... Миновал лавку садовых принадлежностей, магазинчик игрушек и толкнул неприметную, притаившуюся в тени бурой кирпичной стены, дверь крохотной лавчонки. В глубине помещения приглушенно звякнул колокольчик. Аберон тщательно закрыл за собой дощатую створку и подошел к неопрятному прилавку. Тряпичная, цветастая занавеска, заменявшая дверь подсобного помещения отодвинулась, и из-за нее выступила сама хозяйка.

Красивые женщины редко рождаются умными. Кира была умна. Маленькая, невзрачная с виду лавчонка, скромно притулившаяся между двумя соседними, более солидными и заметными домами, давала ей пусть не большой, но стабильный доход. Бизнес процветал и ширился год от году. Кира торговала свечами. Среди ее клиентов числились не только богатые купцы и эльфы-дворяне, проживающие в аристократическом квартале, но с некоторых пор и сама королевская семья. Роскошный дворец клана эль-Реанон ежедневно потреблял огромное множество самых разнообразных свечей. Толстых, долго сгорающих, из дешевого желтого воска и пеньковым фитилем – для кухни. Тонких, витых, ароматизированных лавандой и жасмином, закрепленных на основе из шелковой нити – для монарших покоев. Высокие, белые, не дающие чада – заказывал принц Аберон, любящий допоздна засиживаться в своем тайном кабинете. Но все это служило лишь удобной вывеской, умело маскировавшей истинное занятие владелицы лавки – Кира из-под полы противозаконно приторговывала контрабандными магическими вещами и привозными амулетами. На почве этого преступного занятия, под страхом смертной казни давно запрещенного на Поющем острове, она и познакомилась с нелюдимым альбиносом.

Наследник с неподдельным любопытством разглядывал неоднократно виденное и хорошо знакомое лицо ушедшей торговли. Кире можно было дать и тридцать и пятьдесят лет, в зависимости от освещения и того, насколько долго засиделась она накануне вечером в ближайшей пивной. Хозяйка доходного бизнеса не чуралась крепких напитков и случайных любовных утех, благо мужа у нее никогда и в помине не водилось, а наградить детьми Пресветлые боги ее отчего-то вовсе не торопились. Ну, богам то всегда в таких щекотливых вопросах виднее, как, и почему конкретно, следует поступить с тем или иным человеком. Язык не поворачивался назвать плоское, рябое лицо этой рослой женщины, щедро испещренное плохо зажившими в детстве оспинами, красивым, но и совсем уродливой она тоже не выглядела. Кира даже была отчасти, в некоем специфичном смысле этого слова, вполне лакомым кусочком для какого-нибудь смелого любителя крепких форм и не менее крепкого характера. Вот и сейчас, решительно уперев лоснящиеся от воска кулаки в квадратные бока, хозяйка отважно встретила пристальный, кроваво-красный взгляд своего титулованного клиента. Присесть в реверанс она и не подумала, только слегка склонила черноволосую, гладко прилизанную голову. Слишком много глубоко запрятанных секретов связывало ее с этим необычным покупателем. Аберон криво улыбнулся и чуть наклонился над прилавком, брезгуя прикоснуться хоть краем плаща к его зеркально-блестящей столешнице. Впрочем, в лавчонке блестел и лоснился каждый предмет, потому что воск и лярд неизбежно проникали повсюду, покрывая все предметы обстановки тончайшим, маслянистым налетом.

– Здравствуйте, ваше высочество! – приветствовала постоянного клиента Кира.

Холодный благосклонно кивнул:

– Скажи-ка мне, милейшая хозяйка, посланец из дворца еще не успел забрать свежую

порцию товара?

– Вечером должен пожаловать, – Кира поманила альбиноса за собой и показала ровный штабелек нескольких сортов свечей, упакованных в бумагу с гербом правящего рода – изображением хрупкого, полураспустившегося бутона знаменитой синей розы.

Аберон глухо кашлянул, пытаясь скрыть охватившее его ликование:

– Думается мне, дражайшая Кира, ты тоже не испытываешь особой любви ни к моему батюшке-королю, ни к Высшему магическому совету?

Торговка злобно сжала пудовые кулаки:

– Да задери их всех голодные гоблины! Из-за их дурацких эдиктов и запретов на открытую торговлю магическими артефактами, я теряю большую часть доходов и разоряюсь на взятках начальнику портовой таможни!

Принц довольно потер руки:

– А если бы королем вдруг стал я, да в придачу – еще даровал тебе патент на право единолично торговать всем, чем вздумается?

– О, ваше высочество! – хозяйка упала на колени.

– Ясно! – благожелательно заключил наследник. – А скажи-ка мне еще вот что, свечи для заседания магов тоже поставляешь ты?

– А как же! – грязный палец хозяйки указал на отдельную стопку толстых как полено свечей, дающих не только свет, но и тепло. Два раза в месяц по тридцать штук, точно день в день, непременно заказывает один и тот же доверенный слуга Главного архимага, и как раз именно сегодня к вечеру он должен забрать очередную партию...

Услышав последние слова, Аберон поднял глаза к низкому, осклизлому потолку, мысленно вознося благодарность благосклонной судьбе. Все оказалось даже намного проще, чем он рассчитывал.

– Хочешь все изменить, ну и отомстить заодно? – шепнул он в самое ухо торговки.

Темные глаза Киры вспыхнули желтым демоническим огнем, злорадная гримаса исказила рабское лицо:

– Я как всегда к услугам вашего высочества!

Принц извлек из складок плаща небольшой плотный мешочек и протянул его хозяйке. Кира с интересом взвесила руке почти невесомый сверточек:

– Что это?

– Размолотый в пыль корень черной мандрагоры, – понизив голос, пояснил наследник, – сильнейший в мире яд, свойства которого многократно усилены соответствующими заклинаниями!

Лавочница испуганно отшатнулась, разжимая ладонь. Но, повинувшись короткому жесту альбиноса-некроманта, мешочек послушно завис в воздухе, не успев упасть на пол. Аберон довольно хохотнул.

– Не бойся, яд становится активен только при контакте с огнем. Сгорая, он источает губительные пары, никак не ощущаемые, но тот – кто вдыхает их хотя бы в течение получаса..., – он хищно прищурился, – уже никогда не увидит следующего заката солнца и проживет не более полусуток.

Не задав более ни одного вопроса, Кира вытянула из пачки, предназначавшейся для заседания Совета магов, в котором всегда принимал участие и король Шеарран, одну свечу, положила ее в форму и поставила на огонь. Вскоре воск размяк. Тогда она сделала тонкий желобок в самой сердцевине свечи, почти по всей ее длине, и осторожно всыпала в него белый, кристаллический порошок. После этого форму с воском снова нагрели. Остывшее смертоносное изделие ничем не отличалось от своих товаров, будучи уложенным обратно, в глубь пачки. Работу выполнили мастерски. Принц и его сообщница обменялись довольными взглядами, а затем Аберон выложил на прилавок увесистый кошелек с золотыми монетами и, приложив палец к губам, будто напоминая Кире о необходимости хранить молчание, бесшумно покинул лавку.

Полуденное солнце сияло высоко на небе, щедро изливая тепло и саму жизнь. Улицы,

заполненные народом, оглушали веселым гомоном. Холодный, низко надвинув капюшон плаща, скользил незаметной тенью, не привлекая чьего-либо внимания. Альбиноса обуревали мысли и одолевали сомнения. У каждого из нас есть великая мечта, которой так и суждено остаться не реализованный. Ведь мечтания, исполненные или исполняющиеся – превращаются в действительность. Но альбинос уже не грезил, он вынашивал далеко идущие, реальные планы. Но для этого ему требовалось скорейшее воплощение двух замыслов, а именно – свеча, зажженная на заседании совета, и... некроманту срочно понадобился союзник. И он отлично знал – где его следует искать!

– Если судьба ко мне благоволит, значит не пройдет и недели, как все маги острова, включая моего, мнящего себя очень умным и дальновидным батюшку, перемрут словно мухи! Поэтому – поторопимся! – мысленно подстегнул себя принц, бодро шагая по направлению к дворцу.

Совость его не мучила.

Глава 3

Картина вырисовывалась неправдоподобно идиллическая, так и просившаяся на страницы какого-нибудь куртуазного эльфийского романа, самого нелюбимого мною жанра в литературе. Солнышко начинало медленно раскошегариваться, прогоняя птичек в прохладу развесистых кустов, травка упруго приминалась под ногами, Ланс весело насвистывал какую-то пошлую песенку, Оггур кряхтел, я хмурилась. «Ну, Эткин, ну овин летающий, да к тому же еще и не кукарекающий даже, а чего-то зловеще каркающий, – взвинчено размышляла я, рассеяно топая по шелковистой траве, – умудрился ты таки мне с утра настроение испортить. Помилуйте нас Пресветлые боги, но слишком часто ты оказываешься прав, да и опасность обычно словно нутром своим объемистым, ненасытным, за сто верст чувствуешь. Так и хочется надеяться, что хотя бы на этот раз твоя драконья интуиция ошибается с похмелья, и ничего страшного не случи...»

Где-то впереди внезапно раздался тонкий, душераздирающий визг. Я болезненно поморщилась и поковыряла пальцем в зазвеневшем ухе. Орк, по-видимому, только-только начавший понемногу отходить от убойного действия алкоголя, снова схватился за виски, с размаху уселся на траву, и предпринял слабую попытку на четвереньках отползти в ближайшие прохладные кусты – тут же пресеченную бдительным полуэльфом. Я выругалась сквозь зубы и завертела головой, отыскивая источник неприятных звуков. Долго искать не пришлось. Прямо на нас, сломя голову, неся чумазый мальчонка лет семи, в раздувающейся как парус, рваной рубашонке до пупа. Голенастые ноги, щедро изукрашенные зеленым речным илом, так и мелькали. Широко раскрытый рот издает ужасающие по пронзительности крики. Не иначе, мальчуган встал сегодня еще до восхода солнца и собирался ловить рыбу. Но что могла так сильно напугать бывшего рыбака, продолжавшего оглушительно выть на одной низкой ноте, заставлявшей болезненно вибрировать наши барабанные перепонки?

– Да что случилось то? – не выдержав, в свою очередь заорала я, пытаюсь перекрыть голос малолетнего крикуна. Мальчишка немедленно вышел из состояния шока, прихлопнул рот и залился потоком слез. Но к несчастью, в этот же самый миг, сзади нас совершенно не к стати прозвучал басовитый окрик трактирщика:

– Ванко, чаво ты голосишь ни свет, ни заря, словно нежить болотная? Распугаешь мне всех постояльцев!

Получив подкрепление в лице грозного родителя, чумазый Ванко смачно шмыгнул сопливым носом, набрал побольше воздуха в щуплую грудь и взвыл со свежими силами:

– Тятя, тятя, наши сети притащили мертвяка!

– Мертвец? – Оггур неодобрительно покосился в сторону толстого трактирщика. – Мелеана, я же тебе говорил, что у них что-то не то с овсяными лепешками, зря ты мне не веришь!

– А где наш ручной дракон? – взволнованно замотал роскошными волосами пустоголовый красавец Ланс. – Что-то его не видно сегодня? Он случаем не сдох? Я бы точно помер, если бы пил также как он!

– Надо бы на этот сомнительный трактир Марвина с Саймонариэлем напустить, пусть проведут санитарную инспекцию на кухне, особенно внимание на лепешки обращая. И хозяйка у них что-то подозрительно на ведьму смахивает. Она мне вчера несколько раз подмигивала игриво, и даже пыталась меня по заднице погладить! – во весь голос, упрямо гнул свое настойчивый орк.

– Как, прямо так и подмигивала? – возмутился полукровка, угрожающе выставляя вперед длинные пальцы, оканчивающиеся изящными, ухоженными ногтями.

– По заднице? – опешил хозяин.

– Да я то тут причем? – отнекивался смущенный тысячник, локтем прикрываясь от праведного гнева ревнивого Ланса.

– Жена! – возмущенно возопил хозяин и, сотрясающей землю рысцей, бодро устремился к дому.

Глядя на эту трагикомедию, мне хотелось смеяться, если бы не звонкие колокольчики недоброго предчувствия, что есть мочи звеневшие в душе, да не панически расширенные глаза перепуганного малыша, жмущегося ко мне в поисках защиты. Я присела на корточки и заглянула в полосатое от потеков слез, личико Ванко.

– Не плач, ты же будущий мужчина! Ну-ка расскажи мне все по порядку, кого и где ты нашел на реке?

Мальчик восторженно погладил кончиком указательного пальчика мою золотую маску, еще более восхищенно покосился на возвышавшуюся над плечом рукоять Нурилона, проникся абсолютным доверием и сбивчиво заговорил:

– Так значит это, пришел я утром сети проверять, а в одной из них чудовище неведомое запуталось, не иначе как оно по воде приплыло!

« Ну, Эткин, – мысленно ахнула я, – ты про реку так точно напроорочил, будто в воду глядел!»

– А на кого похоже это чудовище?

– На лошадь, с человеческой головой! – уверенно выпалил Ванко.

Огвур многозначительно приподнял кустистую бровь.

– Ну и дела! – по своему обыкновению выдал Ланс.

« Да что же это такое? – размышляла я. – Совпадение или не случайность? Только мы собрались в Долину кленов – искать пропавшие документы, как словно по заказу, по Роне поплыли мертвые кентавры»

– Может мальчик ошибся и это просто изуродованная деревенская кляча? – предположил орк.

Но малыш не ошибся.

Подтверждением этому стали разноголосые вопли, встретившие нас на берегу реки. Кричали и выли все наперебой. Томно закатывала глаза сдобная, конопатая девица с расписным коромыслом и пустыми ведрами, валявшимися поодаль, смачно сквернословили дюжие деревенские мужики – плясая куда-то в заводь, и с надрывом, словно по мужу, подвывала крутобедрая баба в подоткнутой до колен юбке.

– Панталоны я простирнуть собиралась, они ведь новые ищщо совсем, кружевные, столичные, а как увидела это..., – баба махнула дебелой рукой в сторону зарослей осоки, – так отраду свою из пальцев от растерянности то и выпустила...

Не дожидаясь конца горестного повествования о трагической судьбе уплывших подштанников, я перевела взгляд в ту сторону, куда скорбно указывал толстый, красный палец растяпы-модницы. Среди камышовой зелени и впрямь, четко виднелось что-то белое и обширное, но мое внимание привлек вовсе не эксклюзивный шедевр нарронских галантерейщиков. На небольшой отмели, сразу за удобной для рыбалки заводью, отчетливо виднелось необычное тело, опутанное рваными сетями.

– Ой! – потрясенно вскрикнул Ланс, хватая меня за локоть. – Это конь или мужчина?

– И то и другое вместе, – совершенно трезвым голосом ответил Огвур. – Только он там не один!

И точно, в толще чистой воды явственно просматривалось еще несколько трупов, синюшных и раздутых от долгого пребывания в реке. Я вбродь перешла заводь, едва достигавшую мне до пояса, и приблизилась к мертвому кентавру. Это оказался воин в расцвете лет, железный нагрудник прикрывал выпуклую как щит грудь, на мощном торсе болтались пустые ножны от меча. Приятное лицо украшала пушистая русая борода. А рядом с ним покоилась совсем юная дева, красавица серебристой масти с длинными белокурыми локонами. Голубые, широко распахнутые глаза кентавры отражали искреннее недоумение, смешанное со смертельной боязнью неумолимо надвигающейся смерти. Страшная рана пересекала живот девушки, а в разрезе, к моему величайшему ужасу, четко проступало гниющее тельце едва сформировавшегося жеребенка... Убить женщину, готовящуюся стать матерью!.. По моей челюсти заходили желваки, гнев забурился в крови. Хотелось бы мне знать, какой изверг осмелился совершить подобное злодеяние, да еще на моей земле?

– Посмотри, – тысячник вовремя отвлек меня от гнетущих раздумий, – никогда прежде не видел подобных ран! Их что, стеклом резали?

– Нет, – я наклонилась к телу, сочувственно ощупывая края странных, глубоких и ровных порезов, – не стеклом. Раны еще и подморожены, а поэтому – почти не кровоточили, но один удар подобным оружием способен почти полностью перерубить корпус взрослого кентавра. Если бы это выглядело правдоподобным, я бы осмелилась предположить, что раны нанесены льдом!

– Ты сама то веришь в подобную версию?

– За неимением лучшей, – покачала головой я.

Орк ухватил себя за заросший щетиной подбородок и крепко задумался.

– Я отлично помню карту, значительно подправленную Марвином и Саймоном. Там, высоко в горах, две реки соединяются – образуя одну, связанную порогами и водопадом Тысячи радуг, а ниже они вновь разветвляются на Лиару и Рону. – Пояснила я.

Орк согласно кивнул:

– Теперь понятно, как тела убитых попалив наши края. Ничего не скажешь, ценный подарок преподнесла Лиара свой сестре Роне.

– Хорошо хоть они до столицы не доплыли, – с облегчением признала я. – А то вот бы паника там началась...

– Они еще от свадьбы не отошли!

– То-то и оно, – поддакнула я. – Этих кентавров мы похороним, и отправимся в Долину кленов, мы же все равно туда собирались.

– А ты не боишься? – покосился на меня орк.

– Меня другое беспокоит, – задумчиво произнесла я. – Судя по всему – кентавры и сами бойцы не из последних. Но если они не сумели защитить своих женщин, значит, встретились с неведомым противником, многократно превосходящим их силой. И еще, кого-то из врагов они все же должны были убить? Почему же по реке не плывут трупы чужаков?

Орк бессильно развел руками:

– Всецело согласен с тобой, Мелеана. Тут что-то не чисто!

– А судя по состоянию тел, в воде они провели не меньше недели, потому что скопившиеся газы... – я не успела закончить фразу.

Аберон небрежно сбросил на пол кабинета свой широкий черный плащ и подошел к стеллажу с книгами, занимавшему целую стену. Многие из обитателей дворца были вхожи в эту рабочую комнату, служившую наследнику и убежищем от мира, и личными апартаментами, но никто кроме Гнуса даже не догадывался о дополнительной потайной лаборатории, скрывавшейся за шкафом для книг. Холодный нажал на корешок толстого тома

«Подробное описание жизни и деяний короля Абалдона V» и потянул на себя тонкую брошюрку «Рецепты приготовления ста пятидесяти блюд из филе кошки». Книжный стеллаж бесшумно повернулся вокруг собственной оси, открывая узкий, зияющий темнотой проход и начало каменной лестницы, уводящей куда-то вниз. Из подвала неприятно тянуло сквозняком и сыростью. Принц зябко поежился и, бережно прикрывая ладонью трепещущий огонек свечи, начал долгий спуск в лабораторию. Он отсчитал ровно сто ступеней и достиг коридора, стены которого еще сохраняли часть ранее облицовывавших их плиток из черного мрамора. Альбинос знал, что преодолел лишь малую часть длинного, опасного пути, по легенде – ведущего к самой галерее Трех порталов. Но, не смотря на всю свою магическую силу и богатый опыт в подобных щекотливых делах, даже он, могучий некромант-самоучка, никогда не осмеливался спускаться ниже, опасаясь повстречать необычных существ, безусловно, проживающих на нижних ярусах. Коридор окончился бронзовой дверью, приведшей принца в комнату, где он хранил редкие книги и манускрипты, а, кроме того, величайшую святыню, найденную им на дне того самого сундука с некромантическими рукописями. Сейчас это вещь покоилась в центре комнаты, водруженная на специальный постамент и окруженная десятком масляных светильников, позволяющих рассмотреть малейшую деталь бесценного артефакта.

Это был портрет, изображавший молодого белокурого мужчину, вставленный в простую деревянную раму. Наследник сотни раз подходил к удивительной картине, всматривался в черты, одновременно отображавшие и самое наивысшее благородство и самые низменные пороки, но никогда не осмеливался даже попробовать установить контакт с живым прототипом нарисованного на холсте красавца. Лицо мужчины пугало и притягивало одновременно. Холодный безмерно удивлялся энергетике неживого образа, прекрасно понимая, кем на самом деле являлся этот странный субъект. Но теперь время пришло.

Аберон неторопливо зажег все светильники, достал книгу заклинаний, открыл на нужной странице и на распев произнес несколько слов. На один краткий миг язычки пламени, заключенного в бронзовые чаши, погасли и тут же вспыхнули вновь, еще ярче и яростнее. Но этого мгновения оказалось достаточно. Загадочный портрет ожил. Белокурый мужчина облегченно вздохнул и расслабил руки, до этого – высокомерно скрещенные на груди, поверх богатого одеяния, сплошь усыпанного алмазами. Черные, изящно очерченные брови недовольно нахмурились:

– Кто посмел, – сердитой скороговоркой бормотнул он, моргая золотистыми глазами как человек, резко попавший из темного помещения под лучи ослепительного света, – так неожиданно и в самое не подходящее время...

Тут взгляд белокурого наконец-то сумел сфокусироваться на фигуре почтительно коленопреклоненного Аберона. Несколько томительно долгих минут красавец с портрета пристально рассматривал смущенного альбиноса, а потом – залиvisto расхохотался:

– Прелестно! Эльф, да к тому же еще некромант и альбинос! Большею насмешки судьбы мне и встречать то не приходилось. Прелестно, забирай меня Аола!

Холодный гневно стиснул кулаки.

– Ну, ну, не кипятись так. – Насмешливо успокоил его золотоглазый. – Я просто привык к тому, что эльфы уже слишком долгое время скрываются на своем неприступном острове, избегая любого контакта как с потенциальными врагами, так и с потенциальными союзникам. О, эльфы умны! – подобный комплимент из уст незнакомца прозвучал скорее как оскорбление. – Из двух зол они не выбрали ни одного!

– Ваше высочество мудр! – снова поклонился альбинос. – Он здраво оценивает ситуацию. Но неужели даже такой великий маг как сам гранд-мастер Астор – принц демонов, пренебрежет случайно выпавшей возможностью заключить обоюдовыгодный союз?

– Хм, – задумчиво ответил Астор, словно на подоконник, складывая на раму картины свои прекрасные, унизанные перстнями руки. – А ты не дурак! Не стану скрывать от тебя –

положение у нас шаткое, проклятая рыжеволосая девчонка затеяла повторный штурм Нарроны. Что-то мне подсказывает, что она таит от нас сильный козырь, в нужный момент способный доставить мне и сестре массу неприятностей. Особенно теперь, когда принц Ужас тяжело ранен...

Аберон согласно кивнул. С помощью магического кристалла он имел возможность регулярно наблюдать за всеми происходящими вне острова событиями, и оказался прекрасно осведомлен о положении дел под стенами столицы людей.

– Девчонка настырная, такая не отступится..., – протянул Астор, видимо, мыслями витая в каких-то далеких, одному ему ведомых облаках.

– Но ведь вы тоже не станете сдавать позиции! – подначил его Холодный.

– Конечно нет! – совсем по-мальчишески возмутился принц демонов, лицо его залилось краской гнева. – Мы намного сильнее и опытнее, чем какая-то самоуверенная, семнадцатилетняя негодница. Хотя, клянусь гробом Аолы, принцесса – само очарование! А какие у нее груд..., – принц кашлянул, влюбленно хлопнул ресницами и умолк с самым рассеянным видом.

«Только этого еще не хватало, – недовольно подумал Аберон. – У меня серьезные проблемы, Астор может стать могучим союзником, а он – похоже, совсем некстати чересчур увлекся рыжим отродьем королевы Смерти!»

– Ваша милость! – альбинос попытался тактично вернуть на землю не на шутку размечтавшегося гранд-мастера.

– Ась! – встрепнулся Астор. – А так думаю, что ты вызвал меня не ради моих прекрасных глаз?

Аберон угодливо хихикнул, показывая, что по достоинству оценил юмор принца демонов:

– Ваше высочество, я желаю стать королем Поющего острова и преданным вассалом вашей могущественно семьи, но для захвата власти не необходимы ваши легионы, состоящие из демонов, горгулий и умертвий.

– Дам, – коротко пообещал Астор. – Но что я получу взамен?

– Это, – эльф протянул в картину рохосскую рукопись.

Белокурый небрежно, двумя пальцами принял потрепанную книгу. Лениво пролистнул несколько страниц... золотистые глаза медленно, изумленно расширились... Астор вздрогнул, шокировано икнул и судорожно прижал к себе бесценный манускрипт.

– Где, – спросил он дрожащим голосом, – где ты взял это?

Аберон скромно улыбнулся:

– Не важно. Мне просто повезло. Но теперь, если поторопитесь, вы сможете первыми найти спрятанный экземпляр Хроник Бальдура, пробудить Детей холода и обрести невиданную доселе мощь!

– Ну и ну! – принц восхищенно прищелкнул пальцами. – А я то прежде ошибался, неизменно считал легенды о Крае Тьмы всего лишь страшными сказками!

– В каждой сказке обязательно скрыта доля истины, – с наставительным видом сказал Аберон.

– Заметано! – белоснежная кисть с черными когтями выдвинулась из картины, и встретилась с другой, оканчивающейся кроваво-красными ногтями. Союзники скрепили договор крепким рукопожатием.

Оба они не знали главного – некоторые сказки безопаснее всего навсегда оставить всего лишь сказками!

Я не успела закончить недосказанную фразу. В небе над нами возникло стремительно приближающееся и все увеличивающееся в размере черное пятно. Явление сопровождалось громким свистом.

– Сейчас рухнет прямо на этот симпатичный бережок, – спокойно заметил Огвур.

– Ну и дела! – привычно ввернул Ланс.

Народ с визгом бросился врассыпную.

Орк оказался прав. Спустя мгновение, темный тряпичный сверток звучно грянулся о землю в каком-нибудь десятке шагов от наших ног, встрепенулся, развернулся и превратился в... молодую черноволосую женщину, одетую в элегантный кожаный костюм. Незнакомка эффектно отбросила за спину полы широкого плаща, напоминающего крылья, и повернула к нам нежное смуглое лицо, обрамленное роскошной копной иссиня-вороных, завивающихся в спирали локонов. Я невольно залюбовалась ее четко очерченными, впалыми щеками, звездоподобными антрацитовыми очами и коралловыми губами. На мой взгляд, красавицу портило только одно – излишняя худоба, впрочем, придававшая ей особый, какой-то совершенно нечеловеческий шарм. В руке девушка уверенно сжимала золотой посох, увенчанный хрустальным шаром.

– Старшая некромантка, – навскидку определили орк. – Не высшая, конечно, но и такая ступень очень даже не плохо для столь юного возраста!

Я скептически хмыкнула. Помнится мне, белокурый красавец с портрета, спокойно оперировавший веками, тоже выглядел от силы на двадцать лет! Внешний вид вообще, чрезвычайно обманчивая штука. Вот взять хотя бы Ланса, в свои триста с хвостиком не тянувшего даже на неполные восемнадцать.

Чернявая девица, к которой я почему-то сразу же прониклась неосознанной, но весьма сильной неприязнью, властно взмахнула посохом, указывая вверх по реке:

– Уходите жалкие букашки, прячьтесь в свои норы, потому что они – приближаются!

– Вы призываете нас бежать? – удивленно приподнял выщипанную бровь полукровка.

– Да, и причем – со всех ног, – пренебрежительно подтвердила незнакомка. – Вам ли, бессильным, тягаться с ними! А могучая Гельда останется здесь и одна примет бой!

– Ну, знаешь ли, девочка, мы, однако, тоже не пальцем деланы! – благодушно пробасил Огвур, демонстративно покачивая грозной Симхеллой.

Но девица не соизволила обратить на секиру ни малейшего внимания:

– Да как ты смеешь называть меня девочкой? Я – могущественная колдунья!

– Минутку назад мы невольно оказались свидетелями не твоего ли поспешного бегства, о великая и грозная? – язвительно прожурчал Лансанариэль.

– Чего? Какое наглое вранье! – сердито надула губы Гельда. – Это было всего лишь, как это, а вспомнила – преднамеренное тактическое отступление с целью завлечения противника вглубь незнакомой ему территории. – Выпалив эту пышную, явно заученную по учебнику фразу, она высокомерно приосанилась.

– Не стоит ослаблять себя по неосмотрительности. Давайте лучше объединим наши силы и совместно встретим неведомого врага, – любезно предложила я.

Девица присмотрелась ко мне повнимательнее и заверещала разъяренным хорьком:

– Тебя трудно спутать с кем-либо еще! Ты и есть та самая ненавистная моей госпоже Сумасшедшая принцесса!

– Ба! – насмешливо резюмировал Ланс. – Кажется, Истинные боги милостиво бросили к нашим недостойным ногам прислужницу самой Ринецеи!

– Я не прислужница! – во всю глотку возмущенно возопила Гельда. – Я ее правая рука и немало обо всех вас слышана. Помнишь свои блуждания в Лабиринте судьбы? – бросила она в мою сторону. – Глупый, необдуманный поступок, вполне свойственный такой безмозглой дуре как ты! А белокурого красавца с портрета тоже помнишь? Так вот, я – его будущая невеста!

Услышав подобное признание из уст красавицы-некромантки, я неожиданно для самой себя, ощутила жгучий укол ревности и горечь от грядущей потери того, кто моим, честно говоря, никогда вообще-то и не был, но слишком часто являлся мне в горячечных, наполненных сладкой истомой снах. Гельда правильно истолковала выражение моего омраченного разочарованием лица и победно расхохоталась. Мне стало не по себе, не хватало еще так очевидно выказывать каждой встречной ведьме свои потаенные слабости:

– Честно говоря, он совершенно не в моем вкусе! – стараясь выглядеть как можно более

непринужденной, небрежно улыбнулась я.

– Типа, ты его уже пробовала? – напряглась девица.

– Целуется он плохо! – придирчиво хмыкнула я, намеренно оговаривая белокурого красавца.

– Так ты с ним все-таки целовалась? – взбешенно взывала Гельда. – Ах ты – дрянь блудливая!

– Ого! Вот это ты, Рыжая, ее здорово допекла! – одобрил меня опытный в насмешках Ланс.

Я со все возрастающим интересом внимательно следила за ведьмой. Она подняла посох и мстительно рванулась ко мне. Оберегавший меня амулет тетушки Чумы причинял Гельде жгучую боль, но она – упрямо преодолевая запрет, продолжала настойчиво двигаться в моем направлении, явно намереваясь вцепиться в рыжие волосы ненавистной соперницы. Я замерла от удивления. Как, ревность оказалась сильнее магии?

– Да будь ты прок..., – начала девица, занося надо мной свой посох.

Но тут раздался смачный звук удара по затылку, девица закатила глаза под лоб и как подкошенная рухнула на землю. За Гельдой стоял орк, заботливо проверяющий целостность рукояти своей драгоценной Симхеллы. А вдруг да ведьминский затылок по прочности превосходит деревянную часть секиры? Ланс похрюкивая, всхлипывая и икая, катался от хохота по мягкой траве.

Тысячник надежно связал руки и ноги бесчувственной ведьмы шелковой веревкой, извлеченной из своего кармана. Наш мудрый орк всегда славился предусмотрительностью и запасливостью.

– Не даром видать Эткин часто говорит, что страшнее бабы – зверя нет! – бубнил он себе под нос, виртуозно затягивая узлы. – А эта девочка, разумное ли дело, из личной неприязни к тебе, Мелеана, осмелилась пойти против воли самой госпожи Чумы! И как только при такой непомерной наглости она умудрилась бежать от чего-то непонятного, а не двинула сразу этому неизвестному врагу с размаху в рыло...

– Смотри! – я резко прервала философские изыскания друга. – Не от этого ли она бежала?

Еще недавно столь чистое небо внезапно резко посерело. Подул холодный, пронизывающий, совсем не летний ветер. Мы во все глаза уставились на реку. Поверхность воды замерла, помутнела и, к нашему величайшему ужасу, быстро начала затягиваться тонкой коркой льда, потрескивающего с пронзительным, хрустальным звоном.

С ужасными проклятиями Огвур бросил крепко связанную ведьму и вновь схватился за секиру. Я вытянула из ножен Нурилон и замерла в ожидании чего-то неведомого, приближающегося к нам неслышной поступью неумолимой смерти.

Глава 4

Все случилось в точности так, как и планировал Аберон. Спустя три дня после достопамятных событий произошедших в лавке Киры, Высшая магическая эльфийская ложа, возглавляемая королем Шеарраном, собралась на очередное заседание. Из доносов прикормленных шпионов наследник знал, что на повестку дня вне очереди вынесли проект срочного изменения закона о порядке престолонаследования. Но коварная дама, именуемая судьбой, продолжала беспричинно благоволить к опальному принцу. Прямо на заседании совета нескольким самым старым магам неожиданно сделалось дурно. А через час после экстренно прерванного совещания, занемог и сам король. Лекари бессильно разводили руками, отчаявшись отыскать разумную причину страшной кровавой рвоты и мучительных спазмов, беспощадно раздиравших внутренности несчастного короля. Легкомысленные, но опытные в интригах придворные, мгновенно сообразившие – куда дует ветер власти, усиленно лебезили перед Абероном, искусно разыгрывавшим картину вселенской скорби. К утру Шеарран, пятнадцатый Повелитель из династии эль-Реанон скончался, ненамного

опередив своих магов, еще бившихся в ужасающей агонии. Аберон стал королем Поющего острова. Нашлось лишь незначительное количество смельчаков, осмелившихся воспротивиться скоропалительному воцарению альбиноса-выродка. Бунт подавили с беспримерной жестокостью. Войско демонов денно и нощно, бдительно и неусыпно охраняло королевскую резиденцию, а отряды горгулий старательно патрулировали вассальные провинции. Двух или трех недовольных попросту разорвали на куски без суда и следствия. После этого народ не только испуганно притих, но даже начал подобострастно славить нового мудрого правителя, ведущего страну по пути развития и процветания. Аберон остался премного доволен.

Однако, вскоре нашлась таки небольшая ложка дегтя, значительно подпортившая монаршую бочку меда. Принцу Лионелю удалось бежать. В сопровождении нескольких преданных людей он сумел оторваться от преследования и на утлом торговом суденышке инкогнито покинул пределы острова, растворившись на огромном континенте людей. Король-убийца впал в ярость.

Именно поэтому и сидел он сейчас с нахмуренным челом в своем заново отделанном, белом тронном зале, недовольно взирая на нерасторопных подданных. Да еще эта некстати уловленная крамольная мысль, мелькнувшая в голове одного из провинившихся. В душе короля тяжело kloкотала черная злоба. Но в этот самый момент он неожиданно уловил тонкий ментальный призыв Астора, властно торопивший его как можно быстрее прибыть в комнату, где находилась картина связи. Альбинос гневно скрипнул мелкими зубами, одним взмахом бледной длани приказывая всем немедленно удалиться. «Что могло понадобиться от меня гранд-мастеру, да еще так срочно?» – недоумевал свежее испеченный король. Нет, он конечно нисколько не боялся могучего союзника, но умеренная осторожность, как говорится, не помешает даже богу.

Аберон не тратя времени даром, проворно спустился в потайную лабораторию. В глубине активированной картины жарко пылал мраморный камин, а сам принц демонов уютно разместился в мягком, низком, обшитом мехами кресле. Глядя на романтично-одухотворенное лицо Астора, эльф изумленно приоткрыл рот. Перед креслом стояла наполовину опустошенная бутылка с красным вином, и лежал профессионально набросанный портрет полуобнаженной, вооруженной мечом девушки. Король с первого взгляда узнал как полуприкрытое золотой маской лицо, так и роскошные медно-рыжие волосы. «Влюбился, как есть – влюбился!» – сделал неутешительный вывод альбинос. До этих пор он был гораздо лучшего мнения о сердечной непоколебимости великого мага-демона. Вот, к примеру, сам Холодный... эльф только собирался погрузиться в не очень то приятные воспоминания, как принц наоборот, вынырнул из мира волшебных грез и наконец-то соизволил заметить спешно прибывшего сообщника.

– А, это ты, – Астор потянулся с томной грацией большого хищника. – Вино будешь?

Аберон изумился еще сильнее. Ведь не пьянствовать же на самом деле позвал его гранд-мастер?

Из картины выдвинулся до краев наполненный бокал. Король послушно принял предложенное угощение и сделал пробный глоток. Вино обладало отменным вкусом. Но все-таки... Аберон кашлянул. Астор понимающе улыбнулся.

– Да, да, не намекай так усиленно. Вино конечно вином, но у меня возникла некоторая сложно разрешимая проблема.

Альбинос насторожился, показывая – я весь во внимании.

– Мы нашли Хроники Бальдура, спрятанные в Долине кленов, – продолжил принц. – И даже осмелились вступить в контакт с Ледяными ярлами. Но для того, чтобы они смогли обрести жизнь и сумели выйти за пределы проклятых земель, им экстренно требуются две жертвы. Первая должна непременно быть мужского полу и нести в себе каплю крови богов.

– И где же Ваша светлость умудрилась раздобыть подобного кандидата? – потрясенно спросил Аберон.

– О, – нехорошая ухмылка исказила красивое лицо принца, сделав его почти

отталкивающим, – у меня уже имеется искомый претендент. Я не вникал во все тонкости религиозных убеждений Тварей стужи, но понял, что ему предстоит стать чем-то вроде сосредоточия их коллективной силы. К счастью, принц Ужас не так давно преподнес мне кое-кого в обмен на пару штук отличного оружия, созданного мной лично. Я назвал эти клинки Мечами стихий.

Альбинос одобрительно хихикнул. Будучи в курсе всех злоключений королевского дома Нарроны, он догадывался, кого именно мог принц-узурпатор так безжалостно презентовать своему магическому покровителю.

– Но мне непременно нужна вторая жертва, – напомнил принц. – Твари просят непорочную девицу не старше двадцати лет, красивую собой и происходящую из благородного эльфийского рода!

Король обрадовано расхохотался. Во всем его облике так и читалось бурное ликование, смешанное с неприкрытым злорадством:

– Я с особым старанием исполню эту просьбу Вашей милости! Вы получите искомую деву через несколько дней.

Принц благодарно поклонился.

« Ну, вот и все, – злопамятно решил Аберон, поднимаясь вверх по лестнице. – Я получил возможность отыграться с лихвой! Теперь-то глупая Лилуилла пожалеет о своем отказе, так недопустимо унизившим мою гордость, и задевшем мое самолюбие!».

Несколько месяцев тому назад, альбинос имел несчастье просить руки и сердца самой завидной невесты острова, очаровательной княжны Лилуиллы, приходившейся единственной дочерью старому князю ил-Рианон, двоюродному брату покойного ныне короля Шеаррана. Княжну по праву называли не только прекраснейшей девой Поющего острова, слава об ослепительной красоте которой распространилась далеко за пределы эльфийского государства, но и самой сладкоголосой его обитательницей. Аберон Лилуиллу не любил совсем, хотя усиленно разыгрывал роль пылкого влюбленного, буквально засыпая мнимый предмет своего обожания букетами шикарных цветов, подкрепленными более дорогими и вещественными подарками. Альбинос вообще оказался напрочь лишен элементарной способности любить, допуская, что любая, даже самая грязная ложь, произнесенная в интересах важного дела – всегда считается политикой. Наивная пустышка княжна как никто лучше подходила на роль будущей королевы. Но все его подношения неизменно возвращались обратно, даже не будучи распечатанными. Лилуилла испытывала по отношению к Аберону только отвращение, смешанное с паническим ужасом. И более того, она благосклонно принимала одновременные ухаживания младшего принца, красавчика Лионеля, отвечая ему симпатией и взаимностью. Но сейчас все изменилось. Выродок-альбинос стал королем, а Лионель сбежал с острова, спасая собственную шкуру. Теперь Аберон мог бы взять недотрогу силой, но он жаждал отмщения своей поруганной гордости намного сильнее, чем просто банального утоления низменной скотской похоти.

« Ну чтож, прекрасная Лилуилла, – насмешливо думал король, покидая тайное подземелье. – Ты не захотела стать королевой Ширулшэна, не захотела изведать моих супружеских ласк. Посмотрим, придется ли тебе по вкусу обжигающе-холодные поцелуи Ледяных ярлов!».

« Жила-была непутевая Сумасшедшая принцесса! – отстраненно размышляла я, не сводя глаз с двух странных полупрозрачных ураганов, медленно формирующихся и закручивающихся над поверхностью замерзшей реки. – Ну что ж, сама виновата ...!»

Последние слова я, по давней и уже неоднократно навредившей мне привычке, опять произнесла вслух. Разобравший мой вердикт Оггур восхищенно хохотнул и пошире расставил мускулистые ноги, возбужденно перекидывая из руки в руку отполированную рукоять секиры. Я улыбнулась уголками губ, вполне разделяя боевой азарт орка. Никто не виноват в том, что появляется на свет прирожденным бойцом или магом, врачом или поэтом. Многие из нас интуитивно осознают собственное предназначение и развивают его

любим доступным способом, порой, расходуя для этого весь отпущенный, но недолгий срок пребывания в смертном человеческом теле. Опыт дается нам нелегкой ценой, методом проб и просчетов, подчас – смертельно опасных и неоправданно рискованных. Несмотря на сотни прочитанных умных книг, все мы остаемся рьяными практиками, предпочитающими совершать собственные ошибки, нежели вдумчиво и безопасно, но, конечно же – сугубо теоретически, учиться на чужих. И порой ничего так не осложняет нашу жизнь, как эта простая истина, ибо даже чужие промахи в собственном исполнении всегда выглядят намного элегантнее. Жизнь – странная штука, по большей своей части совершенно неподдающаяся логическому объяснению. « Настоящая жизнь – это когда собеседники, выслушавшие правдивый рассказ о ней, начинают скептически качать головой и насмешливо говорят – так не бывает!» – утверждает Эткин. « Относиться к жизни серьезно – слишком скучно, а не серьезно – чрезвычайно опасно!» – с видом эксперта поддерживаю я мудрое изречение хулиганистого дракона. И возможно, именно сейчас, мне и предстоит проверить – чего стоят на деле все эти наши из пальца высосанные принципы, потому что, наблюдая за призрачными ураганами, я по наитию поняла – время разбрасывать камни закончилось, наступало время собирать тех, кого эти самые камни пришибли.

Ураганы приближались. Там где они проходили – жухла и серела трава, покрывались морозной изморозью ветки отмерших кустарников, а птицы погибали прямо на лету, бездыханными комочками осыпаясь на землю. На нас надвигалось что-то несовместимое с самим понятием жизнь! Лезвие Нурилона засветилось холодным голубоватым пламенем, огненная сила разливалась по его рукояти, горячими волнами перетекая в мои руки, окутывая меня живительным дыханием мощи великих демиургов. Меня окружил светящийся кокон какого-то энергетического поля.

– Гоблин меня задери, это что-то новенькое! – выдохнула я онемевшими от напряжения губами.

Оггур смотрел на меня ошарашено.

– Что это с тобой? – удивился он.

– Мой волшебный клинок почуял своего истинного врага и активизировал все доступные магические ресурсы. Отойди в сторону, Белый волк, эти враги тебе не по зубам.

– Еще чего! – упрямо набычился тысячник. – Я не привык отступать!

Ураганы подступили вплотную к нам. Рядом закружились два почти незримых, едва видимых облака, практически не различимых в тусклом солнечном свете. Исходящий от них холод леденил кожу, сковывал движения, превращал выдыхаемый нами воздух в клубы студеного искрящегося пара. Существа перемещались слишком быстро, постоянно ускользая из поля зрения, итак практически не способного засечь их хаотично изменяющиеся формы и размытые контуры. Внезапно что-то тонкое и полупрозрачное просвистело в стылом тумане, и два пальца на правой руке Оггура, сжимавшей Симхеллу, отделились от смуглой кисти, повиснув на жалких лоскутах кожи. Орк пронзительно закричал, падая на колени и зажимая страшную рану, пытаясь остановить поток алой крови, хлынувший на траву. Краем глаза я засекла крадущиеся движения Ланса, достающего из сумки свой миниатюрный арбалет.

– Не смей! – коротко приказала я. – Болт не причинит им вреда. Забирай Оггура и уводи его в таверну. Там отыщи в моем багаже огарок белой свечи тетушки Чумы и залечи его раны!

– А ты? – опасливо отозвался полуэльф, заботливо подхватывая побледневшего от сильной кровопотери орка.

– Уходите! – повторно потребовала я, отступая в сторону и уводя за собой призрачных тварей. – Вы мне ничем не поможете, а напротив – только помешаете. Это не ваш бой.

Твари благоразумно подходили ко мне с противоположных сторон, наступая синхронно и одновременно, вынуждая постоянно вертеть головой, угрожающе поводя пылающим лезвием клинка. К счастью, я уже давно и дольно успешно усвоила основное правило боя – дальновидный, желающий пожить подольше, смотрит не вперед, а вокруг себя. Кем бы ни являлись эти странные существа – проявлением стихии, демонами,

животными или людьми – они, безусловно, обладали мощным интеллектом и отлично развитой способностью к стратегическому ведению боевых действий. Они согласованно и планомерно оттесняли меня к хрупкому льду, покрывавшему поверхность реки. Провалились я в полынью, и мне неизбежно грозит быстрая и мучительная гибель. Кроме того, теперь я прекрасно понимала природу возникновения страшных подмороженных ран, ставших причиной смерти могучих кентавров.

Под моей пяткой угрожающе хрупнул первый прибрежный ледок. Я замерла на краю берега. Отступать дальше стало уже некуда...

Генрих де Грей отложил мастерок, потер ноющую поясницу и медленно выпрямил натруженную спину. Его мятая, испачканная строительным раствором рубашка сейчас мало походила на парадное облачение, достойное высокого титула последнего Повелителя. К тому же, из рода, ведущего начало от самого легендарного короля сильфов. Но барон неприкрыто радовался своему непрезентабельному, затрапезному внешнему виду. Узкая замшевая полоска пересекала загорелый от работы на свежем воздухе лоб, не позволяя отросшим волосам лезть в покрасневшие от недосыпания глаза. Генрих работал не покладая рук. Трудился наравне со всеми, с радостным волнением отмечая, как с каждым днем все выше поднимаются белокаменные стены вновь отстроенной столицы – чудесного города Силь. Рассказывают, что согласно древней легенде, когда-то очень давно существовал только один великий, единый город сильфов и белых эльфов – сказочный Эль-силь, с замками – увенчанными золотыми куполами, с мостовыми – выложенными серебряными плитами. И не нашлось бы в целом мире града краше Эль-силя. Но на противоположной горе стояла грозная крепость, принадлежавшая клану синих – цитадель Ширул-эль-шэн. С тех пор минула не одна сотня лет. Синие эльфы ушли на Поющий остров, где почти восстановили свое былое величие. Сильфы зажили отдельным городом – Силем. А остатки белых стали вольными стрелками и охотниками, по преданию, оберегающими подступы к галерее Трех порталов, подобно скрепляющему стержню, пронизывающей скрытую глубь земли. Впрочем, многие из рассеянных по чужим землям белых эльфов, теперь собрались на освобожденных сильфских территориях, помогая отстраивать возрожденный Силь, предназначенный стать их новым домом.

После продолжительной войны с полчищами Ринецеи, от некогда величавого города остались одни руины. Барон удрученно бродил среди закопченных, осыпающихся каменной крошкой остовов крепостных стен, запинался о вывороченные, вздыбившиеся после магических ударов валуны, некогда образующие парапеты тонкоструйных фонтанов. Память короля Грея, дарованная Повелителю, услужливо рисовала пышные картины славного прошлого. Вот здесь, именно на этом месте, когда-то простиралась многолюдная торговая площадь, а вон там – красовалась облицованная розовым мрамором беседка. А еще выше, на холме, господствующим над ровными, как по линейке выстроенными кварталами, находился дворец правящего королевского рода. Генрих тяжело вздыхал, судорожно сглатывая подступавшие к горлу слезы. Повелители не плачут. Повелители строят и восстанавливают, пекутся о благе своих верных подданных и совершают подвиги, постоянные пера самого известного летописца. А еще – о Повелителях слагают прекрасные баллады, наподобие тех, которые иногда исполняет Сумасшедшая принцесса – невозможная Ульрика де Мор...

Да, она была невозможно упряма, невозможно храбра, невозможно горда, но и позабыть ее, тоже оказалось невозможно! Впрочем, почему же была? Принцесса есть и сейчас, но Генриху она так и не принадлежит... Барон, уже не в первый раз, неловко пробовал подобрать слова, точно передававшие бы его мучительную тоску по ныне далекой Ульрике. Отчаянное уныние – терзавшее израненное, очерстневшее от несправедливого отказа сердце. Но красивые слова не собирались слушаться того, кто привык управляться с рапирой – а отнюдь не со стихами, и оказался так наивно не сведущ в делах сердечных. А страдающей душе срочно требовалось отвлечься хоть на что-то малозначительное, лишь бы

только не думать поминутно об ее зеленых смеющихся глазах и малиново-сладких губах, чаще всего – сложенных в ироничную усмешку. Увидит ли он ее еще когда-нибудь? Или же ему суждено уже никогда ее не встретить?

Как заставить себя ровно плыть по течению,
Как свести две дороги – к пересечению?
На ошибках друг друга жестоко учиться,
Выжигая любовь – нелюбовью лечиться.

Только жертве подобной, цена – лишь полушка,
Если ночью от слез намокает подушка,
Исчерпались до дна и поэма и проза,
Кто кого пережмет – слишком жесткая поза.

Упустили свой шанс, нужных слов не сказали,
Нелюбовью себя за любовь наказали...
Как удар по лицу – мы поставили точку,
Только сладко ль теперь выживать в одиночку?

Каждый глупо решил показать свою твердость,
Ты, не дрогнув, любовь променяла на гордость,
Я с насмешкой сказал: « На потеху народу
Я отрину любовь. Выбираю свободу...»

Мы теперь далеки, наши чувства не с нами,
Не умея прощать, мы играем словами,
Только чаши весов, замерев навсегда —
Уравняли «когда-нибудь» и «никогда».

Я спросил: «Нам когда-нибудь встретиться можно?»
Ты ответила: «Нет. Никогда. Невозможно»
Мы пытались забыть, мы не думать хотели,
Но любовь истребить до конца – не посмели

Мы с тобою, в объятьях любовной тоски
Навсегда далеки, но навеки – близки,
Вроде слиты в одно и, однако, не схожи —
«Никогда» и «Когда-нибудь» — слишком похожи...

Ни о чем другом Генрих теперь и думать не мог. Рожденная в сердце песня, легкокрылой птицей рвалась в поднебесье, лишая барона воли и желания к дальнейшему существованию. И только тяжелая, монотонная физическая работа немного уменьшала давящий на душу груз, переводя его в спасительную, отупляющую усталость до предела измотанных мышц. Труд стал для него лучшим лекарством, а скорее – сильнейшим одурманивающим наркотиком, успешно заглушающим болезненные воспоминания и подавляющим несбыточные мечты. Поэтому и трудился Повелитель наравне со всеми от самого восхода солнца и до его заката. А потом бездумно, как подкошенный валился в свою одинокую, никем не обогретую постель, и засыпал глубоким сном без сновидений.

Но сердечная рана их Повелителя, определенно, пошла на пользу всему остальному народу сильфов. Город Силь рос и хорошел буквально на глазах. С каждым днем все выше и выше вздымались его ровные стены, весело зеленели молодые кленовые аллеи вокруг заново восстановленного дворца, а золотые пучеглазые рыбки с вуалевыми хвостиками вновь

беззаботно резвились в прозрачной воде фонтанов, доверчиво всплывая на поверхность и выпрашивая хлебные крошки. Генрих не жалел золота, щедро оплачивая услуги лучших эльфийских архитекторов и магов, украшавших молодой город и создававших могучую магическую защиту, призванную усилить толщу каменных башен. И только один Марвин, с которым Генрих уже успел крепко сдружиться, отдавал свой талант совершенно бесплатно. Хотя барон не без основания подозревал, что главной причиной неожиданного трудолюбия молодого некроманта стала вовсе не внезапно возникшая симпатия к народу сильфов, а страх, испытываемый им перед грозной тещей – королевой Смертью. Да и неиссякаемая и не к месту проявляемая ревность вспылчивой супруги Лепры, быстро и весьма изрядно утомила красавца-мага. Сестрица Оспы и Чумы отличалась поистине необузданным характером, а строительство Силя стало удобным поводом для временной разлуки с несдержанной на язык и пощечины возлюбленной. «Я должен помочь Генриху, – мягко убеждал жену Марвин. – А ты немного отдохнешь от меня, займешься новыми нарядами, пообщаешься с сестрами!» Лепра милостиво позволила уговорить себя. Впрочем, любое выдуманное оправдание всегда смотрится гораздо убедительнее, чем – оправдание правдивое.

Хрупнувший под моей пяткой ледок стал очевидным предупреждением – дальше отступать некуда. Я щурила глаза, пытаюсь одновременно уследить за обеими тварями, к тому же – итак едва видимыми. «Да кто же они такие, гоблин их раздери! – злобно ругнулась я. – Какого демона потребовалось им в моих землях?» В голове постоянно вертелась какая-то важная мысль, напрямую касавшаяся этих загадочных существ. Вроде бы совсем недавно я то ли видела их мимолетно, то ли слышала от кого-то о чем-то подобном. О каких-то неведомых врагах... А может, это был сон? Но нет, хоть убей, в настоящий напряженный момент я, не смотря на все усилия разбудить спящую память, никак не могла вспомнить ничего определенного. А в следующую минуту, видимо сообразив, что добровольно топиться или проваливаться в полынью я не собираюсь, твари взвыли странными дребезжащими голосами и пошли в наступление. От их воплей у меня даже дыхание пресеклось, в жизни не слышала ничего омерзительнее. Да рядом с ними, смахивающий на привидение Хранитель галереи Трех порталов выглядел настоящим милашкой и симпатяшкой.

Наверно, меня спасла интуиция. Я не увидела, а скорее каким-то шестым чувством ощутила острое как бритва, прозрачное лезвие, стремительно пронесшееся в паре миллиметров от моей шеи, и успела плавно отклониться в сторону. В холодном воздухе закружился клочок срезанных рыжих волос. Тварь разочарованно закричала. Не оставляя мне времени на передышку, на меня тут же бросилось второе агрессивное существо. И опять – меня снова спасла отнюдь не собственная ловкость, а предупреждающий бледный солнечный зайчик, вовремя отразившийся от лезвия противника, одно приближение которого тут же покрывало мои локоны белым налетом изморози. Клинок Нурилона встретился с невидимым оружием. Раздалось громкое шипение, которое можно услышать, когда пышущую жаром заготовку будущего меча погружают в бочку с холодной водой.

– Спаси меня Аола! – испуганно взмолилась я. – Похоже, эти твари и в самом деле сделаны из льда!

Часто ли каждому из нас приходится попадать в действительно опасную ситуацию? Не знаю, но так тяжело как сейчас, мне не приходилось даже во время боя с моим недавним врагом и сводным братом – принцем Ужасом. Только что я неразумно сетовала, как трудно отражать удары ледяных тварей и жаловалась самой себе – что хуже быть уже не может. Но стоило тварям напасть на меня одновременно, как тут же стало ясно – я сильно ошибалась... Я вертелась из стороны в сторону, приседала, проскальзывала под призрачно мелькающими лезвиями и исполняла настоящие балетные пируэты, никогда не доступные мне ранее. Соприкосновение моего меча и ужасного оружия морозных существ рождало снопы искр. Думаю, со стороны это выглядело даже красиво. Но я не имела ни малейшего шанса устоять

хотя бы против одного из этих бойцов. А уж против двоих... Неожиданно, при очередном наклоне, я ощутила что-то узкое и твердое, надавившее на мой бок. И как же я могла забыть! В боковом кармане колета лежало Зеркало истинного облика, уже не раз выручавшее меня в затруднительных случаях. Я отскочила в сторону, выхватила из кармана волшебный артефакт и, повернувшись вполоборота, поймала в его стеклянной поверхности отражение одной из тварей. От ужаса я глухо вскрикнула и чуть не выронила зеркало из пальцев. Попад в поле действия магического предмета, существо стало видимым. Зеркало явило мне что-то омерзительно бесформенное, напоминавшее перекрученный ворох склизких сизых щупалец, в самой гуще которых тут и там постоянно открывались треугольные, зубастые пасти. Тварь обладала десятком гибких, тощих, хлыстообразных конечностей, каждая из которых оканчивалась огромным, острым, стеклянно поблескивающим когтем-лезвием. Я застыла как вкопанная, не в силах отвести взгляда от жуткого зрелища. Пользуясь моей неосмотрительной оплошностью, тварь с победным ревом прыгнула на мою открытую для налета спину. Не поворачиваясь, я что было сил ударила мечом назад, попав точно в один из разверстых ртов необычного врага. Тварь жалобно взвыла, дернулась, но не смогла сдержат поступательного движения и по инерции еще сильнее нанизалась на пылающее острие Нурилона. Поток синей, дурно пахнущей жижи хлынул из рассеченного тела, мгновенно ставшего видимым. Вторая тварь, совершенно взбешенная видом издыхающей на земле напарницы, взмахнула всеми когтями... У меня не оставалось времени для того, чтобы освободить меч от густой, вязкой серой массы, в которую стремительно превращалось убитое мною существо. Я просто бросила клинок, выхватила из ножен Разящую иглу и метнула ее во второго противника. Тонкая дага мелькнула в воздухе и напрочь отсекала твари одну из конечностей. Коготь упал на увядшую траву. Раненое существо оглушительно завопило, поджало искалеченный обрубок конечности и, свернувшись в воронку урагана, взмыло в небо. До меня еще долетали его яростные, полные мстительного обещания вернуться и поквитаться, вопли, когда оно стремительно улепетывало прочь. Убитая тварь растекалась, таяла как мороженое, превращалась в лужу серой жидкости, медленно впитывающейся в песчаный речной берег. Вскоре от нее не осталось ни малейшего следа.

Я жалобно всхлипнула, опустила на колени и, закрыв лицо руками, бурно разрыдалась от пережитого потрясения, боясь поверить в то, что я каким-то чудом осталась жива.

Глава 5

Марвина пошатывало от усталости. Мысленно, он уже давно и неоднократно послал к разэтаким гоблинам и подбивших его на эту непыльную работенку Генриха с Саймонариэлем, и короля Ульриха – милостиво разрешившего молодому некроманту удалиться от двора, и даже свою распрекрасную женушку, которая, подхватив юбки, шустро умчалась куда-то, примерять новомодные наряды. Прописная истина гласит: не можешь изменить саму жизнь – тогда измени отношение к ней. Но Марвин все и всегда привык делать по-своему. Разлюбить Лепру он уже не мог, мысль избавиться от магического дара и зажечь жизнью простого человека казалась кощунственной, а игнорировать насущные проблемы друга – стало бы самым недостойным поступком. И Марвин позволил себя уговорить. А если ты начинаешь уступать, то остановиться уже не возможно. Архимаг попробовал в корне изменить безмерно опостылевшую ему, пресную придворную жизнь, сводившуюся к однообразному простаиванию за пышным королевским креслом. Он мечтал о приключениях. А вместо этого – получил еще более нудную и обременительную тягомотину. Нет, он конечно же не был ленивым или черствым. Кроме того, по-первости, Марвину и самому понравилось проявлять благородство. Сначала он согласился усилить городские стены заклинаниями, направленными на отражение враждебной магии, потом сам вызвался позолотить крыши всех зданий без исключения, включая и кровли самых маленьких домиков. Затем он переместил через пространственные порталы экзотические, изумительной

красоты растения, беспримерно украсившие столичные сады. А теперь, в итоге, его попросту неблагодарно выматывали всякими бытовыми мелочами, больше подошедшими бы дешевым дилетантам-фокусникам, выступающим в ярмарочных балаганах. Баламуты-гномы ежедневно приставали с идеей заменить воду в фонтанах на пиво, а эльфы наоборот – слезно упрашивали мага наложить на вечно подвыпивших гномов заклятие пожизненного, стойкого отвращения к спиртному. Демоны из отряда Азура, охранявшие невиданную по размеру стройку и проявлявшие повышенный интерес к прелестным сильфидам, умоляли некроманта сварить какое-нибудь любовное зелье, а заодно – чуть подправить внешность неговорчивых дам путем сильного повышения волосатости по всему телу и укорачивания ног в половину, что по их мнению, придало бы красоте местных девушек более утонченный, демонический колорит. Сильфские же кавалеры, и так уже весьма обозленные постоянной эротической озабоченностью крылатого гарнизона, доводили мага до истерики требованиями наградить настырных демонов срочной, поголовной и стопроцентной импотенцией. И не трудно догадаться, у кого в итоге голова шла кругом от всего обилия этих противоречивых, взаимоисключающих, а поэтому – совершенно невыполнимых просьб. Правильно – у Марвина! Казалось бы, чего проще – отсылай всех просителей к Генриху, ведь для того в мире и существуют Повелители, чтобы мудро разруливать возникающие, запутанные ситуации, но правитель сильфов...

Марвин тяжело вздохнул и неодобрительно покосился на Генриха, стоявшего рядом, среди каменных блоков недостроенной стены. Повелитель совершенно не собирался решать чужие проблемы, он от собственных то не знал, куда бы деваться. Сейчас благородный барон совсем не походил на утонченного, могущественного наследника древнего рода. Сейчас он точь-в-точь напоминал какого-нибудь тугодума каменотеса из самой захудалой провинции, и пахло от него – соответственно. Красавец некромант брезгливо сморщил нос и принялся массировать ноющий по причине авральной работы, затылок. Такой мучительной головной боли ему не довелось испытывать даже на утро после недавней королевской свадьбы.

– Генрих, – жалобно попросил Марвин, – передел бы ты рубашку, что ли...

– Ага, вижу, она малость загрязнилась. – Покладисто согласился барон. – Хотя, зная твои вкусы, я бы скорее склонился к версии, что ты не одобряешь ее цвет.

– Ничего не имею против цвета строительного раствора, – буркнул некромант, поворачиваясь по ветру. – Но вот мой нос ее не одобряет категорически!

Де Грей расхохотался.

– Тонко подмечено. Солнце клонится к закату, так что на сегодня работа окончена. Неподалеку от города, в лесу, протекает небольшой ручей. Может прогуляемся, для совершения водных процедур?

Маг обрадовано кивнул. Одна только мысль о целительных свойствах прохладной, чистой родниковой воды, уже приносила значительное облегчение его многострадальной, замороченной голове.

– А если и впрямь, попробовать приворотный напиток? – сам с собой вполголоса рассуждал некромант, следуя за бароном, уводившим его незаметной лесной тропкой, затейливо петлявшей среди раскидистых кустов папоротника.

– Не вздумай! – протестующе прикрикнул Генрих. – Не хватало мне еще для полного счастья появления среди дворянских сильфских родов незаконнорожденных младенцев с демонической наружностью!

– Э? – опешил растерявшийся Марвин. – Ты это о чем говоришь?

– Да ни о чем, а о ком, – разгневанно уточнил барон. – Об азуровских ловеласах естественно. Они нынче ночью в темноте окна перепутали, ну и постучались ко мне в спальню, думая, будто это будуар придворных фрейлин. Знаешь, услышав то, что они нашептывали в приоткрытые ставни, я понял, что пока еще очень плохо осведомлен о многих подробностях интимных отношений между мужчинами и женщинами...

Марвин скептически хмыкнул:

– Скажи спасибо, что демоны к тебе в кровать не полезли! А если серьезно – жениться

тебе надо, барон! Чтобы фривольные мысли воображение по ночам не будоражили. Я вообще то, упоминая приворотное зелье, имел в виду тебя и нашу сумасбродную рыжую принцессу.

– Ее? – как ужаленный подпрыгнул де Грей. – Ты с ума сошел? Не смей!

– Ну и зря! – обижено надулся некромант. – Это стало бы лучшим выходом, причем – для всех. Для обоих наших государств, для тебя, да и для нее – тоже. А то у девчонки ветер в голове, она сама не знает – чего хочет и кто ей на самом деле люб. Ой, чую, огребем мы еще с ее сердечными заморочками проблем – по самое ни хочу! А может, все-таки рискнем? Я знаю нужные травы...

– Нет, ни в коем случае! – решительно отказался Генрих. – Спасибо тебе конечно, я ведь вижу, что ты нам добра желаешь, но все же не смогу – зная, что это все не искренне, что ее опоили...

– Пить! – внезапно раздалось где-то рядом. – Пить, во имя богини Аолы!

Марвин и Генрих не раздумывая бросились вперед, ведомые слабым голосом, руками раздвигая спутанные ветки густых кустарников. Вскоре их взору открылась небольшая, покрытая мягкой травой поляна, на которой бессильно распростерлось худое, изможденное мужское тело. Барон бережно перевернул страдальца на спину. На него смотрели зеленые, ввалившиеся, наполненные невыразимой мукой глаза.

– Эльф! – изумленно вскрикнул барон. – Но разве такое возможно? Ведь эльфы очень живучи, а этот выглядит так, словно вот-вот отдаст душу Пресветлым богам!

Длинные, умелые пальцы Марвина между тем ловко ощупывали раны незнакомца. Некромант сокрушенно вздохнул:

– Слишком поздно. Если бы мы встретились хотя бы пару дней назад, но теперь... Видишь, – он указал на несколько порезов, перевязанных дурно пахнущими, грязными тряпками. – Следы от кинжала внешне не глубокие, но лезвие было отравлено. От этого яда нет спасения, если раны не обработать сразу же, причем, специальным противоядием. А то, что он оказался эльфом, лишь продлило его мучения. К сожалению, я уже ничем не смогу помочь этому несчастному, а только в меру своих возможностей облегчу его последние минуты. – Маг вынул из кармана небольшой флакончик и капнул на ссохшиеся губы умирающего каплю густой, слабо фосфоресцирующей жидкости. Спустя мгновение раненый болезненно вздрогнул, взгляд его приобрел осмысленность и необычайную глубину. Так смотрят лишь люди чувствующие приближение смерти.

– Ульрика, – шепнули синие губы, – найдите ее!

– Откуда ты знаешь Сумасшедшую принцессу? – недоуменно спросил барон.

– О! – умирающий улыбнулся тенью некогда неповторимо высокомерной улыбки, и барон невольно отшатнулся, потрясенный осознанием того, что на его руках угасает потомок великого рода, а возможно – даже король или принц. – Это я впервые назвал ее этим броским прозвищем, теперь известным всем и каждому! Я ее дядя – принц Лионель Шеар-эль-Реанон.

– Но родня Ульрики проживает на Поющем острове! – не поверил Марвин.

– Да, – подтвердил Лионель. – Недавно мой брат-выродок силой захватил власть, хоть и предназначавшуюся ему по праву первородства, но вовсе не подобающую наклонностям его черной души. Подозреваю, что Аберон напрямую причастен как к внезапной кончине моего отца-короля, так и к смерти всех членов Высшей магической эльфийской ложи. Теперь всему острову, а возможно и миру в целом, угрожают неисчислимые беды! И еще, я прошу вас не только известить обо всем произошедшем мою племянницу, но и спасти княжну... – дрожащая от слабости рука извлекла из кармана какой-то свиток и чуть не насильно втиснула его в ладонь Генриха. Удивленный барон развернул пергамент и увидел прекрасное девичье лицо, обрамленное каскадом золотых локонов и озаряющее все вокруг завораживающим отблеском огромных, жемчужно-серых очей. Барону внезапно показалось, что его сердце на минуту замерло, а потом застучало вновь, но уже совсем иначе – сбивчиво и торопливо. До сегодняшнего дня он и не догадывался, что на белом свете может существовать подобная, ослепительная как солнечный блеск, красота. Марвин заглянул

через его плечо:

– Ух, ты! – восхищенно опознал маг. – Это она, княжна Лилуилла, самая прелестная дева Поющего острова!

Генрих с трудом заставил себя отвести взор от портрета невероятной эльфийки:

– А от чего или от кого ее нужно спасти? – он повернулся к раненому.

Но принц Лионель ничего не ответил, он был мертв.

– Не пойду! – в сотый раз принципиально отказался Марвин, упрямо поджимая губы и хмурия белоснежный лоб. – Ни за что!

Он торопливо отпил из бокала с вином, захлебнулся, закашлялся, но продолжал упорно бубнить сквозь кашель: – Ны за сто..., – барон хлопнул друга по спине, глоток жидкости проскочил куда нужно и некромант демонстративно закончил, – ... не пойду с тобой исполнять просьбу Лионеля!

– А за двести? – тут же настырно предложил Генрих. – За двести драгоценных камней из нашей сокровищницы? Ты учти, они не только обладают огромной денежной стоимостью, но многие из них к тому же наделены разнообразными магическими свойствами. Да подобного богатства нет ни у одного мага!

Архимаг сердито, в полголоса, хотя совершенно искренне и даже чуть оскорблено, немногословно послал барона к каким-то нематым гоблинам. Нет, ну как друг не может понять, что он руководствуется вовсе не меркантильными соображениями! Марвин попросту... боится!

– Да пойми ты, не могу я этого сделать! – в сотый раз вымученно выдвинул он свой самый весомый аргумент. – Лепра жутко ревнива, она мне за Лилуиллу глаза выцарапает!

– А ты то тут вообще при чем? – чистосердечно удивился Генрих. – Я собираюсь спасти прекрасную княжну и, как это водится в подобных ситуациях, немедленно предложить ей стать моей супругой!

– Че, правда что ли? – выпучил глаза некромант. – А как же Мелеана?

– Как, как... – барон раздосадовано вздохнул, поднялся с дивана и подошел к окну. Отодвинул роскошную бархатную гардину и полюбовался открывшимся его обозрению видом. Во дворце пока еще не выветрился запах свежей краски и штукатурки, мебель неприятно пахла лаком, да и деревья в парке сейчас не превышали человеческий рост, но все это были сущие мелочи по сравнению с тем, каким предстояло стать в самом недалеком будущем этому прекрасному, возрожденному из руин городу. Силь так и бурлил жизнью. Еще бы, ведь его население уже насчитывало почитай тридцать тысяч душ! – А вот так! – невозмутимо продолжил де Грей. – Навязываться ей я не стану. Я тоже гордый! Пусть Ульрика сама решает, чего она хочет достичь и почему. И спутника жизни она выберет сама! – он повернулся к магу и подкрепил свои слова резким взмахом крепко сжатой в кулак ладони. – Это мое окончательное мнение!

Марвин с пониманием присвистнул и недовольно скосился на лежавший на столе портрет Лилуиллы. «Женщины всегда приносят нам одни неприятности! – пожалуй, слишком пристрастно подумал он. – Вот и Лепра не исключение. Чуть что не по ней, сразу же закатывает истерику, заканчивающуюся слезами и обвинениями, типа я не уделю ей достаточного внимания. А грозная теща и того хуже – слова плохого не скажет, но смотрит на нас обоих так осуждающе, что уж лучше бы говорила... Короче, не сошлись мы с женой характерами! Уехать бы от этих баб куда-нибудь подальше, на край света! Не позволю делать из себя подкаблучника! И к тому же, я ведь сам жажду приключений. Поэтому решено, плюну на все и помогу отважному Генриху...» – а о том, что его помощью тоже будет заключаться в поисках еще одной девушки, Марвин тогда как-то и не подумал.

– Скорее всего, в деле княжны замешаны и любовь и магия! – авторитетно изрек некромант, справившись с сомнениями относительно своего участия в новых приключениях титулованного сильфа.

– Почему ты так думаешь, ты что-то знаешь наверняка? – недоверчиво спросил барон.

Его высокая, мускулистая фигура, уже облаченная в черный дорожный кожаный костюм, выгодно смотрелась на фоне зеленого бархата стен. Солнечные лучи, пробивающиеся сквозь неплотно задернутые шторы, очерчивали торс Генриха тончайших золотистым контуром, напоминающим драгоценные доспехи. Тонкие усики змеились над капризно изогнутой верхней губой, отросшие волосы цвета воронова крыла свободно падали на плечи, карие глаза глядели пытливо. «А ведь барон красив. – Мысленно признал некромант. – Они с Лилуиллой составят поистине потрясающую пару!»

– Это и есть та самая логика, о которой часто упоминает Рыжая! – произнес он вслух. – Если речь идет о красивой женщине, то значит, здесь не обошлось без любовной истории. А магия на Поющем острове весьма в ходу, да и покойный Лионель, пусть примет богиня под свое благодатное покровительство его бессмертную душу, упоминал о смерти великих эльфийских магов. Значит, в злодействе замешан очень сильный волшебник, скорее всего тот, кто владеет черной магией – некромант. А бороться с магом лучше всего при помощи его же собственного оружия. Одному тебе не выстоять, я поеду с тобой!

Глаза барона радостно вспыхнули. Он бережно завернул в платок и спрятал за пазуху портрет прекрасной княжны:

– Откуда нам следует начать наши поиски? Ведь эльфийский принц не сказал ничего определенного.

Марвин на минуту задумался:

– Есть одно странное место, где Лиара и Рона ненадолго объединяются в одну бурную, богатую перекатами и порогами реку. Оно называется водопадом Тысячи радуг. Оттуда к побережью ведет наикратчайший путь, а на Поющий остров можно попасть лишь водой. Начнем свои поиски от водопада. – Некромант поднялся и отправился собирать вещи, готовясь к длительному путешествию.

Генрих положил руку себе на грудь, прощупывая через кожу колета и батист рубашки драгоценный лист, носящий изображение красавицы Лилуиллы. «Ну чтож, – немного безучастно, словно повинувшись слепому случаю, подумал он, – значит это судьба. Я же сам дал себе зарок жениться на другой! Видно, чему быть – того не миновать...», – и он снова погладил портрет незнакомой суженой, выбранной для него кем-то свыше.

Но мечтал он при этом все равно об Ульрике...

Обратный путь до «Королевской питейной» показался мне бесконечным. Я брела кое-как, обессилено переставляя подкашивающиеся, неожиданно ставшие будто бы неродными ноги, при этом еще и волоча за собой связанную ведьму. Ну не бросать же в самом деле эту самонадеянную девицу на берегу речки. Я из последних сил затащила Гельду на крыльцо, звучно пересчитав ее черноволосой головой все пять занозистых ступенек, перевалила через порог и грубо плюхнула посреди обеденного зала. Некромантка, по-видимому, едва начинающая приходить в себя, благополучно – со всего маху, треснувшись затылком об деревянный пол и опять обмякла, повторно теряя сознание.

– Сотня сраных гоблинов ей в глотку! – с чувством выругалась я, буквально падая на ближайшую лавку. – Чую, не пройдут эти удары даром для и без того глупой некромантской башки. Не хватало еще Сумасшедшей принцессе нянчиться с сумасшедшей ведьмой. Умираю от жажды...

Ланс тут же сунул в мою мелко дрожащую руку немалую кружку с пивом. Я немедленно, словно голодная пиявка, присосалась к бодрящей жидкости. Сидевший за столом Огвур, живой, здоровый и даже румяный, одобрительно крякнул.

– Ты как? – я слизнула с губ пышную пивную пену. – Что с рукой?

Тысячник эффектно продемонстрировал нам плотную, выразительную фигу, сложенную из приросших обратно пальцев. У меня немного отлегло от сердца.

– Ну, я с этими тварями еще встречусь, – мстительно басил он. – Да я за свои два пальца им все двадцать один оттяпаю, да еще так, что обратно уже никаким колдовством не присобачат!

Услышав скабрзное обещание друга, полукровка мерзопакостно хихикнул и протянул мне многоэтажный бутербродик шириной ладоней в пять, в котором слои хлеба, ветчины и сыра оказались аппетитно переложены крохотными маринованными огурчиками. Я с урчанием вгрызлась в умопомрачительно благоухающее съедобное сооружение, чувствуя, как ноги начинают потихоньку наливаться прежней силой.

– Оггур, у них пальцев намного больше, чем двадцать один, – неразборчиво проворчала я сквозь корнишоны.

– Это как? – не поверил орк.

– А так и сак – чтоб их локтем об косяк. У них одних только рук не менее десятка, – уведомила я шокированного тысячника. – А прочие конечности, в том числе и интимного характера, я не считала – не до этого как-то было. И еще, они и взаправду ледяные, и тают после смерти.

– Так вот почему мы не нашли рядом с телами мертвых кентавров трупов их врагов, – догадался мудрый орк.

Я скептически хмыкнула:

– Теперь я уже сомневаюсь, что кентавры вообще сумели убить кого-нибудь из этих страшных тварей. С ними навряд ли возможно справиться обычным оружием. Там замешана ужасающая по силе магия!

Белый Волк задумчиво пожулькал свое давненько небритое лицо кустарно отреставрированными пальцами:

– Мелеана, помнится, ты в подробностях рассказывала нам с Лансом, как в детстве захлеб читала Хроники Бальдура?

– И что? – немного смутилась я. – При чем тут сей антикварный манускрипт?

– Ясно, – орк правильно истолковал мое смущение. – Экземпляр оказался не полным?

– Ну, это еще слабо сказано, – подтвердила я. – Весьма не полным. В той книге не хватало чуть ли не половины страниц!

Оггур опечаленно вздохнул:

– Очень и очень жаль. Значит, про Тварей стужи ты никогда не слышала?

– Неа!

– Дружище, не томи, расскажи подробно, – требовательно заканючил любопытный как кошка Ланс.

Я жестом попросила Оггура говорить.

– В Хрониках написано, что за маленьким государством-ханством Рохосс начинается Край Тьмы, доступ в который надежно охраняет могучее заклятие, когда-то наложенное еще самими великими демиургами, – начал орк. – И куда заклятие действует, обитающие в тех местах Твари стужи, они же Дети холода и Ледяные ярлы – спят мертвым сном. Но стоит им пробудиться..., – при этих словах, к моему величайшему изумлению, мужественное лицо орка исказила гримаса плохо контролируемого трепета, – и весь мир окажется под страшной угрозой. Ибо твари забирают кровь любого живого существа, принося его плоть в жертву своему чудовищному Ледяному богу! Если власть древнего бога воцарится на земле, то мир навеки погрузится во Тьму, а его обитатели станут тенями и призраками...

– Бр-р-р, никогда не слышала ничего ужаснее и противнее! – меня передернуло.

Немногочисленные посетители трактира, внимательно слушавшие орка, в панике забились под столы, а из-под стойки уже торчали мощные окорока хозяина, от страха ходившие ходуном так сильно, что прикрывавшая их толстая дубовая доска жалобно потрескивала.

– Оггур, тебе в раннем младенчестве, еще над колыбелью, феи случайно – ничего такого, зловещего, не напоролили? – с невинным видом спросила я, стремясь хоть немного разрядить создавшуюся, излишне нервную обстановку.

У удивленного орка глаза полезли на лоб:

– Мелеана, ты о чем?

– Слышала я про одну несчастную, невезучую принцессу, которой сразу после

рождения пообещали, что в зрелом возрасте она уколет палец веретеном и уснет вечным сном, – с готовностью пояснила я. – Так вот, ее родной, предусмотрительный папик спас девицу весьма оригинальным способом...

– Каким же? – поднял брови Огвур.

– Да элементарно. Отрубил ей руки по локоть, – саркастично хмыкнула я. – Что надо бы сделать и с твоим болтливым языком, чтобы людей пугать не повадно было!

Орк смущенно умолк и покраснел.

За окном послышался громовой хохот и в комнату заглянула донельзя заспанная драконья морда, лишь на самую малую свою часть поместившаяся в деревянном проеме.

– Ай да Мелеана, браво, браво! – Эткин насмешливо выдохнул в комнату порцию серого, удушливого дыма. Все закашлялись. – А ведь орк вас не пугал, он правду говорил, причем, щадя ваши нервы, специально умолчал некоторые, самые кошмарные подробности!

– Куда уж кошмарнее то? – проворчала я, обтирая платком закопченное от драконьего веселья лицо. – Тебе тоже что-то известно обо всем этом, а Эткин?

– Довелось почитать в свое время кое-какую интересную литературу, – небрежно отозвался дракон. – Существует теория, уточню – всего лишь теория, что Ледяной бог способен обрести полную силу, лишь вступив в брак с юной девственницей, благородных эльфийских кровей, облаченную в процессе пикантного ритуала в Пелену богини Аолы.

– Что еще за Пелена? – заинтересовался любознательный Лансанариэль.

– Я тоже слышал нечто подобное, – встрял орк. – А Пелена – это свадебная рубашка богини, бывшая на ней в ее первую брачную ночь с королем Греем, но ныне – утерянная. И никому не ведомо, где сейчас обретается сей священный артефакт. По легенде, на ткани Пелены сохранились капли священной крови самой Аолы – дарительницы жизни, и поэтому рубашка способна излечивать любые раны, уродства и болезни.

– Нашла бы ты ее первая, Ульрика? – тихо попросил дракон. – А то, как бы чего плохого не случилось, ведь похоже Детей холода кто-то уже выпустил на свободу!

– Кто, кто! – проворчал орк. – Ясно дело, кто! Все та же неугомонная Ринецея. Неужели она глупо наделась, что сможет заставить служить себе тех, кто во много раз превосходит ее силой и возможностями...

– Нет мне покоя, он мне только снится! – я обреченно схватила за голову. – Теперь значит будь добра, срочно ищи какой-то давно пропавший, никогда не стиранный брачный наряд богини. А после него, что станет следующим – кальсоны демона, подтяжки гнома?

Шокированный Огвур сконфуженно молчал.

За окном ехидно хихикнул вредный дракон.

Глава 6

– Отпусти меня, дрянь! – пронзительно верещала некромантка Гельда, безуспешно пытаясь вырваться из веревки, крепко удерживающей ее запястья, привязанные к изголовью кровати. Я надеялась, что ведьма наконец-то послушается голоса здравого рассудка или хотя бы наших увещаний, но не тут то было. Истек уже час после того, как ведьма пришла в себя, и на протяжении всего этого времени Гельда вопила не переставая, щедро осыпая нас проклятиями и угрозами. Мы все заработали страшную головную боль, нервное расстройство, да и просто – навязчивое, маниакальное, уже почти не поддающееся контролю желание – прихлопнуть истеричную ведьму на месте, наплевав на любую ожидаемую от нее помощь.

– Ты пойми, дурочка, – на сотый раз мягко втолковывал Эткин, устало положив огромную голову на хлипкий балкончик, оказавшийся единственным украшением снимаемой мной комнаты, – мы вовсе не желаем тебе зла. Просто расскажи нам о намерениях твоей повелительницы Ринецеи, чтобы мы смогли выработать какой-нибудь рациональный план борьбы с этими ужасными ледяными тварями.

– А стриптиз для тебя не станцевать случаем? – издевалась над драконом Гельда. – У-у-

у, гусеница бронированная! Я раскусила твой подлый замысел, хочешь выпытать у меня тайную информацию и навредить моей почтенной учительнице. Не выйдет, Гельда не предательница!

Эткин сокрушенно вздохнул:

– Да если бы все сводилось только к проклятой демонице. Но ведь речь идет о судьбе всего мира. Вот скажи, зачем она пробудила этих отморозков?

Я, сидевшая в углу комнаты и услышавшая про «отморозков», еле удержалась от смеха. Все-таки наш дракон всегда отличался непревзойденным чувством юмора! Но некромантка шутку не оценила.

– Как это зачем? – ее и без того большие черные глаза распахнулись еще шире от изумления, худое лицо презрительно скривилось, отображая неприкрытое пренебрежение к тупой летающей твари. – Моя повелительница могучая волшебница, она в итоге все же усмирит несговорчивых тварей, подчинит себе, и с помощью их силы станет единолично править миром. Ничего не скажу кроме этого, а то вы опять ей навредите!

Дракон выругался так смачно, что покраснел даже всегда невозмутимый и неизменно уравновешенный Огвур.

– Давайте ее уьем, – безжалостно предложил Ланс, жеманно поигрывая ножичком с серебряной рукояткой. – Или еще хуже – подарим демонам Азура, а то они дюже к человеческим бабам не равнодушны! Толку от нее все равно пшик, не таскать же ее с собой связанной.

Полукровка сказал правильно, пока у ведьмы нет возможности совершать пассы руками и добраться до своего драгоценного посоха – она совершенно безвредна, но и бесполезна настолько же. За всю свою недолгую жизнь, я встречала всего лишь двух умелых магов, способных творить заклинания без применения каких-либо посторонних накопителей энергии – Марвина и Саймонариэля. Гельда же подобными талантами явно не обладала.

– Э-ге-гей какой обабившийся смельчак выискался, – язвительно поддела некромантка, недвусмысленно намекая на сразу всем бросающуюся в глаза, слишком нежную дружбу орка и полуэльфа, – вот развяжи мне руки и увидишь чего я стою!

– Да видели мы уже, видели. – Огвур красноречиво погладил рукоять Симхеллы. – Как думаешь, Мелеана, может, стоит стукнуть ее еще разочек, да посильнее, для прочистки мозгов?

– Надоел мне весь этот фарс, – я решительно встала со своего места, подошла к кровати и склонилась над связанной пленницей, делая страшное лицо. – Мы с ней только время зря теряем. Придется ее пытаться.

– Ой! – неприятно побледнел Ланс. – Не знал что ты такая кровожадная. Тебе ее не жалко?

– Ничуть! – я незаметно подмигнула друзьям, призывая подыграть мне и посильнее припугнуть вредную девицу. – Я на многое способна.

– Еще бы, – с готовностью поддакнул полукровка, – помню, как ты извращенно издевалась над несчастным палачом в замке де Кардиньяк и злобно мучила Хранителя-призрака в подвале Незримой башни..., – для наглядности Ланс выпучил глаза и говорил хриплым шепотом.

В углу комнаты Огвур, очевидно вспомнив сценку с палачом, захлебывался сдавленным смехом, судорожно зажимая рот ладонью.

Я за спиной показала ему кулак, требуя молчать. Орк не справился с эмоциями, коротко взвыл и бросился вон из комнаты, изо всех сил хлопнув дверью на прощание. Через пару минут со двора долетел его сбивчивый, неразборчивый голос, сопровождающийся заливистыми раскатами громкого, драконьего хохота.

– Вот слышишь, – печально констатировал прекрасно вжившийся в роль Ланс, – это они веселятся в предвкушении ожидающих тебя мучений!

– Ой, мамочка! – жалобно проблеяла и в самом деле не на шутку струхнувшая ведьма. – Что ты хочешь со мной сделать?

– Видишь этот волшебный амулет? – я вытянула из ворота рубашки белую косточку, некогда являвшуюся пальцем тетушки Чумы. – Он заключает в себе частицу силы королевы Смерти и дает мне власть над всеми черными магами. Именно он причинил тебе те мучительные ощущения, которые ты испытала при попытке ударить меня. А теперь представь, что приключиться с твоей белоснежной кожей, если я положу этот предмет на твою обнаженную грудь? Да она попросту почернеет и обуглится!

– Не надо! Пощадите! – некромантка разразилась бурными рыданиями. – Я все вам расскажу. Потому что если я подурнею, то принц на меня даже и не посмотрит!

Я убрала амулет обратно под рубашку, мысленно возблагодарив богов за доверчивость и самовлюбленность глупой ведьмы. Но ее последние слова меня сильно заинтриговали:

– А какая существует связь между твоим увлечением белокурый принцем и желанием вступить в бой с ледяными тварями? Ведь ты понимала, что шансов на победу у тебя мало?

– Понимала, – согласно кивнула девица. – Но согласно нашим обычаям, только убив противника, превосходящего тебя силами, девушка получает привилегию сама выбрать себе мужа, который не имеет права ей отказать.

– Вот это да! – восхищенно присвистнул Ланс. – Рыжая, получается, теперь ты можешь выбрать себе мужика, который даже вякнуть что-то против тебя не посмеет!

– Ты убила одну из тварей? – не поверила Гельда.

– Да. – Скромно подтвердила я.

– Невероятно! – злобно прошипела ведьма. – Но все равно, принц тебе не достанется. Он мой! И к тому же у меня имеется его портрет, который он мне самолично подарил. Видишь? – некромантка повела плечами, и из-под ее кожаного камзола немедленно выскользнул медальон на цепочке, висевший на шее. Я хладнокровно сняла украшение с длинной, гибкой девичьей шеи и осторожно поддев ногтем, откинула золотую крышечку. Да, несомненно, это был он! Это его неповторимые золотые глаза, белокурые волосы, изящно очерченный рот, вкус которого я так и не смогла забыть. Мой сказочный принц с портрета в Лабиринте судьбы... Я собственническим жестом опустила медальон в карман своего колета. Ведьма снова взвыла, на этот раз еще громче и возмущеннее:

– Ты наглая грабительница! Но оригинал твоим никогда не станет, так и знай.

Я философски пожала плечами:

– Ничего личного. Медальон может оказаться, в первую очередь, сильным магическим артефактом. Я просто хочу лишить тебя возможности колдовать против нас.

Ведьма замолчала, обиженно надув красивые губы. Я понимала, что она затаила зло. Ну и пусть! На душе у меня стало гадко и тоскливо.

– Рассказывай про тварей, – потребовал Ланс у некромантки, отвлекая меня от личных переживаний.

Гельда строптиво фыркнула:

– Мне ведомо не много. Я знаю, что учительница пробудила тварей ото сна, желая обратить их против тебя, Сумасшедшая принцесса. Но тварям оказалось совершенно безразлично, чью кровь пить. Они жаждут одного – напитать силой своего, омерзительного даже для нас, Ледяного бога и подчинить ему весь мир. Сейчас учительница ищет средство обуздать их аппетит, потому что твари вышли за пределы своей страны и двинулись в земли людей.

– И что нам делать? – обеспокоено спросила я.

– Не знаю. Храм их бога находится в проклятом городе Геферте, в самом центре Края Тьмы.

– Значит, мне следует проникнуть в Геферт, – не колеблясь, решила я. – Мы не уьем тебя, Гельда, и даже возьмем с собой, если ты пообещаешь не злоумышлять против нас.

– Клянусь именем Ринецеи! – нехотя дала слово зарок некромантка.

Я освободила ее от веревок и повела вниз, вознамерившись накормить ведьму обедом. На повороте лестницы Ланс придержал меня за рукав, на его смазливом лице явственно читалось жгучее любопытство:

– Рыжая, – спросил он заговорщицким шепотом, – скажи, ты и вправду смогла бы пытками вытянуть из Гельды признание?

Я посмотрела на полукровку как на ненормального. Издеваться над пленными врагами? Извините, но на подобные мерзости я не способна.

Вечером, наедине с темнотой, я в одиночестве сидела на берегу Роны, любуясь зажигающимися на небосклоне звездами. Меня терзали тысячи противоречивых и непонятных мне самой переживаний. Часть из них касалась Тварей стужи. Сможем ли мы противостоять этим сверхъестественным существам, которых кажется, опасались даже сами всемогущие демиурги? Ох, Ринецея, Ринецея! Ты родилась неудачницей, а из самых отъявленных неудачников со временем получают великие завистники. Я просто не ожидала, что твоя зависть к Аоле, твоя жажда власти приведут весь мир на грань катастрофы, причем, столь ужасной и неотвратимой. А может, и это тоже стало всего лишь частью жестокой игры, задуманной скучающими демиургами? Есть ли у меня выбор? Играть по правилам демиургов, или же в пику им выработать свою, непредсказуемую стратегию и тактику? Ну и надоели, однако, мне эти демиурги, не поймешь – чего они хотят на самом деле? Не понятные они какие-то, мутные, настоящие серые лошадки. Впрочем, как любит говорить красавец Ланс – даже у самой серой личности есть своя заветная, голубая мечта!

Вторая часть невысказанных мыслей касалась загадочной личности белокурого принца. Я сжала кулаки, до крови впиваясь ногтями в ладони, пытаясь удержать мучительный стон, так и рвущийся с искусанных от отчаяния губ. Я сознательно обманула Гельду! В моем отношении к медальону с портретом изумительного мужчины, которым я восхищенно любовалась не далее, как минуту назад, на самом деле оказалось много, слишком много личного. Я..., я кажется и взаправду – до самозабвения, до настоящего сумасшествия люблю этого невероятного красавца, жить без которого не могу и не хочу! И еще, я похоже, до безумия ревную его к прекрасной некромантке. Новые для меня чувства разрывали неопытное сердце, наполняя его волнением и страданием. А неожиданно родившаяся песня, напоенная овладевшей мной ревностью, взвилась к ночному небу – выплескиваясь прямо из глубин непокорной, сумасбродной души:

Каждый вечер на дорогу
Личный мой выходит враг,
То, покинувши берлогу,
В ночь крадется вурдалак

Щурит красные глазенки,
А в душе таит корысть —
Чтоб до самой селезенки
Естество мое прогрызть

Кровь мою, за каплей каплю,
Будет пить не торопясь,
Шелк волос свалает в паклю,
Честь и гордость втопчет в грязь

Доведет до безрассудства,
Врать научит и хитрить,
И двуличные паскудства
Подобьет меня творить

Сам, хихикая довольно,
Убежит в ночную тьму,

Я же буду добровольно
Изводить себя саму

Ведь сдалась почти без драки,
Зря поверила ему,
А любви, послушав враки,
Объявила я войну

В этой битве правил нету,
Чувства здесь спекают в шлак,
Бьет под дых, бродя по свету,
Ревность – злобный вурдалак

Лишь взмахнет костлявой дланью,
В миг пустеет целый край,
Каждый день спешит за данью,
Жнет обильный урожай

Кто сомненьям смутным дверцу
Приоткрыл хоть на кулак,
К тем тайком вползает в сердце
Ревность – злобный вурдалак

И покуда в селезенке
Не иссякнет Ваша кровь,
Будет он, прикрыв глазенки,
Выгрызать из Вас любовь

Красивые женщины редко рождаются умными. Лилуилла была прекрасна. Она могла часами любоваться своими золотистыми, спускающимися до самой земли волосами, лилейно-белыми, маленькими ручками, бездонными серебристо-серыми глазами и крохотным алым ротиком, отраженными в зеркале с алмазной оправой. Оправу венчал родовой герб – нераскрывшийся бутон синей розы, зажатой в лапке у соловья. И не важно, что прелестная княжна принадлежала всего лишь к второстепенной, побочной королевской ветви, к благородному клану ил-Рианон, зато в образе самовлюбленной кокетки безупречно воплотились оба родовых символа: и королева всех цветов – роза, и сладкозвучный соловей – подаривший Лилуилле свой чарующий голос. Самые завидные женихи склонялись к ногам высокомерной красавицы, униженно вымаливая хоть каплю ее внимания. Но княжна отлично знала свою истинную цену! Меньше чем на принца она не согласна! И заветная мечта Лилуиллы сбылась – оба высокородных отпрыска правящего дома попали в умело расставленные сети. Сам Аберон Холодный, наводивший ужас одним своим именем, попросил княжну стать его женой. Но альбинос оказался столь безобразен...

Лилуилла зябко повела плечами, плотнее кутаясь в меховую пелерину, встала с кресла и подошла к окну. Так и есть, нерадивая служанка – тупая деревенская девка, не до конца прикрыла тяжелую деревянную раму с цветными стеклами, оставив щель, через которую в комнату княжны и проникал морозный, наружный воздух. Девушка протянула пальчики и сердито повернула ручку оконной створки. Сразу же стало значительно теплее. Лилуилла старательно хмурила узкий лобик, на котором и от столь значительного умственного усилия все равно не появилось ни одной, даже самой крохотной морщинки, и вымученно занималась непривычным и тяжелым делом – она размышляла. За окном вольготно раскинулась безжизненная, заснеженная равнина, простиравшаяся во все стороны, и казалось, не имевшая ни конца, ни края. Она такого невероятного количества снега, девушке снова сделалось

холодно, на этот раз – на сердце.

– Какая страшная страна! – вслух посетовала княжна, торопливо отступая вглубь комнаты, поближе к источающему теплу камину. – Здесь нет ничего кроме льда, да ночного унылого воя белых волков. Пресветлые боги, неужели меня хотят выдать замуж за короля волков? – красавица нервно рассмеялась. – Может, я зря отказала Аберону?

Память услужливо перенесла Лилуиллу на несколько недель назад, оживив перед глазами картину недалекого прошлого. Она действительно отказала Холодному, небрежно отослав прочь знатных сватов, прибывших с богатыми брачными подарками. Принц-альбинос внушал ей ужас и отвращение уже одним видом своей бесцветной кожи, взором кровавых, немигающих глаз и длинными, тощими пальцами, сильно смахивающими на омерзительных могильных червей. То ли дело его младший брат – Лионель. Этот принц, к огромному сожалению княжны не являющийся наследником трона Поющего острова, вполне соответствовал ее утонченному вкусу в отношении мужчин. Лионель отличался редкостной красотой, галантными манерами и умел непринужденно болтать на любую тему, что, по меркам Лилуиллы – являлось высшим шиком светского аристократического воспитания. И глупышка уже почти ответила согласием... Но тут случилось непредвиденное – их добрый король Шеарран скоропостижно скончался, Аберон по праву наследника воздел на свою безобразную голову монарший венец, увенчанный геральдическими сапфировыми розами, а младший принц внезапно исчез... Немало горьких слез пролила прелестная покинутая невеста, с раскаянием сожалея о своей незавидной девичьей доле. А ведь она могла бы уже восседать на королевском троне, рядом с мужем-выродком... «Нет!» – Лилуилла испуганно вскрикнула. Никогда не смогла бы она добровольно возлечь на свадебное ложе ненавистного уродца! Но король почему-то совсем не докучал ей насильственными ухаживаниями. Он прибыл в замок клана ил-Рианон поздним вечером, одним недовольным взмахом руки отмел слабые возражения старого князя и приказал Лилуилле спешно собираться. «Куда?» – всполошилась девушка. Король, странно улыбаясь, вежливо разъяснил, что княжна удостоена величайшей чести – она отбудет в чуждые эльфам земли, где вскоре станет супругой всесильного владыки, могущество которого почти не уступает власти Пресветлых богов. Лилуилла растерялась, горделиво возрадовалась, зачванилась и, в итоге, позволила увезти себя из отчего дома. Само путешествие она помнила смутно. Невесту все время везли в закрытой карете, да к тому же – на нее внезапно навалился длительный, непреодолимый сон. Разум вернулся лишь в пределах огромного мрачного города. «Геферт!» – донеслось до Лилуиллы. Это название оказалось ей не знакомо. И вот уже несколько дней она безвыходно жила в покоях огромного, холодного замка. Почти одна, окруженная скромным количеством нелюдимых, безмолвных, плохо вымуштрованных слуг. А неведомый, обещанный королем Абероном жених, все не показывался...

Лилуилла опустила в высокое кресло, взяла в руки надоевшую вышивку и запела. Глубокий, богатый интонациями, переливчатый голос девушки трепетно выводил слова грустной баллады о безответной любви, авторство которой приписывали самой Сумасшедшей принцессе:

Влюбился в розу соловей...
И вот хорей и ямбы
Среди березовых ветвей,
Слагает в дифирамбы

Лишь только солнце к вечеру
Не так паляще жарит,
Он розе новую строку
Вновь вдохновенно дарит

И песня громкая звучит

Над восхищенным лесом,
Но роза вежливо молчит
С безликим интересом

Она бела и холодна,
А он звенящим тоном
Готов любовь излить до дна
Над трепетным бутонем

В полете крылья распластал,
Он вдруг не удержался —
К шипам убийственным припал,
И грудью к ним прижался

Душа истерзанно кричит
Любовными словами,
Но сердце больше не стучит —
Пронзенное шипами

Алеет розовый бутон,
Налитый свежей кровью,
А соловей под смертный стон
Прощается с любовью

И умер маленький певец...
А в тот же миг случилось,
Что эта роза, наконец,
Проснулась и раскрылась

Но не увидит соловей
Как напивавшись кровью,
Сияет роза средь ветвей —
Живет его любовью...

Княжна много слышала о легендарной принцессе, доводящейся ей дальней родственницей. Но каждая новая история неизменно повергала Лилуиллу во все большее и большее недоумение. Женщина – забыв о своем истинном предназначении околдовывать мужчин, носится с мечом и кинжалами, а вместо пышного платья одевается в вульгарные мужские штаны и потертую шляпу. Женщина ли это вообще? Отказывается от власти и почестей, отвергает богатого и именитого жениха – подобное у княжны просто не укладывалось в голове. Да негодная рыжая принцесса позорит не только себя, но и весь женский род! Нет, Лилуилла не такая! Она, в отличие от Сумасшедшей принцессы, станет терпеливо ждать неведомого нареченного, петь и искусно вышивать шелковые платки, предназначенные тому, о ком она так жадно грезит в ночной темноте своей уютной девичьей спальни – о прекрасном принце, который, конечно же, должен непременно оказаться высоким, смуглым и черноволосым. И он, несомненно, придет уже скоро, совсем скоро...

Первые лучи восходящего солнца застали меня во дворе, тщательно разглядывающую лезвие бесценного Нурилона. Я опасалась, вдруг ледяные клинки Тварей стужи причинили какой-нибудь вред волшебному мечу? К счастью, мои опасения не подтвердились. Нурилон как и всегда, спокойно сиял мерцающим, синим цветом, тихонько напевая привычную, лишь одной мне слышную песенку. Я ласково погладила черную рукоять и прижалась губами к

обнаженному мечу, даря верному другу нежный поцелуй. Нурилон даже мурлыкнул от удовольствия и ответного, теплого чувства:

– Ужас какой, – на крыльце стояла Гельда, – в вашей странной компании похоже, одни извращенцы собрались. Ты с мечом целуешься, эльф с орком, а дракон за всеми подглядывает...

– Эх, – дверь снова шумно распахнулась, сбив с ног некромантку, шумно приземлившуюся прямо в центр стайки весело похрюкивающих поросят. Через порог перешагнул взлохмаченный, потирающий глаза и широко позевывающий Ланс. – Хлопотное это оказывается дело, доложу я вам, друзья, осуществлять наши непрерывные походы и подвиги! Вот я лично – каждый день просыпаюсь с петухами и от того, чувствую себя постоянно невыспавшимся!

– А ты с женщинами, для разнообразия, просыпаться попробуй! – ехидно предложила Гельда, грубо отпихивая от себя упоенно облизывающего ее поросенка. – Глядишь, и здоровье у тебя наладится...

– Ой, – дракон широко распахнул выпуклые глаза, видимо, осененный гениальной мыслью, – так что же, получатся, Огвур у нас этот – пету...

В дверях послышалось сердитое сопенье разъяренного орка, и скрежещущий звук неторопливо извлекаемой из запячного футляра секиры.

– А я что, я ничего! – Эткин быстро отступил назад и по-собачьи уселся на задние лапы, передними – предусмотрительно прикрывая голову. – Это все она!

– Ну, чего с нее взять, если эту ведьму даже свиньи сразу за родню признали! – указал пальцем красный от гнева тысячник, недвусмысленно намекая на теплый прием, оказанный Гельде стайкой любвеобильных хрюшек.

Ведьма взбешенно и весьма немзыкально взвыла, поросята немедленно поддержали ее радостным, дружным визгом, Ланс скривил губы и демонстративно заткнул уши. Из окон торчали головы многочисленных посетителей трактира, привлеченных бесплатным концертом. Я усмехнулась:

– Будем считать, что утреннюю зарядку мы отработали честно. Можно выступать в путь.

Я предпочла оставить наших скакунов под кровом любезного трактирщика. Как ни жаль было надолго расставаться с верным Бесом и Снегом, прекрасным белогривым конем Лансанариэля, но какое-то странное чувство упорно нашептывало мне на ухо, что в предпринятом нами походе в Край Тьмы, лошади станут излишней обузой. При этом сам хозяин в сопровождении всего высыпавшего на крыльцо семейства, столь долго и усердно махал нам в след, что я не безосновательно усомнилась в искренности его приглашений заглянуть на обратном пути, усмотрев на широком, красном лице явное облегчение, вызванное нашим отбытием. Впрочем, простительное и откровенно-неприкрытое ликование трактирщика немного подпортил хулиган Эткин, клятвенно пообещавший по доброте душевной как-нибудь заглянуть на досуге, проверить прочность свежее отремонтированного курятника. «Подложить свинью, так сказать, по примеру кое-кого опытного в подобных акциях!» – добавил он, лукаво подмигивая некромантке. Сама же Гельда, очевидно, не привыкшая долго ходить ножками, что-то неразборчиво ворчала себе под нос и бросала на дракона красноречивые взгляды, на которые он, впрочем, совсем не торопился ответить любезным приглашением прокатиться с ветерком. А попрошайничать в наглую, некромантка побоялась, видимо, опасаясь не столько острых когтей и зубов крылатого гиганта, сколько его не менее острого языка.

На третий день пути окружающий пейзаж изменился разительно. Извилистая Рона значительно расширилась и углубилась, прибрежные полянки и песчаные отмели сменились покатыми, обглоданными водой валунами. Над поверхностью реки, уже не величаво спокойной, а взволнованно вздыбленной, стоял неумолкающий рокот, предвещавший скорое

приближение порогов. Ведьма протянула руку с посохом, указывая вперед:

– Видите, за тем поворотом начинается водопад Тысячи радуг, место непонятное и небезопасное. Выше него реки-сестры сразу же расходятся, чтобы не встретиться уже никогда. Лиара уходит в Долину кленов, до еще одного водопада, на котором стоит Храм трех божественных братьев и древний город кентавров – Нис. Долина одной стороной граничит с Черными горами, за которыми, на Роне, находится легендарный Скилур – столица королевства орков. За Долиной кленов, защищенный скальными каньонами, раскинулся торговый край людей Рохосс, родина огромных собак и дурманящей травы янт. Из порта Рохосса, по морю, можно доплыть до Поющего острова. А еще дальше, за ханством, отделенный непроходимыми, заколдованными лесами, и начинается Край Тьмы – попасть в который не смог еще ни один человек или маг. Именно там, согласно легенде, скрывается проклятый город Геферт, пропитанный злом и магией, источником которого считается храм зловещего Ледяного бога.

– Моя мать происходила из благородного рода ликерийских дворян, а Ликерия является приморским районом Рохосса. – Робким шепотом добавил Ланс.

Мы с Огвуром незаметно переглянулись. Рохосское ханство стало последним пунктом на нелегком пути отступления побежденного клана Синих эльфов, убегающих на Поющий остров. Именно там произошли завершающие, ужасающие по жестокости и кровопролитию бои, и не мудрено, что в тех краях эльфов заметно недолюбливали и по сей день. Мы еще сильнее утвердились в своей давней догадке, что отцом нашего прекрасного полукровки оказался какой-то синий аристократ. А я в очередной раз дала себе твердое обещание до конца разобраться в этой печальной и запутанной истории.

Водопад Тысячи радуг не зря получил столь многоговорящее название. Объединенная сила двух могучих рек ревела и бушевала в узком проходе между скалистых обрывов, зияющих многочисленными пещерными лазами, бурно перехлестываясь через острые каменные пики. Мы невольно попятнулись, напуганные зрелищем неукротимой стихии. Над пузырящейся и грохочущей водяной пеной стояла яркая, широкая многоцветная радуга, собранная из тысяч кристальных, танцующих в воздухе брызг и капелек.

– Нам нужно каким-то образом перебраться на противоположный берег, если мы хотим попасть в Долину кленов, а не в Черные горы к сильфам, – некромантка продолжила свои обязанности гида.

Я невольно поморщилась. Вот уж, не имею ни малейшего желания снова встретиться с Генрихом. Не то, чтобы я испытывала к нему острую антипатию, скорее – наоборот, благородный и отважный барон всегда являлся для меня самым колоритным образчиком всех возможных мужских достоинств, собранных в одном, великолепном по своим физическим статьям теле. Но от чего-то, наши последние встречи всегда заканчивались недопониманием и даже конфликтами. Возможно, если бы я так отчаянно не мечтала о белокуром принце с портрета в Лабиринте судьбы, то наши отношения с бароном де Греем сложились бы не столь плачевно и мы...

Не очень то уместные сейчас лирические размышления неожиданно прервал Огвур, невежливо, и весьма болезненно пихнувший меня кулаком в бок.

– Мелеана, – укоризненно проворчал он, – что-то ты в последнее время подозрительно часто задумываться начала, причем, с глупым видом. Ты, часом, не влюбилась?

Я покраснела:

– Влюбишься тут, кажется! Проблемы наваливаются, только успевай уворачиваться. Никакой личной жизни.

– Щас будет, – ехидно пообещала Гельда. – Посмотрим, до какого извращенного способа ты додумаешься для того, чтобы переправиться на тот берег. Немного изучив противоестественные склонности вашей ненормальной компании, имею основания подозревать все самое несуразное...

– Как же, размечталась, держи карман шире! – насмешливо прервал некромантку Ланс. – Все гениальное – просто! Сейчас Эткин нас в два счета на тот берег перенесет, мы

даже ног не намочим.

– Ага, – прищурился дракон. – Эльф прошел по воде, не смочив колени. Чудо – думали друзья, оказалось – мелко. Не хотелось бы тебя разочаровать, красавчик, но чудо – отменяется.

– Как отменяется? – не понял Ланс.

– А вот так, – развел лапами Эткин, – погода нынче не летная...

– Опять наш кузнечик-переросток норов показывает, – возмутился орк. – Нашел время!

Я частенько подмечала некоторую, прочно укоренившуюся, и временами прорезающуюся неприязнь между Огвуром и Эткином, ведущую начало с эпизода их героической встречи под стенами замка де Кардиньяк, но сейчас явно был не тот случай.

– Что-то случилось? – тихонько спросила я у дракона.

Гигант недовольно повел носом:

– Нехорошее это место. Воздух здесь так и пропитан мириадами искусно переплетенных магических нитей. Я их всегда чувствую безошибочно. Магия враждебная, темная. И невероятно сильная. Она намеренно опутывает мне крылья, не дает взлететь...

И словно разбуженный этими словами, мой амулет, итак постоянно напряженный от присутствия Гельды, дернулся сильнее и предупредительно завибрировал. Я изумленно оглянулась, обшаривая прищуренными глазами однообразный скалистый ландшафт. Но даже мое острое зрение не смогло ухватить никакого постороннего элемента, хотя амулет продолжал явственно сигнализировать о приближении сильной некромагической магии.

– Как же не люблю я все эти тайны и загадки, – ворчала я, медленно снимая со спины сначала ножны с Нурилоном, затем колет, а потом отстегивая многочисленные ножи и извлекая из-за голенища ботфорта серебристые метательные звездочки. Сунула в руку Оггура драгоценную «Рануэль Алатору»:

– Береги, головой за нее отвечаешь, потом – вернешь.

– А ты куда собралась? – забеспокоился бдительный друг.

– На тот берег, – я повесила на плечо моток тонкой, крепкой веревки из конского волоса. – Если дракон не может перелететь реку, значит, придется мне ее переплыть!

– С ума сошла? – с негодованием взвился Белый волк. – На этот раз как пить дать, сошла! Только безумец полезет в подобную стремнину!

Я довольно показала ему язык:

– Лансу духа не хватит, ты – слишком тяжелый, а я, к твоему сведению, отлично плаваю, причем – давно привыкла к холодной воде лесного озера. Так что мне и карты в руки!

Орк даже застонал от раздражения, вызванного моими нарочито дурашливыми манерами:

– Мелеана, у меня такое ощущение, что ты испытываешь какое-то мазохистское удовольствие, в очередной раз рискуя собственной жизнью!

– А то ж! – насмешливо подмигнула я. – На то я и прозываюсь Сумасшедшей принцессой! Да и не зря мне с самого раннего детства внушали, что в жизни всегда есть место подвигу.

– Недальновидные тебе достались учителя! – осуждающе покачал головой мудрый Оггур.

Но я успокаивающе похлопала его по плечу и вступила в воду. В голове вертелась шальная, невесть откуда взявшаяся мысль – возможно, если я стану как можно чаще совершать нелогичные поступки, то и судьба, в свою очередь – ослабит бдительность, и побыстрее сведет меня с белокурым принцем? Я фыркнула этой несуразице, погрузилась по плечи, оттолкнулась ногами от дна и поплыла.

Вода оказалась не просто холодной, она тут же впилась в мое мгновенно заledenевшее тело сотнями острых, обжигающе смертельных игл. Я из всех сил боролась с тугими струями потока, неумолимо сносившего меня вниз, на гребень водопада. Сначала я довольно уверенно продвигалась вперед, преждевременно радуясь замаячившему не вдалеке берегу.

Но река не собиралась сдаваться без боя. Мощная струя воды, являющаяся стержнем, душой двух противоборствующих течений, опомнилась, встрепенулась и с кровожадным рычанием набросилась на неосторожную жертву. До меня смутно доносились испуганные крики друзей и бессильный, растерянный рев мечущегося на мелководье дракона... А потом водоворот накрыл меня с головой, оглушил, ослепил и бросил в темное сердце водопада. Вместе с победно грохочущим водяным вихрем, я летела вниз, став всего лишь одной из тысячи крохотных капелек, образующих прекрасную, но бездушную радугу. Со всего маху я с душераздирающим воплем грянулась на жесткие валуны. Цепочка с медальоном Гельды, как живая выскочила из промокшего, разорванного ворота рубашки. Золотые створки распахнулись, и мое лицо уткнулось в эмалевую миниатюру. Уже теряя сознание от холода и боли, я неясно увидела, как глаза нарисованного юноши внезапно ожили и расширились, а его алые губы приоткрылись и шепнули недоверчиво, но обрадовано:

– Ульрика? Ты?

Глава 7

Красивые женщины редко рождаются умными. Ринецее не повезло вдвойне. Обладательницы миленькой внешности всегда особо рьяно ненавидят своих более привлекательных соперниц, понимая, что сами они, по какой-то неведомой насмешке судьбы, промахнулись мимо истинной красоты на каких-то вшивых полпальца. Обидно. Ринецея всегда жутко завидовала ослепительной красоте богини Аолы. Может быть, молодая демоница и имела довольно неплохие шансы стать со временем весьма умной особой, если бы на беду не поддавалась обуревавшим ее чувствам – зависти, жадности, суетности и мании величия. Недоучившаяся магичка, воспитанница великой богини самонадеянно возмечталась занять место своей излишне доверчивой покровительницы. И ведь надо же – получилось! Хитроумный Астор, по своим интеллектуальным качествам намного превосходивший посредственную сестру, умудрился добыть один из шести легендарных клинков демиургов, хранившийся в заброшенном святилище Радужного уровня. За последние сотни лет, конечно же, не без вмешательства Ринецеи и самого Астора, могущество Великих значительно поослабло, что оказалось только на руку окончательно распоясавшимся демонам. Но если гранд-мастер всегда мечтал лишь о расширении территории Изначальных, вынужденных ютиться в сумрачном краю за порталом Тьмы, то его завистливая сестра стремилась к достижению личных, отнюдь не настолько благородных и альтруистических планов. И удача оказалась на стороне рискнувших. Богиня Аола, получившая удар усыпляющего лезвия «Нумриэль Алаторы», уже давно пребывала в состоянии пограничном между жизнью и смертью. Ее божественные братья, не устоявшие против чар принца демонов, разделили печальную участь сестры, заняв отведенные им места на дне Озера безвременья. Ринецея сумела соблюсти видимость мнимого равновесия сил добра и зла, принудив короля Грея – возлюбленного Дарящей жизнь, отнести саркофаги богов на дно колдовского озера. Свергнутых Пресветлых ожидало забытие, медленно, но верно сменяющееся постепенным угасанием. Король заживо гнил и каменел в отдаленной пещере, эльфы не вмешивались, сильфы проиграли войну, получили наказание и еле выживали, а люди не понимали что происходит, и все в целом складывалось замечательно. Прикрывшись кожей, содранной с лица богини Аолы, демоница вполне успешно дурила всех и вся, накапливая силы и постепенно набираясь ума-разума. И даже само Око времени вроде бы начинало потихоньку подчиняться новой повелительнице, показывая что-то туманное и малопонятное. И тут планы демонов значительно подпортило одно мешающее но – королева Смерть, дипломатически не нарушая личным присутствием едва установившегося хрупкого равновесия добра и зла – умудрилась втянуть в историю противостояния богов и демонов свою сумасшедшую внучку. Вот это то и стало началом конца! Все сразу же пошло наперекосяк. Сумасбродная, непоседливая, уродливая рыжеволосая девчонка играючи разрушала продуманные, тщательно спланированные проекты демоницы, повергая ту в

полнейший ступор совершенной нелогичностью каждой своей новой и всегда невероятной, невероятной, непредсказуемой выходкой. И Ринецея возненавидела Ульрику де Мор до самой глубины своей мелкотравчатой, черной, злобной душонки – поклявшись любым способом известить неугомонную принцессу. Не важно как – с помощью первой подвернувшейся под руку, пускай даже самой грубой и недостойной подлости, купленной по высочайшей цене... Ослепленному ненавистью не виден свет истины. Ринецея зарвалась, витающий в любовных облаках Астор проявил халатность и пошел на поводу у своей недаленовидной сестры. Хроники Бальдура были найдены и прочитаны, заклятие, наложенное демиургами – спало, Дети стужи вырвались на свободу...

Ринецея злобно хрустела тонкими белыми пальцами. Мысли разбегались, разбегались, и в итоге разбежались окончательно – оставив демоницу ни с чем. Тщательно разработанный замысел рухнул, причем повлек за собой столь ужасную катастрофу, что впору было хвататься за веревку да лезть в петлю от отчаяния и бессилия. Но лже-богиня стремилась сохранить видимость благополучия даже при самой плохой игре...

Астор, внимательно наблюдающий за сестрой, насмешливо прищурил золотистые глаза. «Ну, и кого ты хочешь обмануть?» – красноречиво говорила кривая ироничная ухмылка, исказившая алые губы демона. Под этим обличающим взглядом Ринецея торопливо выпрямила спину и постаралась придать себе самый умиротворенный вид.

– Ах, братец, не драматизируй, – небрежно начала она, при этом, с головой выдав свои истинные чувства едва слышным хрустом судорожно сжимаемых и разжимаемых фаланг пальцев, – все не так плохо. Бывает и хуже!

– Бывает и хуже, – покладисто согласился Астор. – Но – реже!

Ринецея прикусила подкрашенную кармином губу, стараясь не разрыдаться:

– Но ты же сам восторгался моей идеей!

– Не сваливай, пожалуйста, вину на меня, – принц недовольно поморщился. – Никогда себе не прощу, что плохо изучил древние книги, не выяснил все подробности связанные с пробуждением Ледяного бога и позволил увлечь себя этой дурной затеей... Недаром, видимо, говорят – выслушай женщину и сделай все наоборот!

– Но вот, – совсем по-детски всхлипнула жестокая демоница, – всегда я одна во всем виновата!

– Никто тебя не винит! – принц устыдился своего непростительного поведения, встал с кресла и нежно привлек к себе на грудь черноволосую головку сестры, баюкая и успокаивая. Ведь и впрямь, недостойно мужчины в чем-то упрекать слабую, увлекающуюся, сжигаемую ненавистью женщину. – Я что-нибудь придумаю. Не плачь, родная!

Ринецея облегченно расслабилась:

– Ты же умный, сделай милость, придумай. А то от моих усилий нет никакого видимого результата. Работаю как лошадь, кусаю врагов как змея, устаю как собака, а толку то – пшик. Почему?

– Ну откуда мне знать почему, я ведь не коновал, – отшутился Астор. – А если серьезно, позволь действовать мне.

– И что ты хочешь сделать? – Ринецея подняла на брата светящийся надеждой взор.

– Ситуация сложилась угрожающая, – Астор взволнованно вышагивал из угла в угол, рассуждая на ходу. – Кто же мог предположить, что Ледяные ярлы повернут свое воинство против нас, пробудивших их к жизни. Я так полагаю, что справиться с ними теперь сможет лишь один человек – девушка, принцесса...

Ринецея взбешенно вскочила на ноги, с треском разрывая попавший под каблук подол платья из бесценного, серебристого эльфийского шелка:

– Просить помощи у нашего злейшего, ненавистнейшего врага? У самой Сумасшедшей принцессы? Никогда!

– Сестра! – старался образумить сестру принц, но демоница продолжала бушевать.

– Вспомни, она и ее друзья убили твоего единокровного брата Абигера.

– Ну, этот то всегда оставался тупым мордоворотом, шестеркой, – негромко буркнул Астор. – Сам балбес виноват, нарвался.

– Я из кожи вон лезу, – продолжала истерично голосить Ринецея, – стараясь усилить наше влияние. А ты хочешь рассказать Ульрике все и разрушить так тщательно выстраиваемый замок нашего будущего величия.

– Не все, – Астор наставительно поднял палец, – далеко не все, лишь самое нужное.

– Никогда! – повторно взывала Ринецея, упрямо топая туфельками.

– Ты подумай сама, ведь все твои задумки часто играют и против нас тоже, – начал перечислять принц. – Ты ослабила возможности Великих, это да. Ну-ка, вспомни, что тебе пришлось для этого сотворить с драконами. Но ведь это значительно поуменьшило и мою колдовскую силу. Ты направила на Ульрику принца Ужаса и принцессу Страх, что лишь незначительно приостановило девушку, но привело к потере двух наших самых ценных соратников. Ты уговорила меня пробудить Детей стужи, но и этот план обернулся против нас самих. И наконец, ты, с истинно женским коварством придумала отдать короля Мора – отца принцессы, сына самой Смерти, в дар ледяным тварям и это...

– Остановись, брат, – Ринецея вытянула по направлению к Астору руку, вооруженную острыми, угрожающе пошевеливающимися когтями, – или мы поссоримся. Я вижу, ты принимаешь слишком близко к сердцу проблемы этой рыжей девки!

– Да ничего подобного, – принц торопливо отвернулся, чтобы демоница не заметила краски смущения, предательски залившей его лицо при упоминании о девушке, с некоторых пор овладевшей всеми его помыслами и желаниями. – Я просто указал на побочный, невыгодный эффект наших действий.

– Ой ли! – насмешливо поддела злопамятная сестра.

– Я придумаю подходящий план, как заставить принцессу исподволь действовать в наших интересах, – торопливо пообещал Астор, в душе отдавая себе отчет, что вряд ли сможет совершить хоть один поступок, способный как-то навредить любимой. – Я...

Внезапно он побледнел и напрягся, золотистые глаза недоверчиво расширились:

– Непостижимо! – шепнул он.

– Что случилось? – ошеломленно осведомилась Ринецея, но принц лишь коротко отмахнулся – не мешай.

Я чувствовала привкус крови во рту и легкое головокружение. Ощущая себя лежащей на грубом, мокром камне, я, одновременно с этим, пребывала в каком-то радужном облаке, окутывавшем меня невесомым, золотистым маревом. И в этом тумане присутствовал кто-то еще кроме меня.

– Помоги же мне, милая! – ласково шепнул странно знакомый голос. – Сконцентрируй мысли, потянись ко мне.

Я потрясенно вскрикнула. Еще не успев понять смысла услышанных слов, я тончайшими фибрами души мгновенно опознала человека, которому принадлежали завораживающие бархатистые интонации.

– Ты? – мои разбитые губы раздвинулись в слабой улыбке. – Это ты?!

– Я! – выдохнул он, так близко и вещественно, что струя теплого воздуха, вырвавшегося из его рта, коснулась моей шеи и живой струйкой поползла вниз, в вырез рубашки. – Вот мы и встретились! Ты не рада?

– Рада! – честно призналась я. – Наверно это глупо, но я так и не смогла забыть тебя с тех пор, как увидела впервые, на портрете в Лабиринте судьбы...

– Ох уж этот Лабиринт, – воркующе перебил он. – Глупышка, что же ты натворила, войдя в него!

– Я встретила там тебя, – счастливо уточнила я, – уж не знаю, на беду или на радость...

– Глупышка! – снова нежно обозвал он, сумев каким-то загадочным образом вложить в это короткое, и по сути обидное слово – проникновенность миллиона сонетов и красоту тысячи баллад.

– Я не знаю, кем ты являешься на самом деле, – продолжала я, как в полусне замечая из всего существующего в мире только его неповторимые глаза и полураскрытые губы, парящие прямо передо мной, – но понимаю, что, скорее всего – ты враг и воюешь на стороне Ринецеи...

– Разве это важно? – с мучительной горестью перебил он. – Да пропади оно все пропадом... Разве есть что-то важнее нас?

– Нет, – очарованно согласилась я. – Я ежеминутно думаю о тебе!

Он рассмеялся грудным, обволакивающим смехом. Алые губы приблизились. Я совершенно не понимала, что происходит. Сквозь контуры его лица я отчетливо видела серую громаду утеса, омытую потоком водопада, но в тоже время явственно ощутила прикосновение двух крепких рук, властно обвивших мою талию. Возникший из ниоткуда палец, заканчивающийся черным когтем, повелительно приподнял мой подбородок и алые губы тут же осыпали меня сотней жгучих, требовательных, жадных, похожих на укусы поцелуев. Я застонала от восторга, закрывая глаза в истоме и изнеможении...

– Мелеана! – раздался громкий призыв Оггура. – Что с тобой?

Я вздрогнула и пришла в себя. Образ белокурого юноши начал истончаться, таять как облачко, унося с собой частицу моей души.

– О, не уходи! – взмолилась я.

– Нис, – едва слышно прошепело в воздухе, – запомни, милая, город кентавров Нис. Приходи туда как можно скорее, я буду ждать... – голос оборвался, золотистое сияние померкло.

– Мелеана! – абсолютно не вовремя подоспевший орк подхватил меня под руки, поддерживая и помогая подняться. – С тобой все хорошо?

– Еще как хорошо, – усмехнулась я, уже осознав, что каким-то случайным образом смогла через медальон Гельды установить контакт с белокурым юношей, встречным мной в Лабиринте судьбы.

– Bravo! – Ринецея излишне демонстративно похлопала в ладоши. – Bravo, братец! Ты великий лицедей и сердцеед. Сумел мастерски обворожить наивную девчонку!

Астор тонко улыбнулся:

– Я же обещал тебе, что сумею повлиять на принцессу! Но нужно торопиться – я назначил ей встречу у стен Ниса, пойду собираться в дорогу. – С этими словами принц спешно покинул комнату.

– Ой, что-то я тебе не верю, братец, – злобно прошипела Ринецея в спину уходящему. – А может, все обстоит с точностью до наоборот, и эта подлая тварь обворожила тебя и обвела вокруг пальца? Поступлю-ка я, на всякий случай, по-своему...

«Сестра мне явно не поверила, – думал Астор, пересекая длинный коридор и направляясь в свои личные покои. – Хотя меня сейчас больше всего волнует другое – поверила ли мне Ульрика? Возможно, я предаю сестру, но клянусь, что ни при каких обстоятельствах ни один волосок не упадет с головы моей прекрасной, моей Сумасшедшей принцессы!»

Оггур выглядел озабоченным. Но, судя по бледному лицу Ланса и взволнованному взгляду Эткина, они тоже приняли близко к сердцу мой опасный, образцово-показательный полет вместе с потоками воды, низвергающимися со скального уступа. Одна лишь только Гельда и глазом не моргнула, нимало не озаботившись печальной участью несносной рыжеволосой принцессы. Орк заботливо поднял меня с холодных камней и мельком пощупал насквозь промокший рукав рубашки.

– Мелеана, мне показалось, ты с кем-то разговаривала? Но здесь никого нет.

– Это у нее от удара рассудок помутился, – злорадно предположила некромантка. – А я то все понять не могла, почему ее Сумасшедшей называют? А у нее, оказывается, давно кукушка поехала! – и Гельда насмешливо покрутила пальцем у виска, наглядно

демонстрируя свое невысокое мнение о моих скудных умственных способностях.

Мои друзья синхронно, но по-разному, в полном соответствии со своими характерами отреагировали на вызывающее поведение ведьмы. Ланс присвистнул и громко парировал:

– Сама такая!

Орк замахнулся было тяжелым кулаком, но успел одуматься и сделал вид, будто неожиданно захотел почесать в затылке. А дракон поднял лапу и выразительно, пальцем, проверил остроту своего громадного клыка. Не найдя поддержки и понимания, Гельда мгновенно скисла лицом, стушевалась и отступила назад.

– Без друзей меня чуть-чуть, без друзей меня чуть-чуть, а с друзьями – много! – дурашливо пропел Эткин. А потом внезапно добавил: – А я бы на месте Белого волка не стал так неосмотрительно рассуждать, что здесь нет никого, кроме нас. Я чувствую остаточный след одной, недавно удалившейся мощной магической субстанции, и усиливающееся воздействие другой – агрессивной и негативной...

– Помолчал бы ты лучше, Эткин! А то опять какую-нибудь беду накаркаешь, – попросила я, поеживаясь от пронизывающего ветра, так и приклеивающего к телу мокрую, батистовую рубашку.

– Упс, Рыжая, ты точно уверена, что драконы умеют каркать? – приоткрыл рот наивный Лансанариэль. – А я и не знал!

– О-о-о-о, – с театральным стоном закатил глаза дракон, – теперь я полностью согласен с древним мудрецом, сказавшим, что вершина мудрости – быть понятным каждому дураку!

– Ну, Эткин, ты как чего сморозишь! – недовольно покачал головой полуэльф. – Где же я тебе сейчас дурака то найду?

Гельда обидно хихикнула. Я криво улыбнулась, пытаюсь не стучать зубами слишком громко:

– Простота, подчас, хуже глупости! – я внесла свою посильную лепту в заумный философский диспут.

Ланс обиженно шмыгнул носом. Он, как обычно, ничего не понял.

– Умные люди как цветы, – нудно ворчал мудрый орк, поспешно что-то выискивая глазами. – Один приятен, а от вонючего букета со смесью запахов – сразу начинает болеть голова. Вот, – он с облегчением ткнула пальцем в сторону большой пещеры, обнаруженной в стене скалы, – то, что нам и требовалось. Предлагаю укрыться в ней от ветра, развести костер, передохнуть и высушить мокрую Мелеану... – не дожидаясь нашего одобрения, Оггур первым направился к зиявшему в скале отверстию и вступил в пределы сумрачного свода.

Мы не успели даже охнуть. Раздался страшный грохот, земля под нашими ногами сильно покачнулась, а с вершины утеса посыпался целый град валунов, погребая под собой вход в пещеру и не в меру прыткого орка. Истошно завопил опомнившийся Ланс, Гельда опрометью просилась прочь, подальше от опасного места, а Эткин предусмотрительно сгреб меня обеими передними лапами, справедливо опасаясь, что я бесстрашно полезу в центр обвала. Несколько минут мы молча боролись. Победа досталась дракону.

– Ну, – требовательно сказала я, – отпусти меня. Землетрясение то – закончилось. Нужно спасать Оггура.

– Если он жив! – осиротело заголосил полукровка, горестно пытаюсь вырвать клоч своих длинных, пепельных волос.

– Шевелюру побереги, – посоветовал ему дракон. – Жив он, жив, я его слышу. Но в пещере есть кто-то еще...

Тут уже не на шутку испугалась я, а то мало ли кто может напасть на засыпанного в пещере и возможно, серьезно раненого тысячника. Я подошла к груде камней, закрывавших вход в пещеру, и громко позвала:

– Оггур! Ты в порядке?

– Отвали! – неразборчиво донеслось из-за завала.

Я опешила. Это что же получается то, а? Я, понимаете ли, беспокоюсь, помочь хочу, а

меня еще и посылают невесть куда, вместо благодарности!

– Огвур! – возмущенно рывкнула я. – Тебя что, по голове чем-то тяжелым шандарахнуло? Ты там, случаем, не сбрендил ли?

– Отвали, – снова послышалось из пещеры, – камень от входа отвали!

Объединенными усилиями нам удалось разобрать мелкие обломки и откатить один колоссальный валун. В расчищенном проходе неторопливо возник живописно исцарапанный, пыльный, злой, но, спасибо богам – живой и невредимый орк.

– Вот, – наставительно изрек дракон, – я вы меня не послушались! Я же предупреждал, что чувствую присутствие чьей-то злой воли! Обвал не сам по себе возник...

– Кто-то хочет нас убить? – выкатил зеленые глаза Лансанариэль.

– Совершенно точно! – вдруг раздалось из-за спины орка и, легко, словно тонкую тростинку, отодвинув массивную фигуру Огвура, навстречу нам вышел высокий, седобородый мужчина, аскетического облика. Я с первого взгляда вспомнила и эти умные, пронизательные глаза и золотой посох с обсидиановым шаром. Мгновенно приложила руку к груди и почтительно опустила на одно колено:

– Приветствую вас, магистр Арбиус!

Старый некромант одарил мой лоб растроганным отеческим поцелуем и испытующе всмотрелся в мокрое, прикрытое золотой маской лицо:

– Узнаю нашу отважную принцессу, по-прежнему безупречно учтивую и благородную!

– Мастер, – Огвур шумно отряхивался от пыли, – продолжили бы вы рассказывать эту захватывающую историю, конец которой я не дослушал в пещере...

– Какую еще историю? – встрепенулся Эткин.

Арбиус лукаво ухмыльнулся, неторопливо расправил складки своей черной мантии, выбрал валун посуше, уселся на него со всем доступным комфортом и только после этого, поманив к себе коротким, выразительным жестом, заставил меня опуститься на колени у его ног. Наши глаза оказались на одном уровне. Не отворачиваясь и не мигая, я смотрела в черные зрачки некроманта, отмечая гипнотические спирали света, начинавшие закручиваться в их бездонной глубине. Наконец, Арбиус довольно вздохнул, и устало прикрыл дрожащие от напряжения веки:

– Что увидел ты там, архимаг? – требовательно спросил дракон.

Некромант задумчиво пропустил через сжатый кулак свою длинную, седую бороду:

– Ты мудр, великий дракон, каким и положено быть последнему хранителю магии! Но как ты легкомысленно позволил зародиться столь опасному чувству?

– Эх, – виновато буркнул крылатый гигант, – значит, ты тоже все понял, магистр! А что я мог поделать? Запретный плод, он всегда слаще!

– Хе-хе-хе, – хрипло и печально откашлялся Арбиус, – случившегося не воротишь! Грядут великие горести и испытания. Под силу ли хрупкой девушке вынести то, что она сама себе наворожила?

– И вовсе она не слабая! – убежденно заспорил дракон. – Есть девы в нарронских селеньях – их бабами гордо зовут, горгулью поймают в два счета – и задницу ей надерут.

Но некромант даже не улыбнулся.

– Да что случилось то? – не выдержала я, ощущая, что сейчас лопну от распиравшего меня любопытства. – Чего такого страшного я себе подгадала?

– Сущий пустяк, всего-то изменила пророчество Великих! – скверно усмехнулся Арбиус.

– Во, дела! – привычно выдал Ланс.

Орк крякнул, но промолчал.

– Рассказывай все по порядку! – безапелляционным тоном заявила я.

Некромант снова откашлялся. По его смущенному виду стало понятно, что он не знает, с чего следует начать. Эткин пришел ему на помощь:

– Существует древняя легенда, – дракон полуприкрыл сапфировые глаза, вслушиваясь в свой протяжный голос, – что все, произошедшее с Пресветлыми богами, оказалось

определено заранее по вине скучающих, почти выживших из ума по причине крайней дряхлости – демиургов. И якобы, наличествует некое туманное пророчество, записанное на одной из стен Озера безвременья, предрекающее гибель творцов, им же самим и открывшееся. Но магам-некромантам, служащим королеве Смерти, удалось однажды заглянуть в Око времени и они увидели что-то странное, связанное с замыканием Кольца, что, несомненно, приведет к падению власти Великих. Это замыкание, сложно сказать точно, в чем оно заключается, выровняет равновесие добра и зла в нашем мире, и демиурги уже не смогут управлять нами далее. Этого и боятся жестокие создатели, затеявшие игру, лишь бы не допустить нежеланного для них витка развития. Они и подтолкнули Ринецею к свержению богини Аолы. И все ради того, чтобы установленные ими правила остались нерушимыми...

– А ты, беспокойная дочь моя, – поддержал Эткина некромант, – умудрилась забрести в Лабиринт судьбы и изменить свою жизнь, поправ текст пророчества и встретившись с тем, с кем никогда не должна была даже мельком видеться. Ты отвергла руку барона де Грея, пророчество утратило свой изначальный смысл и теперь никто из нас, в том числе и демиурги, не в силах предугадать – что произойдет дальше!

– А я то думала, что Великие просто играют! – задумчиво протянула я.

– Доигрались уже, – ехидно хохотнул Эткин. – Теперь в игру вступили новые, зловещие силы, реально угрожающие не только нам, но и демиургам. Поэтому они не случайно оставили тебя в живых, они надеются, что ты сможешь избавить их от Ледяного бога.

– А твое внезапно вспыхнувшее чувство к белокурому принцу вообще выходит за рамки разумного, – недовольно добавил Арбиус. – Вы не предназначены друг для друга, потому что ваша любовь способна изменить само понимание добра и зла! Кроме того, он твой враг и по идее, должен стремиться убить всех нас!

– Да кто же он на самом деле? – выкрикнула я, замученная обильно вываливаемыми на меня намеками и угрозами. – Демон? Вот, подумаешь, велика беда нашлась! Я ведь тоже не разберешь кто! И какой смысл упрекать меня тем, что уже сделано? Не могу же я еще раз пойти в Лабиринт, чтобы попытаться все исправить!

– Упаси тебя от этого Истинные боги! – испуганно отшатнулся Арбиус. – Нельзя тебе туда во второй раз, никак нельзя. А то, как бы еще хуже не вышло!

– Ш-ш-ш, – ласково успокоил меня дракон. – Что произошло, то произошло! Я всегда руководствуюсь умной фразой – что ни делается, все к лучшему! Магистр Арбиус говорит то, что повелевает ему его умудренный долголетним опытом, скептический разум. Но я чувствую сердцем и верю в свою интуицию, а поэтому знаю – не все так печально и плохо, ибо если ваша любовь окажется истинной – то она принесет не только горе, но и благо, а возможно – и спасет нас всех!

Арбиус громко фыркнул, не соглашаясь. Но дракон не обратил ни малейшего внимания на сомнения старого мага и продолжил:

– У тебя сейчас слишком много неотложных дел, принцесса! Ринецея не бросает попыток тебя погубить, это землетрясение ее рук дело. Ледяной бог продолжает наращивать силу и нужно попробовать справиться с ним до тех пор, пока он не прошел через обряд инициации с помощью эльфийской девственницы и Пелены богини Аолы. Это сейчас важнее всего, любовные переживания придется отложить на потом. Хотя, – тут Эткин задумчиво пошевелил пушистой кисточкой на конце хвоста, – возможно, все это лишь разные составные элементы одной большой, перепутанной и разрозненной головоломки!

– Идиотизм! – возмущенно вмешалась молчавшая до этих пор Гельда, умудрившаяся втихую вернуться и подслушать наш разговор. – Магистр, скажите хоть вы им, что нельзя сваливать в одну кучу войну, магию и любовь. Недаром нас учат – не спи там, где работаешь!

Но Арбиус вместо того, чтобы подтвердить обвинение девицы, сильно разгневался и замахнулся на некромантку своим золотым посохом:

– Молчи, отступница! – рассерженно потребовал он. – Кого ты хочешь обмануть этим показным лицемерием? Да ты же сама первая и поправа эту прописную истину, предала Гильдию и перешла к Ринецее! И все ради чего? Да тоже ради любви!

Гельда виновато засопела, но продолжала упрямо взирать на нас исподлобья, непоколебимо уверенная в собственной правоте:

– И все равно, меня можно понять и простить! Демоны – для некроманток, а не для каких-то сумасшедших полуэльфийских принцесс! К тому же, не ведающих всей правды! Кто и когда откроет ей глаза?

Эткин резко, угрожающе рассмеялся:

– А вот уж это не тебе решать, ведьма!

– Хватит! – резко оборвала я, утомленная услышанными, не совсем понятными мне разборками. Жаль, тогда я пропустила мимо ушей последние слова Гельды, не вдумавшись в важный, скрытый в них смысл. А ведь будь я тогда внимательнее, все случившееся дальше могло бы произойти совсем иначе! Ну да все мы, по собственной безалаберности и излишней самоуверенности, являемся кузнецами собственного несчастья, которое, как известно, куется намного быстрее и легче чем счастье или везение.

Арбиус, Эткин и Гельда, мгновенно прекратившие затянувшуюся перепалку, заткнулись на полуслове и выжидательно уставились на меня.

– Кто-нибудь из вас знает, что нужно делать дальше? – требовательно спросила я. – Я собираюсь отправиться к городу Нис, но теряюсь в догадках, чего следует ожидать от этого похода и во что он может вылиться. У кого-нибудь есть другие идеи?

Но все молчали.

– Я наверно смогу помочь предугадать будущее, или хотя бы попытаться набрести на подсказку, – после минутного колебания признался Арбиус. – Там, – он махнул в сторону злополучной пещеры, – глубоко под землей, находится монастырь Гильдии некромантов. Иногда, во время совершения магических ритуалов, мы используем зерна травы янт, при сжигании небольшого числа коих выделяется специфический дым, вдыхая который человек способен кратковременно расширить пределы своего сознания. Не хочешь ли попробовать провести подобную церемонию? – предложил он мне. – Возможно, ты сможешь узнать что-то полезное.

– А это не вредно для здоровья? – опасливо спросил дракон. – Говорят, эта трава наркотик и способна вызвать не только привыкание, но и слабоумие.

– Да, но не с первого раза, – успокоил его некромант.

– Хорошо, – я подмигнула Эткину с самым хулиганистым видом, – это может оказаться довольно забавным. Не имею ничего против попытки приобретения одного маленького, наркоманского опыта!

Глава 8

В своем роде, Аберон оказался весьма талантливым правителем. В течение нескольких истекших месяцев, он сумел полностью переустроить привычную, укоренившуюся за столетия, жизнь Поющего острова. Он основал магическую академию некромантии, облагодетельствовал пару-тройку торговцев, занимающихся распространением контрабандно ввозимых волшебных артефактов, и повсеместно запретил песни и танцы, которые альбинос на дух не переносил. «Музыку придумали бездельники, уваливающие от работы!» – глубокомысленно изрек король. С тех пор Поющий остров замолчал. Но Холодный испытывал щемящее чувство беспокойства, усиливающееся с каждым днем. Принц Астор, оказавший ему военную помощь и выделивший для надзора за островом десяток полков всецело преданных своей семье демонов и горгулий, и по причине подобного расклада сил ставший фактическим правителем, использующим Аберона как подставное лицо или ширму – не торопился делиться с альбиносом дальнейшими планами на будущее. Мнимый король бессильно кусал локти, маясь неосведомленностью и дефицитом

информации. Хрустальный шар показывал ему мутные, отрывчатые и в высшей степени непонятные картины происходящих событий. Станные – но, наводившие на определенные размышления. А не продешевил ли Аберон? Холодный отчетливо понимал, что Дети холода давно вышли за пределы Края Тьмы, ведомые все возрастающей мощью своего ужасающего бога. Ледяной бог беспрестанно нуждался во все в новых и новых порциях свежей крови, каждая из которых приближала час его окончательной победы. Ледяные ярлы легко подавили слабое сопротивление кентавров, почти стерев с лица земли остатки этого несчастного народа, и уверенно продвигались в глубь королевства людей. Армия демонов Астора, после того как гранд-мастер выполнил условия выдвинутые тварями, даровав им две жертвы, стала для Ледяных ярлов не союзником, а всего лишь очередной пищей. Твари стужи не признавали никаких соглашений и не нуждались более в чьей-либо помощи. От бдительного ока Аберона не ускользнула бессильная растерянность, овладевшая великим магом-демоном, и эльф задумался – а не пора ли каким-нибудь способом переметнуться на сторону Ледяного бога? Пока еще не стало слишком поздно... Король так же был в курсе всех шагов, предпринятых его сумасбродной, рыжеволосой племянницей – но не придал им особого значения. Ну что может противопоставить одна, пусть и ненормально отважная девчонка, разрушительной силе Ледяного бога?

Аберон неподвижно сидел в своем рабочем кабинете, невидящим взором уставившись в лежащую перед ним, открытую книгу. Мысли короля витали далеко, отвлекшись от бесполезного сейчас магического манускрипта. У ног владыки скорчился уродец Гнус, не решающийся прервать затянувшееся молчание. Наконец Холодный тяжело вздохнул, его тусклые, устремленные в одну точку глаза, оживились:

– Ну а ты, дружище, что обо всем этом думаешь?

Гнус, как обычно – обряженный нелепо и вычурно, пестрым комком выкатился на середину комнаты:

– Нужно перейти на сторону тварей и более того, попробовать разгромить ослабевшего принца демонов. Наверняка, после его гибели найдется много чем поживиться и в плане магии, и в плане богатства!

Аберон вздрогнул. Он и сам планировал предать, бросить терпящего поражение Астора, но ударить в спину вчерашнему союзнику... да такого Холодный не додумался! Он по-новому, пожалуй, даже немного уважительно, посмотрел на кривобокую фигуру трезвомыслящего любимца:

– Оттуда в таком маленьком и болезненном существе столько злости и подлости? – удивленно и в какой-то степени риторически спросил король, ни к кому конкретно не обращаясь.

– А я концентрированный! – гадко хихикнул Гнус. Его крохотные, глубоко посаженные глазки засветились мерзким вожелением:

– А после всего, твое величество отдаст мне свою родственницу – рыжую Ульрику?

Аберон сразу же вспомнил о сердечной слабости, столь явно и совершенно не вовремя испытываемой Астором к Сумасшедшей принцессе, и вздрогнул вторично. Скорее всего, коснись дело вопроса жизни и благополучия этой юной особы, принц еще найдет в себе силы побороться с кем бы то ни было. Не говоря уже о том, что боевой тандем принца и принцессы, если он вдруг когда-нибудь возникнет, может составлять весьма ощутимую угрозу для любого существа, окажись оно хоть самым Ледяным богом. И Холодный искренне понадеялся, что идея подобного союза никогда не воплотиться в реальности, потому что абсолютно не доверял ни Рыжей, ни великому демону.

– А зачем тебе моя племянница? – спросил он у гнома, возвращаясь к временно утерянной нити разговора.

– Рыженькая, страшенькая, но миленькая! – плотоядно облизнулся Гнус, его тощие пальцы рефлекторно зашевелились сами по себе, напоминая паучьи лапы. – Люблю девственниц!

« Слышал бы тебя сейчас Астор! – мысленно усмехнулся Аберон. – Если бы твои

похотливые идеи достигли ушей влюбленного демона, тот быстро избавил бы тебя от причинного органа, а вместе с ним – и от бремени плотских желаний»

– Принцесса слишком опасна, – сказал он вслух. – Не забывай, что она доводится внучкой самой королеве Смерти.

– Тем лучше, – довольно ухмыльнулся уродец. – Ненавижу всю ее поганую семейку, ненавижу покойного короля Шеаррана, ненавижу ее матушку Альзиру..., – Гнус не успел договорить.

Воздух в центре комнаты неожиданно сгустился, образовав белесое, слабо светящееся пятно. Гнус с перепуганным воплем откатился в угол и спрятался за массивную серебряную статую. Аберон пораженно мигнул, неотрывно наблюдая за происходящим. Кто-то смело и самоуверенно творил окно пространственного перехода, с четкостью и быстротой – наглядно выдававшими навыки опытного архимага. Сгусток тумана уплотнился и принял форму дверной арки, щедро украшенной позолотой и резными виньетками. Холодный насмешливо фыркнул – нужно быть либо безмерно глупым, чтобы в пустую тратить силы на воспроизведение декоративных, никчемных деталей отделки, либо... тут до альбиноса наконец-то дошла суть происходящего, он запоздало ахнул и рухнул на колени. Потому что подобным, почти неограниченным запасом энергии, кроме всех известных королю чародеев, мог обладать только один маг, вернее – магичка. Созданная из пустоты дверь бесшумно распахнулась. Стройная женская ножка, обутая в туфельку из кожи саламандры, мелькнувшая в высоком разрезе полупрозрачной, серебристой юбки, шагнула на ковер королевского кабинета. Женщина, не оборачиваясь, щелкнула пальцами, и дверь мгновенно исчезла. Незнакомка спокойно пересекла комнату, не дожидаясь приглашения – величественно уселась в опустевшее кресло, где еще минуту назад сидел сам Холодный и кончиками белоснежных, тонких пальцев, сняла полумаску, прикрывавшую ее лицо. Аберон затаил дыхание, не смея поднять глаза.

– Посмотри на меня! – властно потребовала женщина низким, грудным голосом.

Аберон несмело поднял взор. Густые, вьющиеся, цвета беззвездной ночи локоны обрамляли узкое лицо, каскадом падая на плечи и спускаясь до пояса. Умопомрачительно глубокое декольте являло почти не закрытую тканью грудь, казалось, выточенную из бесценного розоватого мрамора. Огромные черные, опущенные самыми длинными в мире ресницами, очи – смотрели холодно и высокомерно. Вишневые губы, пухлые и аппетитные, сложились в несмешливую улыбку. В мертвой тишине было слышно, как притаившийся в углу Гнус жадно сглотнул и шумно перевел дух, завороченный недоступной красотой нежданной гости. Женщина правильно расценила услышанные звуки и весело расхохоталась:

– Нравлюсь?

– Госпожа, – урод на карачках подполз к красавице и униженно распростерся у ее ног, лобызая острый кончик кокетливо выставленной туфельки, – твой смех напоминает стук бесценных алмазов по золотому блюду...

Женщина довольно усмехнулась и милостиво протянула Гнусу свою лилейную кисть, позволяя безобразным губам запечатлеть на ней верноподданнический поцелуй.

« Да она всего лишь самовлюбленная эгоистка! – с ужасом понял Аберон. – И этой пустоголовой женщине повезло встать у кормила власти и выпала возможность вершить наши судьбы? Спаси нас, благое провидение!»

И правда, было от чего испугаться. Женская глупость во много раз превосходит мужскую, ибо всегда найдутся корыстные льстецы – ей бесконечно потакающие. Женская жестокость во много раз превосходит мужскую, ибо даже самый жестокий мужчина способен пощадить женщину, но женщина мужчину не пощадит никогда. И наконец, женская ненависть во много раз превосходит мужскую, потому что озлобленная женщина чаще всего, быстро забывает справедливую причину, движущую обидчиком, но саму обиду помнит вечно. Спасите нас боги от дур, и еще более – спасите от красивых дур дорвавшихся до власти, опасных вдвойне...

Все эти мысли с быстротой молнии промелькнули в мозгу расстроенного Аберона, потому что он уже понял, кем на самом деле являлась его незваная гостья.

– Ну, – требовательно прикрикнула женщина, – а ты чего ждешь?

Усилием воли, король заставил себя склониться и вскользь чмокнуть кокетливо подставленную руку. Женщина откинулась на спинку кресла с видом сытой кошки, обьевшей жирной сметаной.

– Итак, – теперь в ее голосе явственно слышались удовлетворенно-мурлыкающие нотки, – кто-то совсем недавно упоминал, как сильно он ненавидит принцессу Альзиру!

Аберон недовольно покривился. Как ни недолюбливал он свою умалишенную сестру, но все же, с родственниками он предпочитал разбираться сам, без вмешательства вездесущих демонов. Грязное белье на людях не стирают, сор из избы при посторонних не выносят, а тем более – из избы королевской. Но гостье, похоже, оказались совсем неведомы куртуазные правила приличия, хотя бы показные, которых так любил придерживаться щепетильный и брезгливый эльф.

– Госпожа Ринеcea, – король старался совместить всю доступную ему вежливость с минимально отпущенными ему в данной щекотливой ситуации крохами собственного потрепанного, марионеточного авторитета, – я полагаю, что члены королевской семьи рода эль-Реанон ни в коей мере не подходят в качестве объекта для грубых шуток.

– А мне начихать, чего ты там полагаешь, – нахально, нарочито грубо, почти выплюнула демоница. – Ты сейчас находишься совсем не в том положении, чтобы что-то полагать. Это ты полагаешь, а я – располагаю! – и она демонстративно поставила острый каблучок туфельки прямо на горностаевую мантию коленопреклоненного эльфа.

Аберон снова поморщился. Все-таки, дурные манеры госпожи Ринеceи являли разительный контраст со всегда безупречным поведением ее брата, принца Астора. Но, разумеется, об этом король предпочел умолчать.

– Вот так то! – довольно резюмировала демоница. – Впрочем, я пришла не для того, чтобы ссориться. Я хочу помочь.

Альбинос недоуменно склонил голову набок. Ринеcea состроила капризную гримаску, словно удивляясь его недогадливости.

– Не скрою, – нехотя призналась она, – ситуация складывается в высшей степени непонятная. Око времени, в последние дни, показывает сплошную галиматью, и мне трудно спрогнозировать хоть что-то более или менее правдоподобное. Поэтому я нашла другой способ, позволяющий заглянуть в будущее, а именно – использовать твою сестру! – острый коготь демоницы уткнулся в грудь короля.

– Но ведь она давно утратила рассудок! – растерянно напомнил король.

– Тем лучше! – жестоко хмыкнула Ринеcea. – Разум сумасшедших всегда сильнее прочих подвержен различным ментальным движениям и влияниям. Достаточно обкурить Альзиру дымом зерен травы янт и она тут же увидит пусть не совсем четкие, но вполне достоверные картины ближайшего будущего!

– Но это способно заметно усугубить степень ее умственного расстройства, – подчеркнул Аберон, вовсе не желая привлекать сестру для столь опасной церемонии. В глубине души он понимал, что дым наркотического вещества может перевести тихую стадию помешательства в буйную, что, в свою очередь – приведет к вынужденной необходимости уничтожить опасную больную. А это почти гарантированно вызовет негативный отклик среди всего разнородного населения Поющего острова. Принцессу на острове любили и жалели.

– Как, ты смеешь мне противоречить? – угрожающе прошипела Ринеcea. – Ты мой слуга и сделаешь то, что я тебе приказываю. А иначе посмотрим, долго ли ты продержишься на троне без помощи моего войска. Веди сюда свою сестрицу и прикажи подготовить все, необходимое для проведения обряда!

– Но ваш брат..., – заикнулся альбинос, – он не простит мне издевательств над матерью его воз...

Но демоница ничего не желала слушать, начиная сдавленно рычать от клокотавшего в ней гнева.

Аберон бессильно скрипнул зубами, но был вынужден подчиниться безоговорочно.

После того как мы согрелись, обсушились и немного перекусили, Арбиус вынес из недр пещеры высокую бронзовую жаровню, наполненную едва тлеющими углями. Два молодых некроманта мрачной наружности, сопровождавшие архимага, усадили меня на жесткий коврик, испещренный непонятными письменами, и жестами предложили принять необычную позу – скрестить согнутые в коленях ноги, руки расслабленно положить на колени ладонями вверх и плотно сомкнуть подушечки мизинцев и больших пальцев каждой кисти. Я недоуменно приподняла брови, ожидая разъяснения магистра. Арбиус удовлетворенно кивнул, целиком и полностью одобряя действия безмолвных помощников:

– Это особая каста нашего клана, служители богини Аолы, жрецы-янтры, давшие обет молчания, нарушаемый лишь ради изречения воли Дарующей жизнь, снисходящей на них под воздействием одурманивающего дыма.

– Ты противоречишь сам себе, некромант, – скептически пробасил дракон, просунувший голову в пещеру. – Ваша магия идет от королевы Смерти, вы служите Тьме! Так при чем тут воля Аолы, априори являющейся источником вечного добра и света?

Архимаг довольно погладил свою длинную бороду, что по моим наблюдениям, свидетельствовало о готовности любой ценой отстаивать собственную точку зрения:

– Хвалю твою наблюдательность, крылатый! Но разве не является Свет всего лишь обратной стороной Тьмы, без которой он утрачивает всяческий смысл? День сменяет ночь, тепло сменяет холод, старость сменяет молодость. Все неразрывно связано в нашем мире, где одно не может существовать без другого...

– Но тогда, – дракон торопливо прикрыл веками ослепительно вспыхнувшие глаза, – мы не должны противодействовать любви принцессы и демона, ведь это и есть союз противоположных, дополняющих друг друга начал!

Но Арбиус возмущенно всплеснул руками:

– Не путай естественное с противоестественным! Ночь сменяет день, но никогда с ним не встречается. Солнце и Луна ходят друг за другом, но что приключается при их слиянии?

– Затмение, – чуть слышно шепнул Эткин, – нарушение природных процессов, выплеск неконтролируемой энергии, наводнение, шторм, ураган...

– Вот именно, друг мой! – сокрушенно вздохнул некромант. – Нельзя допустить подобного несчастья!

Я напряженно слушала разговор мага и дракона и все равно, подсознательно отказывалась понимать их вроде бы выглядевшие такими логичными доводы. Ну что страшного может случиться, если белокурый красавец, пусть даже и происходящий из рода демонов, поцелует меня еще разочек? Ураган, торнадо? Фи, какая глупая чепуха! «Не верю» – как любят кричать учителя, обучающие выступающих на сцене комедиантов. И я совсем уже собралась вмешаться в их странный диалог, как дракон неожиданно хмыкнул и замолчал, видимо, осененный какой-то интересной мыслью. Я встрепелась, сползая с коврика и желая немедленно пристать к другу с вопросами, но молчаливые жрецы почти насильно усадили меня обратно и снова сложили мои пальцы в ритуальную позу.

– Подобное соприкосновение фаланг активизирует чакру в области солнечного сплетения и помогает замкнуть ментальные поля человеческого организма, – прокомментировал Арбиус. – Попробуй расслабиться, отрешиться от всего земного и не думать ни о чем.

По его знаку передо мной поставили раскаленную жаровню, на верхнюю тарелку которой высыпали пригоршню мелких треугольных семечек. Магистр повелительно взмахнул рукой, приказывая удалиться всем кроме объекта ритуала и жрецов. Облаченные в черные одеяния мужчины опустили на корточки с двух сторон от меня, и затянули однообразную, монотонную мелодию, закрыв глаза и медленно покачиваясь в такт звукам.

Поначалу мой натренированный, музыкальных слух усиленно сопротивлялся противной, нудной песне, состоящей кажется, всего лишь из нескольких нечетких, постоянно повторяемых слогов. Неприятный мотив настойчиво ввинчивался в мозг, вызывая едва сдерживаемое желание заткнуть уши и бежать куда подальше, пока пронзительные, сверлящие звуки не свели меня с ума. Желая хоть немного отвлечься от зомбирующего пения, я решила переключиться на запах и глубоко вдохнула горьковатый, приторный дымок, тонкой струйкой поднимающийся над поджаривающимися семенами травы янт. С первого же вдоха со мной начало происходить нечто непривычное. Мне показалось, что попавший в нос запах неожиданно разросся и превратился в плотное белое облако, изнутри целиком заполнившее тело и череп. Зрение угасло мгновенно, слух исчез, наконец-то избавив меня от неприятных звуков, кончики соединенных пальцев непрерывно кололо острыми иголками. Я хотела встать и прервать тошнотворный ритуал, ставший мучительно неприятным, но руки и ноги, еще минуту назад такие ловкие и гибкие, онемели и стали чужими, отказавшись слушаться одурманенного разума. И совершенно невольно я делала единственное, на что еще оставалась способна в данной, неуправляемой ситуации – раз за разом, все чаще и сильнее вдыхала приторный запах, лишаящий меня воли и разума. Но затем я внезапно перестала осознавать – кто я такая и где нахожусь, а превратилась в крохотную, ярко сияющую искорку-мысль, стремительно проваливающуюся вглубь темного колодца небытия...

Красивые женщины редко рождаются умными. К счастью, или вернее к несчастью, принцесса Альзира, законная правительница Нарроны и любимая супруга короля Мора, являла собой редкостное, но весьма приятное исключение из этого прискорбного правила. Королева была умна, добра и к тому же – бесподобно хороша внешне. Правда – не сейчас. Ибо сейчас, мало кто смог бы узнать в этой худой до истощения женщине с впалыми щеками, потухшими глазами и свалявшимся, некогда прекрасными серебристо-пепельными волосами, прежнюю ослепительную красавицу, хохотушку и певунью – красу и гордость народа эльфов. Княжна Лилуилла ил-Рианон, столь прославившаяся своей несравненной прелестью, на самом деле казалась всего лишь бледной, упрощенной копией своей венценосной родственницы. Но ныне Альзира Шеар-эль-Реанон смахивала на безликое, полоумное привидение, способное вызывать не восхищение, а всего лишь жалость и желание помочь. И даже черствое сердце ее брата-короля, Аберона Холодного, испытало нечто похожее на сострадание и сожаление при виде медленно угасающего существа, расслабленно полулежащего в глубоком кресле. Альбинос неслышно приподнял тяжелую вышитую портьеру и бочком протиснулся в затененную комнату, слабо освещенную бледным огоньком единственной свечи и густо напоенную запахом лаванды и пачулей. Принцесса не выносила яркого света. С тех самых пор как однажды, почти восемнадцать лет назад поднесла фонарь к лицу спящего супруга и приподняла черную маску, надежно скрывающую невообразимо безобразные черты любимого мужчины. Остатка травмированного, потухающего рассудка молодой нарронской королевы едва хватило на то, чтобы в муках произвести на свет двоих детей-близняшек и поручить одного из них опеке верной подруги, графини Антуанетты де Брен. А после этого глухая пелена тихого помешательства беспощадно опустила на хрупкую головку прелестной эльфийки, повергнув ее в бездонную яму безумия, где королева пребывала и по сей день. Альзира ни на что не жаловалась, почти не шевелилась и не разговаривала, чаще всего надолго отказывалась от пищи, плакала и таяла как свечка. И только любой яркий свет взрывоподобно выводил ее из состояния ставшего привычным полусна-полубодствования, вырывая их чахлой фигурки настолько жалобные причитания и всхлипы, что принцессу тут же оставляли в покое. Лекари и маги бессильно разводили руками, дружно признавая, что Альзира безвозвратно обречена на постепенное, но верное угасание, длящееся уже семнадцать с лишком лет. Аберон обычно не испытывал каких-либо заметных неудобств от присутствия полоумной сестры, тихо доживающей свой короткий век в уединенной башне

королевского замка, под присмотром нескольких преданных и внимательных служанок. Но сегодня, подчиняясь жестокому приказу Ринецеи, альбинос впервые переступил порог этой печальной, полутемной комнаты. Увидев мрачную, грозно нахмуренную мину Повелителя, по привычке – облаченного во все белое, прислужницы испуганными мышами прыснули в разные стороны. Король без лишних слов шагнул к креслу, наклонился и двумя длинными пальцами небрежно приподнял узкий подбородок надломлено склоненного, ничего не выражающего женского лица. Аберон заглянул в безжизненные глаза сестры и невольно вздрогнул от океана безбрежного горя, плещущегося в оправе черных, стрельчатых ресниц. Это было горе человека, невосвратимо потерявшего все – не только радость, счастье, любовь, но и ту не овеществленную душевную целостность и гармонию, которую и принято называть рассудком. Для чего могла понадобиться подобная женщина, являющаяся всего лишь пустой, никчемной оболочкой давно отлетевшего разума? Аберон мысленно спросил себя об этом и немедленно получил ожидаемый ответ – для прорицания, для того, чтобы стать послушными и безвольными устами, неосмысленно вещающими волю великих богов! Альбинос равнодушно пожал плечами, подхватил на руки невесомое тело сестры и вынес ее из комнаты. Не обращая ни малейшего внимания на тихие, стонущие жалобы и мольбы, он отнес ее в подвал замка, где несколько жриц-янтр, послушные чарам псевдо-Аолы, уже установили жаровню с углями, на которых дымились зерна наркотического растения. Поднесенная к дыму принцесса невольно вдохнула колдовской запах, жрицы негромко затянули заунывный мотив, вводящий их в транс. Глаза Альзиры расширились, зрачки стали ненормально огромными и черными, почти закрыв радужку, все тело изогнулось в конвульсиях...

– Держите ее, – повелительно выкрикнула демоница, жадным взором впиваясь в бледное лицо безумной пророчицы, – боги соединились с телом эльфийки и готовы вещать ее устами!

Аберон тоже приблизился и приготовился смотреть и слушать, замирая от недоброго предчувствия.

Мой кажущийся бесконечным полет внезапно подошел к концу, и я неспешно спланировала на пол светлого коридора, громко стукнув о мрамор железными подковками, установленными на каблуках походных сапог. Мягко спружинила, разогнула колени, одним резким движением головы отбросила за спину длинные, непослушные волосы и удивленно огляделась. Беломраморный чертог, весь залитый ярким дневным светом, простирался направо и налево ровно насколькo, насколькo хватало взора, вызывая благоговейный восторг своей изысканностью. Витые колонны, заканчивающиеся мощными капителями в виде распустившихся бутонов лилии, надежно поддерживали высокую, выгнутую арку свода. Солнечные лучи проникали сквозь хрустальные окна в потолок, причудливо отражаясь от многочисленных зеркал. Я подошла к одному из таких украшений, желая скрутить в хвост растрепавшиеся волосы, и с ошеломленным возгласом схватилось за свое лицо. Моя золотая маска куда-то исчезла, а привычно неприглядные черты претерпели невероятную трансформацию, являя сказочный лик безупречной красавицы, да этих пор виданный мной только в Зеркале истинного облика. Я недоверчиво провела пальцем по лбу, скулам, губам, не веря собственным глазам. Непостижимо! Уродливые бугры и рытвины испарились бесследно, и даже всегда отсутствующий нос внезапно появился на предназначенном ему месте, идеально изящный, украшенный небольшой аристократичной горбинкой. Я восхищенно присвистнула, грубо нарушив тишину величественного зала пронзительным, вульгарным звуком...

– Хороша! – подтвердил незнакомый мелодичный голос. – Что и говорить – хороша!

Я стремительно обернулась, нашаривая рукой рукоять Нурилона. Меча за плечами почему-то не оказалось, зато в паре шагов от меня стояли две смеющиеся женщины, крепко держащиеся за руки. Я радостно хмыкнула, потому что в первой, черноволосой и бледнокожей сразу же опознала бабушку Смерть, а вторая, зеленоглазая и рыжеволосая так

разительно напоминала меня саму, что ошибиться было невозможно. Но...

– Тетушка Аола, ведь тебе же сейчас вроде бы полагается лежать в хрустальном гробу на дне Озера безвременья? – потрясенно выпалила я. – С подпиской о невыезде!

Богиня нежно улыбнулась краешками губ:

– Милая внучатая племянница, но ведь тебе тоже полагается сейчас находиться в пещере на водопаде, а не любоваться красотами Радужного уровня!

– Ого! – я почесала в затылке. – Слышала я уже про этот знаменитый Радужный уровень от одного не очень то любезного привидения, гордо именовавшего себя Хранителем.

– Никчемная рухлядь, полезная не более чем машинка для удаления катышков с ткани! – пренебрежительно отозвалась Смерть. – Вот кто он такой!

– Ага, – глубокомысленно изрекла я. – Мне понятно только одно – то, что мне опять ничего не понятно!

Мои божественные родственницы громко рассмеялись:

– Бесценная девочка, прости нас за ненужную мистификацию, от которой мы никак не смогли удержаться!

– Да ладно уж, – миролюбиво проворчала я, – я тоже уважаю хорошие шутки.

Бабушка подхватила меня под руку и увлекла на низкий диванчик:

– Ненаглядная наша Морра, мы воспользовались удобным случаем, чтобы через верного Арбиуса попробовать организовать эту встречу, и сейчас безмерно счастливы легкости с коей все получилось. Ты оказалась невероятно восприимчива к медитативным ритуалам, быстро и свободно перенесшись туда, где способны обитать одни лишь наши души, но не тела.

– А-а-а, – немного разочарованно протянула я, – жаль! А то я уже почти поверила в реальность своего новенького, симпатичного носа!

Аола сокрушенно вздохнула:

– С носом придется немного обождать. К счастью совсем недолго.

– Это как? – всерьез заинтересовалась я, питая смутную надежду однажды заявиться к прекрасному белокурому обладателю моего сердца и разума, имея в наличии не ужасную безносую образину, заменяющую мне лицо, а полный комплект соблазнительных черт, более приличествующий молодой девушке с серьезными матримониальными намерениями...

– Морра, очнись немедленно! – укоризненный возглас бабушки насильно вырвал меня из мира грез. – Все-таки, настоящая женщина в любой ситуации, прежде всего – остается именно женщиной! Весь мир рушится и летит в пучину Тьмы, а ты, тем временем, мечтаешь о смазливом женишке!

Кажется, я покраснела.

Сестры удовлетворенно переглянулись:

– На самом деле, в любви нет ничего постыдного, но... обстоятельства и в самом деле складываются отнюдь не самым благоприятным образом! И теперь нам действительно необходима твоя безотлагательная помощь!

Я вымученно застонала:

– Как, и вы туда же? И когда это наконец-то закончиться? Драконы, Ланс, отец..., – я загибала пальцы, пересчитывая всех претендентов, желающих за мой счет разрешить собственные проблемы, – а теперь еще вы!

– Можешь прибавить к своему впечатляющему списку еще и Ринецею вкупе с демиургами, – невозмутимо подсказал Аола.

– Ладно, и их до кучи сюда же! – покладисто согласилась я, загибая еще два пальца. И тут до меня дошел смысл услышанного. Я глупо выпучила глаза и подскочила на диванчике:

– Чего?

– Того! – передразнила меня Смерть. – Часто говорят, что враг моего врага – мой друг, но в нашем случае это не срабатывает...

– Ледяные ярлы друзья лишь самим себе! – мрачно поддержала ее Аола. – Они жестоки, беспринципны и беспощадны. Ринецея сглупила – разбудив этих тварей!

– Вот уж точно – хорошими делами прославиться нельзя, – задумчиво бормотала я себе под нос. – А Ринецея, значит, решила прославиться плохими?

Сестры синхронно кивнули:

– На этот раз она явно переборщила. Хроники Бальдура в руках недалёковидной демоницы оказались опаснее спичек, попавших к заигравшемуся ребёнку...

– Если я правильно понимаю сложившуюся ситуацию, то все произошло так, – я последовательно излагала известные мне факты. – Стремясь приобрести могучих союзников, демоница разбудила темных тварей, которые, прошу прощения за каламбур, тут же ответили ей черной неблагодарностью. И теперь Ледяной бог стремящийся заполучить абсолютную власть – семимильными шагами шагает из королевства в королевство, сея смерть и разрушение.

– Правильно мыслишь дорогая! – похвалила меня бабушка. – И после него остаются лишь...

– Рожки да ножки после него остаются, – поморщилась я. – Это итак понятно! Как можно остановить зарвавшегося Бога?

Сестры неуверенно переглянулись:

– Видишь ли, дорогая Морра..., – дипломатично начали они в два голоса.

Я снова поморщилась, на этот раз еще кислее:

– Не стоит ходить вокруг да около. Я давно уже привыкла к тому, что работа главного ассенизатора при чумных бараках и то намного чище и приятнее постоянно достающихся мне трудновыполнимых миссий и заданий. Поэтому не тратьте время попусту и не наводите тень на плетень!

В черных глазах Смерти промелькнуло уважение, смешанное с восхищением. Аола печально вздохнула:

– Нам право же, очень жаль, что мы вынуждены вовлекать тебя в подобные неприятности, но иного выхода у нас нет. Нам известно, что когда-то одна из Великих – Оружейница, создала шесть клинков, совместная сила которых способна уничтожить или возродить любой мир. Пять из них носят имена: «Рануэль Алатора» – Разящая игла, ныне принадлежащая тебе, «Нумриэль Алатора» – Усыпляющая игла, ею владеет Ринецея, и именно удар этого оружия погрузил меня в колдовской сон. Есть еще «Анриэль Алатора» – Радужная игла, «Данриэль Алатора» – Пробуждающая Игла и «Агриэль Алатора» – Морозная игла. «Агриэль» спрятана в Храме Ледяного бога и является главной сутью его мощи и жизненной энергии. Возможно, что сломав клинок этой даги – можно убить самого бога.

– Но ты перечислила всего пять имен, – мысленно быстренько подсчитала я. – Как называют шестой клинок?

Смерть разочарованно вздохнула:

– Никто и никогда ничего не слышал о шестом клинке. Известно только одно – он существует и своей силой значительно превосходит все остальные... Собери все клинки вместе и ты сможешь избавить мир от власти демиургов.

– И еще моя Пелена! – торопливо добавила Дарующая жизнь. – Не забудь о ней! Ведь я ее потеряла!

– А вот нечего было исподнее где попало разбрасывать! – криво ухмыльнулась я. – Глядишь, и проблем бы не возникло лишних.

Аола смутилась:

– Ну, кто же мог заранее знать, как оно все обернется! Если Пелену найдет Ледяной бог, то он обретет невиданную мощь. А если ее найдешь ты, то...

– То что? – я жадно подалась вперед.

– Видишь ли, дорогая девочка, – Смерть мягко взяла меня за руку, – Пелена способна выполнить одно желание любого человека, вернув ему красоту, молодость или излечить его от тяжелой болезни...

– Только одно? – уточнила я.

– Одно, – жестко подтвердила Смерть. – Единственное, заветное. Твоя внешность...вобщем, если ты первая найдешь Пелену, то ты сможешь стать красавицей и, безусловно, легко пленишь желанного тебе мужчину!

Я прикусила губу, сдерживая перехлестывающие через край эмоции. Завидное предложение! Мне выпал шанс, реальный, пусть и труднодостижимый, но шанс!

– Значит, Пелена и красота взамен свержения Ледяного бога? – словно торгуясь, нахально переспросила я.

Сестры закивали еще выразительнее:

– Все взаимосвязано!

– А как я проникну в Геферт? – начала я.

Но Смерть неожиданно приложила палец к губам, призывая меня к молчанию. Аола расширила глаза:

– Слышишь? – спросила она у сестры.

– Вот это да! – восхитилась Смерть. – Какое невероятное совпадение! Два, соединенных родственными узами разума одновременно проводят ритуал медитации янт. Невероятно! Это нужно использовать!

– Что случилось? – едва успела спросить я, как Смерть и Аола неожиданно совместно дунули на меня, будто на невесомую пушинку, и я внезапно ощутила, что вновь превращаюсь в искру, срываюсь с места и повторно проваливаюсь в темный, глубокий колодец.

Глава 9

Ускоренная могучим пинком судьбы, на этот раз действовавшей через божественных сестер, я птичкой пролетела через длинный туннель, довольно болезненно прорвала какой-то незримый барьер, ощутила себя в физическом теле и открыла глаза. Ничего себе! Куда пропали каменные стены пещеры? Меня окружали грубые перегородки из красного кирпича, заканчивающиеся невысоким, аккуратно оштукатуренным потолком. Я перевела взгляд на свои руки, ставшие непривычно худыми и белокожими, и в состоянии близком к шоку подергала себя за прядь длинных, пепельно-серых волос. Пресветлые боги, это же не мое тело!

– Кто я? – губы повиновались плохо, да и голоса своего, ставшего более тонким и серебристым, я определенно не узнавала.

– Как это кто? – надо мной склонился мужчина чрезвычайно неприятной наружности, мертвенно-бледный, красноглазый, щеривший в пренебрежительной ухмылке мелкие, острые зубы, более подошедшие бы какому-нибудь грызуну. – Ты что, не знаешь, как тебя зовут?

Я отрицательно помотала головой, теряясь в догадках.

– Вот видите, госпожа, – отвратительный альбинос почтительно поклонился черноволосой женщине, стоявшей напротив меня, – этого я и опасался! Под воздействием ритуала янт, болезнь моей слабоумной сестры Альзиры начала быстро прогрессировать!

Я внимательно вгляделась в черноволосую, и чуть не заорала от ужаса и неожиданности. Промолчать стоило огромного усилия, ведь я мгновенно узнала демоницу Ринецею, с которой не так давно уже имела короткую и немногословную, но весьма бурную встречу в храме Нарроны. Женщина разочарованно прищелкнула языком:

– Видно не зря я всегда имела невысокое мнение об эльфийках, а о глупышке Альзире – тем паче!

Вот тут-то мое изумление и достигло своего наивысшего предела. Альзира, они сказали – Альзира? Но ведь это имя носила моя мать! Я что, каким-то удивительным образом переместилась в тело своей матери? Я выпучила глаза, стараясь подавить рвущиеся с языка вопросы и боясь случайно выдать себя каким-нибудь неосторожным словом. Хотя нет, еще сильнее, чем за саму себя, я опасалась за судьбу своей несчастной матери, по воле рока

отданной во власть безжалостной врагини. Сострадание захлестывало меня. И я, увы, не удержалась:

– Мамочка, – жалостливо выдохнула я, – милая мамочка, что же они с тобой сотворили!

– Что это? – пронзительно взвизгнула Ринецея, бросаясь ко мне и сжимая мои слабые плечи своими хищными пальцами, оканчивающимися длинными острыми когтями. – Кто ты?

Наши взоры встретились. Демоница побледнела:

– Это не полоумная Альзира, – медленно, угрожающе протянула она. – Трудно поверить, что это могло произойти на самом деле, но похоже – перед нами сама Сумасшедшая принцесса собственной персоной!

– Демоны Тьмы! – не поверил альбинос.

– Да это я! – я уже не видела причин отрицать очевидное. – И боги на моей стороне!

– Боги? – иронично усмехнулась демоница. – Да что они могут сделать против меня?

– Остановить Детей холода. – Многозначительно подсказала я.

– Не верю, – небрежно отмахнулась Ринецея. – Я ожидала изречения пророчества, способного хоть немного раскрыть неопределенное будущее, а вместо этого – боги подкинули мне тебя. И какой от тебя прок, сумасшедшая девчонка?

«А правда, зачем все это?» – мелькнуло у меня в мыслях. И словно в ответ на мое недоумение, горячая, скрючивающая конечности судорога, пронзила тело, огненной струей поднимаясь откуда-то из глубины души. Меня затрясло в конвульсиях, на губах выступила пена и слова, чужие и непонятные, властно зазвучали под сводами скромной комнатухи:

Растает Тьмы холодный лед,
Напьется пламени Игла,
Власть узурпатора падет,
И вместе с ней да сгинет мгла

Покуда в мире храбрость есть,
Покуда есть живая кровь,
Все победит святая честь,
А вместе с ней придет любовь

Средь двадцати ее найди,
Негоже деве быть одной,
Ей поцелуй свой подари,
И назови тотчас женой

Уже идет нежданный дар,
Что в беззаконии зачат,
Потушит власти он пожар,
Уста злодея замолчат

Он мог бы миром завладеть,
Но предпочел – ее любить,
И эти чувства даже смерть
Уже не в силах победить...

– А-а-а, – дико заорала Ринецея, хватаясь за голову, – это пророчество, она пророчествует! Остановите ее, убейте, пока не поздно...

Аберон выхватил из-за пояса острый кинжал и замаяхнулся на новоявленную сивиллу...

Эта бурная реакция внезапно оборвала неуправляемый поток моих слов. Недосказанные откровения, имевшие форму довольно мутных по смыслу и плохих по

качеству стихов, бурлили у меня в груди, перерождаясь в сгусток убийственного пламени.

– Убирайся обратно в свою нору, в которую ты превратила Обитель затерянных душ! – гневно потребовала я, буквально прожигая ненавистную демоницу взглядом потемневших, наполненных ненавистью глаз, испускающих лучи непонятной энергии.

Ринецея зарычала как голодный зверь:

– Самонадеянная девчонка! Уже не в первый раз ты встаешь на моем пути и портишь все тщательно продуманные планы. Но клянусь, я отомщу, я обязательно отыграюсь если не на тебе самой, то на тех – кто тебе дорог. Ты у меня еще кровавыми слезами умоешься...

– Ну, – иронично усмехнулась я, – пока ты не очень то в этом преуспела!

Демоница хотела выкрикнуть что-то еще, но контур ее тела неожиданно утратил прежнюю четкость, задрожал, словно пламя свечи на ветру и начал сворачиваться в кокон серого дыма. Ключья мутного тумана отступали, поспешно утягиваясь в неровную дыру пространственного портала, внезапно разверзшегося посреди комнаты. Тихонько подвывали две перепуганные жрицы, еле живые от охватившего их панического ужаса.

Я перевела еще не потухший взгляд на альбиноса, которого слегка зацепило потоком бьющей из меня энергии, и отбросило в дальний угол подвала:

– А ты, дядюшка, – я мстительно цедила слова, падающие тяжело и весомо, будто капли расплавленного свинца, – если ты посмеешь хоть чем-нибудь обидеть мою досточтимую матушку, то я вернусь и тогда...

– Понял, понял, не извольте сомневаться! – излишне быстро и медово-покладисто согласился эльф-альбинос, успокаивая меня мирным жестом расслабленных ладоней. – Не беспокойтесь, обещаю беречь Альзиру как зеницу ока!

– Ну, то-то же, – хмыкнула я, уже ощущая, как водоворот ментального пламени неудержимо выдергивает меня из тела матери.

– О-хо-хо, – умирающе стонала я, бессильно распростершись на жестком коврике в пещере водопада Тысячи радуг. – О-хо-хо!

Несколько лет назад, проказливые братцы Франк и Бернар угостили меня коктейлем собственного изобретения, в состав которого входили полынная эльфийская настойка, светлое игристое вино и крепчайшая орочья водка. Оказалось довольно вкусно и «забавно», особенно на следующий день... Негодные мальчишки назвали гремучую смесь «Стань звездой». Какое там звездой! На следующее утро я не только светить, я даже примитивно отсвечивать не могла, просто валялась ветошью в тихом уголке и маялась жуткими головными болями! Так вот, нынешнее мое плачевное состояние оказалось во сто крат тяжелее и похмелья в «Королевской питейной» и неосторожной дегустации убойной бурды братьев де Брен. Я в полуобмороке лежала на жесткой подстилке, желая одного – немедленной смерти, способной избавить меня от невыносимых мучений. Конец затянувшимся постнаркотическим страданиям положил милосердный Арбиус, мельком коснувшийся прохладными кончиками пальцев моего пышущего жаром лба. Я немедленно приняла сидячее положение, недоумевая – как беспощадная боль, еще секунду назад терзавшая все мое тело, способна испариться столь мгновенно и столь бесследно.

– Вот оно как, значит вышло! – задумчиво бормотал старый некромант. – Не ожидал, не ожидал...

– А что, все так плохо? – обмерла я.

– Наоборот, – Арбиус бурно всплеснул руками. – Наоборот! Ты смогла определить будущее и изрекла великолепное пророчество. Я его мысленно слышал, но напомни, пожалуйста, еще раз.

Испытывая целый набор противоречивых эмоций, я, тем не менее, выразительно процитировала навечно врезавшиеся в память строки.

– Великолепно! – довольно потер ладони архимаг. – Сверх великолепно!

– Да-а-а, – капризно протянул Ланс, – а я вот ничего не понял...

– На одних людях природа отдыхает, а на других – просто прикалывается, – ввернула

вредная Гельда, которая, судя по всему – тоже ничего не поняла, но ни за что бы в этом не созналась.

Арбиус многозначительно усмехнулся:

– А вам и не требуется понимать произнесенные Ульрикой слова. Пророчество можно изменить, но выполнить его специально и обдуманно – абсолютно невозможно. Теперь, сопутствующие обстоятельства должны сами сложиться настолько подходящим и благоприятным образом, чтобы пророчество осуществилось.

– Но ведь ты все равно не станешь сидеть, сложа руки, – ехидно прокомментировал Эткин, засунувший голову в пещеру.

Седые брови Арбиуса поползли вверх.

– Эткин, – хором закричали Оггур и Ланс, – молчи, а то опять накаркаешь!

– Ну вот, – дракон положил массивную голову на лапу, и печально вздохнул, – спрашивается, кому ты нужен, если ты всегда и во всем прав?

– Им сейчас точно – нет! – признал некромант. – Они двинутся к Нису, а затем попробуют незаметно проникнуть в проклятый город Геферт. При проведении подобной секретной операции такой гигант как ты может стать досадной помехой. Но ты подождешь тех, кто придет следом за Ульрикой, и окажешь им помощь, ведь и их миссия не менее важна и щепетильна...

– Э-хе-хе, – не дожидаясь окончания фразы, повторно вздохнул Эткин, – мне запретили помогать девушке, а ведь именно она во всем и замешана! Но чую, те – кто придет на водопад следом за нами, тоже руководствуются известной старинной фразой – шерше ля фам... на свою глупую голову!

Арбиус тонко улыбнулся, орк и полукровка растерянно переглянулись, Гельда расхохоталась, а я... – я почему-то подумала: «Ну вот, кажется, теперь все начинается на самом деле!». И мне стало страшно.

Генрих задумчиво прожевал подсохшую хлебную корочку, вытащил из сумки зубочистку и выковырнул крошку, попавшую во впадинку между десной и правым верхним резцом. Рядом, с головой укрывшись кожаной дорожной курткой, крепко спал Марвин, которому совершенно не мешали ни яркий дневной свет, ни даже не умолкающий ни на минуту рокот водопада Тысячи радуг. Не отличавшийся особой физической силой некромант, из солидарности с бароном путешествующий пешком, а не левитирующий в воздухе, умаялся, выдохся и натер на ногах огромные мозоли. Генрих заботливо покосился в сторону упоенно храпящего друга, выводящего носом звучные рулады, и в очередной раз пожалел неопытного путника. Но почему Марвин настоял именно на пешем походе, напрочь отказавшись брать коней, и ничего толком не объяснил? Лишь буркнул что-то невразумительное. Мол, сон у него был пророческий, типа парят они под облаками, поддерживаемые чье-то могучей, когтистой рукой (лапой?) и ничего не боятся. «Как же, не боятся!» – силф иронично хмыкнул. Воин, утративший разумную долю страха, оберегающего жизнь, удерживающего от излишнего геройства и не дающего лезть на рожон, в бою – почитай, первый кандидат в покойники. А перейти в категорию мертвяков, даже с учетом всех некромантических талантов друга-архимага, Генриху от чего-то не хотелось. Ведь усопшие не женятся... Впрочем, идти под венец с покамест совершенно не знакомой ему княжной Лилуиллой, Генриху тоже не очень то мечталось. Ибо мечталось ему совершенно о другом, вернее – о другой особе: вредной, самостоятельной и несговорчивой до безобразия. Но как говорится, коли взялся за гуж – то не говори, что не дюж! Поэтому Генрих обреченно вздыхал, вынимал из-за пазухи портрет прекрасной эльфийки и пытливо всматривался в нежное девичье лицо. «Упасите Пресветлые боги от неприятной неожиданности, – навязчиво вертелось в голове. – Как окажется эта красотка обычной заносчивой гордочкой, а еще чего хуже – просто банальной дурочкой...». Генрих жалобно вздыхал в сотый раз, в глубине души надеясь, что узнав о его громких подвигах на ниве спасения благородных девиц, Ульрика тут же приревнует и, испугавшись слухов о его

сватовстве к высокородной княжне, со всех ног примчится в Силь – робкая и смиренная словно кошечка. Но в противовес мечтам, трезвый рассудок неумолимо подсказывал – как же, жди! Разве такая примчится? Да эта кошечка более горазда острые коготки показывать, чем любовно мурлыкать и тереться об мужскую руку! И де Грей распоследними словами клял свой несдержанный язык, необдуманно давший обещание жениться на Лилуилле. Ох, и путное ли это дело – жениться от горя, да на зло?...

Увлеченный собственными нерадостными мыслями, Генрих поймал себя на том, что уже довольно долго, и от чего-то излишне пристально присматривается к одному и тому же гигантскому валуну. Хотя если разобраться, вроде бы ничего особенного в этой каменюке не выявлялось – валун как валун. Но уж очень хорошо вписывается он в ландшафт водопада. Мириады легчайших капелек воды, висящие в воздухе над перекатами и образующие сияющую радугу, оседают на этот валун точно так же, как и на все прочие. Это до барона с Марвином водяная пыль не долетает, потому что место стоянки выбрано на сухой ровной площадке, да на значительном удалении от рокочущих порогов. А громадный серый камень так и окутывается тончайшей водяной завесой. Но, тут Генрих приложил руку к бровям и прищурил карие глаза, вот что странно – на других камнях вода так и лежит прозрачными, холодными каплями, а этот валун весь окружен едва заметным облачком непрерывно испаряющейся влаги. Подозрительно как-то. Получается – камень теплый?

– Вот гоблины срамные! – радостно выдохнул барон. – Так это же и не камень вовсе! – он понимающе хмыкнул, и заорал, что есть мочи: – Эткин, а Эткин, морда твоя наглая, ну хорош уже дрыхнуть то!

Серая, неприметная на первый взгляд каменюка угловатой формы, неожиданно потянулась, развернулась, выставила мощную когтистую лапу и с протяжным надрывом зевнула здоровенной, зубастой пастью:

– Ну никакого пиетета к моей мимикрии! А ежели я тебя за это съем, добрый молодец, – дракон шаловливо сверкнул фиолетовым глазом, – дабы не мешал спокойно водные процедуры принимать.

– А если подавишься, чудище поганое? – молодецки напыжился барон, делая вид будто вытаскивает из ножен Гиарду.

– Пфе, – небрежно фыркнул Эткин, – с Вами поживешь, так всякую гадость есть научишься!

Генрих бурно расхохотался:

– Ну, Эткин, я как погляжу – ты все такой же неисправимый весельчак и балагур! Не пойдешь ли с нами выручать из беды эльфийскую княжну Лилуиллу?

– Да уж, – дракон неторопливо поскреб когтем там, где у него, по версии Генриха, должны были находиться уши, или что-то подобное, выполняющее эту же функцию, – опять все в баб упирается, просто обхохочешься. Прав Арбиус оказался – дело у вас щепетильное и важное! Видно не даром мне эти заподлянские словечки всегда не нравились – феминизм, матриархат... А ты то, Генрих, влюбился в нее что ли?

– Да на вроде того, – ехидно поддакнул Марвин, высовывая голову из-под куртки. – Чего ты тут сам делаешь? Я в случайные встречи и совпадения с детства не верю.

– Ишь, ты, недоверчивый какой выискался, – брюзжал Эткин, перебираясь поближе к некроманту и сильфу. – Мне верить надобно, ибо я честный и добрый аж до ужаса...

– Ага, скромняга ты наш, – насмешливо подначил барон. – А я вот не забыл, как ты по доброте душевной славно под стенами Нарроны горгульями подхарчился!

– Тьфу, и не вспоминай эту пакость, – дракон даже сплюнул от отвращения. – Ничего гадостнее в жизнь не пробовал. Да и то там тоже все честно было, комар носа не подточит. Я один, а их – три десятка!

– Ой, не верю я что-то в драконью честность! – весело округлил глаза Марвин. – Ты ведь даже у кентавра коня украдешь!

Но, услышав про кентавров, Эткин в раз посерьезнел:

– А вот это ты, магикус, в самую точку попал. Рандеву у меня здесь с вами назначено, с

подачи твоего папеньки, и идти нам теперь всем вместе в те края предстоит, где эти самые кентавры обитают!

– Папенька, говоришь? – просветлел лицом некромант. – Ну, он то точно плохого не посоветует!

– А ты поумнел, сынок! – прозвучал спокойный голос, и из расщелины вышел сам магистр Арбиус. – Приветствую тебя! И тебя, Повелитель сильфов! – он отвесил вежливый поклон, адресованный Генриху.

– Отец! – взволнованно пролепетал Марвин, вскакивая со своей импровизированной лежанки.

Старый архимаг ласково обнял возмужавшего сына, любуясь его красивым лицом и хрустальным обручем на голове:

– Боги наконец-то вняли моим молитвам и отдали тебе то, чего ты и был достоин изначально по знатности рода и уму. Значит, не зря я, скрепя сердце, изгнал тебя из Гильдии! Ты прошел все испытания, не сдался, научился бороться и стал настоящим бойцом!

– Батюшка! – Марвин ребячливо уткнулся в седую бороду старика, стыдливо пряча покрасневшие глаза с навернувшимися на них слезами радости. – Теперь я способен правильно оценить и твою мудрость, и принесенную тобой жертву, вызванную одной лишь любовью!

– Как мелодраматично, – притворно всхлипнул Эткин, – возвращение блудного сына! Я сейчас расплачусь от умиления!

– Нет, ты не магическое существо, – Генрих возмущенно хлопнул дракона по лапе, – ты просто какой-то психологический реликт. Все и всех оборжать умудряешься!

– Ах, так, – дракон сердито прищурил глаза, пряча ухмылку, – обзываешься, значит. Тогда вы на мне никуда не полетите...

– Лететь? – хором воскликнули сильф и некромант. – Куда лететь?

– О, дети мои, – наставительно поднял палец Арбиус, – вы еще многого не знаете!

В сумке Генриха нашлась фляжка с неплохим вином. Магистр вынес из пещеры корзинку со свежим хлебом и румяными яблоками. Усадив друзей вокруг камня, накрытого дерюжным лоскутом, он устроил импровизированный совет, внимательно выслушав рассказ сына и в свою очередь, поведав им о пророчестве Ульрики. Де Грей волновался – любимая недавно останавливалась на этом самом месте и ушла к Нису, опять бесшабашно сунув голову в самое пекло разгоравшейся войны.

– Вы принесли недостающие кусочки информации, – магистр довольно погладил бороду. – Картинка стала целостной. Мне пока не совсем ясно, что должно произойти вблизи города кентавров, но по-видимому, все это тоже связано со строками пророчества. И, скорее всего, благородная княжна Лилуилла и стала той эльфийской девой, которая предназначена для проведения чудовищного свадебного обряда, призванного полностью высвободить спящую мощь Ледяного бога. Теперь все зависит от того, успеете ли вы вовремя спасти княжну, и сможет ли Ульрика хоть как-то противостоять силе бога. Она уже отправилась к Нису, а вам требуется поспешить в Геферт и попробовать немедленно отыскать плененную эльфийку.

– Но Ульрика..., – взволнованно начал влюбленный барон. – Она не справится одна!

Но Арбиус упрямо помотал седой головой:

– В этой точке пути ваши дороги расходятся. Надолго ли – известно лишь богам! Вам суждено встретиться еще, но не здесь и не сейчас. Каждый из вас должен исполнить свою миссию, и в этом – залог успеха общего, великого дела!

Сильф недовольно сжал зубы, но смиренно кивнул – соглашаясь с доводами старика.

Арбиус прощально помахал рукой вслед взмывшему в небо дракону, на спине которого удобно восседали Генрих и Марвин.

– Лети, лети, – чуть слышно шепнул старик. – Она самовольно изменила пророчество Великих, и выбрала не тебя. К добру ли? Но, тем не менее, у Ниса тебе делать нечего, ибо туда придет он – ее белокурый демон!

В королевском саду Ширулшэна цвели розы. Уже второй раз в этом нелегком, богатом на сюрпризы году. Спасибо искусным чародеям из Высшей магической ложи, сумевшим сотворить что-то такое с климатом Поющего острова, что позволяло его жителям снимать по два урожая за год. Аберон Холодный, сидящий в полотняном шезлонге на внутренней дворцовой террасе, завистливо поморщился. Вот умели же колдовать старики! И магов тех давно уже нет, и само здание ложи обстоятельно заняла основанная им Гильдия некромантов, а розы цветут по-прежнему. Альбинос брезгливо рассматривал округлую клумбу, сплошь покрытую нежными, едва распустившимися бутонами всевозможных цветов: розового, белого, чайного и, конечно же, геральдического – синего. На тончайших, шелковистых лепестках серебрились крохотные капельки росы. Спустя час после восхода солнца, розы, умытые естественной, природной влагой, пахли особенно ароматно, испуская сладчайшее, ни с чем не сравнимое благоухание. Но король не любил цветы. Особенно сейчас... Аберон чуть испуганно перевел взгляд на угловую, самую крайнюю башню дворца. Беломраморные стены скрывали ту, чей горящий бессловесным обвинением взор, доставлял королю то самое, неосознанное чувство душевного дискомфорта, в котором он не торопился признаться даже верному Гнусу. После магического ритуала янт, сопровождавшегося произнесением туманного пророчества, здоровье Альзиры ухудшилось значительно. Поэтому брат поторопился снова запереть ее в отдаленной комнате, не желая более когда-либо встречаться с той, чей облик так живо напоминал о страшных, малопонятных словах. Если бы короля спросили, что именно так сильно напугало его в мешанине, на первый взгляд бессмысленных, экзальтированно выпаленных четверостиший, то он, наверное, и сам бы затруднился ответить точно и однозначно. Но что-то среди услышанных слов остро зацепило его разум, терзая на подсознательном уровне и наполняя уверенным предчувствием скорой и неумолимой беды. И Холодный даже подозревал, с какой стороны придет эта неожиданная беда. Ринецея, силой гнева и ненависти Сумасшедшей принцессы отправленная обратно в обитель Затерянных душ – так больше и не появлялась. Ее могущественный брат Астор, тоже не давал о себе знать уже слишком давно. Но Аберон продолжал следить за перемещениями своих врагов и союзников посредством хрустального шара, вполне достоверно догадываясь об их достаточно явных планах и намерениях. Принц демонов торопился к городу Нису. Ульрика, в сопровождении двух верных друзей и одной ревнивой ведьмы, тоже двигалась по направлению к столице страны кентавров, уже завоеванной не знающими пощады и сострадания Ледяными ярами. И, наконец, сильфский Повелитель и молодой некромант, после разговора с архимагом Арбиусом, оседлали благоволившего к ним дракона и вылетели примерно в ту же сторону. Король озабоченно хмурил брови, пытаясь разрешить столь сложный ребус. Вполне очевидно, что незримые нити вели все разрозненные группы к одной и той же точке, которой и предназначалось стать решающей для всех последующих событий. Но почему именно Нис? Этого Аберон не знал. Но, не желая уклониться от непосредственного участия в действиях, способных оказать влияние и на его будущую судьбу, он решил лично отправиться в край кентавров и присоединиться к армии Астора, намереваясь тщательно скрывать от принца новый вред, нанесенный здоровью принцессы Альзиры – матери Сумасшедшей принцессы. Итак, главные участники предстоящего сражения уже определились. И черное сердце короля судорожно замирало от мысли, что кто-то неведомый, возможно само провидение, как магнитом притягивает друг к другу основных героев этой непонятной и зловещей игры, медленно, но целенаправленно собирая их на передовой линии чудовищного противостояния сил добра и зла. Решающие события близились...

Часть вторая

Глава 1

Вам доводилось когда-нибудь встречать людей, способных жить без целей, принципов, идеалов и убеждений? Лично мне – нет. Все мы преследуем какие-то свои цели, в разной степени достижимые или нет, осуществление которых и составляет то, что мы обычно ощущаем как смысл и течение жизни. Некоторые, наиболее фанатичные особы прямо так откровенно и говорят – «а я вот я живу ради этого или вот этого». И зачастую, эта самая мифическая цель и становится для нас дороже всего на свете – дороже золота, дружбы, верности, любви и даже – самого факта физического существования. И только одного мы поправить не в силах – принципов, в соответствии с которыми мы живем. Принципы – это та малопонятная штука, про которую мне достоверно известно лишь одно – за них априори проще и безболезненнее умереть, чем жить в соответствии с ними. Вот так то! Именно эти принципы и идеалы и мешали нам сейчас включить инстинкт самосохранения и отказаться от достижения поставленной цели: Эткину – требовалось непременно выяснить, что стало с остальными драконами, Лансу – раскрыть тайну своего происхождения, Огвуру – найти храм Розы, Гельде – добиться расположения любимого мужчины, Арбиусу – спасти мир от власти Ледяного бога. И неважно, какой ценой, пусть даже она измеряется болью, кровью и унижениями. С одним весомым условием: ценой – не противоречащей нашим принципам. И как не смешно, все эти тесно переплетенные и взаимосвязанные цели замыкались на одном конкретном человеке... На мне! А я сама – какую цель преследовала я? Конечно, я всегда слишком близко к сердцу принимала интересы и чаяния всех своих друзей. Но я сама... искала ли я внимания белокурого незнакомца? Возможно. Хотя мне упорно доказывали, что встреча с ним способна принести лишь беды и разочарования, причем – не мне одной. Я планировала противостоять Ледяному богу – но, несомненно, в первую очередь с целью спасения жизни своих друзей, да и всего мира в целом. Даже с учетом той шикарной оплаты – которую предложили мне мои любящие тетушки. Хотела ли я освободить мать и найти отца? Безусловно, но делала это в первую очередь ради них самих. Получалось, что добровольно избранный путь служения Чести учил меня жертвовать собственной выгодой перед интересами других людей, не замыкаясь на первоочередных личных потребностях. И все равно, где-то на самом дне бунтующего сознания, не затухая, упорно брезжила крохотная искра надежды – может быть, совершив и исполнив все требуемое, я тоже получу заслуженное право на реализацию маленькой доли своего выстраданного, нелегкого счастья? Только вот каким ему суждено стать – этому счастью? Счастьем – не идущему в разрез с моими принципами, с моей Честью защитника добра, с моим пониманием справедливости, не приносящему боль ни друзьям, ни врагам... Нереальному, горькому, краденому счастью. Возможно ли подобное, осуществимо ли подобное? Кто знает...

Убаюканный ритмичным свистом, издаваемым драконьими крыльями, Генрих поначалу усиленно клевал носом, а потом и совсем заснул по-настоящему, когда резкий вираж, заложенный Эткиным, чуть не сверз его с небес на землю.

– Ты что, с ума сошел, демонстрируешь нам тут фигуры высшего пилотажа! – возмутился Марвин, украдкой зевая в кулак и протирая закисшие глаза. – Ладно я – не разобьюсь в любом случае, но барон то летать не умеет.

– И зря! – насмешливо фыркнул рискованный летун. – Недаром Ланс всегда говорит, рожденный ползать – уйди со взлетной полосы!

– Дурак твой полукровка! – обиженно буркнул некромант, но дракон и не торопился оспаривать это вполне справедливое замечание. – К твоему самонадеянному сведению, именно рожденные ползать – создали магию и левитацию, чем, несомненно, утерли нос всем крылатым вместе взятым и...

– Вот я и говорю: магия – зло! – не дожидаясь конца фразы, весомо изрек Эткин. – Как увидишь подобное – так сразу зла и не хватает.

– И вовсе не зло, – возмутился Марвин. Потом недоуменно переспросил: – Подобное? А это ты вообще о чем?

– О чем, о чем, – дракон заложил еще один крутой вираж над тем же самым местом, что и минуту назад, – да вот об этом. Вы вниз то гляньте, спорщики!

Друзья глянули...

По всем внешним признакам, когда-то это был замок. Стоял на зеленом, удобно расположенном, красивом холме еще не более, чем пару дней назад. Но сейчас от некогда высоких и стройных башен остались лишь изуродованные руины, растрескавшийся от огня фундамент пошел трещинами, обнажая недра дотла выгоревшего подвала. Крепостная стена частично развалилась и осыпалась, прекрасный сад превратился в жалкие обугленные коряги. По заваленному мусором двору ползало несколько перемазанных пеплом и сажей фигур, копаясь в грудах жалкого хлама, видимо, питая надежду найти хоть что-нибудь уцелевшее. Пепелище еще дымилось.

– Мда, – крикнул Марвин, – сразу видно, что здесь не обошлось без магии. Подобный урон...

– А какой замок угробила, дрянь! – печально вздохнул дракон, летая по кругу над недавним пожарищем. – Ульрика не раз горделиво рассказывала, какие у них в замке статуи и гобелены, а второй такой библиотеки во всем королевстве не сыскать...

Генрих почувствовал, как у него перехватило горло. Он закашлялся:

– Так это что – замок де Брен, там внизу?

– Был, – расстроено подтвердил дракон, – был совсем недавно! А все она, дрянь, виновата.

Марвин и барон понимающе переглянулись. Очевидно, ненависть Ринецеи дошла до предела, если она осмелилась поднять руку на родных и близких Сумасшедшей принцессы.

– Хотел бы я знать, – неразборчиво процедил Генрих себе под нос, – чем наша неугомонная принцесса на этот раз досадила проклятой демонице?

– Да похоже, допекла она ее капитально. – Убежденно добавил Эткин. – Не уважаю я нечестных боев! Зачем вовлекать в сведение личных счетов всю родню до третьего колена?

– Ох, – слезно всплеснул руками Марвин, – и как мы могли забыть, что в замке оставались уважаемые приемные родители Ульрики, ее названные сестры и братья, и даже графиня Луиза де Ризо, урожденная де Брен? А ведь сам Раймон хвастался направо и налево, рассказывая, будто уехал на войну – оставив молодую жену на сносях!

– Спускаемся, – Эткин так резко ухнул вниз, что друзья чуть не попадали на землю, судорожно цепляясь за скользкую чешую, – нужно проверить, вдруг кто-то из них сумел уцелеть и сейчас нуждается в нашей помощи?

Уже битый час Генрих и некромант бродили по слою жирного пепла, щедро устилавшего некогда богатый двор графского замка. Несколько не заслуживающих внимания обломков, видимо, служивших частью изысканного украшения одного из залов, вот и все, что составили их единственную, скромную добычу. Эткин попробовал расспросить кого-нибудь из выживших погорельцев, но те, итак выглядевшие совершенно очумевшими – с воплями шарахались в сторону при первых же репликах говорящего чудовища. Между тем, начинало смеркаться. Закутанные в оборванные тряпки фигуры неожиданно начали проявлять непонятное беспокойство, вскоре переросшее в дружное и проворное отступление в направлении ближайшего лесочка. Дракон проводил беглецов растерянным взглядом:

– Чего это они? Неужели считают, что безопаснее ночевать с волками, чем на этом месте?

Марвин пожал плечами. Генрих, тоже совершенно ничего не понимающий, уже намеревался искренне поддержать жест друга, как вдруг одна из досок, прикрывающих спуск в подвал, скрипуче приподнялась, и из-под нее появилось еще две персоны, столь же грязные и обтрепанные, как и все прочие выжившие обитатели замка. Первым из укрытия неловко вылез толстый, хромоусый мужчина, кривой на правый глаз. Он с натугой согнулся и протянул в провал перепачканную свежей землей ладонь, собираясь помочь выбраться наружу пожилой, полной женщине, но некромант с торжествующим криком схватил старика за шиворот:

– Ага, попался!

Одноглазый перепугано взвизгнули и зайцем забился в сильных, молодых руках. Генрих склонился к сырой, вонючей дыре, и почтительно извлек из ее глубины круглолицую, симпатичную толстушку:

– Не бойтесь мадам! Мы не причиним вам вреда. Простите моего несдержанного друга, его переполняют эмоции.

Увидев перед собой людей, неприкрыто проявляющих сочувствие, толстушка залилась слезами облегчения и повисла на шее у барона, ошелобив его сбивчивой, торопливой речью:

– Похоже, Пресветлые боги вняли нашим молитвам и послали нам двух отважных рыцарей, способных справиться с одержимой госпожой!

Де Грей осторожно разнял вцепившиеся в него женские руки, подвел незнакомку к большому камню, усадил и только после этого спросил спокойным, ласковым голосом:

– Досточтимая сударыня, прошу вас – успокойтесь, соберитесь с силами и внятно поведайте нам обо всем произошедшем в замке.

Женщина согласно кивнула, открыла рот, но вместо подробного рассказа опять жалобно заскулила и залилась горячими слезами. Жалостливый Эткин, глядя на столь необъятное горе, и сам созвучно захлюпал носом. Но на помощь несостоявшейся рассказчице вовремя пришел одноглазый толстяк:

– Уж не знаю, знакомы ли ваши милости с хозяевами нашего замка, но поскольку выглядите вы как люди благородные и родовитые, то смею вас заверить – в замке де Брен проживали дворяне, не уступающие вам ни богатством, ни знатностью.

– Я имел честь многократно слышать о воинских заслугах графа и красоте госпожи графини Антуанетты, – учтиво поклонился барон.

Старик польщено затряс жалкими остатками седых волос:

– Мои господа не только состояли в близкой дружбе с королевским домом Нарроны, но и даже вырастили саму ее светлость принцессу Ульрику де Мор. А после того, как ее младший брат Ульрих нашелся, моих хозяев в наших краях начали почитать не в пример пуще. Я то, Гийом Одноглазый, сам завсегда состоял при его светлости графе, а жена моя, Мариза, самолично вынянчила и вырастила нашу милую девочку, которую теперь иначе как спасительницей королевства и не называют!

Поняв, что сидящая перед ним чумазая оборванка и есть преданная нянюшка его строптивой возлюбленной, Генрих низко нагнулся и благодарно поцеловал красную, потрескавшуюся, покрытую ожогами руку пожилой женщины. Мариза всхлипнула и по-матерински нежно погладила черноволосую голову сильфа.

– И хорошо мы все жили, – сиплым от волнения голосом продолжил старый Гийом, – да вот пару дней назад налетело вдруг на наш несчастный замок огромное полчище всякой нечисти – демонов, горгулий и умертвий, и пожгло нас огнем беспощадным. Господин граф с сыновьями, и весь гарнизон в придачу, пали смертью храбрых – людей защищая. Графиню Антуанетту балкой обвалившейся убило, молодую хозяйку Марию демоны обесчестили и со стены сбросили, а графиня Луиза, наследником беременная, – тут лицо старика перекосило от невыносимого горя, – обгорела страшно и умерла в мучениях нечеловеческих, прямо на наших руках...

Генрих торопливо снял шляпу, желая почтить память безвинно погибших страдальцев.

– Вот однако, что я вам еще скажу, благородные судари, – старик испуганно перешел на едва слышный шепот, постоянно оглядываясь в сторону темного подвала, – похоронили мы их всех в склепе родовом, а между тем – прошлой ночью молодая графиня Луиза из гроба встала да на людей набросилась, двоих убила и кровь из них выпила... Утром же, как ни в чем не бывало – обратно в могилу улеглась!

Услышав подобные несусветные подробности, Генрих потрясенно отступил на шаг назад, споткнулся о балку и с размаху сел на землю.

– Так мы сегодня по новой гроб то ее закрыли, гвоздями заколотили и каменной плитой сверху завалили, – торопливо добавила Мариза, – но думаем, что ее это не остановит. Вот

поэтому и побежали люди, как только темнеть начало...

– Это как так? – заикающимся голосом спросил Марвин, бледнея и стуча зубами. – Сама встала что ли, без магии, без некроманта?

– Слышал я о подобном, – вмешался в беседу молчавший до этих пор дракон. – Случается такое, если вдруг в тело умершего, с каким-то недобрым умыслом, сразу после гибели – вселится один из высших демонов!

– Уж не сама ли Ринецея, случаем? – робко предположил Марвин.

– Но зачем? – с сомнением протянул Эткин.

– А вот это надобно узнать и пресечь, – Генрих бесстрашно положил руку на рукоять Гиарды. – Покараулим-ка мы, други, восход луны, да посмотрим – что из всего этого получится!

Вышедшая из-за облаков луна обливала землю холодным, мертвенным светом. Причудливо изогнутые тени сплетались в рисунок непонятный, нечеткий, но в высшей степени зловещий. Прочно расставив ноги и опершись на эфес Гиарды, Генрих бдительно всматривался в окружающую их опасную полумглу, из последних сил сопротивляясь липким тенетам наползающего сна. Да что же это такое? Наверное, сами Пресветлые боги отвернулись от них сегодня и вздремнули, подчиняясь убаюкивающим чарам неведомой магии, казалось, так и витающей над незадачливыми демоноборцами. Эткин, прикорнувший под сенью полуразрушенной стены, вновь в полной мере воспользовался своей удивительной способностью сливаться с внешней средой и весьма достоверно изображал огромный валун, если бы не громоподобный храп, выдававший его с головой. Марвин, неловко опершись на собственные колени локтями белоснежных рук, пальцы которых так и остались сложенными в каком-то магическом пассе, умудрился задремать посередине творимого заклинания. Словно не выдержал натиска противодействующего волшебства. Да это же это такое! Генрих вздернул медленно клонящуюся на грудь голову и прислушался. Померещилось? Приснилось? Барон был готов поклясться, что не ранее чем секунду назад, его бдительный слух уловил осторожное шебуршание, раздавшееся прямо под его ногами, в глубине подземелья. И этот шум не могли производить живые обитатели замка, потому что он лично снабдил Гийома и Маризу деньгами из своих запасов и посоветовал пробираться в Силь, гарантируя что одно упоминание имени Повелителя обеспечит им теплый и радушный прием.

– Марвин! – барон бесцеремонно тряхнул друга за плечо, пытаясь разбудить. – Ты ничего не слышал?

Но вместо ответа, некромант бесчувственной колодой повалился на бок, так и не выйдя из сонного транса.

– Эткин! – громко позвал сильф, но дракон продолжал храпеть столь сладко, что становилось понятно – колдовские чары и не собираются добровольно отпускать гиганта из своих гибельных объятий.

– Да что же это такое? – на этот раз вслух выкрикнул Генрих, вскакивая на ноги, совершенно обескураженный и сбитый с толка. – Почему лишь один я оказался не подвержен воздействию враждебной магии?

И словно стремясь развеять его сомнения, тонкое лезвие Гиарды, магического клинка, созданного демиургами, засветилось ослепительным, разгоняющим тьму сиянием. Магия вступила в схватку с магией.

Но демоны не собирались сдаваться без боя. Вскоре под настилом из гнилых досок, ненадежно прикрывающих вход в усыпальницу рода де Брен, возникло синеватое, гниlostное свечение, сопровождавшееся разъяренным шипением. Словно кровожадные болотные духи, жаждущие теплой человеческой крови, приняли брошенный им вызов и торопились ввязаться в бой не на жизнь, а на смерть. Вонючие ленточки тумана, сильно смахивающие на омерзительных бесцветных червей, заструились изо всех щелей и отверстий в основании фундамента, скручиваясь в кольца, немедленно обвивающие сапоги Генриха.

Первого же подобного прикосновения оказалось достаточно для того, чтобы барон ощутил цепенящий холод разверзнувшейся могилы, несомый демоническими выделениями. Де Грей громко выругался и отскочил в сторону, поводя перед собой накалившимся лезвием рапиры, острый кончик которой рдел алым светом падающей звезды.

– Спаси меня Аола! – с надеждой выдохнул барон, услышав утробный, лающий хохот, нарастающий в недрах подземелья.

Волна оглушительных звуков, напоминающая апофеозное крещендо смертоносного гимна, бьющего по нервам и жилам, достигла своего апогея. Доски настила взвились высоко вверх, буквально выбитые чем-то или скорее кем-то, пробудившимся от долгого сна, и гулко ворочающимся в недрах тесного, каменного подвала. Темная сила выплеснулась наружу, и Генрих крепче сжал рукоять клинка, готовясь встретить неведомого противника. Но неожиданно, гадостная вонь и гнилостный свет сменились легкой, убаюкивающей мелодией, печально напевающей о несбывшихся мечтах. Из подземелья медленно, не касаясь ногами земли, выплыл невесомый, хрупкий женский силуэт, облаченный в белые одежды. Рука Генрих невольно дрогнула, он опустил рапиру и отступил назад, уступая дорогу незнакомой даме.

Точеная фигурка, окутанная то ли свадебным, то ли погребальным покровом, плыла прямо на сильфа. Трогательно склоненную головку, наводящую на мысли о сломленном бурей бутоне экзотического цветка, скрывала плотная вуаль, увя, ничуть не колышущаяся в такт нежному дыханию. Непрозрачный покров венчал веночек из увядших лилий. Округлившийся стан усопшей красавицы напомнил барону о том душераздирающем положении, в котором пребывала на момент гибели несчастная жертва – готовившаяся стать матерью, наполнив отзывчивое сердце Генриха новой порцией скорби. Мертвая Луиза тянула к нему бледные руки, взывая о милосердии. Повелитель, не в силах вынести это воистину жалостное зрелище, положил Гиарду на землю и преклонил колено:

– Прекрасная госпожа, я ваш верный слуга и если вы соизволите подсказать мне возможность, с помощью которой я смог бы облегчить страдания вашей неупокоенной души, то я...

Мертвая красавица неожиданно взревела, словно голодная гиена, торжествующе расхохоталась, подняла вуаль и бросилась на коленопреклоненного рыцаря. Расширенные от шока глаза Генриха моментально охватили все подробности представшего ему богомерзкого зрелища. Освещенные беспощадной луной пальцы Луизы, покрытые синюшными трупными пятнами, противоестественно удлиннились, превратившись в крючковатые, сизые когти. Черный, криво раззявленный рот, полный могильной земли и жирных, желтых червей, издавал пронзительный ведьмин визг. Но, на фоне покрывающих лицо обширных ожогов и струпьев, особенно впечатляюще выглядели глаза, а вернее – их полное отсутствие. Вместо правого – плескалось студенистое озерцо зеленого гноя, зато из левой глазной впадины на Генриха жадно глянул красный, пылающий углем зрачок. В последний момент барон будто проснулся и умудрился совершить короткий пережат через плечо, спасший ему жизни. Руки-клешни промахнулись, щелкнул в каком-то дюйме от его шеи. Из пасти демонической твари вырвался разочарованный вой. Генрих подхватил брошенный клинок и на полусогнутых ногах мягко пошел вокруг противника, выбирая удобную для нападения позицию.

– Кто ты? – холодно спросил барон.

Тварь снова захохотала:

– Я младший брат владычицы Ринецеи, демон Арафел!

Генрих издевательски выгнул бровь. Он к месту вспомнил свое давнее правило, уже не раз и не два отлично помогавшее ему в различных жизненных передрягах – выведи противника из себя и твой шанс на победу возрастет многократно:

– Слушай, Ара, а вы случаем не кролики? А то что-то ваши родители отличались прямо таки неприличной плодовитостью. А еще что-нибудь, кроме вас, они делать умели?

Демон угрожающе заскрежетал зубами:

– Да как ты смеешь меня оскорблять. Я – великий боец!

– Угумс, верю! – с готовностью подтвердил барон. – Абигер, помнится, тоже так говорил... – он выдержал драматичную паузу, – ... перед смертью!

– А-а-а, – взбешенно завизжал демон, размахивая лапами, – так это ты убил моего любимого, старшего брата!

Де Грей не стал незаслуженно приписывать себе чужие подвиги, но и опровергать обвинение тоже не спешил. Он просто замолчал, предоставляя твари возможность выть и бушевать сколько ей заблагорассудится. А между тем, взбешенный демон совсем ослабил бдительность и бездарно проморгал момент, когда Генрих повернулся спиной к тусклой луне, подгадав ту позицию, в которой ее неяркий свет ослепил единственный глаз Арафела. Свистнула Гиарда... Демон успел уклониться, но оказался недостаточно проворным. Отрубленная лапа чудовища полетела на землю, фонтан дурно пахнущей, черной крови, забил из обрубка. Арафел взвыл и схватился за культю. Незримая аура враждебной магии, до этого времени плотно опутывающая двор замка, разом ослабела. Эткин завозился и чего-то неразборчиво забормотал в полудреме, протяжно зевнул некромант...

– Марвин, помоги! – громко закричал Генрих, продолжая отбиваться от наседающей на него, все еще сильной твари. Соприкасаясь с когтями демона, Гиарда звенела, испуская радужные снопы огненных искр. Но вот один коготь зацепил плечо храброго сильфа, глубокая царапина тут же набрякла каплями крови...

– Марвин! – снова позвал Генрих.

Молодой некромант открыл глаза, мигом оценил ситуацию и быстро сплел пальцы, рисуя магический знак. Оконченное заклинание сорвалось с его губ и полупрозрачной сетью всего лишь на краткий миг окутало демона, но и этого оказалось достаточно. Лезвие Гиарды блеснуло в лунном свете, и отрубленная голова умершей графини покатилась по пепелищу.

– Отправляйся к брату! – напутствовал ее барон, судорожно переводя дыхание и зажимая кровотокающую рану. – А невинная сущность госпожи Луизы пусть вернется в Обитель затерянных душ!

– Bravo, отважный барон! – от всего сердца похвалил Эткин. – Вижу, семейство Ринецеи убывает весьма впечатляющими темпами!

– Но все-таки недостаточно быстро, – буркнул Генрих, покачиваясь на подгибающихся от усталости ногах. – Хоть бы ты, Марвин, на них какую заразу наслал что ли. Что-то меня в раз слабость обуяла...

– И не мудрено, – некромант уже извлек из своей сумки бинты и корпию, и щедро плеснул на руку друга какой-то прозрачной жидкостью, заставившей барона взвыть не хуже убитого им Арафела. – Тварь оказалась чрезвычайно сильна, но ее магическая защита схлынула мгновенно, забрав заодно и твою энергию. Радуйся, что вообще уцелел, мало, кто способен устоять в бою против высшего демона!

Эткин задумчиво бродил вокруг обезглавленного трупа, присматриваясь и принюхиваясь.

– Это ты чего? – хохотнул барон, после снадобий Марвина почувствовавший себя значительно лучше. – Хочешь кроме горгулий еще и демоном закусить?

Но дракон лишь вяло махнул на насмешника лапой, не прерывая своих исследований:

– Если демон вселился в тело мертвой графини, – негромко рассуждал он, – значит, он искал среди руин замка то, о чем мог помнить человеческий разум погибшей красавицы. Интересно, ради чего такого ценного Арафел сознательно подвергал себя опасности, так долго оставаясь в уязвимой смертной оболочке?

– А ведь Эткин прав! – воскликнул прислушавшийся к словам гиганта некромант. – Демон что-то искал!

– На теле нет ничего необычного. А вот лицо..., – дракон когтем поддел голову несчастной Луизы, – вернее глаза..., – Эткин изумленно присвистнул. – Марвин, подойди, глянь, это точно то – о чем я думаю?

Молодой некромант бережно принял от дракона останки мертвой красавицы и разразился серией восторженных воплей. Генрих недоуменно хлопал глазами:

– Да что вы там обнаружили то, гоблин меня раздери?
– Ты наверно не слышал, что глаза драконов обладают уникальной способностью – могут видеть чуждую магию? – улыбнулся Эткин.

– И?

– В замке де Брен хранился один такой глаз. Уж не ведаю, как и когда он к ним попал, но Ринецея об этом узнала, а это, в свою очередь, – дракон просиял, словно осененный судьбоносной догадкой, – наводит меня на мысль, что она действительно причастна к исчезновению моих собратьев. Этот глаз и нашел ее покойный братец...

– Дай мне кинжал, – потребовал Марвин и, получив желаемое, осторожно, затаив дыхание, выколупнул из левой глазницы Луизы крохотный красный камешек, упавший на подставленную ладонь Генриха. – Вот он – легендарный глаз дракона!

– А я то думал, что мне просто показалось, будто ее зрачок пылает как уголь. – Покачал головой Генрих, рассматривая чудо. – А тут вон оно как все повернулось!

Подчиняясь убедительному жесту Эткина, некромант поднес камешек к собственному правому глазу и приложил к роговице. Сияющая красным светом точка дружелюбно мигнула и в один миг всосалась в глазницу Марвина. Юноша негромко ойкнул.

– Больно? – заботливо поинтересовался дракон.

– Нет, – Марвин восторженно оглядывался по сторонам, – просто я сразу стал значительно лучше видеть этим глазом. Мир словно обрел невиданную четкость и насыщенность красок. Не взирая на темноту, я теперь вижу даже спящих букашек, сидящих на травинках!

– Ох, чует мое сердце, не случайно все это! – тихонько ворчал Эткин, пока некромант вдохновенно и поэтично описывал красоты ночного мира. – Не просто так мы этот артефакт нашли! Похоже, все события, что с нами происходят, нанизаны на единую нить будущего, словно соседние бусинки в длинном ожерелье, и не зря нам этот камушек даден был, ох – совсем не зря!

Глава 2

Я никогда не бывала вблизи города Нис. Не бывала ни в реальности, ни в мечтах, ни даже во сне. Да откровенно говоря, и сейчас не испытывала особого желания там находиться. А пришлось, однако.

«Ну почему жизнь чаще всего оказывается такой подлой и гадкой штукой? – мысленно стонала я, возмущенно разглядывая поистине ужасающее содержимое не шибко глубокого рва. – Сначала развивается по спирали, все круче и круче сжимая витки неприятностей, а потом и оглянуться не успеешь, как она уже перешла в смертельный штопор! И не вырвешься из этой убийственной петли, поздно...». От отвращения и стопроцентного осознания собственной правоты, я негодуя сплунула, ладно хоть себе под ноги, а не на кого-то еще.

– И что делать то станем? – растерян спросил Оггур, не отводя взгляда ото рва.

– Закапывать, – спокойно предложила я. – Или у тебя есть идеи получше?

– Ох, уж это твоё знаменитое спокойствие, Мелеана! – хмуро пробасил орк. – Сдается мне, что оно всегда носит вещий характер и предшествует крупным неприятностям.

– Нет, хуже уже некуда, – пискнул Ланс, прячась за широкую спину любезного друга и закрывая нос полой плаща, пытаясь хоть немного защититься от невыносимого смрада, поднимающегося надо рвом. – Хуже уже не будет!

– Будет, будет, – оптимистично пообещала я. – Спорим на бутылку красного эльфийского?

– Невероятный цинизм, причем, у обоих, – осуждающе покачал головой Оггур, вздохнул, поплевал на ладони и взялся за черенок тяжелой лопаты. – Но ведь если рассуждать справедливо – то жизнь еще циничнее. Идите-ка вы отсюда, – посоветовал он нам, – не для вас это работа, – отвернулся и принялся умело засыпать ров комьями серой

земли. Я скороговоркой пробубнила короткую погребальную молитву, прощаясь с теми, кто покоем во рве, и отошла прочь, уводя с собой печального Лансанариэля.

Медальон с портретом белокурого принца, который я несправедливо экспроприировала у Гельды, нагрелся и призывно задергался, предлагая выйти на связь. Уже не первый раз за эти несколько дней, кстати. Но я сердито прихлопнула его рукой – типа: стоять, бояться. Я злилась:

– Достал уже, козел! – сквозь зубы негромко прорычала я.

Идущий рядом полукровка испуганно вздрогнул и покосился на меня преданными, телячьими глазами.

– Да это я не тебе, – раздосадовано успокоила я не в меру чувствительного красавца. – Хотя ты тоже не подарок!

Ланс уныло сторбил плечи, понимаю, что в таком состоянии со мной лучше не связываться, себе дороже обойдется.

А я не просто злилась, внутри меня все буквально кипело от едва сдерживаемого гнева, временами все же прорывающегося наружу в виде саркастичных реплик и грубых комментариев. Да и было от чего психовать.

К стенам Ниса мы прибыли совершенно измученными, донельзя раздраженными непрерывным нытьем и жалобами Гельды, не привыкшей ходить пешком. Огвуру то что, тот наверно готов и до Поющего острова по воде аки посуху прошагать, и даже глазом не моргнуть. Лансанариэль мужественно крепился, иногда страдальчески морщась и бросая на меня мученические взгляды. Признаться честно, я и сама давно ощущала, что правый сапог натер на моей, не такой уж и изнеженной пятке – здоровенную мозоль, но повинаясь какому-то безотчетному импульсу, все подгоняла и подгоняла друзей, упрямо продвигаясь вперед. Пару раз мы вымокли под проливным дождем, сухой паек почти закончился, но и это не умерило моей непонятной прыти. И все равно – мы не успели.

– Да и спешить не стоило, – брезгливо сморщилась Гельда, заглядывая в ров, – они мертвы уже не первую неделю.

В паре шагов от нас, Ланс нерадостно завис над чахлым кустиком, не в силах совладать с приступом сильной рвоты. Да и саму меня мутило изрядно, причем даже не столько от ужасающего запаха мертвечины, а сильнее всего – от огромного роя отождравшихся зеленых мух, с жужжанием нехотя взметнувшихся вверх при нашем приближении. Сначала мы обнаружили развалины городских строений, носившие следы ожесточенных боев, а затем – наспех вырытый ров, в котором и покоились разлагающиеся тела погибших защитников Ниса. Я вновь хлопнула по нехстатии потеплевшему кулону. И чего, интересно, добивался белокурый принц, призывая меня спешно прибыть к городу? Неужели он хотел показать мне это?

Они лежали здесь все, небрежно брошенные в красноречивых позах существ, дорого продавших свои жизни. Могучие воины-кентавры с темными крупами, покрытыми страшными резаными ранами, изящные женщины, и даже дети-жеребята. У одного из мальчишек в руках еще виднелся сломанный игрушечный лук, из которого он, видимо, пытался отбиться от беспощадных завоевателей.

Я сделала еще пару шагов, плащмя рухнула на землю и безудержно разрыдалась, выплескивая в слезах владевшее мной страдание и злость. Да будьте вы прокляты бессердечные Дети холода, с мечом пришедшие в мой край! И ты, ненавистная Ринецея, ты еще заплатишь с лихвой за все творимые тобой злодеяния!

Словно в полусне, я ощутила, как крепкие руки Оггура заботливо поднимают меня с острой щебенки, бережно заворачивают в теплый плащ и, укачивая, несут куда-то, а над моей головой убаюкивающее рокошет знакомый голос орка, выпеая что-то непривычно колыбельное. А потом я, и в самом деле, крепко заснула...

Меня разбудил отдаленный шум, навязчиво лезущий в уши и напоминающий рокот никогда не умолкающего водопада. Я удивленно подняла растрепанную голову. Великая

Аола, ну я и попала! Ничего не чуя, я мирно и беззаботно дрыхла на невысоком, поросшем мягкими лопухами холмике под чудом уцелевшим фрагментом крепостной стены, а в какой-то полусотне шагов от меня волновалось безбрежное море закованных в черные доспехи воинов, осененных широкими полуразмахами огромных крыльев. Демоны, это были демоны! Я попыталась пересчитать темное воинство и тут же сбилась со счета. Сколько из здесь – пять тысяч, десять? Впереди мрачных рядов отчетливо выделялись двое. Первый – тощий, бесцветный альбинос с узким прищуром красных глаз, облаченный в серебряные латы, оказался ни кем иным, как уже известным мне дядюшкой, познакомиться с которым я успела во время знаменательного ритуала с травой янт. А второй... при виде него мне захотелось немедленно и трусливо накрыться полой плаща, а еще лучше – мгновенно перенестись на сотню миль подальше от этого злополучного места. Ибо это был он!

Очень высокий, с неправдоподобно мускулистыми плечами и осиной талией, намеренно подчеркнутой наборным поясом из чередующихся золотых и серебряных пластин. Без каких-либо доспехов вообще. Расстегнутая почти до пупа шелковая белая рубашка обнажает гладкую, выпуклую как щит грудь, и упругий живот с красивым рельефом пресса. Парчовые серебристые штаны небрежно заправлены в белые замшевые ботфорты с алмазными пряжками, выигрышно выделяющие маленькую стопу с высоким благородно-породистым подъемом. Белокурые локоны струятся по плечам, золотистые глаза смеются. Странной формы меч криво воткнут в землю около ног хозяина. В руках принц держит бокал, до краев наполненный светлым игристым вином. Иногда он поворачивается к своему войску и отпускает очередную, из-за расстояния не слышную мне шутку, встречаемую раскатами громового хохота. Белокурый красавец невероятно прекрасен, в меру пьян и безмерно весел. А я сижу себе как дура, на пригорочке, заспанная и не умытая, перед самым носом мужчины моей мечты и трясусь от страха, будто осиновый лист. Вот так подарочек судьбы, гоблин меня задери!

И тут во мне гордость взыграла! В конце-концов, принцесса я или нет? О-о-о, да я ведь всем принцессам принцесса – белая кость, голубая кровь (или такая только у каракатиц бывает?). А в добавку ко всему – еще и внучка самой Смерти, еще и родная племянница богини Аолы, еще и страшная что мама не горюй, еще и сумасшедшая, еще и рыжая, еще и... Короче – все лохи, одна я звезда... Вот!

Закончив этот маленький, но очень действенный аутотренинг, я мгновенно воспряла духом. Неторопливо вынула из сумки гребень и тщательно причесала волосы, причем провела расческой по своим спутанным кудрям не больше и не меньше, а ровно сто раз, как нянюшка Мариза в детстве учила. Прополоскала рот ароматической эссенцией, мысленно убеждая себя, что ни с кем я целоваться и не собиралась, и не собираюсь в ближайшем обозримом будущем, а просто соблюдаю личную гигиену. Поднялась на ноги, аккуратно свернула плащ и воинственно, немного набекрень, нахлобучила на голову любимую поношенную шляпу с линиялым петушиным пером. А потом состроила зверское лицо и легкой, летящей походкой двинулась на встречу вражескому войску, взиравшему на разыгрываемый перед ними спектакль квадратными глазами и с перекошенными мордами. Вот так то, господа демона, мы тоже, как говорится – не лыком шиты!

– А Ланс где? – шепотом, сквозь зубы, спросила я у Огвура, невозмутимо вышагивающего справа от меня. Где-то за нашими спинами скромно маячила присмирившая, и прикусившая болтливый язычок Гельда.

– Купаться пошел, – мило улыбнулся орк.

– Ку..., чего? – поперхнулась я. – Он чего, сбрендил? У нас же война на носу!

– А он заявил, что ему немывтым – помирать стыдно, – четко отрапортовал тысячник, старательно пряча ехидную интонацию.

Я восхищенно повертела головой. Похоже, наш не шибко умный полуэльф устроил свою собственную демонстрацию выдержки и самообладания. Вот как им не восхитишься? Вроде – дурак дураком, а порой до того нагло себя вести умудряется, что меня аж зависть берет!

Белокурый принц встретил мое приближение галантным поклоном и очередным глотком вина, на этот раз за здоровье хорошо выпавшегося, симпатичного врага, к тому же – оказавшемуся дамой. Хотя, на мой взгляд, этот глоток оказался излишним, принца итак уже изрядно покачивало. Вблизи он выглядел еще милее и ослепительнее. Да и привычку воевать в бальном наряде и в состоянии заметного алкогольного опьянения, иначе как истинно дворянской и не назовешь.

Я нахмурилась, больше для порядку.

– Ну и что это за безобразие?

– Это? – принц одним глазом прищурился на бокал. – Белое, игристое, из правого сектора придворного виноградника Ширулшэна, урожая тысячу сто...ик...года! Хочешь? – он любезно протянул мне неполный кубок.

Я начала тихо впадать в состояние полной кататонии:

– Не хочу! И вообще, по утрам пьют либо дегенераты, либо...

– Аристократы! – закончил за меня любимый мужчина, расплываясь в счастливой улыбке.

Огвур крикнул, пряча добродушную усмешку. Похоже, принц ему понравился.

Я задрала голову и в упор встретила пристальный взгляд золотистых глаз. Острых как стилеты, нечеловечески добрых и мудрых, и... абсолютно трезвых. От неожиданности я моргнула. В следующий же миг принц пьяно хихикнул, сделал глупое лицо, и мне оставалось только гадать – трезв ли он на самом деле, или все это мне только померещилось.

– А ведь мы так и не познакомились, – громко, с требовательным нажимом, сказала я. – Как прикажешь тебя называть?

– Называй меня любимым! – нежно попросил красавец, эротично выпячивая губы и посылая мне воздушный поцелуй.

От подобного неприкрытого нахальства, я обомлела:

– А пошел ты, козел! – невежливо послала я. – Мы ведь враги!

Принц немедленно перешел от комедии к трагедии. Он выронил кубок, расплескав вино по земле, схватился за сердце, второй рукой эффектно прикрыл глаза и глухо застонал, симулируя как минимум сердечный приступ. Причем, весьма правдоподобно.

– Ну почему из двух влюбленных, один – обязательно стерва? – патетично спросил он, поворачиваясь к войску.

Ряды до зубов вооруженных демонов ответили сочувственными вздохами.

Вся эта напыщенная театральщина начинала мне порядком надоедать.

– Мы драться сегодня будем? – откровенно спросила я, вытягивая из ножен Нурилон, полыхнувший синим светом. Демоны разразились восхищенными аплодисментами.

– Вообще-то, я намеревался предложить тебе более интересное занятие! – подмигнул мне белокурый.

– Что за фарс ты тут устроил? – гневно процедила я, не спуская глаз с покачивающегося и ухмыляющегося принца. – Ты бы еще своим бойцам жареную кукурузу раздал.

– О, – причмокнул губами пьяный красавец, – а я то все думал, чего нам еще не хватает для полного счастья?

– Поединка! – подсказала я.

– Ты против меня, с этой своей зубочисткой? – делано изумился белокурый. – Да мы с Полумглой, – он с показным бахвальством ткнул пальцем в сторону своего удивительного меча, – твое высочество на раз-два-три на холодец покромсаем, и хрен на тебя сверху положим!

– Хвастун! Смотри не пукни! – язвительно усмехнулась я, покоробленная его двусмысленной угрозой.

– Грубиянка!

– Алкоголик!

– Провинциалка не отесанная!

– Хмырь столичный!

... Минут через пятнадцать подобного обмена любезностями мы выдохлись, но на выручку тут же пришли бойцы из войска принца, не только увлеченно подсказывающие нам все новые и новые обидные эпитеты, но начавшие ставить на нас золотые монеты. Увлечательную сцену из серии – «милые бранятся, только тешатся», внезапно нарушил негромкий, мелодичный напев. Все как по команде повернули головы.

Это оказался полуголый Ланс. Толсто намотав вокруг талии большущее, влажное полотенце, с падающими на плечи мокрыми волосами, босиком, в одних кожаных штанах он, пребывая в самом приятном расположении духа и напевая песенку, конечно же – возвращался с утреннего купания. Появление нового, столь пикантно выглядевшего персонажа, было встречено громким, одобрительным свистом.

– И не правда, я все равно красивее! – поспешно возмутился принц.

– Ребята, не надо ссориться, ругаться и обзывать, – мило предложил Лансанариэль, кое-как удерживая сырую ткань, криво сидящую на бедрах. – Давайте просто сразу подеремся! Страсть, как обожаю потных, разгоряченных мужчин с меча..., – и в этот миг полотенце развязалось и упало на землю.

По рядам демонов прокатился сначала всеобщий вздох разочарования, потому что под тряпкой обнаружился... миниатюрный арбалет с наложенным на тетиву болтом, а потом возмущенный ропот, схожий с возгласом обманутого в своих ожиданиях любовника. Ланс глумливо хохотнул и показал похотливым противникам нежный, розовый, далеко высунутый язык.

А вот это, почему-то, сработало сразу же. Шуточки и смех умолкли как по команде, лязгнули извлекаемые из ножен клинки, ровные шеренги демонов ошетинились алебардами и палашами. Принц задумчиво скрестил руки на груди, его напускное опьянение куда-то улетучилось. Он уважительно рассматривал нас троих, стоящих перед его многотысячным войском. Меня с Нурилоном, Огвур с Симхеллой и Ланса с арбалетом. Про Гельду в этот момент я как-то совершенно позабыла.

– Ульрика, – проникновенно спросил он, – ты действительно веришь в то, что вы трое способны выстоять против нас?

Я ухмыльнулась:

– Можешь считать меня дурой, но я верую и в правоту нашего дела, и в справедливость божьего промысла!

– Это как? – явно опешил белокурый. – Ты что, ждешь чуда? Откуда, гоблин меня задери, с неба что ли?

– В глубине души, да, жду! – откровенно призналась я.

– Фантазерка, – умиленно протянул он, – валькирия ты моя ненаглядная! Счастье ты мое! Радость ты мо...

– Нет, ни за что! – дикий, пронзительный визг взвился над полем. Напрочь позабытая всеми Гельда, выпрыгнула из-за наших спин и трепетно повисла не шее принца. – Так не честно! Это я твоя радость и счастье!

Принц вытаращенными глазами разглядывал черноволосую девушку, руками и ногами обвившуюся вокруг него.

– Это еще что за пиявка аптекарская? – недоуменно осведомился он.

Я прыснула, Ланс и Огвур весело ржали на два голоса. По рядам демонов снова прокатились смешки и прибаутки:

– Хозяин, брюнетку бери, – громко выкрикнули откуда-то, – она то явно на все согласная!

– Да не хочу я чернявую! – Возмутился принц, пытаясь стряхнуть с себя некромантку, присосавшуюся к нему, будто клещ. – Я рыженькую хочу!

– Хотеть не вредно! – дружно ответили орк и полуэльф.

– У каждого свои недостатки! – философски хмыкнула я.

Половина демонического войска каталась от хохоту по траве.

– Что, уроды, не ждали? – неожиданно донеслось сверху.

Мы вскинули головы.

– Да что же это такое сегодня творится то? – обалдело воскликнул принц, пытаясь отбиться от ведьмочки, которая висела на нем как украшение на майском не дереве, и не способная добраться до губ, которые несчастный объект любовной атаки защищал особенно рьяно, усиленно обслюнявливая ему подбородок.

– Это я, милоч кучерявенький, смерть твоя! – глумливо долетело с неба.

– Азур! – радостно заорала я, подпрыгивая и размахивая руками. – Я здесь!

– Вижу, Мелеана! – верный архидемон мягко спланировал вниз, бухнулся на одно колено и наспех чмокнул мою руку. А потом сунул два пальца в рот и пронзительно засвистел. Воздух немедленно наполнился воинственными выкриками и шелестом мощных крыльев. Демоны из гвардии бабушки Смерти сыпались с неба подобно граду, тут же выстраиваясь десятками и сотнями, и с лязганьем обнажая клинки. Не прошло и пяти минут, как напротив армии белокурого принца выстроилось не менее многочисленное и грозное воинство, облаченное в серебристые кольчуги.

– Бежим! – испуганно взвыл дядюшка альбинос.

Принц заскрежетал зубами, одним взмахом руки наконец-то отбрасывая от себя прилипчивую Гельду.

– Ты хотел чуда? – издевательски спросила я. – Получи!

– Нет! – закричал он. – Я не жажду твоей крови, я...

– Начнем? – настойчиво предлагала я, наступая и поигрывая мечом.

Белокурый с выражением смертной муки на прекрасном лице сделал шаг назад и нехотя выдернул из земли великолепный клинок, который он называл Полумглой. По длинному лезвию струились сплетения непонятных знаков и угловатых букв. Я плохо понимала древний язык демонов, но все же, хоть и с превеликим трудом, смогла прочитать:

Добро с уродливым лицом,
И Тьма – прекрасней бога,
Соединится сын с отцом,
У них – одна дорога

– Что это значит? – изумилась я.

– Сам не знаю, – пожал плечами принц. – Я много лет бьюсь над этим пророчеством, пытаюсь его понять. Этот меч я нашел в одном заброшенном храме Радужного уровня.

– Ты был на Радужном уровне? – мое недоумение все возрастало. – Но туда попадают лишь высшие.

– Да, – принц взволнованно облизнул губы. – Ульрика, дорогая, я должен тебе признаться, я...

– Идиоты! – истошно взвыл альбинос. – Придурки несчастные! Нашли время для откровений. Я знал, я предчувствовал, что с этим городом что-то нечисто. Проклятие, они создали над ним портал!

И словно подтверждая догадку эльфа, небо над нашими головами начало стремительно заволакиваться серыми, свинцовыми тучами. Подул холодный, пронизывающий ветер. Солнечный свет померк, сиреневые молнии ударили в пересохшую почву, воспламеняя скудную траву. Грохочущий, требовательный голос возник в наших головах. Демоны бросали оружие и падали на землю, укрываясь крыльями, стараясь спастись от вгрызающихся в мозг звуков. Многих из них волокно и сдувало прочь, словно невесомые клубки пустынных кустарников. Ланс с визгом заскользил в овраг, судорожно цепляясь пальцами за кочки и жалобно выкрикивая мое имя. Орк бросился за ним. Альбинос с ругательством откатился вбок, неразборчиво выпевая не действующие сейчас заклинания. Мы с принцем остались стоять в центре поля, и лишь одна Гельда валялась у нас в ногах, отчаянно хватаясь за его шикарные ботфорты. В темном небе над нами распахнулось черное

окно.

– Идите ко мне! – повелительно призывал страшный голос, доносящийся казалось из самого портала.

Бешеный порыв ветра подхватил нас троих, бросил верх и начал засасывать в рокошущее, сыплющее искрами жерло провала. Мечи в наших руках звенели жалобно и протяжно.

– Ульрика, Ульрика! – Надрывно кричал принц, пытаясь дотянуться до меня.

До полусмерти напуганная всем происходящим, ничего не понимающая, я, в свою очередь, протянула ему раскрытую ладонь. И за миг до того, как нас швырнуло в пустоту, за мгновение до того, как мы утратили какую-либо способность видеть и слышать – наши пальцы сами нашли друг друга и крепко переплелись.

Глава 3

Лансанариэль и Огвур заночевали в маленькой чайхане на окраине небольшого городка Хув, служащего воротами в Рохосское ханство. Последних денег едва хватило на то, чтобы заплатить въездную пошлину жадным стражникам на воротах, да купить еду и скудный ночлег. Толстые смуглолицые хапуги, называющие себя воинами хана, а на самом деле являющиеся, согласно меткому определению Ланса – ворами и вымогателями, заломили невероятную сумму, жадно приглядываясь к добротной одежде и богатому вооружению странных гостей, хором утверждавших, что прибыли в город по наиважнейшему торговому делу.

– Ну, если по торговому, то значит с вас еще три золотых брахата, – важно надул щеки жирный коротышка, едва достающий до груди высокорослого орка.

Ланс плюнул в сердцах, проклиная собственный болтливый язык, обошедшийся им втридорога.

– Нет у нас ваших брахатов, – солидно пробасил Огвур, стараясь подавить раздражение, вызванное непредвиденными расходами, – есть только золотые нарронские.

– А какая разница? – пожал по-бабьи круглыми плечами стражник. – Имперские тоже принимаем, по такому же курсу. У нас, хвала Аоле, торговая держава, а поэтому в ходу монеты любого достоинства и из многих государств, даже редкостные эльфийские шамули, – и он покосился на стройную фигуру полуэльфа.

– А что, господин воин, всегда у вас набирается столь большое количество людей, желающих посетить город? – любопытствовал изнывающий от жары Ланс, вместе с орком выстоявший огромную очередь, пестрой лентой извивающейся до ворот и пропадающую в многолюдной толпе, колыхающейся на узких улочках, примыкающих к центральному базару.

– Да нет, уважаемый эльф, – стражник, заскучавший от нудных, однообразных обязанностей тоже радовался кстати подвернувшейся возможности не только набить свой карман, но и выказать себя человеком в высшей степени культурным и вежливым. – Праздник через три дня в столице намечается, а в столицу, вестимо дело – путь один, через наш Хув, вот поэтому народ и валит не переставая.

– Понятно, – заинтересованно протянул Огвур, – а что за праздник такой?

– Ну, – высокомерно прищурился толстяк, – об этом всем известно – главный день тридцатой годовщины поклонения спящей принцессе Будур, и воинские состязания кандидатов в женихи, и всеобщий пир в честь возложения к ногам статуи Аолы очередного охранного артефакта. Чего же тут непонятного то?

– И действительно, чего! – хором откликнулись так ничего толком и не понявшие путешественники.

Ночь выдалась гадкой. Во-первых, Ланса по-прежнему мучили непонятные и малоприятные сны, а во-вторых уже под утро Огвура сильно укусило какое-то маленькое,

черненькое насекомое, робко пробиравшееся через свалывшийся войлок тощей кошмы, служившей им постелью. Разбуженный болью орк вскочил, звеня многочисленными ножами и прочей амуницией, и изрыгая ужасающие проклятия. Седой, коричневый от загара старик, прикорнувший поблизости, издал каркающий смешок и потянул тысячника за рукав:

– Уймись, досточтимый орк, до рассвета еще не меньше двух часов, а если ты будешь так сильно шуметь, то перебудишь всех постояльцев, и хозяин выгонит тебя на улицу. А ночи в Рохоссе ох как холодны!

– Хотел бы я видеть того, кто посмеет выгнать меня куда-то, – ворчал рассерженный Огвур, подозрительно оглядывая кошму и не рискуя улечься обратно. – Загадочная страна, это ваше ханство! Днем здесь царит невероятная жара, а ночь наполнена зверским холодом. Да еще эти маленькие кровожадные твари, обитающие в ваших коврах...

– Ничего с тобой не случится, – дребезжащее рассмеялся старик. – Тебя укусил не демон, а всего лишь блоха!

Сразу же после восхода солнца чайхана ожила и зашевелилась, прогоняя остатки ночного мрака и дружно славя наступающий новый день, дарующий всем тепло и милость великой богини Аолы. Потревоженные топотом множества ног и шелестом разноцветных халатов, подолы которых непрерывно взлетали над их головами, друзья, спавшие возле самого очага, тоже поднялись. Какой бы неудачной не стала эта ночевка, она все же оказалась намного лучше тех пяти дней, которые они провели среди острых скал, пробираясь по горным тропам, ведущим от Долины кленов до границы Рохосского ханства. Жаль только, что у них не хватило денег для того, чтобы купить себе отдельную комнату и выспаться всласть. Последние, жалкие монеты они истратили на чайник душистого зеленого чая, да на две пиалы жирного плова с бараниной и имбирем, коим и неторопливо завтракали прямо сейчас, сидя у жарко полыхающего огня, постепенно растворявшего воспоминания о холоде прошедшей ночи.

– А мне опять тот же самый сон приснился! – торжественно возвестил Ланс, немного испуганно разглядывая комковатую мешанину из желтого риса и крупных кусков мяса, щедро подернувшуюся слоем подстывающего жира.

– Ага! – невразумительно подхватил смачно чавкающий Огвур, упоенно пожирающий сильно наперченный плов. – Ешь давай, пока не остыло, очень вкусно между прочим. А потом расскажешь.

– Это есть? – полукровка смотрел на плов так, словно он был приготовлен, по крайней мере, из крысиного мяса. – Да тут же куча калорий, как это отразится на моей талии?

– Как, как! – передразнил друга орк, вообще, не особенно то озабоченный вопросами диетического питания. – Хорошо, между прочим, отразиться, а то твоя талия итак уже почти к позвоночнику прилипает.

– Да-а-а? – недоверчиво спросил полуэльф, донельзя польщенный подобным неожиданным комплиментом. – А мне показалось, что у белокурого принца она еще тоньше! И у той женщины из сна тоже, на этот раз я разглядел ее отчетливо!

– Неужели? – орк отставил ополовиненную пиалу и отер рукавом замаслившиеся губы. – Тогда рассказывай немедленно.

– Фи, милый, и где твои изысканные манеры? – возмущенно хлопнул ресницами Ланс. – Раньше ты всегда пользовался салфеткой.

– Некогда нам манерничать нынче, с учетом рациона из сухарей и корешков, которым пришлось довольствоваться пять дней в горах, – хохотнул Огвур. – На войне миндальничать не приходится!

– Ну, хорошо, расскажу! – как видно, полукровка был рад-радешинек избавиться от необходимости поглощать высокопитательный плов. – Я тебе уже говорил, что каждую ночь после того, как нашу Рыжую и белокурого принца затянуло в портал Детей холода, мне начала сниться странная женщина, призывающая меня совершить что-то героическое...

– Ага, – беззлобно поддел тысячник, – ну почему то каждый раз, как мы пытаемся совершить что-то героическое, у нас всегда получается мелкая катастрофа местного

значения? Ведь именно руководствуясь твоими ночными кошмарами, мы и забрели в эту ужасную страну, перелезли через скалы, мерзли, жарились на солнце...

– Да ты послушай, что мне сегодня приснилось! – Ланс решительно прервал язвительные излияния друга. – Сегодня мне удалось отчетливо рассмотреть эту женщину, постоянно указывающую в сторону, куда нам требовалось идти. На голове у нее была серебряная корона, а в руке – черная роза!

– Ага! – на этот раз орк даже подпрыгнул от неожиданности. – А вот это мне уже знакомо! Похоже, укусы блох, во множестве водящихся в этой демонами проклятой чайхане, резко обострили твои умственные способности! Потому что перед тем, как мы с тобой познакомились, мне являлась эта же самая женщина. Думается мне, что это не обычная дама, а высокородная бабушка нашей Мелеаны, – тут он почтительно понизил голос, – сама королева Смерть!

– Ну, дела! – привычно выдал Ланс, потрясенно выпучивая зеленые глаза. – Получается, у нас с тобой теперь появилась собственная, важная миссия? Ибо в моем сне королева кроме розы держала в ладонях еще какой-то тонкий золотистый предмет, напоминающий лучик света...

– Случайно, не украшенный алмазами ли? – подсказал старческий, хриплый голос.

Ланс и Огвур, увлеченные беседой, встрепенулись и наконец-то заметили старика в рваном халате, стоявшего поблизости и самым бессовестным образом подслушивающего тайный, вовсе не предназначенный для посторонних ушей разговор.

– Почтенный, ты умеешь угадывать мысли? – удивился полукровка.

– А, это ты, ночной защитник блох, – усмехнулся орк.

Старик лукаво улыбнулся и благовоспитанно склонил голову, увенчанную изрядно поношенным тюрбаном:

– Скромный путешественник и звездочет, дервиш Рафар-Гасан-Хазред-абу-Синаф-Али-Баба к вашим услугам, о благородные путники.

– Ну и имечко у тебя, уважаемый, аж пот прошибает от натуги, когда пытаешься запомнить его целиком, – орк и в самом деле утер со лба щедро выступившую испарину, вызванную, скорее всего, палящим солнцем, уже стоящим высоко в зените. – И какое-то окончание у него женское – али баба!

– Да нет же, Али-Баба! – мягко поправил старик. – Просто я услышал, как ваш прекрасный спутник в точности описывает стрелу «Властительница жизнью», на днях привезенную нашему хану Исхагану, и не смог удержаться от искушения вмешаться в высокочудную беседу, ибо сказано в Хрониках Бальдура, что...

– Что! – хором взвыли орк и полуэльф. – Какая стрела? И ты что, читал Хроники? А ну-ка, уважаемый Али-Баба, присаживайся к нашему достархану и отведай чего боги послали, – тут Ланс с видом помилованного от смертной казни, придвинул к старику свою пиалу с жирным пловом. Дервиш не заставил упрашивать себя дважды, радостно схватил угощение и принялся с аппетитом уписывать за обе щеки.

С трудом дождавшись, когда голодный старик насытится, друзья приступили к расспросам.

– А поведай-ка нам, мудрый старец, о какой такой стреле идет речь? – спросил Ланс, теперь твердо убежденный в том, что предмет в руках королевы Смерти и был ни чем иным, как именно этим самым загадочным оружием.

Старик разгладил длинную бороду, полуприкрыл проницательные глаза, окруженные сотнями тонких морщинок и начал повествование:

– Ни для кого уже не являются секретом слухи о страшных делах, творящихся в мире за пределами Рохосского ханства. Смертоносные Твари стужи покинули Край Тьмы и утверждают повсюду власть своего кровожадного Ледяного бога. Но проникнуть в наше ханство они не в силах!

– Почему? – дружно изумились орк и полуэльф.

– Потому что в старой части нашей столицы, в Рохе, стоит Храм великой богини Аолы,

полный могущественных, пропитанных светлой магией амулетов и артефактов, собираемых везде, где только можно по приказу нашего дальновидного хана. Именно множество подобных предметов и создает защитную энергетическую завесу, пока непроницаемую для Ледяных ярлов. А буквально несколько дней назад сокровищница Храма пополнилась еще одним ценным экспонатом, подходящим под описание чуда из вашего сна.

– Золотой стрелой в виде луча света с серебряным наконечником и алмазным оперением! – уточнил Ланс.

Старик довольно кивнул:

– Это именно она, стрела «Властительница жизней». Не знающее промаха оружие способное пробить любую защитную магию и убить любого чародея.

– И еще я вспомнил, что она упоминается в Хрониках Бальдура, как одно из величайших сокровищ Храма Розы – задумчиво напомнил Огвур, по привычке пощипывая свой гладко выбритый подбородок.

Старик прижмурился сытым котом:

– Как раз так все и обстоит на самом деле, о мудрый путник. Когда-то в молодости, мне довелось провести несколько лет в столичном медресе, где проживал столетний слепой мудрец, наизусть цитировавший выдержки из этого, ныне утерянного документа. А потом, когда наша принцесса впала в похожий сон...

– Стоп! – затряс головой совершенно сбитый с толку Огвур. – Старик, ты меня совсем запутал, рассказывай все по порядку!

– Так я и рассказываю все по порядку, – лукаво усмехнулся Али-Баба. – В Хрониках упоминается легенда о прекрасной принцессе, уколотившей палец магическим предметом и впавшей в колдовской сон...

– А, помню! – радостно встрепенулся Ланс. – Она должна была уколоть палец и ее батюшка-король, дабы уберечь дочку от проклятия, отрубил ей обе руки. Нам о ней недавно Мелеана рассказывала!

– Может, если бы отрубил, то так бы оно и лучше для всех вышло, – философски согласился старый дервиш. – Но только на самом деле все получилось несколько иначе. Принцесса Будур случайно уколола себе палец острием кинжала чужеземного бога Брана, и впала в колдовской сон, который продолжается вот уже тридцать лет. За это время скончалась ее мать-ханша, да и сам хан Исхаган заметно постарел, а принцесса так и лежит себе в хрустальном гробу по-прежнему молодая и прекрасная, ничуть не изменившаяся с тех самых пор. А ведь в Хрониках говорится, что тот, кто поцелует принцессу и пробудит ото сна – получит ее в жены, полханства в придачу, а еще стрелу «Властительница жизней», с помощью которой покончит со страшным колдуном-некромантом.

– И что это за колдун? – распахнул глаза любопытный Лансанариэль.

– Не ведаю! – развел морщинистыми руками дервиш. – В наших краях такого нет!

– И как обстоит с претендентами на поцелуй? – почему-то спросил Огвур.

– Да никак, – печально вздохнул Али-Баба. – Хан каждый год праздник устраивает, и воинские состязания, на которые съезжаются самые прославленные бойцы из всех краев, а победитель обязательно получает законное право поцеловать прекрасную Будур. И кто только у нас за эти годы не перебивал – и принцы, и маги, и падишахи, а принцесса знай себе, спит по-прежнему...

– Но ведь сказано в Хрониках четко, что претендент тот должен быть особенным! – холодно отчеканил орк. – Или вы того уже не помните?

– Да помним, помним, конечно, – заволновался старик, всплескивая тощими руками. – Да только где ж такого найти то? Ведь он, – старик экзальтированно закатил глаза к закопченному потолку и начал декламировать нараспев:

От первой расы был рожден,
Пролился горем и дождем,
И эльф, и в чем-то человек,

Живет уже не первый век,
Боец отменный и стрелок,
Красив как радужный морок,
Он испытал любви укол,
Но, женский он не любит пол...

– Ну и где же нам найти подобного героя, подходящего под столь странное описание? – снова спросил дервиш, с надеждой взирая на Огвура.

– Да все элементарно, уважаемый, даже далеко ходить не нужно, – орк медленно вытянул палец и обличающее указал на внезапно поскучевшего Ланса. – Вот он, перед вами!

– Мне, – обморочно шепнул несчастный красавец-полукровка, обреченно зеленея лицом, – мне целоваться с принцессой, с женщиной? Огвур, я... меня же вытошнит!

Сумрачный лес напоминал темный, непроницаемый заслон, высящийся до самого неба. Эткин словно птичка неподвижно завис напротив передовых деревьев, часто трепеща распростертыми крыльями.

– Вижу! – авторитетно изрек Марвин, довольно тыча пальцем куда-то намного выше зеленой стены.

– А я вот наоборот ничего особенного не вижу, – скептически хмыкнул Генрих. – Лес, серое небо и темно, хоть глаз выколи. Обычный предгрозовый пейзаж, ничего экстраординарного.

– Магия, – недовольно протянул дракон, – сильная, враждебная, черная. Магия Ледяного бога, только и поджидающая неосторожных смельчаков, чтобы забрать их жизни и выпить горячую кровь. Чем больше живых существ уничтожают порождения холода, тем сильнее она становится.

– Хм, я конечно не трус, – честно признался барон, – но на этот раз я действительно боюсь. Все эти разговоры о могуществе нового бога приводят меня в смущение. А что, если мы уже опоздали, и обряд инициации бога давно свершился?

– Не думаю, – покачал головой некромант. – Подобные ритуалы всегда сопровождаются огромным выплеском магической энергии. Мы подобрались слишком близко к Краю Тьмы. Если бы произошло что-то подобное, то я бы это обязательно это почувствовал.

– Марвин прав, – поддержал дракон. – Время еще есть, но его остается чрезвычайно мало. Дети Ледяного бога не зря торопятся с ускорением захвата все новых и новых территорий, и ими движет не одна лишь жажда крови. Они стремятся найти Пелену богини Аолы и сделать свою власть непоколебимой. К счастью, тот факт, что мы не знаем, где хранится брачный покров Дарующей жизни, точно так же тормозит и поиски Тварей стужи, ведающих не больше нашего.

– Я так понимаю, что если мы успеем спасти Лилуиллу до того, как твари сумеют отыскать Пелену и провести свадебный ритуал, то выиграем время для Ульрики, которая обязательно что-нибудь придумает и подстроит Ледяному богу какую-нибудь неожиданную каверзу? – выдвинул предположение барон.

– Совершенно верно, – опять поддакнул Эткин. – Именно в этом и состоит план мудрого Арбиуса. Кроме того, я искренне верю в уникальные способности нашей Сумасшедшей принцессы, которой, кажется, просто на роду написано – постоянно устраивать врагам всевозможные неприятные, не поддающиеся логическому обоснованию сюрпризы!

Генрих счастливо улыбнулся. Для благополучия и поддержки Ульрики он был готов немедленно совершить все, что угодно. Даже – жениться на самой Ринее, конечно с условием, что он непременно овдовеет еще до наступления первой брачной ночи! Хотя, если признаться честно, брачные аферы никогда не являлись сильной стороной его бесспорно –

необычной и многогранной натуры. Втравить Повелителя силфов в нежеланное сватовство... ну это наверно, выглядело бы намного круче, чем даже попытаться разлучить Ланса с Огвуром и вознамериться женить изнеженного эльфа, обладающего ярко выраженной нетрадиционной сексуальной ориентацией, на какой-нибудь высокомерной красавице-принцессе! И если бы только Генрих мог догадаться в тот момент, насколько его несуразные измышления оказались недалеко от истины, то он обязательно желчно посмеялся бы над самим собой! Попытки сжульничать и обмануть судьбу всегда заканчиваются чем-нибудь опасным или непредсказуемым...

Глава 4

Горячий ветер обжигающей змейкой пробирался между засохших травинок, с шорохом пересыпая бесконечные, мелкие песчинки. Вездесущий песок проникал под одежду, попадал в волосы и глаза, заставляя путников болезненно щуриться. Раскаленное солнце стояло высоко в небе, не затененном ни единым облачком. Было жарко.

Ланс запрокинул голову, увенчанную импровизированным тюрбаном, на который он с превеликим сожалением пусти свою запасную, муслиновую рубашку, и вылил в пересохшее горло тонкую струйку воды из кожаной фляги. Задумчиво поболтал плоским сосудом, прикидывая – надолго ли еще хватит оставшихся запасов? Ехавший на маленьком, сером ослике дервиш Али-Баба участливо обернулся к совершенно измученному зноем полуэльфу:

– Видишь, – старик взмахнул коричневой от загара рукой, указывая на вязкое, дрожащее марево, вяло колышущееся за отдаленными барханами. – Осталось совсем немного. Там начинаются неприступные стены великого города Рох-Осс, столицы нашего ханства. Древний город состоит из двух частей – многовекового, полуразрушенного Роха с храмами, усыпальницами и библиотеками, и более нового Осса с цветущими садами и жилыми кварталами. Два части одного града разделяет широкое искусственное озеро, питаемое подземными источниками и созданное милостью богини Аолы – покровительницы Рох-Осса, из которого и вытекает полноводная река Оха, впадающая в бескрайнее Ликерийское море. А в трех днях морского пути, в центре водной глади высится легендарный Поющий остров, обиталище бессмертных эльфов.

Тонкое лицо Ланса приняло мечтательное выражение:

– Хотелось бы мне когда-нибудь побывать там, – он прищурил свои прекрасные глаза, словно пытаясь острым взором преодолеть огромное расстояние и хоть немного рассмотреть далекую землю, так и не ставшую его родиной. – Вот только боюсь, что там тоже не жалуют полукровок!

– А пусть только попробуют сказать хотя бы одно обидное словечко в твой адрес, – вполголоса проворчал Огвур, выразительно поглаживая длинную рукоять Симхеллы. – Сразу появится подходящий повод выяснить, такие ли уж они бессмертные на самом деле.

– И все же, путь туда нам заказан! – жалобно вздохнул Лансанариэль.

Дервиш, внимательно прислушивавшийся к словам красавца полуэльфа, лукаво усмехнулся, тщательно пряча улыбку в длинную, седую бороду. Унылый ослик сонно взмахнул хвостом, тщетно пытаясь разогнать надоевшую жару, и снова мелко засеменял натруженными копытцами. Ланс издал мученический стон, мысленно проклиная и коварных Детей холода – словно для контраста, издевательски обрекших его на это демоново пекло, и темный портал – унесший в неведомые дали его обожаемую, рыжую Мелеану, и собственные вещие сны – неотступно ведущие его вперед, к загадочной цели. Он решительно приподнял ногу в узорчатом сапоге на высоком каблуке, чуть не по самую щиколотку утопающую в сыпучем песке, и сделал еще один шаг, пообещав себе не отступать назад и не сдаваться, не смотря ни на что. Рядом целеустремленно пыхтел могучий орк в насквозь пропотевшей рубашке.

Старый Али-Баба окинул друзей хитрым, все понимающим взором и одобрительно кивнул умной головой. На длинной нити судьбы постепенно начинал завязываться

очередной, отнюдь не бессмысленный узелок...

Уже после того, как они пролетели над угрюмым, каким-то неживым лесом, Генрих и сам внезапно уловил негромкое, но угрожающее гудение, разлитое в окружающем их воздухе. Грудь сдавливала непонятная тяжесть, стало трудно дышать, кровь прилила к разом занывшей голове, звонко тукая в висках и рисуя перед глазами мутные, кровавые разводы. Барон судорожно переводил дух, ощущая себя непривычно постаревшим и ослабевшим. Каждое движение давалось с огромным усилием, будто он пытался плыть против тугого, упрямо сопротивляющегося потока воды.

– Держись! – Марвин повернул к сильфу свое напряженное лицо с огромными, болезненно расширенными черными глазами и мертвенно ввалившимися щеками. – Это силовой барьер магии Ледяного бога, нам нужно преодолеть его любой ценой.

И тогда барон просто плашмя распластался на широкой спине дракона, зажмурился и уцепился за острые, гребнем выступающие чешуйки, идущие вдоль позвоночника гиганта, понимая – что он сейчас не обладает ни малейшей возможностью хотя бы чем-то помочь друзьям. « Не можешь помочь – тогда не мешай! » – справедливо решил де Грей, стараясь стать незаметным и необременительным. Марвин благодарно хлопнул его по плечу. Волшебный глаз дракона отлично прижился в правой глазнице некроманта. И поэтому, маг отчетливо видел сейчас частые столбы холодного, смертельно опасного пламени, образующего вибрирующую, подвижную решетку, куполом накрывающую Край Тьмы. Марвин даже ругнулся сквозь зубы, понимая, как велика мощь Ледяного бога, сумевшего создать и непрерывно подпитывать столь надежную защиту. Просветы между энергетическими потоками были не только малы, но что намного хуже – не стабильны, ибо вся магическая конструкция непрерывно двигалась, меняла форму и перетекала из образа в образ.

– Сможешь пролететь между потоками? – взволнованно спросил маг, обхватив руками мускулистую шею Эткина и дотягиваясь до его острого, треугольного уха.

Гигант иронично скосил сапфировый глаз:

– Что, магикус, трусил, никак душа в пятки ушла?

Марвин коротко хохотнул:

– А вы с Мелеаной – два сапога пара! Оба рисковать любите, оба безбашенные до самозабвения. Не хотелось бы конечно оставлять жену – вдовой, но как говорится, отступить нам некуда, позади – Наррона. Провалим миссию – считай, все земля окажется обречена на страшную, мучительную гибель. Так что, рискнем, крылатый?

– Риск – благородное дело, – ответно улыбнулся дракон.

– Хорошо, – с неясной интонацией отреагировал некромант. – Я сплету заклинание, которое на краткий миг сможет зафиксировать энергетические столбы в неподвижном состоянии. А уж дальше, все зависит только от тебя!

– То взлет, то посадка, то снег, то дожди..., – бесшабашно пропел Эткин. – Эх, Родина нас не забудет, но и не вспомнит! Молись, магикус!

– Кому? – буркнул Марвин. – Не демиургам же?

– Не, эти покровители не надежные, – цинично хмыкнул крылатый скептик. – Это я так, фигурально. Загадал я, понимаешь ли, дружище – если мы прорвемся в целости и сохранности, значит и у Ульрики все будет хорошо!

– А если нет! – настороженно поинтересовался маг.

– А если нет..., – воинственно насупил дракон. – Вот поэтому и говорю, молись, Марвин! Молись за наших глупых, наивных врагов, которых на свою же беду угораздило связаться с такими как мы, ибо они сами себе смертный приговор этим необдуманным решением подписали...

– Готово! – громко, перебивая любимые философские сентенции дракона, выкрикнул некромант. – Вперед, Эткин!

Дракон бурно всплеснул могучими крыльями и быстрее вихря рванулся в узкий проход

между двумя застывшими полосами белого пламени.

– А-а-а! – от избытка чувств, отчаянно заорал Марвин, прижимаясь лицом к гладкой драконьей чешуе.

Обмерший Генрих на мгновение почувствовал, как сама смерть, загребая ужасной, костлявой лапой, вооруженной никогда не притупляющимся серпом недремлющего жнеца человеческих жизней, плавно прошла рядом, и промахнулась лишь на дюйм, опалив его развевающиеся черные волосы. Шляпа на его голове вспыхнула сотней ярких искр и рассыпалась серым пеплом, запорошив плечи сильфа и спину отважного дракона.

– Сорок голодных гоблинов тебе в глотку, Ледяной бог! – от всей души пожелал Эткин, когда энергетические столбы снова ожили, пришли в движение и успели таки прихлопнуть роскошную пушистую кисточку, красующуюся на кончике его мускулистого хвоста. Пучок щегольских волосков сразу же сгорел напрочь, обнажив тонкое, обоюдоострое лезвие длиной с предплечье сильфа.

– Вот тебе бабушка и Юрьев день! – мрачно изрек дракон, свободно парящий внутри купола магической защиты и оценивающе разглядывающий свой хвост, лишившийся привычного, маскирующего украшения. Весь облик крылатого гигант сразу утратил любовно культивируемый, наигранный имидж безобидного шутника, и приобрел истинный вид сурового, опасного воина – коим он всегда и являлся на самом деле.

– С боевым крещением тебя, типа! – весело заржал Генрих, восхищенно разглядывая устрашающее оружие Эткина.

– А ведь я этого не хотел, честно, – признался Эткин, поворачивая к ним голову. – До последнего мгновения не хотел.

– Вынудили? – понимающе усмехнулся сильф.

– Сами заварили кашу, так пускай сами теперь ее и расхлебывают, – дракон выдохнул клубок пламени и устремился вперед, к белеющим вдалеке ледяным торосам. – Отныне я снимаю с себя всяческую ответственность за чьи-то случайные смерти и временно отбрасываю прочь свое знаменитое человеколюбие.

– Ура! – ликующе завопил Марвин. – Кто не спрятался, мы не виноваты!

– А-ля гер, ком а-ля гер! – Философски закончил Эткин.

– Ну, ты прямо летающий кладезь всяких летучих фраз! – уважительно выпалил Генрих, а втихомолку подумал: «Мы выжили, но Эткин опалил хвост... Что же тогда произошло с Ульрикой?»

Великие демиурги ошибочно считали себя самой древней, самой могущественной расой, предназначением которой являлось возрождение опустевшей Земли, почти погубленной ядерной войной, затеянной погибшими цивилизациями. Последние дети остывающей звезды из другой Галактики, ищущие незанятую планету, способную стать их новым домом, они случайно обнаружили заброшенную Землю, агонизирующую в объятиях атомной зимы. Многие годы ушли на то, чтобы с помощью мощных очищающих комплексов, спрятанных в недрах Черных гор вместе с космическим кораблем, носящим название «Чаша жизни», сформировать новую атмосферу, освободить почву и воду от элементов ядерного распада, воссоздать подобие исходной флоры и фауны. Для четырех последних отпрысков могучей расы демиургов – Света, Тьмы, Хаоса и Оружейницы – матери металлов и оружия, никогда не являлось тайной, что в пору своего бывшего расцвета их народ уже посещал эту молодую планету, находившуюся в то время в самом начале своего жизненного пути. Предания о давних временах, ростки культуры расы демиургов и стали тем основополагающим фактором, что дал бурный толчок к развитию науки и техники многочисленных народов, населивших Землю. Каменные пирамиды земли Кеми, воспроизводившие форму космических кораблей демиургов, культ многорукой и жестокой богини Кали – матери кинжалов, женщины с хвостом змеи – прижившийся на берегах реки Ганг, и даже мифы о страшном Ктулху – сыне Хаоса, дремлющем на океаническом дне – все это оказалось истиной, облаченной в удобную форму легенд и сказок. И вот теперь,

демиурги решили дать Земле второй шанс на выживание, вложив в него все остаточную мощь своей вырождающейся технологии. Сложнейшие генетические эксперименты, приведшие к созданию: Изначальных – демонов, народа с искаженным геном, отвечающим за повышенную агрессивность, Первых рас – эльфов, сильфов и людей, Координаторов – богов, ингвов, хранителей и стражей – увенчались успехом. Для сохранения мира и недопущения возникновения новой войны, Оружейница сотворила Детей старшей крови, подвид настоящих Повелителей – великих воинов и правителей, способных вести за собой все прочие народы, оберегая и направляя их будущее, и вооружила их многофункциональным оружием, разбросанным по всем уровням бытия. Кроме того, опыты с энергией привели к созданию ментально-психофизической субстанции, нареченной демиургами магией и дающей возможностью создавать различные предметы сообразно желанию мага, управлять иллюзиями и многократно усиливать любые врожденные качества своего носителя. Сосредоточием и живыми аккумуляторами магии стали удивительные существа – драконы. Кроме того, для непрерывного круговорота процессов жизни и смерти, соотношения пропорций добра и зла, демиурги сформировали уровень хранения и обновления всех ресурсов, получивший имя « Обитель затерянных душ». Система порталов-телепортов, объединенных единой Галереей, связала отдельные уголки огромной планеты. Три самых крупных портала – Света, Тьмы и Оружия, надежно заблокированные и охраняемые от случайного посещения, стали единым стержнем, не только пронизывающим недра Земли, но и способным искривлять и пространство, и само время. Могучие приборы-артефакты, предназначенные для управления работой порталов – хранились в Храме Розы. Отдельную силу представлял Портал Смерти с Лабиринтом судьбы – технический, служебный ход, ведущий в Обитель, так же как и Радужный уровень – нечто вроде серверного помещения, созданного для удобства виртуального общения демиургов и координаторов, попутно ставший складом различных редко используемых элементов. И, казалось бы, сначала все шло хорошо – четко продуманный и виртуозно воплощенный в жизнь механизм работал без сбоев, точно – как часы. А потом начались проблемы...

Великие демиурги ошибочно считали себя сильнейшей, исходной расой, забывая о том, что даже для возникновения Тьмы и Хаоса необходимо всеобъемлющее, изначальное Ничто. Основа, применяемая хотя бы в качестве неисчерпаемого источника энергии для любого творческого процесса, ведущего к созданию каких-либо производных форм жизни и смерти. В основе всего лежит Бескрайняя Пустота, пронизанная силой мысли вселенной, переплетением бытия и небытия, ставшая колыбелью, купелью – в котором зарождается все, начиная от галактики и заканчивая каждым человеком. Пустота – называемая бесплотным Духом, повелевающим и пространством и временем, пустота – являющаяся всем и ничем одновременно. И к своему ужасу, четыре демиурга безошибочно ощутили присутствие этого исходного Ничто, породившего их самих, и отчаянно попытались оградить себя от влияния этой первородной Силы. Провал Ничего, ведущий в никуда и одновременно – куда угодно, начинался в Колодце пустоты, служившим входом в бездонный Логрус – сгусток протоматерии, пожирающий бытие и небытие, свет и тьму, добро и зло, и находился на территории Края Тьмы, неподвластного даже магии и технике демиургов. Там спали чудовищные порождения пустоты – Твари стужи и первый эmissар Логруса – страшный Ледяной бог. Боясь непонятных и неподвластных им сил, четыре демиурга запечатали, изолировали Край Тьмы и столицу пустоты – проклятый город Геферт, на веки вечные законсервировав находящегося там пятого сверхдемиурга Логруса. Но затем началось непредсказуемое...

Взбунтовались Изначальные демоны, жившие за порталом Тьмы. Им удалось сместить некоторых из Координаторов и выйти в верхний, внешний мир, вскоре охваченный развязанной демонами войной за передел сил и зон влияния. И как бы не притворялись демиурги, уже ослабевшие, постаревшие и утратившие былую мощь, что их бесконечно развлекает начавшаяся неразбериха, но даже они понимали все реальную опасность создавшейся ситуации. Все было просто и весело, пока дело ограничивалось лишь

шалостями Ринецеи и ее братьев. Но теперь увлекательная игра в боготворчество неожиданно превратилась в бескомпромиссную, жестокую борьбу за выживание. Куда-то внезапно исчез Храм розы, унеся с собой все приборы движения и управления Порталами, что сильно затруднило жизненные процессы и сократило способности самих демиургов. Неожиданно пропали драконы, что привело к снижению общего фона магической энергии. А тут еще неразумные демоны нарушили целостность защитных барьеров, разбудили Ледяного бога и выпустили наружу его слуг, что поставило под угрозу скорой гибели существование всего мира и самих Великих. Демиурги запаниковали. Власть ускользала из их дрожащих рук, привычное полотно бытия заходило ходуном, звучно треща по прохудившимся швам. Ледяной бог, чутко ощутивший непонятный магический укол, прорвавший энергетическую сеть его защиты, предпринял необычный ответный шаг, подстраховавшись от потери ритуальной невесты. А в глубине Колодца пустоты грозно заворочался пробуждающийся Логрус...

Глава 5

Геферт всегда слыл очень странным городом. Трудно сказать точно, к какому народу принадлежали его первые строители, если таковые вообще когда-либо жили в этом мире, или же они изначально относились всего лишь к категории неодушевленных, потусторонних и мистических сил. Казалось, эти высокие, но уже полуразрушенные временем и непогодой стены, эти черные храмы и гробницы, стояли всегда, возникнув задолго до появления самих основополагающих слов «цивилизация» и «архитектура». Слишком уж бессистемным, противоречивым и противоестественным выглядел проклятый город, мертвый и заброшенный на протяжении многих столетий. Один только холодный ветер непрерывно завывал над древними руинами, с каждым годом нагребая все более высокие и прочные сугробы вокруг монументальных статуй неведомых существ, к настоящему моменту, засыпав их наполовину. Город умирал, исчезал и растворялся в никогда нетаящих снегах, постепенно становясь частью безбрежной ледяной пустыни. Запустением и смертным тленом веяло от надколотой фигуры злобно оскаленного, трехглазого чудовища, высеченной на базальтовой плите, укрепленной над распахнутыми воротами. Глаза неведомому божеству заменяли черепа северных волков, воткнутые в провалы каменных глазниц, и пылающие синим, фосфоресцирующим светом. Басовитый вой пока еще живых обладателей подобных черепов, скорбно нарушающий могильную тишину этого колдовского места, был единственной музыкой, признаваемой в Геферте. Ломаные сполохи северного сияния, разливающиеся по темному небу, выхватывали из чернильного мрака то причудливый изгиб статуи многорукой женщины, то угол полусгнившего гроба с сорванной крышкой, из недр которого нескромно вываливались кости твари, не похожей ни на человека, ни на животное. Челюсть, с плоскими хитиновыми пластинами, заменяющими зубы, жутко щерилась из роскоши посмертной золотой маски, густо усыпанной бесценными черными алмазами, величиной с кулак взрослого мужчины. Немыслимые соколовища валялись на мостовой, рассыпанные с непростительной небрежностью бесполезных булыжников. Насквозь промерзшие стены многочисленных храмов хранили тайны, не доступные пониманию обычного человека. Магические фолианты перемешались с чертежами плазменного реактора, некромантические заклинания в длинных свитках перемежались астрономическими трудами, высеченными на листах самородного серебра клинописью давно ушедшего народа. Здесь хранилась мудрость веков, оберегаемая величайшим ужасом, почти незримо скользившим между золотом богатства и соколовищами знаний, ибо восставшие из мрака небытия слуги Ледяного бога собрались вновь вернуть себе утерянную власть и силу. Мертвый город оживал.

Сердцем Геферта безусловно являлся Колодец пустоты, скрытый под самым нижним ярусом Храма Ледяного бога. Ровный туннель с высокими, гладкими стенками, сложенный из хорошо пригнанных друг к другу и аккуратно обтесанных камней, уводил вниз, в

непроницаемый полумрак, дальше которого клубились черные лохмотья великого Ничто. Там ритмично пульсировал и выстреливал гроздьями ярких искр-протуберанцев плотный сгусток невесомой материи, способной как творить, так и уничтожать живую плоть и кровь, свет звезд, голос ветра, а также само дыхание земли и ток горячей лавы в ее глубинных венах. Это кружился водоворот первородной субстанции, рождающей все и ничего, это угрожающе ворочался и ворчал тот, кто свободно создавал богов и даже демиургов одним незримым движением бессмертной воли – всемогущий Логрус.

Выше Колодца вольготно раскинулся сам Храм, сложенный из многотонных кубов черного мрамора, украшенных сложной резьбой и впечатляющими изгибами потемневших от старости клыков огромных слонов, некогда, согласно легендам, обитавших в жаркой стране Канагер. Искусно вырезанные уродливые божки, приземистые и пучеглазые, в пышных головных уборах из перьев мифической птицы Рух, резвились и скабрёзно совокуплялись на холодных мраморных гранях. Возможно, один из них стал прообразом радужного змея Кецалькоатля или прародителем свирепой богини Аталы? Но проклятый город надежно оберегал свои страшные тайны!

В Храме обитал мрачный Ледяной бог, недавно получивший новое тело молодого, черноволосого, царственного мужчины, полного сил и внутреннего огня. Холодная тварь обрела плоть. До поры до времени, Бог лениво притаился в толще голубоватой глыбы чистого речного льда, воздвигнутой на алтаре в центре святилища. Тончайшие нити-сосуды тянулись к рукам и ногам Бога, проникая через лед и непрерывно питая его кровью жертв, наливаемой в большие бронзовые чаши, расставленные по углам храма. Бог набирался сил. Прекрасные, бездонные, черные как уголь глаза, опущенные длинными ресницами, бездумно смотрели через защитный слой льда, оберегающий юного Бога от преждевременных невзгод внешнего мира. Чаще всего Бог дремал, бдительно контролируя процессы, происходящие на подвластной ему, все увеличивающейся и разрастающейся территории. Жаль только, что ему достался физически подпорченный экземпляр, уродство лица которого, впрочем, с лихвой компенсировалось его врожденными талантами и способностями. Нынешний носитель Ледяного бога ранее принадлежал к одной из самых родовитых и могущественных правящих фамилий земных владык. Но кровь жертв постепенно делала свое дело, излечивая раны и уродства, сглаживая безобразные рубцы, портившие лик твари, наделяя ее поистине нечеловеческой красотой. Левая половина лица развивающегося божества еще хранила облик отталкивающей порочности, правая же, уже исцелилась совершенно и заблистала белизной и идеальной свежестью каждой черточки, достойной будущего, совершенного правителя всего мира. Бог торжествовал. А рядом, в закрытом хрустальном футляре, невесомо парила в студеном воздухе точеная «Агриэль Алатора» – Морозная игла, одна из священных даг, созданных демиургами, один из клинков, предназначенных для управления течением бытия этого мира, источник жизни и силы всех Детей холода, всего Края Тьмы. И лишь одна, пока еще малозначительная мелочь заметно смущала сытый покой жадного Бога. Он чувствовал присутствие посторонних, врагов – сумевших непонятным путем проникнуть сквозь его сложную магическую защиту, сменившую павшие заклинания демиургов, оберегавшие Край Тьмы. И Бог понимал, что наиболее уязвимым местом его силы является одинокая башня, острая как игла, подпирающая небеса на дальнем фронте территории Геферта – Башня отчаяния. Именно в ней и скучала в заточении его самая важная жертва, его ритуальна невеста – прелестная княжна Лилуилла. Томила, ожидая сама не ведая чего, пока поиски Пелены богини Аолы не закончатся победой, и Ледяной бог сможет с ее помощью пройти инициацию и обрести настоящую, полноценную жизнь. Но неведомые враги осмелились неожиданно вмешаться в predetermined участь его невесты... И теперь судьба будущего правителя подвергалась смутной угрозе. Поэтому Бог на миг приоткрыл холодные глаза и сплел короткую цепочку одиночного защитного заклинания, исторгшего бурный вопль ужаса из груди пленной княжны и мерзкое хихиканье из его пока трупно-синих, едва заметно начинавших алеть и наливаться сочной мякотью губ. Ледяной бог злорадствовал...

Не известно где и когда начитавшийся умных книг дракон Эткин, периодически любит пофилософствовать на тему – что разумные существа чаще всего обладают рядом замечательных, ментальных свойств, присущих именно развитому разуму, но значительно усложняющих факт их тихого, ничем не примечательного существования. Скажем, таких как: любопытство, способность ставить превыше всего не реально произошедшие жизненные события, а свою реакцию на них, и конечно же банальная скука – бич любого пытливого ума. Ну, вот к примеру, хотелось бы мне понять – зачем всем нам срочно потребовалось из принципа влезать в эти запутанные приключения, стремясь немного разбавить заедающую нас серую, бытовую рутину? А теперь, как и следовало ожидать, огребли мы закономерных неприятностей на свой хребет по полной программе! На судьбу на свою, безрадостную, мы понимаешь ли жаловались. А откуда нам знать, может ей с нами, шалопаями, тоже не сладко приходится? Надо было раньше думать, куда вляпываемся! Не даром же часто говорят – сначала семь раз отмерь, а потом уже...

– Пока ты семь раз отмеряешь, другие давно отрезать успеют! – насмешливо подсказал красивый мужской голос.

Я тяжело вздохнула, попыталась усилием воли прогнать острую боль, почему-то непрерывно терзающую мои запястья, но не смогла, и вынужденно приоткрыла глаза. Очередное возвращение в мир живых оказалось нерадостным. Я висела на толстой стальной цепи, перекинутой через балку под потолком и прикрепленной к широким наручникам, плотно обхватывавшим мои саднящие и покрытые синяками запястья. Примерно в метре под ногами виднелся утоптаный земляной пол, на котором живописно валялись наши вещи и оружие. Не очень-то приятно придти в сознание и увидеть себя в роли бессильной, обреченной на заклание тушки, находящейся непонятно где. Ситуацию не скрашивала даже ограниченная компания избранных лиц. Или, что больше смахивало на правду – избранная компания ограниченных лиц, это уж как кому угодно называть, потому что на вкус и цвет все краски, безусловно – разные. На расстоянии вытянутой руки от меня, точно в таком же неприглядном виде, обнаружился насмешливо скалящий зубы белокурый принц, правее которого кулем обвисла обморочно постанывающая Гельда.

– Ексель-моксель! И часто ты вслух рассуждаешь? – с любопытством спросил любимый мужчина, заметив, что мой взгляд обрел осмысленность.

– Часто, – откровенно призналась я. – И причем, это почти всего заканчивается чем-нибудь неприятным или страшным.

– Вполне логично, ведь ты и в маске – страшная, и без маски – страшная! – хамовато подмигнул мне белокурый.

– Complimenta от тебя уж точно не дождешься, даже перед смертью, – укорила его я.

– Compliments – удел слабых мужчин, – небрежно фыркнул принц. – Сильные мужчины всегда говорят правду!

– Поэтому сильные мужчины обычно умирают в очень молодом возрасте! – сердито огрызнулась я.

– Ого! – заливисто хохотнул мой нахальный собеседник. – Придется мне в целях выживания срочно в лжецы податься! Или ты таким бесцеремонным образом в писанные красавицы метишь?

– Кстати о правде, куда это нас забросило? – я решила вежливо уклониться от скользкой темы о моей весьма сомнительной внешней привлекательности.

– Туда, где нас не спасет даже самый преданный друг, – громыхнул цепями недавний недруг. – Кажется, мы в Геферте!

– Ну, я имею достаточное количество друзей для того, чтобы...

– Друзей не иметь надо, – снова развеселился прекрасный шутник. – С ними нужно дружить!

– А с врагами? – с вызовом спросила я, желая намекнуть, что такие товарищи как белокурые – мне вовсе не товарищи.

– О-о-о! – к моему удивлению принц резко махнул связанными ногами, невысоко подбрасывая свое тело в воздухе, и передвигаясь на один рывок ближе ко мне. – Враги..., – мечтательно протянул он, снова напряг мускулы и перепрыгнул еще ближе, скользя цепью по балке. – Враги, радость моя, это великая сила. Лишь судя по боевому и духовному уровню твоих личных врагов можно достоверно сказать, совершил ли сам ты что-то стоящее за прожитые тобой годы. Не зря ли впустую небо коптил. Потому что, чем сильнее твои противники, тем громче твои подвиги! А значит ты, принцесса, – мой самый желанный и любимый враг, ведь о тебе складывают легенды больше похожие на сказки! – Он оказался совсем близко, уверенно (явно действуя совершенно обдуманно, а не по наитию), наклонил увенчанную спутанными локонами голову и ловко поймал своим усмевающимся ртом мои обветренные губы.

Я возмущенно отпрянула:

– Что ты себе позволяешь? Иные упреки звучат как похвалы, а из твоих уст даже похвала хуже злословия...

– Ульрика! – жарко шепнул он, не обращая внимания на мои слова и придвигаясь еще ближе. – Возможно, мы скоро умрем! Благоразумно ли в подобной ситуации лишать себя последней доступной нам радости?

Я не могла не признать, что в чем-то он, безусловно, оказался прав. Но в очередной раз упрямо пошла на поводу у своего строптивного характера, получая от этого огромное удовольствие:

– Ты по-прежнему мой враг – это раз. Мы не на земле, мы висим в воздухе и мы в плену – это два. Ну и три – опасность, неосведомленность и угроза нашей дальнейшей судьбе, отбивают малейшую тягу к любовным утехам.

– Ох уж мне эти женщины, цветы жизни! – немного разочарованно хохотнул белокурый. – Воистину, место им либо в воде, либо в земле. Хотя чувю, лично меня, ты первая своей вредностью в могилу загонишь. У меня так наоборот, опасность лишь усиливает сердечное и плотское влечение. Клянусь, – он многообещающе прищурился, – если бы у меня были свободны руки, и мой меч находился поблизости, то я бы еще сильно подумал против кого его стоит повернуть в первую очередь в качестве укрощения, против тебя – неговорчивая моя, или же наших негостеприимных хозяев...

Но я не отвечала.

– Ульрика, ну не молчи ты на меня так сердито, – жалобно попросил принц.

– Цыц, ты можешь не болтать хотя бы минуту и дать мне подумать? – цыкнула я.

– Могу, – радостно согласился он, – если займу рот чем-нибудь другим!

– Займи! – необдуманно предложила я, и он не преминул тут же воспользоваться моим легкомысленным разрешением.

Вишневые, изящно оттененные тонкими черными усиками губы приблизились. И не было в целом мире ничего слаще этого отчаянного, затянувшегося поцелуя двух смертельных врагов, повстречавшихся на краю гибели, в логове ужасных ледяных тварей. Я недоумевала, неужели он не способен сейчас думать о чем-то не фривольном, еще не зная на собственном опыте, как может любовь стать дороже всего на свете. Дороже жизни и здоровья, дороже будущего и настоящего... А возможно, принц просто интуитивно догадывался, что у нас нет этого самого совместного будущего, а поэтому торопился насладиться настоящим. Но в тот момент я всего этого не знала, да и не могла знать! Однако, подчинившись своим мечтам об этом мужчине, преследовавшим меня со дня нашей встречи в Лабиринте судьбы и покоровившись чарующей магии его ласк, я ответила со всем жаром истосковавшегося по любви сердца. Принц замер, прижимаясь ко мне трепещущим от возбуждения телом. Его нежные, полные, горячие губы раскрылись как два лепестка расцветшей под солнцем розы, даря головокружительное ощущение и веру в то, что и я могу быть любима столь прекрасным мужчиной, не смотря на все мои сумасбродства и редкостное физическое уродство. Воспоминание об ужасном лице, скрытом под золотой маской, подействовало на меня отрезвляюще. Я с трудом заставила себя оторваться от

нежной, обволакивающей сладости его губ и, отодвинув голову, внимательно всмотреться в черты любимого человека. Человека? Нет, уж кто-кто, а он то точно человеком не являлся. Ну не обладают люди столь безупречной, совершенной красотой. И почему мне когда-то взбрело в голову, что он – злодей? Почему я решила, что эти утонченные скулы, этот изящный подбородок на самом деле – принадлежат выродку и негодю, скрывающемуся под маской благородства? Нет, каждая мельчайшая черточка его четко очерченного, дышавшего силой и отвагой лица выдавала в нем истинного рыцаря, следующего своим убеждениям и идеалам, и не способного творить необдуманное зло. Словно угадав мои мысли, принц загадочно улыбнулся и открыл золотистые глаза, сиявшие теплом и нежностью, будто два солнышка.

– Ты понимаешь не хуже меня, что все в этом мире противостоит нашей любви, но возможно, именно поэтому она разгорается все жарче и жарче, – тихо, проникновенно признался он, и что-то в его интонациях подсказывало мне, что сказочный красавец не врет. – Но я готов бороться за наши чувства с целым миром! – шептали вишневые губы. – Ты мое нереальное, горькое, краденое счастье...

И эти последние, произнесенные едва слышимым голосом слова, настолько совпали с моими недавними размышлениями о смысле и сути счастья, что я невольно вздрогнула, охваченная недобрым предчувствием.

– Ульрика, – продолжил принц, – я должен признаться тебе кое в чем, не хочу, чтобы между нами осталась хоть малейшая недосказанность...

Но его излияния снова прервали самым бесцеремонным образом, хоть на этот раз этим не к стати вмешавшимся элементом оказался вовсе не мой зловерный, белокрысы дядюшка, а ревнивая, черноволосая Гельда. Ведьма оклемалась, открыла глаза, мигом просекла сложившуюся ситуацию и надрывно взвыла оскорбленным голосом:

– Рыжая уродина, немедленно прекрати охмурять моего распрекрасного жениха!

– Жениха? – оторопел принц. – С какой это радости?

– Говорите тише, – попросила я, – иначе сюда сбегутся наши тюремщики, а я еще не придумала, как мы можем освободиться и выбраться наружу.

Но глупая некромантка не желала внимать разумным доводам и орала как резаная:

– Я боролась с ледяными тварями, и теперь, согласно нашим законам, получила священное право сама выбирать себе мужчину!

– И ты убила кого-то из врагов? – недоверчиво спросил принц, почему-то вопросительно оглядываясь на меня. – Я, конечно, уважительно отношусь к традициям, но жениться на тебе...

Я покривилась, а потом сделала отсутствующее лицо и неопределенно пожала плечами.

– Убила! – не моргнув глазом, соврала Гельда. – Убила, убила..., -она кричала все громче и громче.

– Верим, верим, только заткнись, – недовольно буркнул принц и добавил сквозь зубы, так, чтобы его услышала только я: – Как отвратительны неискренние люди. Им врут, а они старательно делают вид что поверили...

Я понимающе усмехнулась. Но к нашему величайшему облегчению, Гельда наконец-то успокоилась и значительно снизила громкость.

– И что дальше? – требовательно спросила она.

– Почаще молчи и делай вид, будто ты – умная. Глядишь, окружающие тебе и поверят, – ехидно посоветовал кандидат в женихи.

Ведьма не нашла что ответить и сердито надулась.

– Ах, если бы я мог дотянуться до своего клинка..., – продолжил принц.

Я глянула вниз и радостно рассмеялась. Так и есть, на полу как попало валялись все наши вещи – и моя сумка, и кучка кинжалов, и дага Разящая игла, и даже меч Полумгла, но Нурилона там не обнаружилось. Я перевела взгляд к потолку и облегченно вздохнула. Как и следовало ожидать, мой своенравный Нурилон опять не дался в руки врагов, а по своей, прочно укоренившейся привычке – свободно болтался над нашими головами, прилепившись

к грязному своду. Я довольно хихикнула и показала принцу взглядом – смотри! Белокурый восхищенно присвистнул:

– Вот так оружие! Если не ошибаюсь, это ведь один из клинков, созданных демиургами?

– Малыш, – нежно позвала я, – иди сюда, помоги мне освободиться.

Нурилон нахально дернулся, словно отказываясь, и невозмутимо остался на прежнем месте. Я даже рот приоткрыла от удивления, не зная, что следует предпринять дальше.

– Клянусь богами, он ревнует! – прозорливо догадался принц. – Задобри его как-нибудь.

– Милый, – нежно заворковала я, – если ты мне не поможешь, то меня вскоре убьют. Клянусь, не один мужчина никогда не станет для меня дороже и ближе тебя!

Принц скептически хмыкнул.

Нурилон сорвался с места и устремился вниз. Острое лезвие попало точно по звеньям толстой цепи, удерживающей меня на балке. Полоса из железных колец распалась на две части. Я легко приземлилась на ноги и уже хотела развязать опутывающую меня веревку, как дверь нашей темницы со скрипом распахнулась. На пороге возник мутный, бесформенный серый силуэт.

– Ты не успела, – панически завопила Гельда. – Они пришли за нами!

Глава 6

Лилуилле приснился страшный сон. Словно что-то холодное, беспощадное и омерзительно студенистое вдруг страстно обняло ее, прижало к себе и лишило самого ценного женского достояния – молодости и красоты... Девушка испуганно завизжала, одним стремительным движением воли вырвала себя из липких тенет дремоты, и еще несколько минут лежала молча, постепенно приходя в себя и бессмысленного вглядываясь в оранжевые язычки пламени, танцевавшие в глубине камина. Дрова почти прогорели, и последние отблески умирающего огня рисовали странные, причудливо изгибающиеся тени, лениво ползающие по потолку обширной опочивальни. Княжна медленно переводила взгляд с одного, уже ставшего привычным предмета обстановки на другой, недоумевая – от чего же ее так сильно напугал этот непонятный, отрывочный и скомканный сон? Неужели она сама смогла выдумать эти мрачные черные глаза, рассматривающие ее с беспристрастностью опытной хозяйки, оценивающей кусок кровяной колбасы, поднесенной мясником. Лилуилла даже вдумываться не хотела, как это кто-то смеет разглядывать ее столь равнодушно, не принимая в расчет ее сияющую, непревзойденную прелесть... Девушка капризно повела беломраморными плечиками, стремясь поскорее прогнать прочь унижающие ее домыслы, и с удивлением обнаружила, что рукава просторного ночного одеяния вдруг стали непривычно узки, и начали излишне туго облегать ее хрупкие, худенькие предплечья. Роскошный пеньюар, сшитый из теплой, полушерстяной тафты, щедро отороченный полосками пушистого меха, просторный и чуть ли не дважды оборачивающийся вокруг ее стройного тела, она привезла из дома и использовала в качестве спального наряда, весьма подошедшего для вечно холодного климата этого морозного края. Лилуилла решила, что наверно, ворочаясь во сне – она так сильно завернулась в болтавшееся на ней одеяние, что оно свилось удушающим жгутом и плотно обхватило ее тонкий стан. Девушка протянула руку, желая поправить роскошную волну золотых волос, но вместо этого ее пальцы неожиданно наткнулись на что-то жидкое, сальное и на ощупь более всего напоминающее прелую, прошлогоднюю солому. Девушка испуганно отдернула ладонь и краем глаза шокировано увидела красную, распухшую, толстую как окорок конечность, едва помещающуюся в рукав узкого для нее пеньюара. От испуга и недоумения Лилуилла лишилась дара речи. Она неповоротливо выбралась из-под толстого одеяла, совершенно не понимая, куда подевались ее прежде порывистые, ловкие движения и бросилась к огромному зеркалу, целиком занимавшему одну из стен спальни. Но вместо очаровательной юной красавицы, зеркало

неожиданно отразило низенькую пожилую толстуху, оплывшую ряху которой усеивало бессчетное множество коричневых, волосатых бородавок, почему-то одетую в наряд Лилуиллы, едва налезавший на тучное тело. Девушка взволнованно облизала губы, но мерзкая баба в зеркале, не отставая, сделала тоже самое. Княжна схватилась за голову, но беспощадное отражение неумолимо точно повторило мельчайшие подробности ее растерянного жеста. Несчастная девушка шагнула вперед и недоверчиво потрогала холодную стеклянную плоскость, желая пощупать незнакомое, омерзительное существо, беззубо ухмыляющееся с полированной серебристой поверхности. И тогда до Лилуиллы дошло – эта уродливая баба отныне и есть она сама – прекраснейшая дева Поющего острова, благородная эльфийка, княжна Лилуилла ил-Рианон. Какие-то неведомые, злобные силы, в непонятных для Лилуиллы целях воспользовались ее беспомощным положением узницы и похитили единственное достояние беззащитной девушки – цветущую молодость и не знающую себе равных красоту. И тогда Лилуилла закричала – горестно, громко и пронзительно... Но увы, куда исчезли золотые трели соловья, прежде слетавшие с ее алых уст? Кривые, тонкие губы омерзительно твари оказались способны родить только гортанный, хриплый вой, напоминающий дребезжание грубого горшка для нечистот. И лишь потухшее сознание своевременно спасло девушку от дальнейших подробностей постигшего ее несчастья, милосердно погрузив в темный омут глубокого обморока...

А в прозрачном кубе, водруженном на алтарь черного храма, ликующе хохотал Ледяной бог, вполне довольный результатом своего колдовства.

Тварей, ввалившихся в камеру, насчитывалось никак не меньше двух десятков. Все они выглядели едва различимыми серыми пятнами, постоянно плавно перетекающими из одного расплывчатого контура в другой, не менее призрачный образ. Но холодная волна замораживающего жизнь воздуха, фронтом идущая впереди тварей, мгновенно отбивала желание сопротивляться, наглядно показывая, что ожидает нас в случае неповиновения. Наши тюремщики даже не снизошли до какого-либо наказания или порицания за мое самовольное освобождение от оков. Они быстро опустили вниз принца и Гельду, одним обжигающе холодным касанием избавили нас от веревок и жестами разрешили собрать разбросанные вещи и оружие. Поместив Нурилон в наспинные ножны, укрепив на поясе Разящую иглу и рассовав по карманам и отворотам богатый запас метательных звездочек, я почувствовала себя увереннее. Нас выстроили в цепочку и вывели наружу.

Присвистнув от изумления, я потрясенно рассматривала величественную картину, представшую нашим взорам. Мы очутились на заметенной снегом улице, по обе стороны которой высились полуразрушенные руины каких-то громадных зданий, больше всего напоминавших дворцы или храмы. Скучные отсветы синих гнилушек, струящиеся из глазниц надетых на палки черепов, заменяли освещение. Чуть поодаль громоздилась бесформенная груда золотых слитков, перемешанных с потемневшими человеческими костями. В узком проходе между зданиями жутко завывал пронизывающий ветер, неся вихри колючей снежной крупы, впивающейся в наши лица. Нас повели по едва заметной тропке, петляющей между обелисками из черного мрамора.

– Эй, ты ведь маг, вроде бы! – сердито прошипела я в затылок идущего впереди меня белокурого красавца, усиленно дыша на озябшие пальцы. – Сделай же что-нибудь, пока мы все до смерти не замерзли!

– Это Геферт! – хмыкнул принц, одетый в полупрозрачную белую рубашку, но вроде бы, совершенно не ощущающий зверского холода. – Здесь я бессилен.

– Не работает, совсем не работает! – жаловалась не видимая для меня Гельда, где-то у нас за спиной, кажется, пытавшаяся сотворить что-нибудь при помощи своего посоха.

Я с любопытством оглянулась. Одна из взявших нас в кольцо тварей сразу же недовольно заворчала, но я успела заметить, что некромантка бессильно поводила из стороны в сторону хрустальным шаром-набалдашником, разочарованно убеждаясь в недейственности своей магии.

– Это Геферт! – снова выразительно повторил принц. – Молчите, не тратьте силы попусту, и берегите крохи доступного вам тепла. Если нас не убили сразу, значит, мы зачем-то понадобились этим холодным тварям.

Я хмыкнула. Нужно признать по справедливости, в экстраординарных ситуациях принц соображает куда быстрее меня и сразу же принимает самое оптимальное на данный момент решение. Подождем и посмотрим, куда заведут нас эти жуткие твари и его примерное благоразумие!

Шли мы довольно долго. Если бы не холод, то я бы наверно от души повосхищалась противоестественной, мертвой красотой этого удивительного города, но медленно убивающая нас стужа заставляла сосредоточиться на одном стремлении, как бы сберечь хоть каплю тепла и не превратиться в ледышку задолго до окончания нашего похода, кажущегося бесконечным. Принц несколько раз пытался обернуться и часто спрашивал как я себя чувствую, искренне волнуясь и переживая за мое благополучие, но я, в свою очередь, не желая расстраивать того, чьи поцелуи еще помнили мои губы, каждый раз бодро рапортовала, что «все фигня кроме пчел, но если разобраться – то и пчелы, тоже фигня». Желанный мужчина одобрительно хмыкал и за спиной, украдкой, показывал мне восхищенно оттопыренный, почти синий от холода большой палец правой руки. И возможно единственным, что не дало нам замерзнуть до смерти – стало жгучее желание выжить и быть рядом с любимым вопреки не только холодным тварям, но даже вопреки всему на свете. Не зная, чего ожидать от самого ближайшего будущего, я, тем не менее, старалась запомнить все повороты и перекрестки проходимых нами улиц. Мы миновали монументальное, округлое сооружение, напоминающее амфитеатр и очутились на расчищенной площади, в центре которой возвышалось черное здание, сложенное из уходящих в самое небо кубических мраморных блоков.

– Храм Ледяного бога! – взволнованно выдохнул принц вместе с клубами мгновенно застывающего пара. – Вот оно, сосредоточие зла!

– А ты сам то, не зло разве? – насмешливо фыркнула я.

Любимый иронично хлопнул белыми от инея ресницами:

– Ну, если ты когда-нибудь скажешь – зла не хватает, то я буду знать – что тебе не хватает именно меня!

Я восторженно расхохоталась:

– Клянусь Аолой, если мы выживем, то я позволю тебе целовать меня, сколько захочешь!

– Пфе, – кисло скривился он. – Если только целовать и больше ничего, то лучше мне умереть...

– Я подумаю! – игриво шепнула я, совершенно очарованная его манерой шутить всегда и даже тогда, когда впору плакать от ужаса или безнадежности.

– Девушка, которая смеется – наполовину уже завоевана, – констатировал он. А потом посерьезнел и приблизил ко мне свое прекрасное лицо, почти прожигая насквозь блеском пронзительных, непреклонно прищуренных глаз: – Ульрика, сердце мое, пообещай, что ты не сдашься и станешь бороться до последнего, даже на краю гибели, даже если..., – он повысил голос, – если я погибну!

– Хорошо! – пообещала я чтобы успокоить его, хотя больше всего в то мгновение мне хотелось сказать, что если погибнет он, то и мне самой уже станет совершенно не за чем жить!

Но он улыбнулся ласково и тепло, и сердито покачал головой, словно угадывая мои мысли:

– Я люблю тебя, моя удивительная, моя Сумасшедшая принцесса! – произнес он проникновенно, и меня, в разгар бушующей вокруг нас вьюги, удивительно согрело нежное тепло этих простых слов.

За нашими спинами гневно сопела Гельда. Но мы не замечали никого и ничего. Я поняла голову и в упор встретила взгляд его золотых глаз, самых прекрасных в мире,

единственных для меня. И что-то незримое проскользнуло между нами, соединив нас в одно, неделимое целое на веки вечные, создав золотой ободок в глубине мои зеленых глаз и густо напитав изумрудными точками его золотистые очи.

– Я тоже тебя..., – начала я, но Твари стужи, разъяренные непредвиденной заминкой, толкнули нас в спину холодными щупальцами, убийственное прикосновение которые чуть не остановило, чуть не заморозило наши сердца, и вынудили начать подниматься по ступеням черного храма, ведущим, как сказал принц, в логово величайшего зла.

– Ульрика, – в голосе любимого слышались мука и раскаяние, – хочу подготовить тебя. Мне искренне жаль, я сам не понимал раньше что творю... Но твой сводный брат Ужас отдал мне одного не безразличного тебе мужчину, которого принесли в жертву Ледяному богу. Боюсь что он...

Принц не успел договорить. Коридор закончился, и мы очутились в обширном, ярко освещенном зале. На некоем подобии грубого алтаря громоздилась огромная глыба чистейшего, ослепительно искрящегося льда. Множество тонких нитей, с непрерывно циркулирующей в них яркой, алой кровью начинались в бронзовых чашах и тянулись к ледяной глыбе, присоединяясь к конечностям заключенного в них существа. От фигуры питаемой кровью твари веяло мощью и страшной, древней магией. Это был высокий, мускулистый мужчина, облаченный в богатые черные одежды. Буйные кудри цвета воронова крыла каскадом падали на широкие плечи, вились вокруг белой колонны сильной шеи. Его склоненное лицо ужасало и восхищало одновременно. Чуть опустив голову и сонно прикрыв глаза, Бог невесомо парил внутри прозрачного ледяного куба. Неожиданно по его мощному телу прошла волна дрожи, мужчина поднял веки и гордо вскинул подбородок. Левая часть бледного лика оставалась безобразной, усеянной шрамами и язвами, но правая поражала безупречной красотой, оказавшись как две капли воды похожей на благородное лицо моего младшего брата – короля Ульриха и на мое собственное не состоявшееся, виденное мной только в Зеркале истинного облика. Я вскрикнула, словно молнией пронзенная страшной догадкой, подпитанной подсказкой белокурого принца. Эти хорошо знакомые миндалевидные глаза – черные, а не зеленые, эти густые кудри – антрацитовые, а не рыжие... Тот, кого не нашлось ни среди живых, ни среди мертвых. Ледяной бог получил тело моего бесследно исчезнувшего отца, короля Мора!

Потревоженный моим криком, Бог еще выше поднял голову, окидывая нас холодным, засасывающим взором угольно-черных глаз, не имевших ни зрачка, ни радужки. Два бездонных озера тьмы и силы. Не вынеся психологического давления, Гельда обморочно пискнула и без чувств повалилась на холодный, мраморный пол. Я упрямо сжала губы, услышав, как Нурилон тихонько звякнул в ножнах, осознав близкое присутствие заклятого врага. Принц протянул руку и крепко сжал мою ладонь, подбадривая меня, давая понять, что он здесь, рядом. Вокруг нас снежным вихрем бесновались Дети холода, возмущенные нашей непоколебимостью.

– На колени, ничтожные! – пророкотал голос, подобный вою ветра и грохоту камнепада.

Я почувствовала, как волосы мои встают дыбом от ужаса, и мелкая, рефлекторная дрожь сотрясает подгибающиеся колени. Этот голос проникал в душу и в мозг, возрождая спящий там подсознательный страх смерти. Трепет подобный тому, который мы испытываем стоя на краю бездны, отделяющей нас от потустороннего мира. И мрачный, пожирающий сознание отзвук, рожденный голосом Бога, не умолкал, а наоборот все ширился и разрастался, вытаскивая наружу все мои тщательно запрятанные кошмары и опасения. Тот, кто долго смотрит в бездну, в итоге – сам становится ею. Перед моим мысленным взором кружился беспорядочный сонм всего самого отталкивающего и неприятного, что мне уже пришлось пережить – гибель от руки принца Ужаса, поход по Лабиринту судьбы, полет через Портал смерти, мерзкий облик Хранителя в Галерее трех порталов... Я понимала, что еще миг, и я сдамся – рухну на колени, и стану униженно умолять Ледяного бога усмирить

эти воспоминания, прогнать мои ужасы, одеть мой разум в нерушимую броню изо льда и равнодушия, отстраняющую плоть и душу от всего человеческого... Но, неожиданно, я ощутила, как острые ногти принца впиваются в мои пальцы, раздирая их до крови и болью возвращая меня в мир живых. Я судорожно моргнула и увидела ровный, теплый свет сочувствия и нежности, непрерывно льющийся из его золотистых глаз, и уносящий прочь все мои сомнения, страх и одиночество. И под ободряющей улыбкой любимого мужчины я гордо выпрямилась и бестрепетно встретила завораживающий взор Ледяного чудовища, более не имеющий надо мной никакой власти.

– Сильные! – возмущенно протянул Бог. – Дерзкие и смелые! Как смеее вы, безумцы, противостоять мне?

– Бог, ты кажется забыл, кто сейчас стоит перед тобой! – с вызовом бросил принц, окутываясь коконом белого пламени.

Издавательский хохот наполнил Храм. Звук вибрировал, поднимался вверх, раскачивая стены, осыпая каменную крошку со свода и перекрытий потолка. Звук болезненно бил по барабанным перепонкам, пробуждая желание немедленно заткнуть уши и сжаться в комок, но мы стояли все так же прямо, не стирая с губ ироничных, высокомерным усмешек.

– Жалкий червяк, – соизволил просмеяться и успокоиться чересчур развеселившийся Бог, – уж не хочешь ли ты меня напугать? В моих владениях твоя магия бессильна и ты никогда не сможешь накопить ее в количестве, достаточном для сопротивления моей мощи!

– Ты не боишься пойти против всех? – приподнял бровь принц. – Против демонов, богов и даже демиургов?

Бог возмущенно махнул рукой, словно отметаая в сторону всех перечисленных:

– Боги? Жалкая кучка марионеток. Демоны? Зарвавшиеся наглецы. Демиурги? Их время прошло, они постарели и впали в маразм, деградировав от игры, затеянной ими самими. Настает срок моей власти. Скоро по моей воле весь мир превратится в царство льда и холода, заполненное тенью моих детей. Какая сила сможет противостоять подобной мощи?

– Любовь! – громко выкрикнула я, чувствуя, как в ответ на это слово, еще сильнее сжались пальцы принца, крепко обхватывающее мое запястье.

Бог противно хихикнул:

– Что есть любовь? Важно ли это чувство для выживания? В основе бытия любой особи лежат страх, голод, жадность, зависть, власть!

– Любовь и голод движут миром! – вспомнила я фразу, вычитанную когда-то очень давно, лишь сейчас начиная постигать ее истинный смысл.

– Вот видишь, ты сама сказала про голод. – Благоклонно улыбнулся Ледяной бог. – А ты не безнадежна, упрямая девочка! Поэтому я дам тебе возможность понять значение моих слов.

– Не смей трогать принцессу! – выкрикнул принц, задвигая меня себе за спину. – Если ты посмеешь прикоснуться к ней хоть одним из твоих мерзких пальцев, то я...

– То, что ты тогда сделаешь? – глумливо хмыкнул Бог. – О-о-о, – черные глаза пораженно расширились, – так значит, это и есть то, что вы называете любовью?

– Да! – гордо вскинул голову белокурый красавец. – Ты взял нас в плен, ты можешь убить наши тела, но тебе никогда не покорить наш дух и не вытравить из нас любовь, которая сильнее всего!

– Любовь сильнее всего? – по буквам, недоверчиво протянуло чудовище в глыбе льда, разглядывая нас словно чудные, нелепые диковинки. – Сильнее жажды жизни?

– Да! – хором ответили мы, понимая, что наша любовь – единственная в мире сила, которую мы можем противопоставить власти жестокого Бога.

Бог снова расхохотался, еще громче и продолжительнее.

– Глупцы! – торжественно провозгласил он. – Да вы просто наивные дети, еще не постигшие смысла бытия и тешащие себя нелепыми выдумками! Очутившись перед ликом смерти, вы узнаете, что единственная настоящая, заслуживающая внимания и уважения сила

– это моя власть, и только я могу даровать вам ту форму существования, которую я избрал для моих преданных слуг. И вы еще станете умолять меня о милости и спасении, начисто позабыв о своей никчемной, бесполезной любви!

– Никогда! – дружно возмутились мы.

Бога затрясло в приступе неудержимого, необузданного гнева:

– Разлучите их! – приказал он, взбешенно всплескивая пучками питающих его нитей с кровью. – Принца и эту падаль, – он брезгливо указал на так и не пришедшую в себя некромантку, – отправьте на арену. А ее, – он окатил меня холодной волной черного света своих мертвенных глаз, – бросьте в Колодец пустоты. Посмотрим, на что тогда окажется способна их никчемная, хваленая любовь!

Мы крепко держались за руки, но проклятые Твари стужи превратились в плотную стену холода и кололи нас пронизывающими укусами жгучих, ледяных прикосновений до тех пор, пока наши кисти не утратили чувствительность и не повисли никчемными плетями. Тонкие пальцы принца выскользнули из моей окровавленной ладони, унося с собой не только часть души, но и смысл всей моей жизни.

– Ульрика, – обессилено шептал он, когда его безжалостно волокли по скользкому мраморному полу, ухватив за обледенелые пряди роскошных волос. Его золотые глаза меркли, словно две остывающие, потухающие звезды. – Ульрика, помни, ты обещала мне, что не сдашься, что будешь бороться...

– Буду, верь в меня! – страстно выкрикнула я, вместе с плотью сдирая со своих губ корку из свежего льда. – Жди меня, любимый, я приду за тобой!

– Жди, ага, как же! – издевательски передразнил Ледяной бог. – Наивные дети. Еще никому не удавалось вернуться из Колодца пустоты!

Глава 7

Несмотря на все заверения почтенного дервиша Али-Бабы, до стен великого Рох-Осса оказалось почти полдня пути. Трудно выразить словами, чего стоили Лансу эти несколько часов, проведенных под раскаленными лучами южного солнца. Пяти лет жизни – и ни днем меньше. Его бархатистая кожа, привыкшая к умеренному, прохладному климату еловых лесов, обгорела, покраснела и растрескалась, став похожей на истоптанную подметку сапога двужильного Оггура. Сам же орк, громко сопя как заматерелый секач и благоухая столь же ароматно, упрямо пер напролом, отмеряя шаг за шагом по сыпучему, отвратительно горячему песку. Изнеженный полуэльф фыркал и плевался, с ужасом ощущая, что едкая, мелкая пыль на три слоя запорошила его ранее безупречно ухоженные, длинные волосы, превращая их в бесформенный колтун и вызывая отчаянный зуд в области висков и затылка. И Ланс в который раз мысленно клялся выместить владевшее им раздражение на первом же подвернувшемся, подходящем для этой цели растяпе.

Наконец утомительная дорога окончилась. Путники почтительно рассматривали высоченные стены древней столицы, грозно ошетилившиеся острыми шпильями стройных минаретов. Их широкие, обнесенные бордюром площадки возле крыш, предназначавшиеся для престарелых, длиннобородых жрецов-муэдзинов, неумолчно славивших богиню Аолу пронзительными, блеющими голосами. Вереница путешественников, желающих попасть в города и выстроившихся вблизи щедро посеребренных, украшенных резьбой главных ворот, оказалась значительно длиннее, чем в Хуве, и друзья заметно приуныли. Впрочем, зачем стремиться попасть за ворота, если в карманах у тебя не завалилось даже жалкого медного гроша, не говоря уже о нескольких золотых монетах, необходимых для уплаты гостевой пошлины? Но многомудрый дервиш неожиданно смело подъехал к самому важному и напыщенному воину в многочисленном ряду городских стражников, направляя пятками своего вислоухого скакуна и вполголоса бормоча бесконечную молитву. Стражник нехотя скосил выпуклый, темный как слива глаз и снисходительно выслушал скороговоркой произнесенную просьбу. После этого его одутловатое лицо мгновенно вытянулось от страха

и уважения, и он поклонился настолько низко и резво, насколько позволяло его объемистое, любовно взращенное чрево, перетянутое пестрым шелковым халатом.

– Ты смотри, а! – Ланс дернул орка за рукав пропотевшей, заскорузлой как портянка рубахи, выразительно указывая на непонятную сцену. – Задери меня гоблин, но кажется, наш старик – важная птица!

– Да ну, – вполне обоснованно засомневался далеко не глупый орк, справедливо приходя к выводу, что важный и уважаемый человек ни за что не станет носить златанный плащ, более похожий на неопрятную тряпку, предназначенную для мытья грязных полов. – Он обычный бродяга. Хотя знаешь, я слышал о магах, умеющих одним взглядом заволакивать и подчинять своей воле не только людей, но даже змей.

– Вполне вероятно, – ехидно улыбнулся злой как демон и уставший, словно выючный мул Лансанариэль. – Этот стражник сильно смахивает на какого-нибудь патологически обожравшегося и безнадежно заживевшего питона – самую здоровенную змеюку в мире. Я видел такую в клетке одного из торговцев...

Но эти рассуждения оказались прерваны вернувшимся дервишем, который поманил их за собой и привел к незаметной, окованной железом калитке, укромно расположенной чуть в стороне от главных ворот. Старик стукнул несколько раз, выдерживая интервалы разной длительности между сигнальными ударами, и хорошо смазанные затворы неслышно растворились, пропуская путников внутрь города. Узкий потайной ход, идущий между мрачных стен, снабженных бойницами для стрельбы из лука и предназначенный, по мнению опытного в таких делах тысячника, для ночного выезда специальных дозоров, привел их на тихую, прохладную улочку. Источник чистой, питьевой воды непрерывно бил из трещины между камнями и звонко изливался в небольшой бассейн, неброско отделанный черно-белой мозаикой. Истомившиеся от жажды и зноя путники долго плескались в неглубоком водоеме, наслаждаясь живительной силой прозрачной как слеза воды. Промыв спутанные волосы и простирнув грязную рубашку, мгновенно просохшую на нагретом каменном бортике, Ланс почувствовал себя посвежевшим и отдохнувшим. Огвур умиленно любовался соблазнительными ямочками, прорезавшимися на позолоченных солнцем щеках своего очаровательного друга. Старик Али-Баба выпил пиалу воды и тихонько подремывал в тени развесистой айвы, предоставив друзьям возможность неторопливо приводить себя в благопристойный внешний вид. Раскаленный оранжевый диск уже начинал немного клониться к закату, когда полуэльф почтительно растолкал разморенного жарой старика, желая спросить – куда они направятся дальше?

Дервиш расплылся в широкой улыбке, хитро прищутив черные глаза:

– Милостью нашей великой богини, проводшей нас через заслон грозной городской стражи, я знаю одну небогатую чайхану, не привлекающую, благодаря своей скромности и удаленности от центра столицы, излишнего внимания. Ее хозяин мой давний друг и он, несомненно, не откажет нам в ночлеге.

– Но нам же совсем нечем ему заплатить, – смущенно развел руками полукровка.

– Пока в нашем мире действуют правила помощи и гостеприимства, нам нечего опасаться смерти от жажды и голода, – торжественно поучал Али-Баба. – Вы помогли мне, я помог вам, а кто-то, в свою очередь – поможет нам троим. На этом и держатся законы мироздания.

– Блажен тот, кто верует! – иронично хмыкнул Огвур, очищая ножны секиры от заполнявшего их песка. – Вот послушаешь тебя, уважаемый, так поверишь невольно, что на свете уже не существуют зло, тьма, демоны и черные колдуны. А ведь мы совсем недавно, своими глазами, видели одного из них!

Старик заинтересованно обернулся, бросив затягивать подпругу флегматично переступающего копытцами ослика:

– И каков же из себя этот колдун?

– Неприятный, – поморщился придиричивый Ланс. – Высокий, тощий и белобрысый. Он сначала выступил на стороне войска, противостоящего Мелеане, а потом первым трусливо

сбежал с поля боя, сотворив собственный магический портал, лишь только темный смерч, созданный Тварями стужи, закружился над нашими головами.

Непонятная гримаса исказила прежде умиротворенное лицо старого дервиша. Али-Баба глубоко вздохнул, пытаясь побороть овладевшее им волнение. Ланс и Огвур недоуменно переглянулись, будучи не в силах понять, чем вызвана столь бурная реакция.

– Знайте же, дети мои, – тихо промолвил дервиш, снова опуская на лицо заслон постоянного благодушия и смирения, – что вам довелось встретиться со страшным магом, судьба которого крепко связана с божественным предначертанием, ведущим вас по жизни. Но думается мне, что встреча эта была отнюдь не последней.

И что-то неопределенное, расплывчатое, но важное и значимое, столь зримо промелькнуло в словах Али-Бабы, что Лансанаризель невольно содрогнулся всем телом, объятый волной холодного предчувствия, так не вяжущейся с липкой, дневной жарой. Он понял, что предупреждение дервиша касается именно его.

– Идемте, – голос старика вывел полуэльфа из задумчивого молчания. – Приближается вечер, а большой ночной город, полный воров и проходимцев, вовсе не безопасен для плохо знакомых с его обычаями чужеземцев.

– Идем, – охотно откликнулся Огвур, как невесомое перышко, вскидывая на плечо и сумку полуэльфа, и свою тяжелую Симхеллу. – Я готов душу демонам продать за кувшин пива!

– А как же твое недавнее обещание не пить ничего крепче обычной воды? – иронично усмехнулся Ланс, пытаясь шуткой прогнать так сильно беспокоившие его, и еще бродящие на краю подсознания, нечеткие предчувствия и опасения.

– Да простят меня Пресветлые боги, – густо хохотнул орк, другой рукой ловко подсаживая в седло старого дервиша, пытавшегося загнутым носком туфли без задника нашарить хлипкое веревочное стремя, – но близкое знакомство с этим пустынным краем научило меня неоспоримой истине – темное пиво куда лучше светлого будущего!

– Ого! – смешливо вздернул красивую бровь легкомысленный Лансанаризель, при упоминании о холодном пиве начисто забывая недавнее пророчество Али-Бабы. – А правда ли, что в этих краях водится странное животное – верблюд, умеющее не пить больше месяца?

– Ну, не знаю как тебе, а мне так ясно сразу: орки – точно не верблюды! – убежденно провозгласил Белый волк, бодро шагая следом за трусящим вялой рысцей осликом. – Месяц без пива или эля? Нет, это нонсенс! Немыслимое, садистское издевательство над организмом. Что за ужасные байки ты нам рассказываешь, дружище!

Нуждается ли человек в вере? Хороший вопрос, особенно после того, как на собственном опыте выясняешь, что боги – всего лишь оригинальные биомеханизмы, координаторы, предназначенные для регулирования жизненных процессов в окружающем тебя мире, а демиурги – так вообще кучка заигравшихся и окончательно выживших из ума престарелых маразматиков. И в кого прикажете верить в подобной, нелепой ситуации? Признаюсь честно, сейчас мне ужасно не хватало Эткина с его неизменной, идеально подходящей к любому неординарному случаю, всегда безупречно здоровой философией. Хотя, и без него предполагаю, что сказал бы в данной ситуации этот скептический эгоист – верь в себя, ибо если ты сам себе не поможешь, то и никто тебе уже не сможет помочь. Помнится, он даже упоминал про одного древнего героя, попавшего в трясину и за неимением посторонней помощи, самостоятельно вытащившего себя из болота. Причем – за волосы, да еще – не слезая с коня! Маловероятно? Но дракон божился, что его история – не выдумка, ведь драконы – никогда не врут! Эх, Эткин, Эткин, у тебя чаще всего другое, не менее актуальное кредо так и выпирает наружу – если сам себя не похвалишь, то никто и подавно не похвалит. Но, с другой стороны – как быть, если это и есть самая чистейшая правда? Я невольно улыбнулась, вспоминая умного друга, что сейчас выглядело по меньшей мере не уместно, если учесть, что в данный момент я безвольно болталась в лапах у

холодных тварей, быстро волочивших меня вниз по длинной, плохо освещенной лестнице. Эткин фанатично проповедует здравый, умеренный эгоизм – именно в этом и состоит его психологическая доктрина, его вера. Я задумчиво пожевала оледеневшую губу, заодно, немного возрождая в ней слабое подобие нормального кровотока. Любопытно, как может сочетаться умеренный эгоизм с добровольно принятым мной служением Чести? Ответ пришел через секунду. Да попросту не может человек, не способный помочь самому себе – чем-то помочь другим людям. Не разбираешься в себе – не поймешь других. Любовь к слабым и обездоленным начинается с разумной любви к себе. Научись любить себя, ценить себя, уважать себя и ты поймешь, как необходимо это всем другим людям. Тогда ты и осознаешь, что каждый желает получить по отношению к себе только то и именно то, что ты желаешь самому себе. Не бывает плохих людей, бывают поступки, которые для твоей жизненной позиции, для твоего пути Чести – принципиально не могут выглядеть хорошими. Уважай всех, не важно – плохие они или хорошие по твоим личным меркам, не меньше чем самого себя. Но никогда не иди на сделку с собственной совестью, пытаясь обмануть себя – потому что обмануть себя невозможно. Многие из нас пытаются скрыть нелюбовь к совершаемым нами поступкам за красивой, но лживой ширмой пустых и пышных фраз, убеждая себя в собственной правоте. Хотя подчас, в этом проще и быстрее убедить окружающих. Что хотел доказать себе Ледяной бог, отправляя меня в Колодец пустоты? Да лишь то, что он всегда прав. Что на самом деле нет в мире никакой возвышенной любви, нет вообще никакой силы – превосходящей его власть и его мощь. И поняв это, я невольно пожалела глупого, неуверенного в себе дурака, претендующего на мировое господство! Он то уж явно никак не мог вместить свой зашкаливающий эгоизм в разумные рамки компромисса с окружающим миром. Он видел лишь свой ограниченный внутренний мир, не находя для себя достойного места в окружающем его социуме. Он искал власти, забывая, что власть рано или поздно оборачивается против своего носителя, превращая его в раба догм и условностей. Он не познал истинной свободы духа...

Вот поэтому я и хохотала так вызывающе-издевательски в тот момент, когда Дети стужи небрежно швырнули меня на покрытый зеленоватым льдом пол мрачного подвала, в центре которого располагался округлый, каменный колодец. Идеально отшлифованные и ровно пригнанные друг к другу небольшие каменные блоки, усеянные непонятными мне фигурками и символами. Несмотря на все свои врожденные и весьма обширные лингвистические способности, я не смогла опознать или расшифровать ни одного знака. Вглядываясь в полустертые барельефы, сплошь покрывающие каменный корпус колодца, я случайно заметила схематично высеченное мужское лицо с узкой царственной бородкой, мелькающее то ли в клубах грубо обозначенного дыма, то ли в волнах примитивно изображенного моря. Ничего подобного даже приблизительно не описывалось ни в одном из когда-либо попадавших мне в руки древних манускриптов или религиозных апокрифов. О, за долгие тысячелетия существования нашей планеты, на ней сменилось множество религий и верований. И о ком я только не читала – о зверобогах Египта, о титанах Эллады, о чудовищах Крита, о воинах-повелителях стихий – которым поклонялся народ данов, о проматери-земле Кибеле и ее возлюбленном Атисе. Мне сложно судить, насколько реальными являлись эти создания, ибо я никогда не встречалась с ними лично, хотя, отбросив эмоции и скептицизм – разумом понимала, что масса разрозненных во времени и не связанных между собой источников – врать не может. Кто-то из них определенно должен был иметь живые прототипы. В конце-концов, ими могли стать и небезызвестные мне демиурги. Но одна из ортодоксальных религий запомнилась мне особенно – некое ведическое течение, базировавшееся на поклонении сыну Земли и Неба, в облике молодого мужчины, носящего имя Иешуа. Именно его портреты и напомнило мне одухотворенное мужское лицо, примитивно высеченное на камнях Колодца пустоты. Интересно, когда возникла вера в этого самого Иешуа? Наверно, очень давно... Хотя, кажется, намного позднее его канонизировала и обожествила куда более молодая религия – христианство. Но полагаю, всех богов и богинь объединяет одно – бог есть суть истина, честь, самоотречение,

служение идеалу, которое неизменно вознаграждается чем-то не вещественным, а возвышенным, ментальным. Легок ли путь человека, посвятившего себя служению чести, истине, высшей сущности? Похоже, что нет, особенно если учесть все то, что мне уже пришлось пережить с тех пор, как я побывала в храме Аолы, и сделал свой выбор, столь многое за собой повлекший. Ждет ли меня заслуженная награда? И награды ли я жажду? Да нет, скорее яркого света в конце длинного туннеля, понимания – что есть истина, смысл жизни, обретения самой себя. Ведь недаром как-то прочитала я в одной мудрой, старинной книге, называемой Евангелием от Матфея: « Кто оставил дома или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или землю ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную». Но не ищу я благ божественных и жизни вечной, хочу лишь осознания смысла всего происходящего со всеми нами, да духовной гармонии с самой собой...

Но мои безмолвные, богословские изыскания, вдруг грубо прервали ледяные твари, притаившиеся к колодцу огромный, занозистый деревянный шест, опутанный ржавыми цепями. Мое полумертвое, заиндевевшее, утратившее способность сопротивляться тело, прислонили к шесту и намертво прикрепили к нему железными звеньями и кольцами. Десятки острых щепок немедленно впились в мои руки и спину, протыкая тонкую ткань рубашки, но боли совсем не чувствовалось и из ранок не вытекло ни капли крови. Ужасающий холод итак уже почти убил меня, так что не думаю, что мне предстояло мучиться слишком долго, после того как мое беспомощное тело опустят в темный колодец. И, скорее всего, именно так бы вскорости и произошло на самом деле, если бы не одно существенное но. Где-то там наверху остался мой любимый мужчина, остались друзья, которым требовалась моя помощь, остался весь мир, почти павший к ногам Ледяного бога, осталась наша невыполненная миссия. А значит, как любит говорить Эткин – « Не спешите нас хоронить, есть у нас еще дома дела»...

Твари легко подхватили меня, прикованную к деревяшке, и перевалили через край колодца. Ладно хоть, не вниз головой меня туда опустить надумали. За моей спиной, туго прижатый к корявой древесине, испуганно завибрировал Нурилон. С ума сойти, мой меч, оказывается, тоже может чего-то бояться. Что же такое загадочное обитает в глубине колодца? Я чуть наклонила голову, разглядывая непроницаемую тьму, клубившуюся под ногами. Мрак, пронизываемый короткими всполохами хаотически загорающихся и потухающих огненных искр, будто там проскальзывали крошечные, грозовые разряды. И я внезапно поняла, что там, в глубине колодца – нет ничего, одна пустота, и в тоже время там есть нечто, воистину являющееся началом всех начал. То, от чего нет спасения. И сердце мое испуганно сжалось, замерев от панического ужаса. Меня ожидало неизведанное...

Отдельного внимания заслуживал и странный способ избранной для меня казни. Столбование, смерть на ритуальной архате – устремленном в небо шесте, по преданиям – открывала новый путь в небесный эфир только душе ведуна или героя-воина, покидающей землю. Вид смерти – способной позволить стать началом чего-то нового, ощутить себя свободным духом, вырвавшимся на простор, а не погибнуть подобно бессильной, обреченной на заклятие жертве. Знал ли об этом Ледяной бог? Что это – слепая удача, в очередной раз мне улыбнувшаяся, или же высший промысел благой судьбы? Когда-то я сознательно отвергла путь Мудрости, но сейчас понимала, что воин чести и ведун (человек, изведавший истину), во многом схожи. И я невольно вознесла молитву великой Пустоте, ожидающей меня внизу и являющейся исходной истиной в своем первородном, первозданном виде, испрошая высочайшей милости – обрести знание, пусть даже ценой гибели своей брэнной, физической оболочки.

Твари ухнули, перегнулись через край колодца, подтолкнули скользкий, обледенелый шест, и я стремительно полетела вниз – в ничто...

Падение длилось бесконечно. От любопытства я широко распахнула глаза, желая

узреть последние мгновения своей недолгой, земной жизни. Сначала меня окружал один лишь мрак, густой и вязкий, ощутимо облегающий мое ослабевшее тело. Затем появился свет – нечеткий, расплывчатый и лунно-белый, он окружил меня туманными пятнами, понемногу согревая испускаемым им теплом. Я мучительно застонала, ощутив жаркое, все усиливающее покалывание, охватившее затекшие конечности. Жизнь в моем теле восстанавливалась, а процесс рождения неизменно сопровождается сильной болью. Пятна света сформировались в необычные, гибкие фигуры. Приглушенно звучала негромкая, торжественная, похожая на гимн песня:

Все кто живой – и ты, и я,
Кто сам себе благой творец,
Есть высший смысл бытия,
Природы-матери венец

Наш дух Ничто и Пустота,
Он есть эфир, и он есть кровь,
А миром правит доброта,
И бесконечная любовь...

– Смотрите, она жива! – музыкой сфер удивленно выпевал один хрустальный голос. – Но как такое возможно?

– Еще ни одно смертное существо не преодолевало барьера Пустоты! – воскликнул другой призрак.

– Разве она смертна? – протестующе вознегодовал целый хор нежных звуков.

– Нет, – счастливо прозвенел первый голос, – как же мы не узнали ее сразу? Она одна из нас, наша сестра, дитя столикого Логруса.

– Кто вы? – наконец-то смогла спросить я, жадно впитывая лучи живительного света.

– У нас нет имен. – Печально ответили тени. – Мы потоки сознания, отпрыски Пустоты, силы космического разума, нити магии – образующие Порталы!

– Но при чем тут я?

– Ты одна из нас! Ты – ходящая через Портал Оружия, разбудившая драконов, дитя Старшей крови, замкнувшая Кольцо равновесия, возлюбленное порождение Логруса, – с готовностью пояснили тени. – Ты носишь кулон Оружейницы и оружие демиургов. Тебе подвластны скрыты пласты сознания и глубинные слои мироздания.

– Но я ничего этого не делала! – отнекивалась я.

– Сделаешь! – убежденно уведомили меня тени. – Чего ты ищешь?

– Знания! – трепетно выдохнула я слово, неожиданно родившееся в глубине души.

Голоса мелодично рассмеялись, рассыпая звонкие стаккато солнечных лучей:

– Тебе ли искать знания, если ты сама призвана созидать гармонию и справедливость!

– Не понимаю! – пожаловалась я.

– Бог – в тебе, – важно вмешался густой баритон, прорвавшийся сквозь массу других звуков. – Ты и есть бог – творящий добро и свет, если ты, конечно, пожелаешь им стать.

– Но как? – изумилась я. – Как обрести себя?

– Слушайся голоса сердца! – наперебой запели тени. – Люби, твори, живи!

– Так просто? – не поверила я. – Просто жить и все?

– Конечно, – подбадривающе громыхнул баритон. – Бог есть любовь и добро, свет и жизнь. В этом и состоит суть искомого тобой знания. Иди обратно, сестра, твой путь только начинается.

– Но я, – я попыталась пошевелить скованными плечами, – я не свободна!

– Чем можно сковать душу? – иронично спросил баритон. – Ты сама ее сковала...

– Да-а-а? – громко возмутилась я.

Я невольно представила жаркое пламя жизни, наполненное жажды свободы и любви,

разгорающееся в моей душе. Пламя нестигаемой воли и веры в себя разрасталось, выплескивало наружу, делая мою фигуру намного ярче любой из окружающих меня, светящихся теней. Мои железные, толстые цепи вспыхнули, разом истончились и рассыпались облачком светлых брызг. Густой баритон довольно хмыкнул. Тени дружно запели что-то ликующее и закружились пестрым хороводом, подхватывая меня и вознося обратно вверх.

– Я буду жить. Я буду любить. Я принесу людям свет и добро! – громко, победно кричала я, воспаряя все выше и выше, пока не увидела далекий неясный круг выхода из колодца. Мой путь завершился, Тьма отступила, голоса умолкли, тени исчезли, я осталась одна.

Я расслабленно лежала на поверхности вязкой, густой, темной субстанции, поддерживающей меня наподобие мягкой подушки. Я многое поняла. Не нужно бояться Тьмы и Пустоты. Они всегда присутствуют не только в мире, но и в душе всякого из нас, являясь прочной подкладкой, зримо оттеняющей светлую, добрую сторону любого явления и каждого существа. Свет не может существовать без Тьмы, ибо, оставаясь в одиночестве, он утрачивает истинный смысл и значение. В пустоте зарождается все живое. Научись правильно распределять темные и светлые стороны своей натуры, толково управляй ими, и ты станешь богом, творцом, демиургом – способным привнести в мир много значимого и хорошего. Мы сами создаем свою судьбу. И отныне, я навечно собиралась стать именно тем, кого и разглядела во мне тетушка Чума, человеком – никогда не идущем на поводу у обстоятельств, предсказаний и случайностей. Отныне – я сама творю свою жизнь!

Я подплыла к стене колодца и растерянно ощупала каменную кладку, уходящую далеко ввысь. Чтобы выйти на свободу, мне нужно как-то подняться по этим, гоблинами проклятыми, камням! Но мои пальцы не могли найти ни единого мельчайшего зазора, за который можно было хоть как-то зацепиться. Лишь тонкие как ниточки, ровные стыки между идеально отполированными блоками. Осененная внезапной догадкой, я выхватила из-за пояса два коротких клинка – дагу «Рануэль Алатора», и кинжал из отличной эльфийской стали, когда-то подаренный мне отважным Раймоном де Ризо. «Не подведите!» – мысленно взмолилась я, вгоняя остро отточенное лезвие в стык между блоками. Верный кинжал даже не погнулся, по самую рукоятку, надежно утопая среди камней стены. Упираясь окованными железом носками сапог в стену колодца, я тяжестью всего тела повисла на кинжале, взмахнула дагой и всадила ее чуть выше первой, импровизированной опоры. Подтянувшись на одной руке, равномерно перераспределила свой вес, переноса его на второй клинок, думая лишь об одном – только бы они выдержали меня и не сломались, и выдрала кинжал из стены. А потом воткнула его еще выше и медленно, мучительно медленно поползла вверх, к сумрачному свету, освещающему зев Колодца пустоты, покорившегося мне и принявшего меня как свою.

Рывок, балансировка, остановка, короткий отдых. Рывок, балансировка и все снова. Обдуманно, кропотливо, осторожно, щадя верные клинки. Нурилон неприятно бил по затылку. Руки немели, ноги дрожали, ободранные пальцы и изрезанные ладони кровоточили. Но там, наверху – надеялся, верил и ждал моей помощи любимый мужчина, быть может, именно в эту самую минуту умирающий жестокой, мучительной смертью. Обливаясь потом и кровью, я застонала, безгранично измученная отнюдь не болью плоти, но болью страдающей души. И синхронно, в такт ударам клинков, из моего пересохшего горла выстрадано рванулись слова баллады, звучащие как псалом великой любви, не боящейся никакой преграды:

Как бальзам на рану, как подарок бога,
Как в оазис дивный средь песков дорога,
За заслуги в прошлом, или вопреки
Тем грехам, что в жизни были не легки.

Средь тоски и боли, суеты и злобы,
Мы друг к другу руки протянули оба,
Нежностью и лаской хрупкий путь мостили,
И любовь, как розу, мы в сердцах взрастили.

И любовь отныне силу нам дает,
Как кагор причастия, вересковый мед,
С терпким вкусом яда, словно сок цикуты,
Мы крадем у счастья краткие минуты.

Кажется, на голос можно обернуться,
И дрожащим пальцем к пальцам прикоснуться...
Но коварный ветер много раз на дню
Мне приносит эхом голос твой: «Люблю»

Слышишь меня эхо? Да за это слово,
Я любую цену заплатить готова,
Все чем мы владеем – эху отдаем,
Мы на все согласны – лишь бы быть вдвоем.

Но смеется эхо: «Встречи вам не дам!
Отнесу лишь вздох твой, я к его губам...
Ишь вы, святотатцы, за любовь да цену,
Словно вы не знали, что любовь – бесценна!»

И опять меж нами – горя километры,
Мы лицо упрямо подставляем ветру...
Под любви давлением, словно силой молота,
Мы сердца сплавляем в чистый слиток золота.

Произнеся завершающее слово баллады, я со сдавленным хрипом ухватила за край колодца, из последних сил перевалила свое, ставшее невероятно тяжелым тело через каменную кромку, и с грохотом рухнула на обледенелый пол подвала. И без того ободранные колени и локти отозвались резкой вспышкой ноющей боли. Но на моих искусанных в лохмотья губах бродила кривая, торжествующая ухмылка: «Так чего там Ледяной бог говорил о том, что из Колодца пустоты еще никто и никогда не возвращался?»

Глава 8

После бурной сцены в спальне, приведшей к неожиданному разрыву таких, казалось бы близких и прочных отношений, и последовавшего за ней отказа Ульрики в день свадьбы ее брата, Генрих долго и безуспешно пытался осознать – какой же все таки смысл вкладывает он в само понятие «любовь»? Ну, просто не может все основываться только на одной голой, физической тяге к какой-то конкретной женщине, вызванной ее загадочностью и непредсказуемостью. Не может чувство – накипевшее в его души, и сильнее всего напоминающее запутанный клубок, состоящий из боли и сладости, быть так просто и примитивно. Барон знал, что принцесса отнюдь не хороша собой внешне. Он видел ее истинное лицо, носившее отпечаток не только демонического безобразия, но и какой-то мистической, потусторонней инфернальности, вызывавшей ужас и восторг одновременно. «А как же широко распространенная фраза, что в человеке все должно быть прекрасно – и душа, и тело, и деяния?» – не раз спрашивал себя окончательно запутавшийся барон. И тут

же мысленно одергивал свое разыгравшееся воображение: «Так то – в человеке!». А много ли человеческого сохранилось в Ульрике – дочери эльфийки, внучке Смерти, любимой игрушке демиургов? И Генрих с удивлением осознал, что в общем-то, его с самого момента их знакомства, на самом деле весьма мало трогали ее внешние достоинства или недостатки. Вот Лилуилла та да – очаровывала, околдовывала с первого взгляда. А Сумасшедшая принцесса... Она просто не представлялась ему какой-то другой. Она и раньше, и всегда была, и теперь оставалась именно той – какой ей и предназначалось стать от рождения. Невероятно страшной и, вместе с тем – потрясающе прекрасной. Возможно, он полюбил Ульрику неосознанно, заочно, в тот самый момент, когда впервые услышал о ней из уст королевы Смерти, зачитывающей малопонятное пророчество со стены подводной пещеры. Верил ли Генрих в пророчества? А верил ли Генрих в судьбу? Он искал, но так до сих пор и не находил однозначного ответа на этот сложный, жизненно важный для него вопрос. Уставший от бесплодных раздумий барон потянулся, прогнал навязчивую дрему и просительно постучал кулаком по теплому драконьему боку. Марвин, измотано прикорнувший рядом, так и не проснулся.

– Чего тебе не спится? – тихонько спросил Эткин, немедленно приподнимая крыло и с любопытством заглядывая в уютное укрытие, созданное им для друзей. – Ночь на дворе, а мы все нуждаемся в восстановлении сил. Завтра нас ожидает трудный день.

– Понимаю, да вот раздумья замучили, – пожаловался сильф, тишком, чтобы не разбудить некроманта, выползая из-под кожаных складок могучего крыла Эткина и заботливо опуская его обратно, опасаясь лишить Марвина единственного, доступного им, источника тепла.

Им совершенно случайно подвернулась относительно сухая лощина, почти лишенная снега и защищенная несколькими поваленными бурей деревьями от пронизывающих порывов холодного ветра. Чистюля Эткин конечно поворчал недовольно, но более или менее комфортно устроился на нескольких охапках пожухлых листьев, любезно предоставив друзьям персональное место для ночлега у себя под крылом. А сейчас, Генрих зябко поеживался в своем легком кожаном камзоле и таком же плаще.

– Холод собачий, задери его гоблины!

– Край Тьмы, – философски обобщил Эткин, выжидательно косясь на сильфа, и подозревая, что тот явно не метеорологические условия обсуждать намеревается.

– Кто же мог знать, что здесь нас встретят только снег и мороз, – продолжал брюзжать де Грей. – А мы еще наивно собираемся в этой ледяной пустыне искать похищенную княжну...

– А оно тебе вообще надо ли, эту княжну то? – нахально прищурился дракон.

Генрих враждебно нахохлился, словно больная ворона, пытаясь хотя бы зрительно чем-то отгородиться от пронизательного Эткина, но того оказалось очень трудно обмануть.

– Ясно, – печально протянул гигант. – Ох, не правильно все это...

– Сам знаю! – сварливо огрызнулся барон. – И не сыпь мне соль на рану. А что делать прикажешь?

– Ты у меня совета просишь? – не поверил своим ушам дракон. – А как же это: «не учите меня жить, лучше помогите материально»? Вот материально – так за милую душу. У меня же сокровищ – полная пещера!

Барон задумчиво поковырял мерзлую землю острием кинжала:

– А что делать то? – повторил он навязчивый вопрос. – Я – Повелитель! И этим все сказано. Меня положение ко многому обязывает, я заложник титула и родовых традиций. Народу срочно требуется королева и наследник престола. Ульрика мне отказала... Значит, срочно нужна другая девица-аристократка, происходящая из знатного рода и по всем физическим статьям подходящая на роль королевы... А тут портрет Лилуиллы как раз подвернулся, ну я и...

– Мда, – иронично хмыкнул дракон. – Хошь – не хошь, а жена – не вошь! Мужик без бабы, что дерево без гусеницы. Сочувствую тебе, дружище.

– А как же любовь? – почти всхлипнул горе-жених.

– Вот заладили! – досадливо покривился Эткин, к месту припомнив, что совсем недавно и Рыжая так же плаксиво жаловалась на аналогичную дилемму. – Любовь она, братец, штука тонкая. Понимаешь, само чувство любви уже сопряжено с некими внутренними обязательствами по отношению к тому, кого ты любишь, а именно – с чуткостью и бережливостью. Ты поневоле вынужден относиться к любимому, особенно если стремишься завоевать его доверие и развить в нем ответную симпатию – как к хрупкой хрустальной вазе. А иначе – никак.

– Значит, если я стану ее преследовать и надоедать своей страстью, то это лишь отпугнет девушку еще больше?

– Рыжую то? – задумчиво переспросил Эткин. – Наверно, с такими особами как она, лучше обращаться осторожнее во сто крат, ибо упряма как ишак, да еще и вредная, как демон!

– Разлюблю, как пить дать – разлюблю! – решительно заскрипел зубами Генрих, с удвоенной энергией ковыряя ни в чем не повинную землю. – Одно время я ее даже убить собирался, чтобы уж точно никому не досталась, если не мне. А сейчас понимать начинаю, нужно просто разлюбить!

– Гы-ы-ы, – жизнерадостно заржал Эткин. – Вот это ты круто брякнул! Да если бы можно было не любить или разлюбить на заказ! Человек, до такой степени способный управлять своими эмоциями во много раз превзойдет бога. Но, к несчастью, мы на подобное не способны.

– Хочу отныне никогда не думать о ней! – как-то обреченно выкрикнул Генрих, хватая себя за горло, словно желая придушить вместе с собой и свою горькую, безответную любовь.

– Хотеть не думать о ней, уже означает – что ты все еще о ней думаешь! – печально покачал головой Эткин. – Я вижу для тебя только один приемлемый выход и дам тот же самый совет, что и Ульрике – пусти все на самотек. Если ничего сделать не можешь, то смирись и постарайся просто терпеливо дожидаться неминуемой развязки...

– А она настанет ли когда-нибудь, эта развязка? – неразборчиво, будто насилуя себя, выдавил Генрих.

– Все проходит, пройдет и это, – ехидно, но с надеждой в голосе, немедленно откликнулся Эткин. – Даже ночь и та – проходит. Смотри, небо на востоке начинает светлеть...

Барон поднял голову к темному небу. Наступающее утро обещало стать таким же безрадостным, как и все прочее в этом богами забытом краю. Крупные звезды, именно здесь почему-то особенно яркие и близкие, наверно из-за чистоты и прозрачности морозного воздуха, начинали понемногу тускнеть. Серая полоска приближающегося восхода остро прорезала черную кляксу горизонта. Блеклая окружность тусклого солнечного диска медленно и лениво выплывала из-под неопрятного одеяла темно-грязных облаков.

– Гадкая земля, – брезгливо сплюнул Генрих, хмуро разглядывая сумрачное природное явление. – И небо тут гадкое, и снег мерзкий, да и само солнце какое-то невыразимо пакостное!

– Это все магия! – Эткин сам не понимая почему, поспешил встать на защиту Края Тьмы. – Если Ледяной бог покинет несчастную землю, то когда-нибудь здесь еще зацветут сады. Это все магия и она, кажется, усиливается... – Эткин вытянул массивную голову, чутко прислушиваясь и по-собачьи нюхая холодный ветер. Потом он резко махнул крылом, пробуждая заспавшегося некроманта: – Марвин, а Марвин, ты это чувствуешь?

Молодой маг коlobком выкатился из-под теплого драконьего бока:

– Эткин, – возбужденно закричал он, – это невероятно, но большая часть магии сейчас сконцентрировалась в одном месте, где прямо таки и бурлит! Интересно, что там происходит?

– Что бы там не происходило, нам туда соваться не резон! – спокойно констатировал мудрый гигант. – Это даже хорошо, да и нам на руку, что все так удачно складывается.

Происходящее там ненадолго отвлечет внимание Ледяного бога и даст нам возможность без помех выполнить нашу миссию.

– Заметано! – мгновенно согласился Марвин, по достоинству оценив дельное предложение дракона. – Пока твари на кого-то тратят всю мощь своей магии, мы пойдем срочно спасать княжну Лилуиллу!

– Охо-хо-хо, идем что ли, – обреченно простонал Генрих, уже вовсе не горящий желанием проявлять инициативу в столь щекотливом для него деле. – Похоже, я сам навязал нежеланную жену на свою дурную голову...

Дракон предусмотрительно подставил лапу, помогая друзьям взобраться к себе на спину. Его сапфировые глаза озабоченно прищурились. «Сдается мне, холодные твари не просто так зашевелились. Что-то растревожило это гадючье гнездо. Скорее всего, это наша Сумасшедшая принцесса им нехилый шухер наводит! Принялась. Как бы с ней, случаем, не приключилось чего плохого...» – опасливо размышлял Эткин, взмахивая крыльями и плавно отрываясь от земли. Дракон и не сомневался, что по части поисков неприятностей на свою пятую точку, Ульрика заметно опережала их всех, и всегда отличалась в этом занятии редкостным, весьма завидным талантом!

Я выделила себе всего несколько кратких минут отдыха, ожидая, что второе дыхание вот-вот откроется. Но оно так и не открылось. Поэтому, чем бы катастрофическим это в последствии не грозило моему, итак уже основательно подорванному здоровью, но придется таки экстренно поднимать себя за шкуру и начинать импровизировать. Отличное правило – что все проблемы нужно решать по мере их поступления, выручало меня уже не раз. А посему, собираем мозги в кучку и начинаем разруливать ситуацию поэтапно. С другой стороны, это даже хорошо, если у тебя есть проблемы – значит, ты все еще жив. Проблем, как известно, только у мертвых не наблюдается. Для начала, реализуем пункт первый – немедленно встать с пола. Лед под моим телом уже начинал потихоньку подтаивать, смачивая и утяжеляя одежду. Я понимала, как это бесперспективно – сражаться на холоде, да в промокшей одежде, значило создать тебе дополнительные трудности. А в том, что мне предстоит сражаться, я почему-то не сомневалась. Превозмогая боль в натруженных ногах и порезанных ладонях, я с трудом поднялась. Вернула кинжал и дагу на полагающиеся им места, оторвала два лоскута от подола не слишком чистой рубашки и обмотала кровоточащие ладони. Конечно, получилось не абы как удачно, но, по крайней мере – теперь у меня появилась слабая гарантия того, что меч в руках скользить не будет. Я бережно ощупала чуть опухшие, покрытые синяками и ссадинами колени. Ничего смертельного не обнаружилось, переломов и вывихов нет. Да больно, да мешает, но, безусловно – жить с такими повреждениями можно, и более того, даже сражаться не возбраняется. Руки и ноги сейчас для меня главное. Так, техосмотр закончен, переходим к следующему этапу. Я прекрасно помнила, что Ледяной бог приказал отвести принца и Гельду на арену. Не трудно догадаться, для чего. На паяцев и лицедеев они явно не тянут, магические фокусы в этих местах тоже не пройдут, остается одно – ледяные твари тяготеют к зрелищам, носящим извращенное подобие гладиаторских боев, так популярных в древних цивилизациях земли. Похоже, Ледяной бог предпочитает мыслить архаичными понятиями, или просто привык именно таким образом удовлетворять свою закоренелую кровожадность. Надеюсь, что пленники сумели постоять за себя, и еще живы. За время нашего длительного марш-броска к храму Ледяного бога, я видела только одно здание, подходящее под определение – арена. Каменный, полуразрушенный Колизей в вычурном древнеримском стиле, тщательно очищенный от снега, и по-видимому – часто используемый. Я громко выругалась, пытаясь хоть немного разрядить владеющее мной раздражение и напряжение. Не гоже это, перед боем на эмоции переходить, утрачивать самообладание. Если холодные твари желают зрелищного боя, то будет им шоу, гарантирую! Я наспех проверила, не разболтались ли ремни наспинных ножен с Нурилоном, и резвой рысью запрыгала вверх по ступеням, ведущим из подвала. Не снижая темпа, но оставшись никем незамеченной, преодолела

прямую галерею, идущую мимо святилища бога и выскочила на улицу. «Вот гоблины драные! – крутилось в голове. – Эти мерзкие создания так в себе уверены, что даже охрану выставить не потрудились!». Небо заметно посветлело, ночь постепенно уступала место сумрачному утру, если конечно разливающуюся по горизонту отвратительную серую дымку можно называть рассветом. Не смотря на восход солнца, мороз только усилился. При каждом выдохе, с моих губ срывалось теплое облачко пара, почти мгновенно застывая крохотными кристалликами льда, и сияющим бисером оседая у меня на волосах. У меня аж в глазах на миг потемнело от подобного безобразия. Вот неудача! Не иначе, как резкое ухудшение погоды – есть прямое следствие заметно уплотнившегося магического поля, исходившего со стороны... Я зажмурилась, прислушиваясь к собственным ощущениям. Тонкие, остро покалывающие нервы вибрации, несомненно, распространялись со стороны Колизея. Похоже, как там собралось немалое количество Детей холода, исключая самого бога, заключенного в ледяной куб. «Вот я вам сейчас устрою! – мелькнула шальная мысль. – Ату чудовищ! И все – хватит уже на этом психовать, позлорадствовала и успокоилась, взяла нервы под контроль!» – мысленно скомандовала я самой себе. Эмоциональный всплеск сразу утих, ушел как приливная волна, уступив место холодному расчету и накаленному до белизны фону чистой, всепоглощающей, боевой ярости. И я привычно побежала в неспешной манере опытного пехотинца, совершающего короткий, но важный переход, отсчитывая ритм и выравнивая дыхание. Сердце билось размеренно, приятное тепло разлилось по разминающимся, становящимся эластичными мышцам, постепенно подготавливаемым для решающего действия. Где-то там, впереди, меня ждал любимый мужчина, которому – я интуитивно это чувствовала всем своим естеством, срочно требовалась моя помощь.

Колизей и впрямь оказался самым монументальным зданием в городе, хотя его впечатляющий фасад немного портил огромный пролом в стене, позволявший видеть обветшалые внутренности сего развлекательного сооружения. Но к пролому я и близко не подошла. Не обращая внимания на ободранные коленки, и ловко перепрыгивая через сугробы, я подобралась к некоему подобию входа украшенному поднятой решеткой, ощущая бодрость во всем теле и мысленно поздравляя себя с отличной физической формой. Как я и ожидала, при отсутствии доброго куска стены – функцию официального входа давно упразднили за ненадобностью, и напроць позабыли, что такого особенного можно, если очень постараться – найти в неохраняемом арсенале столь специфического сооружения. На это я и надеялась. Я осторожно вступила в темный проход, бдительно посматривая по сторонам. Правда, мое острое зрение позволяло не опасаться вероятности расшибиться в полумраке, случайно налетев на какую-нибудь ржавую часть экипировки давно почивших гладиаторов, но я боялась повстречать кого-нибудь из холодных тварей. Пустые заботы, твари и здесь проявили недопустимую халатность, не выставив часовых и в полном составе собравшись на трибунах амфитеатра, откуда веяло поистине кошмарной волной магии и пронизывающего холода. То, что мне и требовалось, оказалось во множестве рассеяно прямо на склизком каменном полу, провалявшись там бог знает сколько времени, но сохранившись в весьма и весьма приличном состоянии. Оружие! Клинки всех форм и любого веса, кинжалы и щиты, копья и боевые топоры – по пути к арене я обнаружила целый арсенал, небрежно разбросанный и давно никому не нужный. Отлично, я сама позавидовала столь невероятному везению. Еще по дороге к арене, я обдумывала родившийся в голове план, даже не смея надеяться, что без труда найду все необходимое. Мне требовалось то, чего не хватало в моем личном боекомплекте. Как мне помнится, принц располагал потрясающим клинком и неплохим набором метательных кинжалов, которые он, гoblin знает каким загадочным образом, умудрялся скрывать в своем более чем скудном одеянии. Я же, еще в подростковом возрасте начитавшаяся знаменитых эльфийских трактатов по тактике и стратегии ведения военных действий, в качестве метательного оружия предпочитала не легкие кинжалы, а куда более экзотические звездочки, намного лучше сбалансированные,

компактные и позволявшие бросать их из практически любого, даже самого неудобного положения. Первые образцы подобного, не привычного для людей оружия, отковал под моим чутким руководством еще кузнец замка де Брен, и результат его работы превзошел мой самые дерзкие ожидания. Позднее, мне удалось купить эти удивительные вещицы в одной жутко дорогой лавке, торговавшей качественным эльфийским товаром. Итак, мечи и кинжалы у нас были, включая волшебную дагу «Рануэль Алатора» и изящный стилет, подаренный мне когда-то Раймоном де Ризо. Если исходить из моих соображений и смутных предположений относительно того, что нас ожидает на арене, то мне срочно требовались копье и хотя бы один щит. Лук и стрелы я отменяла сразу, потому что сама не являлась увлеченным стрелком, и к тому же вполне обоснованно полагала, что в замкнутом и ограниченном пространстве лук или арбалет себя не оправдают. Почти на самом входе мне попало неплохое копье с широким листовидным наконечником из отличной, закаленной стали и стройным древком примерно в мой рост. Я взвесила оружие в руке – отменный баланс, не тяжелое и кажется, уже успело побывать в бою – прочная древесина отполирована рукой неизвестного мне воина. А чуть поодаль я набрела на целую россыпь щитов всевозможной формы и размера. Я остановила свой выбор на ровном, большом, миндалевидном деревянном каркасе, обтянутом прочной кожей неведомого животного. Нижний край щита, окантованный железом, немного вытягивался и заострялся, а в центре находился стальной шипастый умбон, величиной с кулак. Я довольно прищурила глаза, усмехаясь и заранее сочувствуя тому, кто необдуманно рискнет встать на моем пути или же попытается причинить вред белокурому принцу. Теперь вооружение у меня – что надо, как говорится – именно то, что лекарь прописал! Посмотрим, так ли неуязвима окажется магия Ледяного бога, если ей будут противостоять надежная сталь, железная воля и настоящая любовь! Я подхватила копье и щит, пробежала по наклонному мраморному пандусу, оборудованному желобами для стока крови, и выскочила на усыпанное мелким песком преддверие гладиаторской арены.

Моему взору предстала круглая, опоясанная высокой стеной площадка, с трех сторон которой возвышались расположенные амфитеатром скамейки. Часть из них сейчас оказалась занята мутно-серыми сгустками полупрозрачной субстанции – образующей туши Ледяных ярлов. Кольцо магии сжалось до предела, почти физически давя на плечи и мешая дышать. В середине арены непоколебимо стоял мой белокурый принц, сжимая в руке обнаженный меч и широко расставив ноги, а к его коленям скрюченно прижалась испуганно трясущаяся мелкой дрожью Гельда. Ее некромантический посох валялся поблизости, отчаянно отброшенный, будто бесполезная палка. Остатки изорванной рубашки принца куда-то бесследно пропали, и его обнаженный мускулистый торс предстал на всеобщее обозрение, сплошь покрытый многочисленными ссадинами и царапинами. Под правым глазом красовался свежий лиловый синяк. Но все таки, он и сейчас оставался хорош, дьявольски хорош собой. И к тому же, не смотря на следы жестоких побоев и издевательств, вся фигура плененного красавца являла собой красноречивую картину нестигаемой непокорности и твердой решимости дорого продать свою жизнь. Спутанные прекрасные волосы плащом развевались на холодном ветру, челюсти упрямо сжались, превратив пухлые губы в тонкую, хищную полоску. Я радостно улыбнулась. Печаль, явственно написанная на бесконечно любимом лице, без слов доказала мне, что принц тяжело переживает мнимую утрату своей сумасшедшей возлюбленной. И несомненно, собирается вскоре отправиться вслед за мной в чертог бабушки Смерти, прихватив для компании с десятков врагов. От осознания этого потрясающего факта, я разом почувствовала себя самой счастливой дурой на свете, и мой злополучный актерский талант в очередной раз возобладал над разумом.

– Ну что же ты за мужчина драчливый, а? – громко приветствовала я любимого, выходя на арену из маскирующей тени мраморного портика. – Только оставь тебя на полчаса без присмотра, как ты тут же норовишь драку затеять!

Лицо принца засияло так, что мне показалось, будто солнечные зайчики, испускаемые его удивительными золотистыми глазами, забегали по каменным стенам, освещая их

намного лучше естественного светила. «Ты жива, слава Истинным богам!» – безмолвно сказал мне его оживший взгляд. «Неужели ты думал, что сможешь легко и быстро от меня отделаться, любимый!» – так же, одной многозначительной улыбкой ответила я. Кажется, он понял, потому что его совершенные губы исказила обычная, ехидная ухмылочка.

– Не виноватый я, – снисходительно сообщил принц, плавно меняя позу из собранно-напряженной на изящно-расслабленную, – они сами пришли! А ты, амазонка моя, что здесь делаешь?

– Да так, ерундой страдаю – мужчину одного ищу, – как можно более небрежно повела плечами я.

– Мужчину, – сердито протянул красавец, – всего то лишь мужчину? А я думал – принца...

– Принца, понимаешь ли, можно всю жизнь искать, а мужчина – он женщине каждый день нужен, – насмешливо парировала я.

Любимый смущенно кашлянул, а потом галантно отставил ногу и изобразил элегантный поклон:

– Ну, поздравляю тебя, любимая, я и есть тот самый искомый экземпляр, да еще в придачу, на белом жеребце!

– Здорово, – с энтузиазмом откликнулась я. – Жеребца вижу! А где же принц?

Глаза принца весело округлились:

– Язва, неисправимая язва! – восторженно хохотнул он. – Вот так всегда и получается, что с женщиной, без которой невозможно жить – жить попросту невозможно в силу ее невозможного характера!

Он шагнул ко мне на встречу, горя желанием обнять и поцеловать. Его нежные, вишневые губы призывно приоткрылись. Ледяные твари, видимо, совершенно обалдевшие от нашей наглости, тихонько сидели на скамейках амфитеатра. Мне так и хотелось ляпнуть что-нибудь на счет того, что гнетущую тишину нарушало только всеобщее молчание. И вдруг затянувшуюся паузу нарушил резкий, грубый свист. Мы обернулись...

В проломе стены появились четыре колесницы, каждая запряженная тройкой черных как смоль лошадей. Скакунами уверенно правили смуглые, рослые орки, разительно напоминающие моего дорогого Огвура. Рядом с возницами замерли с оружием в руках лучники или копейщики, прикрытые прочными латами. Воины взирали на арену холодными, мертвыми глазами, видимо, полностью находясь во власти разрушительной магии Ледяного бога. Колесницы неслись прямо на нас.

– Ульрика, – закричал принц, – готовься, сейчас они нанесут первый удар!

– Вижу, – сквозь зубы процедила я, прыгая вперед и по наитию прикрывая большим щитом и любимого, и себя и свернувшуюся комком Гельду. И в этот же самый миг стрелы, выпущенные орками, взвились в небо и устремились к нам. Твари на трибунах оглушительно взвыли тонкими, пронзительными голосами.

Тонкий солнечный луч, случайно прорвавшийся сквозь рыхлую, серую вату облаков, высветил черный мрачный шпиль башни, казалось, достающий до самого неба. Увидев монументальное детище неизвестных зодчих, Генрих громко присвистнул, Марвин неприлично выругался, а дракон насмешливо выпустил густую струю дыма, полностью разделяя безрадостный вердикт друзей. Башня выглядела удручающе. От нее так и веяло горем, разочарованием и чьей-то искореженной судьбой.

– Башня отчаяния! – красноречиво прокомментировал Эткин.

– Мда, – глубокомысленно протянул некромант, – человек, назвавший ее так точно, явно – мыслил глобально!

– А ты уверен, что это был человек? – недоверчиво пробормотал барон. – По-моему, людьми в этих краях и не пахнет. К тому же, тварь, построившая и давшая название этому кошмарному архитектурному извращению, явно оказалась начисто лишена чувства юмора...

– Ну, – немедленно откликнулся страсть как любивший пофилософствовать дракон, –

если человек лишен чувства юмора, значит, есть за что! Хотя, думаю, ты не прав. Мышление местных строителей вполне подстать всей окружающей атмосфере.

– А почему вы решили, что княжну держат именно в этой башне? – не сдавался барон.

– В воздухе вокруг этого места еще витает остаточный след мощного магического выброса, – доходчиво пояснил Марвин. – Недавно здесь творили сильное и темное волшебство. Поэтому...

– Поэтому, кто ищет – тот добьется, кто хочет – тот напьется! – метко обобщил дракон.

Генрих невольно улыбнулся:

– Шутник! Ты еще скажи, что тебе нравится эта богопротивная земля. И как тут вообще можно жить? Не хотел бы я получить пожизненный абонемент на посещение этого морозильника.

– Нравится! – на полном серьезе кивнул головой летун. – Место само по себе хорошее, напитанное древней магией. Стоит сменить хозяина, и Край Тьмы легко расцветет и превратится в землю обетованную.

– И он сможет изгнать плохую ауру? – не поверил Генрих.

Марвин удрученно вздохнул:

– Ты подвержен той же распространенной ошибке, как и большинство тех, кто лишь изредка сталкивается с волшебством. Не бывает плохой или хорошей магии, бывают плохие или хорошие маги. Колдовские навыки можно сравнить с твоей рапирой. В праведных руках это оружие способно принести много пользы, а в преступных – вреда, стать орудием преступления или войны.

– Мудрены твои речи, некромант, – ответил Генрих. – А рассуждения про магию так и совсем на сказку смахивают. Если бы каждый задумывался над подоплекой своих поступков, над их целями и последствиями, то что бы тогда с миром стало?

– В мире воцарилась бы справедливость, – тонко улыбнулся Марвин, – что, впрочем, как раз на сказку и похоже.

– Не грустите, друзья, – победно хохотнул Эткин, взмахивая широкими крыльями и закладывая крутой вираж вокруг Башни отчаяния. – Разве не для того мы рождены на свет, чтобы эту сказку сделать былью?

– Вот ведь шутник! – снова восхитился Генрих.

Они не знали главного: некоторым сказкам лучше и безопаснее на веки вечные оставаться всего лишь сказками!

Глава 9

Наверно, даже мудрый и не в меру эрудированный Эткин затруднился бы сказать точно, сколько столетий простояло это странное, пугающее сооружение, называемое Башней отчаяния. Излишне высокое, темное, сплошь облицованное квадратными плитами дорогого черного мрамора, оно выглядело гротескной пародией на нормальное человеческое жилище. Друзья насчитали четырнадцать этажей, украшенных узкими стрельчатыми окнами с цветными витражами в тяжелых свинцовых переплетах, и вычурными резными фронтонами, облепленными мордами кровожадно ощерившихся горгулий. Увидев статуи ненавистных тварей, дракон даже сплюнул от отвращения, и чуть презрительно обозвал весь архитектурный ансамбль непонятным, но красивым словом «готика». Генрих в очередной раз безмерно подивился уму и начитанности летающего гиганта. Впрочем, в одном барон, безусловно, оказался не прав – вблизи замок выглядел очень даже обитаемым. Ажурную башню окружали невысокие надворные постройки, свежий снег тут и там пятнал хорошо утопанные дорожки следов, и портили неопрятно разбросанные катышки дымящегося конского навоза. А над крытой дранкой крышей приземистого каменного дома курилась густая струйка сытного дымка, и ощутимо пахло жареным мясом. Не иначе, как там располагалась поварня. Эткин звучно проглотил голодную слюну и спикировал прямо во двор, поближе к дразнящим запахам. При его эффектном появлении, рябая, толстая девка, с

ведром помоев в руках выглянувшая из кухонной двери, испуганно заголосила, выронила деревянную бадью и юркнула обратно, с грохотом хлопнув обитой железными полосами створкой. Дракон брезгливо переступил лапами, отодвигаясь подальше от дурно воняющего, бурно разливающегося ручейка, в котором блескуче проглядывали рыбы потроха и еще какая-то, сизая и комковатая тухлятина.

– Что-то нас отнюдь не хлебом-солью встречают, – он плотоядно пошевелил раздувающимися ноздрями, – и не жарким из телятины.

Из приоткрывшейся двери поварни нерешительно выглянул золотушный, бородатый мужик, с самодельным самострелом, ходуном ходившим в дрожащих от ужаса руках.

– И не думай! – довольно устрашающе рявкнул Эткин, выстреливая в его сторону слабым язычком пламени, пополам с обильной слюной.

Мужик взвизгнул, чуть ли не громче давешней девки, и торопливо утянулся обратно.

– Э, погодь! – дракон когтем придержал тяжелую дверь и выразительно цыкнул зубом. Мужик, мелко тряся губами и музыкально стуча зубами, торопливо закивал бородой и в качестве откупной, беспрекословно выдвинул в дверной проем здоровенный, копченый свиной окорок. Эткин довольно хмыкнул, мгновенно проглотил подношение и подобрел глазами.

– Вот у кого учиться воевать нужно! – громко расхохотался Генрих. – Ты еще даже замок штурмом не взял, а уже контрибуцию требовал!

– А чего тут брать то? – во всю пасть демонстративно зевнул дракон. – Они чай, сами не дураки, понимают сложившийся расклад сил!

Марвин с удовольствием потоптался по снегу затекшими ногами, попрыгал и похлопал в озябшие ладоши:

– Думаю, все складывается благополучно, – радостно ухмыльнулся он. – Ледяным тварям сейчас явно, почему-то не до нас, а охраны я не вижу...

– А вон она, твоя охрана где, – насмешливо перебил дракон, указывая взглядом куда-то вверх. – Сидит, вякнуть боится. Береженого, как говорится, и Аола бережет!

Генрих и некромант дружно вскинули головы.

На декоративном балкончике второго этажа башни, скромно притулились два дюжих, молодых парня, один с неплохим арбалетом, а второй – с увесистым клевцом. Расширенные в панике глаза отчаянных вояк, и их бледные до синевы лица, предательски свидетельствовали о полнейшей не боеспособности немногочисленного замкового гарнизона.

– Не густо! – благодушно ухмыльнулся в усы Генрих. – И кажись, они от одного вида твоего здорового аппетита, уже в штаны наделали!

Эткин задумчиво пошевелил носом:

– Не исключено! – он протянул лапу и бесцеремонно сгреб обоих вояк в охапку, снимая с неудобного балкончика.

Будучи дважды опущенными – как с выигрышной высотной позиции на землю, так и морально, и поставленными перед хмурым лицом некроманта, нетерпеливо постреливающего из кончиков пальцев снопами ярких искр, они трусили окончательно, бухнулись на колени, даже не помышляя о позабытых обязанностях, и заголосили вразнобой:

– Смилуйтесь, Ваше драконство!

– Не погубите, господин маг!

– Вот еще, надо мне вас губить, – совсем по-мальчишески фыркнул Марвин, жалостливо приглядываясь к желтому озерцу, быстро расплывающемуся вокруг сапог несостоявшегося стрелка, оказавшегося конопатым мальчишкой, от силы лет двадцати. – Скажите честно, есть ли в башне эльфийская княжна, и мы вас тут же отпустим на все четыре стороны.

Мальчишки затравленно переглянулись. Как не опасались они неведомо откуда возникших, страшных гостей, но стало понятно, что своих жестоких хозяев они боятся намного сильнее. Эткин обреченно вздохнул, свирепо прищурил сапфировые глаза и хрипло

выдал:

– Генрих, ты не зря переживал за мой аппетит, одного окорока мне явно недостаточно. А свежая человечинка, кстати, свинине ничуть не уступает!

Плечи несчастных вояк обреченно обвисли. Возле ног второго парня немедленно начало расплываться еще большее, резко пахнущее пятно. Сильф отвернулся, пытаясь натужным покашливанием скрыть нехоти напавший на него смех.

– Ну..., – выжидательно нахмурился некромант.

Парней словно порвало:

– Да там она, на шестом этаже, в спальне, – зачастил конопатый, вскакивая с колен и услужливо тыкая грязным пальцем в сторону одного из плотно закрытых окон фасада.

– Ох, и хороша же девка, доложу я вашим милостям! – сладко заулыбался второй вояка. – Глаз не отвести. Волосы золотые в пол, глаза как серебро, а кожа – белее алебаstra!

Эткин выразительно причмокнул и многозначительно подмигнул Генриху:

– Вот ведь какая красота, и все тебе, барон, достанется!

Де Грей кисло скривился:

– А может не надо?

– Надо Генрих, надо! – издевательским хором откликнулись некромант и дракон. – Клинок, как известно, всегда клинком вышибать советуют! Сейчас мы все покои обшарим и вскорости представим красавицу Лилуиллу пред твои светлейшие очи!

– Клинок клинком..., – ворчал сильф, вслед за некромантом обреченно шагая к крыльцу башни. – Как бы этот самый треклятый клинок с серебряными глазами и золотыми волосами, для меня смертельным клинком не стал!

Стрелы градом сыпались прямо на нас, умело выпущенные по навесной траектории. Через пару секунд мой щит начал походить на фантазийного ежа, вместо игл – плотно утыканного оперенными древками. Я не сомневалась, что резвым скакунам потребуется совсем немного времени, для того, чтобы преодолеть разделяющее нас, итак весьма небольшое расстояние. Увидев, что первая атака не достигла цели, твари на трибунах разочарованной взвыли. Я поспешно отвела в сторону пришедший почти в непригодность щит, стараясь сориентироваться и придумать мало-мальски подходящий план ведения боя. Звонко тренькнула тетива лука и последняя, запоздалая стрела вонзилась в правое предплечье принца. Белокурый негромко ойкнул и выдернул из раны стальной наконечник, к счастью, засевший совсем неглубоко. Я помрачнела. Прямо на меня неслась оскаленная лошадиная морда, а мой предполагаемый напарник выбыл из сражения еще почитай до начала настоящих боевых действий. На Гельду я даже и не рассчитывала, надеясь, что у нее хватит ума хотя бы не мешаться под ногами. Принц решительно перебросил меч в левую, здоровую руку и ответил мне бешеным взглядом, явно стараясь дать понять, что он не беспомощен, и еще способен доставить врагу массу неприятностей. Нужно было срочно что-то предпринимать, пока еще не стало слишком поздно. И тогда я широко размахнулась и метнула щит под ноги коренной лошади, запряженной в колесницу, шедшую впереди. Вытянутый нижний край щита криво воткнулся в песок, образовав некое подобие невысокого трамплинчика. На всем скаку, лошадь резко наступила копытом на выпуклый умбон, увенчанный острым шипом, жалобно заржала, взвилась на дыбы и грузно завалилась на бок, с треском ломая дышло и увлекая за собой всю колесницу. Возничий второй колесницы тщетно натягивал вожжи, пытаясь остановить разогнавшихся лошадей. Грохот от столкновения двух окованных железными пластинами повозок заглушил даже неумолкающие вопли, несущиеся с трибун. Третий экипаж сумел успешно выполнить обходной маневр и совершил небольшой полукруг, заходя на нас с тыла. Коротко остриженный орк чудовищного роста молниеносно взмахнул рукой и в меня полетел метко направленный, легкий дротик. Я зарычала от гнева, перехватила оружие в воздухе и метнула обратно. Противник успел отреагировать правильно и прикрыл грудь небольшим, круглым щитом, но я метила не в него. Остро отточенное лезвие вонзилось в шею крайней лошади,

попав точно в яремную вену. Как ни жаль было убивать благородных животных, но другого выхода я не видела. Несчастный скакун выкатил глаза и, обливаясь хлынувшей из раны кровью, конвульсивно забился в постромках. Возница попытался удержать ошеломленное болью животное, но умирающий конь укусил соседа и колесница начала медленно переворачиваться, мелькая спицами бешено вращающихся колес. Тем временем, принц подхватил принесенное мной и воткнутое в песок копьё, бросился к последней тройке лошадей и ловко сунул стальное лезвие в обод, попав в ступицу. Колесо слетело с оси, колесничий вывалился прямо под ноги разгоряченных, беснующихся коней, моментально расплющивших его череп своими тяжелыми, подкованными железом копытами. На арене воцарилась жуткая неразбериха, сопровождаемая криками раненых и паническим ржанием запутавшихся в сбруе скакунов. Все произошедшее заняло всего несколько мгновений, и значительно ослабило наших противников, выведя из строя половину бойцов. Но численное преимущество по-прежнему оставалось на стороне орков. Пятеро из них ничуть не пострадало, и теперь они уверенно направлялись к нам, поигрывая рельефными мускулами. Меня особенно беспокоил второй, сплошь изукрашенный затейливыми татуировками опытного поединщика и вооруженный огромным топором-лабрисом, ничуть не уступающим знаменитой Симхелле, родовой секире Оггура.

– Слева! – донесся до меня отчаянный крик принца, и я едва успела крутануть в руке Нурилон, отбивая стрелу, выпущенную раненым возникшим, притаившимся за колесом расколотой колесницы.

Любимый выхватил из отворота сапога метательный нож и одним метким броском успокоил надоедливую стрелку. Я только намеревалась каким-нибудь образом выразить ему горячую признательность за спасение моей жизни, как на белокурого уже надели сразу два орка с широкими, короткими мечами и тонкими кинжалами-мизерикордиями. Принцу тотчас же стало совсем не до меня. А ко мне приближался орк с топором...

Я совершила длинный выпад, пытаясь достать его кончиком своего меча, но орк с недовольным ворчанием и ловкостью, неожиданной в столь могучем теле, гибко ушел вбок, заставив меня сделать лишний шаг и утратить равновесие. словно в нудном, тягучем сне я увидела, как он неповторимо быстрым движением упал на одно колено, заноса лабрис в неудержимо-страшном ударе, идущем параллельно земле. Я высоко подпрыгнула с испуганным заячьим визгом. Несущее смерть лезвие с жутким шорохом вспорол воздух под моими пятками. Орк разочарованно ухнул, разворачивающейся пружиной взвился с колен и смачно хакнув ударил снова, на этот раз сверху вниз, метая мне в голову. Его скорость просто потрясала. Я едва успела приземлиться, а огромное топорщице на длинной рукояти уже неумолимо обрушивалось вниз, опережая меня на полтакта. Некстати подвернувшийся под каблук камешек нарушил все тщательно вынашиваемые планы, сделав меня на диво неповоротливой и неловкой. Куда вдруг исчезли мои старательно отшлифованные навыки? Я неустойчиво покачнулась, успев совершить лишь простейшее – вскинула над головой лезвие Нуриллона, принимая удар обоюдоострого топора плашмя на плоскость своего клинка. Ощущение оказалось таким, словно на меня обрушилась гора. Нурилон жалобно запел, рассыпая облако огненных искр, меч резко вырвало из моих рук, а меня саму отшвырнуло на пару шагов и больно шмякнуло о песчаную поверхность арены. Трибуны буквально всколыхнуло от восторженных воплей холодных тварей, получивших ожидаемое красочное зрелище. Орк шумно выдохнул воздух и снова поднял свое страшное оружие, надвигаясь на меня. Я беспомощно распласталась на спине, судорожно нашаривая на боку рукоятку даги и страдая от острой боли, волной разливающейся по позвоночнику. «Ну, вот и все! – вихрем промелькнуло в голове. – Как стремительно и нелепо все произошло!» До меня донесся горестный, полный невысказанного отчаяния вскрик принца, не способного мне помочь. Лезвие топора взметнулось в последнем, решающем замахе...

Покоев, кладовок, спален, комнат и комнатусек в башне оказалось превеликое множество. Марвин и Генрих добросовестно открывали каждую дверь, заглядывали под

кровати, распахивали дверцы шкафов, отодвигали тяжелые кресла и совершили массу еще более глупых и никчемных действий. Вплоть до вытряхивания клубочков разноцветной шерсти из резной деревянной шкатулки и гулкого ауканья в грязный каминный дымоход. Но все попытки отыскать княжну оказались тщетными, Лилуилла словно сквозь землю провалилась. Заскучавший во дворе Эткин, так же не отказался от посильного участия в увлекательном розыском мероприятии, заглядывая в окна верхних этажей и важно, сытым басом, изрекая игривую фразу, не так давно услышанную от Сумасшедшей принцессы: «Киса, ку-ку!» Но даже столь кардинальные меры не принесли никакого, хоть сколько-нибудь ощутимого результата. Марвин до безобразия извозил в пыли свою щегольскую, шелковую мантию и чуть не уронил в лестничный проем хрустальный обруч, символизирующий его звание архимага-некроманта. Дракон случайно дунул на горку золы и теперь оглушительно прочихивался короткими, трескучими очередями, сносившими дранку с крыши поварни. Два замковых охранника, пришедшие к выводу, что их драгоценным жизням ничего отныне не угрожает, а потому повеселевшие и расхорохорившиеся, разжились свежими штанами и теперь с глубокомысленным видом сидели все на том же самом балкончике, громко комментируя происходящее в башне на потеху столпившимся возле крыльца зевакам. Бородатый мужик, оказавшийся истопником, повариха, толстая как бочка экономка, да несколько горничных и сенных девок, восторженно всплескивали руками, тараторили наперебой и отчаянно жаждали незатейливой, сельской романтики – столь милой сердцу каждого смерда.

– Вон господин маг осерчал шибко, да-а-а как шарахнул молнией... в бархатный балдахин над кроватью! – восхищенно орал конопатый вояка, от избытка чувств подпрыгивая и повисая на шее каменной горгульи. – А проклятый балдахин обрушился прямо ему на голову, и сейчас господин маг изрекает странные заклятия, сильно смахивающие на ругань нашего Жана после второго кувшина темного эля!

– Ой, а ведь он хоть и маг, но такой лапочка, такой красавчик! – упоенно вторили девки.

– Гляньте-ка, нашел! – ликующе заверещал стражник с клевцом, пальцем указывая на Генриха, торопливо спускавшегося по лестнице с каким-то непонятным предметом женского туалета, бережно несомым на вытянутых руках.

При ближайшем рассмотрении, совместными усилиями горничной и экомки, лоскут бежевого атласа с кружевами был с немалым трудом идентифицирован как панталоны княжны, почему-то вдрызг разорванные по боковым швам.

Усталый и злой как цепная собака Марвин, уселся на вытященную из поварни лавку и обратился к магии, но и тут мало чего достиг. Его изощренные чары почти полностью блокировались силой Ледяного бога, заглушавшей созданный некромантом поисковый импульс. Барон и Марвин удрученно переглянулись с самым разочарованным видом, понимая, что поиски княжны окончательно зашли в глухой тупик.

– Ну и что дальше? – беспомощно спросил сифф, поднимая глаза на единственный доступный им источник мудрости, олицетворяемый хитроумным драконом.

Эткин нехотя отвлекся от огромной бочки вишневого варенья и ответил друзьям ироничным оскалом густо перемазанной сиропом морды:

– Сказка ложь, да в ней намек, горе-женихам урок!

– Эткин, не темни! – хмуро протянул некромант, тщетно пытаясь отчистить подол мантии от насохших на него лебяжьих перьев и липкий паутины. – У нас сейчас вовсе не подходящее настроение для расшифровки твоего эзопова языка!

– Эзопа, говоришь, вспомнил, – довольно потянул дракон, смачно выстреливая из пасти обильной россыпью вишневых косточек. – Это ты, дружище, в самую тютельку попал. Эзопа в нашем деле самое главное!

Генрих выразительно покрутил пальцем у виска, намекая, что Эткин видимо чересчур злоупотребил вишневым вареньем, и на этой почве некстати заработал тотальное засахаривание мозгов. Летун поддразнивающе причмокнул, облизнулся раздвоенным языком

и страдальчески возвел глаза горе, искренне возмущаясь вопиющим невежеством друзей:

– Слышал я как-то одну поучительную историю. Так там разыскивающий невесту принц, примерял всем встречным особям женского полу эксклюзивную хрустальную туфельку, пока по этому неоспоримому признаку все же не нашел, как закономерный итог, искомый предмет своих матримониальных притязаний!

– Ага! – заметно оживился понятливый Марвин. – Намекаешь, что нужно раздобыть туфельку Лилуиллы и начать примерку?

Дракон раздосадовано вздохнул:

– Полагаю, что отыскать туфельку княжны будет не намного легче, чем ее хозяйку. Предлагаю исходить из уже наличествующих предметов!

– Это? – негодующим хором возопили сильф и некромант, указывая на атласные лохмотья. – Эткин, ты с ума сошел?

– Ни в коем случае! – едко хихикнул гигант. – Кому подойдут панталоны, та и княжна! Се ля ви!

– Бесстыдник! – попенял дракону барон, едва сдерживая фривольную ухмылку. – Предлагаешь пригласить всех местных дам, и устроить конкурс красоты с примеркой оных панталон на...

– На эээ..., эзопу! – радостно окончил Эткин и вновь по уши уткнулся в варенье. Прелести местных дам его не привлекали ни капельки.

Марвин и Генрих собрали на первом этаже башни всех женщин, коих во дворце насчиталось ровно двадцать, и без обиняков, напрямую объявили об ожидаемом событии. Конкурсантки встретили слова некроманта восторженным ревом и шквалом продолжительных оваций. Перспектива стать невестой молодого и красивого барона, несомненно, привлекала всех без исключения. Друзья с трудом выперли из зала не в меру любопытных охранников, возглавляемых агрессивно настроенным истопником, желавших непременно стать свидетелями беспрецедентного конкурса красоты, захлопнули двери, отерли пот со лбов и призадумались.

– Я так полагаю, что по логике – одна из наших конкурсанток и есть княжна Лилуилла, – тщательно взвешивая слова, признал Генрих, – но никто из них не обладает золотыми волосами, серебристыми глазами и фигурой фарфоровой статуэтки. Следовательно...

– На княжну наложили чары, – выдвинул правдоподобное предположение Марвин, – с целью уберечь ее от опознания. Ледяной бог не дурак!

– Может, спросим самих дам? – предложил сильф, затравлено оглядываясь на волнующееся море чепчиков, юбок и бюстов.

– Ага, – насмешливо подхватил некромант, – так они тебе сразу же и признались. Но попробовать стоит!

Он взгромоздился на высокое кресло и, опасно балансируя на его спинке, призывно похлопал в ладоши:

– Уважаемые леди, прошу минутку вашего внимания! Мы точно знаем, что одна из вас является на самом деле заколдованной эльфийской княжной Лилуиллой. Мы просили бы эту даму признаться честно, а так же дать согласие без промедления выйти замуж за моего друга, – тут он указал на смущенно закашлявшегося сильфа, – Повелителя народа сильфов, славного барона Генриха де Грея!

Женщины как по команде повернули головы в направлении статной фигуры потенциального жениха, мгновенно оценив и его мощные плечи, и благородное лицо, и впечатляющий титул. Всеобщий вздох желания пролетел над толпой плотоядно улыбающихся невест. Генрих испуганно отшатнулся назад.

– Итак, – повысил голос маг, – кто из вас княжна Лилуилла!

– Я! – изо всех сил одновременно выдохнули все дамы, дружно делая шаг вперед, в сторону барона.

Марвин покачнулся вместе с креслом, но храбро предпринял вторую попытку

докопаться до истины:

– Кто из вас желает стать женой барона?

– Я! – шквальной волной прокатилось по рядам дам, вместе с еще одним шагом.

– Спасите, помогите! – задушено проблеял Генрих, почти впечатанный в стену плотной массой разгоряченных, обуянных вожделением женских тел.

– Мда! – разочарованно констатировал Марвин, покидая свое неустойчивое место на импровизированной трибуне. – Однако!

– Что, други, не прокатила идея с самодельным детектором лжи? – иронично осведомился по уши измазанный сладким сиропом Эткин, одним глазом заглядывая в комнату. – Али вы не знали, что бабам верить не рекомендуется и страшнее бабы зверя...

– ...нет! – привычно закончили некромант и сильф. – Предлагаешь переходить ко второму этапу испытаний?

– А смысл? – скептически ухмыльнулся потенциальный диабетик.

Марвин и Генрих критично оглядели собравшихся в зале дам. Смысла примерять крохотные панталончики и правда – не было, но претендентки возмущенно зароптали, поэтому некромант равнодушно пожал плечами и благоразумно отступил. У дебелой горничной нашлись нитка и иглолка, предусмотрительно воткнутая в лямку передника. Панталоны, торопливо собранные на живульку, быстро приобрели некоторое подобие своего первозданного вида. Объективно соотнеся размер интимного предмета одежды и габариты присутствующих женщин, Генрих насмешливо прыснул в усы, но промолчал.

Дальнейшие полчаса стали истинным апофеозом жестокого крушения несбыточных надежд и заодно – закатом зарвавшегося самомнения. Нужно отдать должное завидной моральной выдержке дам, пытавшихся любым способом втиснуться в желанные панталоны, не налазившие большинству даже на одну ногу. «Меня заколдовали, клянусь Аолой!» и «Неправда, я так много не ем!» все чаще долетало до ушей украдкой похижикивающих друзей по мере того, как таял ряд конкурсанток, желавших примерить эталонные панталоны. Ситуация по-прежнему оставалась неразрешимой!

– Ну, долго вы еще тут валандаться собираетесь? – укоризненно прошипел выведенный из себя дракон. – Дождетесь, когда Ледяной бог спохватится и пришлет сюда своих эмиссаров.

– Марвин, ну придумай же что-нибудь еще! – взволнованно попросил Генрих, явно не обрадованный перспективой близкого знакомства с холодными тварями.

– И побыстрее, мухой! – поддержал сильфа Эткин.

– Мухой, говоришь, извращенец проклятый – рассеяно протянул некромант, затравленно скребя взлохмаченный затылок. – Это, конечно, весьма унижительно для моего высокого статуса, но идея очень даже ничего!

Он просиял радостной улыбкой, словно его и впрямь осенило и, подхватив барона под локоток, отвел в уголок комнаты:

– А дракон то прав! Остается только один выход – подслушать истинные мысли наших претенденток и таким образом опознать среди них Лилуиллу.

– А сможешь? – обрадовался барон, весьма тяготившийся затянувшимися испытаниями.

– Смогу, – утешил его некромант. – Главное, сделать это так, чтобы дамы не догадались о чужаке, нагло влезающем в их мозги. Поэтому я сейчас выйду в коридор, превращусь в муху, уж на это моей магии хватит даже в Краю Тьмы, а затем незаметно влечу обратно в комнату. А уж там, жених, гляди в оба! Которой я на голову сяду, та и есть княжна!

– Ну, хорошо, – нерешительно промямлил сильф. – Так и поступим.

Время тянулось невыносимо тягучими каплями, падающими медленно, но неумолимо. Довелось мне читать в библиотеке замка де Брен один старинный манускрипт, посвященный самым садистским способам казни, изобретенным за всю историю

существования человечества. Целая глава одного манускрипта оказалась отведена забавному устройству, названному гильотиной. Так вот, разница между ним и моим нынешним положением на арене заключалась лишь в том, что я, в отличие от приговоренного к казни смертника, лежала не на животе, а на спине, и таким образом не оказалась гуманно избавлена от ужасающего зрелища медленно опускающегося вниз лезвия. Последним отчаянным порывом, я выхватила из ножен дагу «Рануэль Алатора». Со стороны, это безусловно – выглядело не только смешно, но и нелепо. Ну что, скажите, могло сделать тонкое лезвие длинного кинжала против страшного удара лабриса?

Но именно в этот момент облака, постоянно закрывающие серое небо Края Тьмы, неожиданно немного разошлись, пропуская крохотный, узенький лучик солнечного света, упавший на клинок волшебной даги. Легкий солнечный зайчик невесомо порхнул по магической стали, отразился от широкой плоскости топора нависшего надо мной орка и, словно притянутый магнитом – прыгнул на кулон Оружейницы, вывалившийся из ворота рубашки, и свободно болтающийся у меня на шее. Диск впитал в себя солнечный лучик, накалился и полыхнул ярким заревом, неудержимым шквалом ударившим по мертвенным зрачкам орка. Воин взревел, выронил топор и растопыренной кистью схватился за лицо. А колдовской сгусток света, вырвавшийся из плена медальона, уже рикошетом метался по арене, лучезарными коконами окутывая тела выживших орков. Бой прекратился.

Топороносец медленно отвел пальцы от лица и глянул на меня осмысленным взором пронизательных черных глаз. Толстые губы искривила приветливая ухмылка. Он протянул мне руку, помогая подняться на ноги. Я удивленно приняла предложенную помощь, путаясь в догадках, но предполагая, что внезапно высвободившаяся магия Оружейницы – матери воинов и оружия, смогла разрушить чары Ледяного бога, превратившего орков в бесчувственных зомби. Недавний противник отсалютовал мне топором:

– Приветствую тебя именем Аолы, девушка! Что это здесь происходит?

– Нас поймали холодные твари и заставили биться между собой, на потеху своему народу!

– Ишь, ты, – недовольно нахмурился могучий орк, – не в моем обычае обижать детей и женщин.

– Да и я не имею привычки воевать с друзьями, Огненный лис! – проникновенно ответила я, успешно расшифровав татуировки на плечах воина. – Я близко знакома с Огвуром, знаменитым бойцом из клана Белых волков.

– Мне доводилось слышать про Огвура много хорошего, – миролюбиво прогудел Лис. – Друг моего соплеменника – мой друг!

– Нужно срочно что-то придумать, – сказал принц, подходя к нам в сопровождении еще четверых орков, так же выглядевших совершенно очнувшимися от колдовского забытья.

Огненный лис окинул спокойным взглядом трибуны, наполненные взволновано перешептывающимися тварями, а затем наклонился, набрал пригоршню песка и неторопливо натер им свои мозолистые ладони. Я невольно вздрогнула. Орк готовился к битве не на жизнь, а на смерть, позаботившись сделать так, чтобы рукоять топора, которой неизбежно предстояло стать липкой от крови врагов, как можно меньше скользила в его опытных руках. Он одобрительно усмехнулся принцу, сразу и по достоинству оценив и его накаченную фигуру, и угрожающе поблескивающую Полумглу.

– Эти твари все сплошь колдуны и у нас нет ни малейшего шанса выстоять против них. Но мы можем постараться убить как можно больше. Не так ли, братья?

Остальные орки ответили ему возгласами согласия.

– Прощай, девушка! – Лис осторожно погладил меня по волосам, словно удивляясь их нежности и шелковистости. – Если ты еще можешь спастись, то сделай это не задумываясь, и не оглядываясь на нас. Что-то мне подсказывает, что твоя жизнь намного важнее наших! Эх..., – орк отвернулся и огромными скачками помчался к каменной стене, отделявшей трибуны от арены. Друзья последовали за ним, издавая громкие, устрашающие вопли и на бегу извлекая мечи из ножен. Одним невероятным прыжком, Лис запрыгнул наверх стены и

врубился в ряды холодных тварей. На трибуне тут же образовался один спутанный клубок, состоящий из смуглых тел орков, серых студенистых туш и сверкающих ледяных лезвий. Я рванулась было на подмогу, но принц успел поймать меня за руку:

– Не торопись, милая. Орки храбры и благородны, но они обречены, а твоя гибель не принесет им никакой пользы. Вспомни последнее напутствие Лиса – мы должны спасти твою жизнь...

– Но как? – изумилась я.

– Подожди, сейчас, – принц вполголоса зашептал какое-то заклинание. – Я сумел скопить немного сил, зря Ледяной бог так низко оценил мои магические способности. У меня должно получиться...

Я печально повернулась к трибуне, мысленно прощаясь со смелыми бойцами, как неожиданно ощутила острый укол в область поясицы и услышала злобный визг, медленно перешедший в предсмертный стон. Я резко метнулась в сторону, проводя рукой по спине и нащупывая несколько капель крови. К моим ногам медленно оседала ведьма Гельда, из груди которой выглядывало лезвие Полумглы, насквозь пронзившее хрупкое тело девушки.

– Вот дрянь! – принц потянул за рукоять меча, и освободившаяся жертва свалилась на песок, хрипя и закатывая глаза. – Мы совсем про нее забыли, глупо и неосмотрительно. А она пыталась тебя убить, точно в почку метила, гадина!

И правда, в руке Гельды еще оставался зажат маленький кинжал, смоченный каплей моей крови. Видимо, магия Края Тьмы ослабила защитное действие амулета, подаренного мне Чумой, и некромантка решила свести счеты с ненавистной соперницей. Но мне тут же стало до слез жаль импульсивную, неблагоразумную девушку, хоть принц и убил безоглядно влюбленную в него Гельду ради спасения моей жизни. Я наклонилась к умирающей. Черные глаза судорожно расширились, искаженные ненавистью и предсмертной мукой. Синеющие губы шевельнулись. Я склонилась еще ниже, пытаюсь разобрать ее последние слова:

– Проклинаю тебя, принцесса! – тихо, но четко произнесла ведьма. – Рано ты торжествуешь, не видать тебе любви и счастья, он тебе тоже не достанется..., – глаза Гельды закрылись, скребущие песок руки дернулись в последний раз и замерли. Некромантка умерла.

Я выпрямилась, мысленно, раз за разом повторяя ее слова и понимая, что уж никогда не смогу забыть эту ужасную сцену. Говорят, что проклятие умирающего сильнее всех сил в мире и всегда сбывается... И страшное предчувствие близкой потери холодной змейкой скользнуло ко мне в душу, обвиваясь вокруг сердца и беспрестанно жала болезненными, все повторяющимися и повторяющимися укусами.

– Ульрика! – страдающим голосом позвал принц, отвлекая меня от безрадостных размышлений.

Я посмотрела на любимого и потрясенно вскрикнула. По его бледнокожей, упругой спине пошла странная рябь, кожа между лопаток вспучилась, постепенно выгибаясь, принимая форму огромного горба. А потом горб треснул, и из сочащегося алой кровью провала показались два черных крыла, все расширяющихся и увеличивающихся в размахе. Принц легко всплеснул мощными, кожаными перепонками и взлетел над ареной. Его красивое лицо исказилось в злорадной улыбке, губы приподнялись, обнажая острые клыки. Белокурый демон протянул обе руки, крепко обхватил меня за талию, прижал к своей груди, и мы полетели над проклятым городом Гефертом, провожаемые разочарованными воплями Детей холода.

Глава 10

Генрих медленно шел вдоль шеренги выстроившихся будто на парад женщин, пристально вглядываясь в лицо каждой очередной претендентки. Оценивающий взгляд его черных, опущенных густыми ресницами глаз, оказывал на заробевших дам почти гипнотизирующее действие, подобное тому, какое испытывает слабовольная птичка в

присутствии хладнокровной змеи. Конкурсантки невольно еще выше вздергивали головы, пытаясь натянуть обвисшие вторые подбородки, подбирали пухлые животы и выпрямляли сутулые спины. С чувством внутреннего содрогания, барон остановился напротив пожилой поварихи, имевшей жидкие серо-сальные патлы, неопрятно спускающиеся из-под давно не стиранного полотняного чепца и солидный нос картошкой, украшенный волосатой, коричневой бородавкой. «Великая Аола, только бы не эта!» – мысленно взмолился Генрих, с деланной вежливостью вымучено улыбаясь кокетливо щерившейся, кариозной прелестнице.

Но в это самое время, в щелку между неплотно закрытыми дверными створками наконец-то вползла здоровенная, зеленая муха и с вдумчивым жужжанием неспешно полетела вдоль ряда вытянувшихся в струнку женщин. Генрих, со вздохом облегчения, отодвинулся от разочарованной поварихи и уставился на вторую претендентку в невесты, над головой которой сосредоточенно кружила муха-некромант. «Ну и образина!» – про себя подивился барон, с каким-то извращенным удовольствием любясь толстыми, чуть ли не лежащими на плечах щеками дебелий экономки, ее необъятной талией и маленькими, утонувшими в жировых складках глазками. К счастью, Марвин полетел дальше. Следующей в длинной веренице женщин стала молодая горничная, худая как жердь, с лицом пестрым от родимых пятен, словно перепелиное яйцо, и выступающими вперед лошадиными передними зубами. В добавку, красotka страдала прогрессирующим блефаритом. Сильф содрогнулся, ожидая самого худшего, но некромант покружил над макушкой девушки и порхнул дальше.

Восьмая дама сразу привлекла внимание Генриха. Уж слишком потерянной и запуганной она выглядела. Бывает, что оденет человек одежду, не отвечающую его возрасту или социальному поведению, и чувствует себя как бы не в своей тарелке – стесняется и смущается. Де Грей и сам немало подивился возникшему у него сравнению, но женщина вела себя так, будто случайно одела чужое, не предназначавшееся ей по статусу тело. Странные манеры, нелепый наряд в обтяжку, неловкая порывистость движений, совсем не подходящих к столь неповоротливому, бочкообразному телу. Муха немного полетала над безобразной толстухой, и уверенно села ей на щеку. Женщина брезгливо вскрикнула и со всего маху шлепнула себя по лицу. Генриха даже в жар бросило при одной мысли об раздавленном в лепешку Марвине, беспомощно валяющемся на полу...

Муха с надрывным, плаксивым жужжанием хлопнулась вниз. На мгновение ее окутало плотной завесой густого дыма, и удивленным взорам опеших дам предстал сидящий на паркете некромант, со стоном потирающий голову и сияющий здоровенным фингалом под правым глазом.

– Так ведь и убить можно! – обвиняюще буркнул он, опасливо косясь на опознанную княжну.

Зачарованная эльфийка ответила испуганным, предобморочным визгом. Марвин, держась за поясницу и стариковски побряхывая, кое-как поднялся с пола и театральным жестом указал Генриху на его молодую суженую:

– Гляди, это она! Получи с песней!

Барон глянул. Молодая оказалась не так уж и молода. А вернее – совсем не молода. И уж без сомнения – нисколько не тянула она на роль бесподобной красотки, изображенной на портрете, найденном у умирающего Лионеля.

– Не хочу! – безапелляционно изрек Генрих, на всякий случай, отодвигаясь от невесты в угол комнаты. – Хотите сказать, что это жаба и есть эльфийка? Свежо предание, да что-то верится с трудом!

– Она, она, ты уж мне поверь, – ехидно подтвердил вездесущий дракон, жарко дыша в окошко. – Все точно так, как и сказано в пророчестве Ульрики – найди одну из двадцати, прижми к груди и назови своей женой...

– И тогда с Лилуиллы непременно спадут темные чары Ледяного бога! – торжественно закончил Марвин.

Княжна радостно закивала головой, облизнула толстые губы и решительно подступила

к барону, явно питая твердое намерение срочно начать процесс расколдовывания.

– Да не могу я, поймите вы, изверги, целоваться с этим монстром в юбке! – надрывно завопил несчастный жених, пытаясь вжаться в стену. – Вас бы на мое место!

– А мы итак каждый на своем месте, – интонациями подчеркнул дракон. – Ну, Генрих, не упрямысь. Это же для всеобщего блага, ради спасения всего человечества!

– Да что я вам, крайний! – продолжал упрямо отнекиваться барон.

– Тьфу ты, человеки, надоели вы мне со своими капризами! – решительно изрек Эткин, протягивая в комнату мощную лапу и хватая Генриха. Оконный переплет затрещал, камзол сильфа – тоже. – Как сказал один мой знакомый лекарь, хорошо зафиксированный пациент в наркозе не нуждается. Целуй его без промедления, княжна!

Генрих плотно зажмурился, складывая губы куриной гузкой и задерживая дыхание. Мокрые, развесистые губищи приблизились к его лицу и прижались сильно... Барон услышал очарованный вздох Марвина и несмело приоткрыл один глаз.

– Ну и кто здесь монстр? – кокетливо прочирикал серебристый девичий голосок.

Жених поднял второе веко и остоленел от изумления. Перед ним стояла несомненно она, прекрасная княжна с портрета. Роскошная волна золотых волос, льющаяся на широкий, местами разорванный пеньюар, свободно болтающийся на стройном теле. Высокая девственная грудь, бездонные серые очи, изящный точеной носик... Генрих, сам того не осознавая, расплылся в безудержной, дурацкой улыбке.

– Спаситель ты мой! – заголосила Лилуилла, бросаясь к нему на шею и желая продолжить поцелуи. Растерянный Генрих особо и не отбивался.

– Совет да любовь! – одобрил происходящее Эткин.

– Любимый, я твоя на веки! – жарко шептала эльфийка, повисая на бароне и экзальтированно постанывая.

– Ну, кажется, теперь наиважнейший вопрос скорого появления наследника славного рода де Грей разрешится благополучно, и причем – в самые сжатые сроки! – подмигнул некроманту Эткин.

Марвин гордо выпятил грудь. Все-таки, его вклад в дело спасения княжны оказался неоценимым.

– Генрих, а у тебя много подданных? – тормошила барона прекрасная княжна. – А замок – большой? А что ты подаришь мне на свадьбу? Ой, а мне нужно..., – смущенный сильф попытался ладонью прикрыть болтливый ротик нареченной невесты, но Лилуилла ловко увернулась и продолжила тараторить: – Мне нужно десять домашних платьев, шесть для торжественных приемов, четыре для прогулок в парке, три для верховой езды...

Эткин ехидно усмехнулся. Народ сильфов действительно получил истинную королеву и повелительницу, настоящую женщину, натуральную блондинку – со всеми ее достоинствами и недостатками! Но возможно, Сумасшедшая принцесса, в неизменной поношенной шляпе с линялым петушиным пером, гораздо больше подошла бы для этого ответственного звания? Хотя, почему возможно? Мудрый гигант даже не сомневался, что так оно и обстояло на самом деле. Но ведь сердце, это вам не чувство долга, ему не прикажешь! Как можно приневолить Ульрику к неугодному ей браку? Да ведь она сама сознательно выбрала совсем другого мужчину! И этот выбор здорово беспокоил умного дракона. Оставалось радоваться хотя бы тому, что спася Лилуиллу, им удалось сильно нарушить тщательно спланированные козни Ледяного бога. Все дальнейшее зависело только от Ульрики!

«Эх, где же она сейчас, наша рыжая принцесса? – печально подумал дракон, сетуя на обстоятельства. – Что поделявает, все ли у нее благополучно? Скоро ли мы встретимся вновь?» Этого он не знал, да и не мог знать ни в частности, ни в принципе. Судьба непредсказуема. И подчас, сводит нас именно тогда, в такой невыгодной ситуации, когда мы даже и не ожидаем мимолетной встречи... Но именно такие, нелепые случайности, чаще всего, и способны в корне изменить весь ход нашей истории!

– Нужно убираться из башни, причем – срочно! – внезапно забеспокоился Марвин. –

Ледяной бог опомнился, к нам движется плотное облако темной магии.

– Шустро прыгайте ко мне на спину и летим отсюда как можно быстрее, – махнул крыльями Эткин.

– Ой, меня покатают на драконе! – восторженно захлопала в ладоши Лилуилла.

– А нас точно не догонят? – тревожно спросил Марвин.

– Обижаешь, дружище! – иронично хмыкнул Эткин, принял картинную позу и с вызовом пропел: – Мы поедem, мы помчимся на драконе утром ранним, и отчаянно ворвemся прямо в снежную зарю. Э-хей!

Генрих галантно подсадил на драконью спину девушку, доверчиво уцепившуюся за его руку, и невольно залюбовался резким контрастом своих мощных, смуглых запястий и тоненьких, полупрозрачных, белоснежных пальчиков так трогательно за них придерживающихся. Но бескомпромиссная память тут же воскресила никак не желающие уходить воспоминания о других руках, изящных, но сильных, с покрытыми легким загаром аристократически удлиненными пальцами, оканчивающимися розовыми, безупречно овальными ноготками...

«Что же я наделал!» – обреченно подумал барон.

Летели мы довольно долго, но вскоре я заметила, как предательская слабость все сильнее и сильнее овладевает раненым принцем. Кровь из его правого предплечья, пробитого стрелой, сочилась не переставая, а у нас даже не было времени на перевязку. А если прибавить к этому печальному обстоятельству тот немалый груз – состоящий из меня, с сумкой, кинжалами и мечом, да еще собственный нелегкий клинок, который приходилось нести крылатому демону, то становилось понятным, почему его дыхание становилось громче с каждой минутой, а вымученные взмахи черных крыльев – все чаще. До некоторого времени я молчала как мышка, боясь отвлечь любимого от доставшейся ему тяжелой работы, но после того, как на мою беспутную голову начали падать крупные капли пота, выступившие на его взопревшем от титанических усилий лбу, рискнула подать голос:

– Милый, тебе нужно немедленно опуститься на землю! Там мы сможем передохнуть и подлечить твою рану...

– Фигня! – хрипло перебил меня принц. – Это не рана, а поверхностная царапина. Да и заживает на мне все, будто на собаке. Через пару дней стану опять как новенький!

– Ох уж мне это мужское самомнение! – улыбнулась я. – Ты забыл добавить одну существенную подробность – через пару дней восьмичасового сна и полноценного питания. Кстати, у меня в сумке есть мазь и бинты, горсть сушеного мяса и мешочек крупы... А в таком положении, я ничем не могу тебе помочь.

– Ты помогаешь, – неразборчиво буркнул принц. – Ты несешь сумку и оружие, а они – тяжелые...

– Мило! – хмыкнула я. – Я несу сумку, а ты несешь меня...

Но в это время внизу показалась небольшая скалистая гряда, положившая конец нашей очередной перепалке.

– Хорошо, согласен, твоя взяла, – с видимым облегчением сдался принц, заходя на посадку. – Вот только объясни мне женщина, почему каждый раз, когда мы встречаемся, ты начинаешь со мной спорить?

– Потому что глупую фразу «выслушай женщину и сделай все наоборот» явно придумал какой-то хронически обделенный мозгами фанфарон. Женщины более изобретательны и лучше ориентируются в бытовых проблемах, поэтому к их мнению стоит прислушаться.

– Это кто же вбил в твою рыжую голову подобную мудрую мысль, касательно бабьего полу? – делано изумился любимый, иронично выгибая тонкую бровь.

– А ты не ерничай! – укорила его я. – У меня, между прочим, в советниках и адвокатах дракон ходит. Ты вот как к драконам относишься?

– Да как бы тебе сказать поточнее... По идее, я к ним ни каким боком не отношусь, –

скованно пробормотал принц, неожиданно краснея как помидор и виновато отводя глаза. – И если честно, у меня с ними того, не контакт вообще то...

Я мысленно удивилась: «Ой, чего-то он темнит! С Эткином он явно не знаком, а других драконов в мире уже не осталось!» Невысказанные вопросы так и вертелись у меня на языке, но я решила отложить их до более подходящего для спокойных бесед момента, а потом как-то закутилась и все забыла. И как оказалось, зря.

Мы приземлились на каменистый скальный уступ, служивший предвходной площадкой в разверстое жерло темной пещеры. Я довольно улыбнулась, вот и место для отдыха отыскалось, уединенное и спокойное. Из расщелины в камнях била прозрачная струйка подземного источника, чистого и холодного до невозможности. Площадку перед пещерой щедро усеивали человеческие кости, все еще облаченные в доспехи, вперемешку с обломками дерева, некогда являвшимися, как мне показалось, частями телеги или экипажа. Недурственные находки, как по заказу! Из просушенных солнцем деревяшек можно сложить отличный костер, а вот из того шлема, если его хорошенько почистить песком и отмыть в ручье, можно соорудить замечательный котелок для каши! А вокруг – тишина, простор и целебный горный воздух. Да мы просто на курорт попали!

Обратная трансформация стоила принцу остатка сил. Он медленно сложил черные крылья, с заметным усилием втянул их в кровотокающий горб на спине и, закусив от боли губу и едва сдерживая стоны, долго и мучительно убирал все следы когда-либо существовавшей неровности между лопаток, жалобно покрхтывая, и с перекошенным от страдания лицом бормоча какие-то заклинания. По окончании обряда он буквально свалился на мои руки, хрипя и закатывая налитые кровью глаза. Мне с трудом удалось оттащить его в глубь пещеры и уложить на роскошное ложе, устроенное из мягкого, душистого мха, сплошь покрывавшего каменные стены. Я набрала воды в шлем и устроила костер из собранных деревяшек, а принц приподнялся на локте, щелкнул пальцами, и сорвавшаяся с них искра мгновенно воспламенила сухие обломки. Согрев воду, я осторожно обмыла его бледный торс, испачканный потеками крови и пота, достала из сумки бинты и корпию, и перевязала правое предплечье – раненное острой стрелой. А потом сварила густую кашу с мясом и накормила любимого сытным ужином, потому что время было уже позднее и багровое солнце начинало неуклонно скатываться к линии горизонта. Мои спаситель принимал все заботы беспрекословно, почти не сводя с меня пристального взгляда и загадочно улыбаясь.

– А знаешь, из тебя, кажется, получится образцовая жена, – удивленно признал он. – Хозяйственная и исполнительная. Вот уж не ожидал, с учетом всех твоих совсем не женских заморочек на оружии и подвигах!

– А об этом ты, случаем, не забыл? – я напоминающее прикоснулась к золотой маске, закрывающей мое лицо, намекая на свое внешнее уродство.

Принц громко захохотал и в изнеможении откинулся на мягкий мох:

– Глупенькая! Ты мое нереальное, горькое, краденое счастье... Да что такое физическая прелесть, если рядом с тобой моя душа – поет, и мне хочется ради тебя горы свернуть! Да если хочешь знать, я таких красавиц видел невероятных – и ничего к ним не испытал кроме любопытства!

Я недоверчиво покосилась на полуобнаженного возлюбленного, вольготно расположившегося на кипе мха. Никого умнее, храбрее и прекраснее его я в жизни не встречала! Отблески костра играли на каменных стенах, на лезвии воткнутой в песок Полумглы, на моей маске, придавая уютной пещере вид сказочного, наполненного истомой и негой будуара. Горячая волна неизведанного ранее желания внезапно прокатилась по моему телу, глаза принца сияли завораживающим золотистым светом.

– Ульрика! – демон внезапно сел, его лицо приняло серьезное, сосредоточенное выражение. – Так не может больше продолжаться, меня убивает существующая между нами недосказанность. Я должен признаться тебе во всем! Я...

Но меня лишь позабавила и немного рассердила эта несвоевременно прорезавшаяся откровенность любимого. Вот еще, нашел время! Мне так не хотелось разрушать

удивительного очарования этой ночи, лишаться сияния его прекрасных очей, губить свою долгожданную сказку! Возможно, это и есть то, что называют женской непоследовательностью и отсутствием логики, но сейчас меня совершенно не волновало, кем на самом деле является мужчина, которого я самоотверженно полюбила душой и телом. Сейчас он был просто моим избранником, единственным и желанным, из-за которого я могла пожертвовать всем! Сейчас я жила лишь этой ночью, лишь этим моментом! Поэтому я укоризненно зашипела и накрыла его рот своей ладонью, требовательно приказывая молчать.

Глаза принца вспыхнули, будто две звезды. Он накрыл мою ладонь своими сильными пальцами и припал к ней долгим, нежным поцелуем. Очарованно смежив веки, я впитывала истекающий от него жар страсти, вплавлявшийся в каждую линию и складку моей кожи, в каждую клеточку, во все мое естество. Наконец он прервал поцелуй, схватил меня за руку и притянул к себе. Его теплое, упоительно благоухающее лавандой дыхание щекотало мою шею, его пальцы играли моими волосами, с каждым движением запутываясь в них все глубже, словно обвивающиеся вокруг них рыжие, буйные локоны навеки связывали нас все сильнее и ближе, превращая в одно неразрывное целое. Пухлые, сладкие как вишня губы коснулись моего виска, раскрываясь как перезревший плод, лопнувший от переполняющего его любовного сока.

— Ульрика, — чуть слышно шепнул он, — я знаю, что не должен этого делать, что не имею права любить тебя. Я знаю, что эта любовь принесет нам боль и муку и возможно, мне придется заплатить на нее своей жизнью. Нам от рождения предназначалось стать непримиримыми врагами, но кто-то — ты или providение, изменили, повернули вспять течение судьбы, подарив нам эту невозможную, безбожную любовь. И за это я тоже готов заплатить собой. Но перед лицом богов и демиургов, перед совестью и честью, перед временем и бесконечностью, перед землей и небом, перед бессмертием и смертью — я клянусь — я хочу взять тебя в жены, и никогда не будет у меня другой женщины! — он заглянув в мои глаза, и я ответила ему таким же открытым, опьяненным счастьем взглядом. — Ульрика, любимая, скажи — готова ли ты стать моей супругой, моим побратимом?

— Да! — не раздумывая ответила я. — Готова! Да будет так!

Принц взял кинжал и не дрогнувшей рукой провел лезвием себе по груди, прямо под сердцем. Тонкая струйка крови немедленно окрасила его бледную кожу. Я вынула кинжал из его пальцев, распахнула рубашку и уколола себя под левую грудь. Из неглубокого пореза тут же обильно закапала горячая, алая кровь. Любимый обнял меня и привлек к себе, прижимая так крепко, что две наши раны соприкоснулись и слились в одну. И могу поклясться, что я физически ощутила, как в мои вены начало медленно вливаться что-то жгучее и благородное, как хорошо выдержанное вино. То была его кровь, кровь моего возлюбленного демона. Наши губы соединились, повторяя поцелуй ран. А потом я внезапно отстранилась и поднялась на ноги.

— Подожди меня, я сейчас вернусь, — попросила я, торопливо уходя в глубь пещеры.

Там я нашла свою сумку, а на ее дне — флакончик с магическими пилюлями, подаренный мне Марвином. С пилюлями, должными на короткое время подарить мне видимость красоты. Я вытряхнула на ладонь один черный шарик, подумала немного, а затем поднесла ладонь ко рту и проглотила волшебное средство. Выждала еще чуть-чуть, сняла маску и посмотрелась в до блеска начищенный щит, подобранный перед пещерой. Полированная металлическая поверхность отразила безупречно прекрасное лицо с высокими скулами, слегка раскосыми, миндалевидными, изумрудными глазами и точеным носиком с породистой горбинкой. Я иронично хмыкнула и пошла обратно, к свету костра. «Как там говорила Гельда? — вспомнила я. — У некромантов и демонов существует обычай, что девушка, убившая врага, превосходящего ее силой и умением, поучает право самостоятельно выбирать своего мужчину. Видит Аола, я убила достаточное количество врагов!»

Я увидела, как удивленно расширились глаза полностью обнаженного принца, лежавшего около жарко полыхающего костра.

— Твое лицо! — потрясенно вскрикнул он! — О, великие демоны Тьмы, ты прекраснее

самой Аолы!

Я снова хмыкнула, сняла сапоги, сбросила штаны и рубашку, и зябко переступая босыми ногами, шагнула прямо в объятия его дрожащих рук, жадно тянущихся ко мне навстречу...

Часть третья

Глава 1

Несмотря на то, что главная базарная площадь уже закрывалась, а местные и приезжие купцы спешно сворачивали торговлю и запирали лавки, Ланс так увлеченно таращился по сторонам и вертел головой, что чуть не заработал двойное косоглазие и вывих шейных позвонков. А что случилось бы с ним, попади он в это потрясающее местечко в самый разгар торговли? Следуя за невозмутимым дервишем, плавно покачивающимся на спине вислоухого ослика, друзья степенно проходили сквозь базарные ряды, составленные из легких тростниковых прилавков, прикрытых разноцветными ситцевыми навесами. Великая Аола, чего здесь только не было! Пирамидальные груды золотистых, крутобоких, благоухающих медом дынь, знаменитые рохосские арбузы, уже разрезанные пополам и сочащиеся сладким соком. Желтые яблоки из Нарроны, финики и инжир из жаркого Канагера, морепродукты из Ликерии. А украшения! Лансанариэлю даже пришлось одергивающе шлепнуть себя по руке, воровато потянувшейся к удивительному серебряному ожерелью, выполненного в форме широкого воротника, щедро изукрашенного россыпью из мелких изумрудов и розоватого речного жемчуга. Кокетливый полукровка разочарованно вздохнул, представив, как смотрелось бы это филигранное произведение местных ювелиров на его длинной шее. Оггур очарованно взирал на разнообразно представленное оружие, будучи совершенно не в силах оторваться от экзотически изогнутых сабель, тяжелых кинжалов-кордов, вычурных алебард и даже редкостных боевых бумерангов из черного, твердого как железо дерева, привозимых с далеких Зинданских островов. А достигнув следующей палатки, друзья не смогли сдержать возгласа возмущения, приглядевшись к неприкрыто выставленному в ней живому товару. Здесь продавали рабов – стеснительных, заплаканных девушек и юношей, гордо вскидывающих непокорные головы и тщетно придающих себе деланно отстраненный вид.

– Мелеаны на вас не хватает! – сердито побурчал негодующий орк, опечаленно отворачиваясь от юных невольниц, выглядевших не старше двенадцати лет.

Хозяин палатки, богато разодетый старик, с униженными перстами пальцами, восхищенно приценивался к стройной фигуре Ланса, корыстно поблескивая маслянистыми, маленькими глазками-изюминками:

– Если господин эльф желает жить в неге и роскоши, не беспокоясь о завтрашнем дне, то я могу устроить его в гарем нашего великого визиря Бухтияра, весьма равнодушного к красивым юношам. Уверен, не взирая на то, что во дворце визиря собран настоящий цветник из бесподобно прекрасных мужчин, не один из них и близко не сравнится с вашей непревзойденной прелестью! Вы разительно похожи на статую языческого бога Радониса, олицетворяющего страсть и мужскую красоту.

Польщенный Ланс густо покраснел, захлопал длинными ресницами и приветливо заулыбался.

– Еще чего! – мощная фигура недовольного орка, умевшего когда нужно – ходить совершенно бесшумно, внезапно выросла перед носом сразу сникшего торгаша. – Наша страсть – не ваша напасть!

Но на лице наглого старика не дрогнула ни одна, даже самая мельчайшая черточка. Похоже, у него вообще имелась единственная, слашавая гримаса, припасенная на все случаи жизни. Он насмешливо-низко поклонился огромному орку и вежливо ответил:

– Воин мудр, но еще слишком молод, и поэтому многого не понимает. Порою жизнь выкидывает такое, что хочется подойти и подобрать. Желаю вам прочувствовать это в самое ближайшее время!

Озадаченный Огвур буркнул что-то неразборчивое, и поспешно покинул непонятого торговца. Но старик весьма любезно распрощался с прекрасным полуэльфом, выдав ему в качестве подарка огромный шар воздушной сахарной ваты. Орк к сладостям дышал равнодушно, поэтому Ланс умял угощение в одиночку, чуть не подавившись от жадности гладко обструганной палочкой.

Хотя если признаться честно, колоритная троица, восхищенно глазевшая на товары и сама, в свою очередь, привлекала слишком много ненужного внимания, поэтому осторожный Али-Баба постарался как можно быстрее миновать заманчивые чудеса базарной площади и свернуть на менее оживленную боковую улочку. Час был уже довольно поздний, истово верующие в Аолу горожане расстилали в садах маленькие коврики и, опустившись на колени, старательно совершали вечернюю молитву, ничуть не смущаясь присутствием чужеземцев, тихонько продвигающихся вдоль глинобитных оград. Ланс и Огвур, хоть и веровавшие в Дарующую жизнь не менее искренне, поклоны бить не намеревались, а что касалось их проводника, старого дервиша, так он кажется, итак молился не переставая все свободное от сна и приема пищи время.

Наконец бессистемно петляющие улочки привели их в плохо освещенный тупик, в котором располагалось длинное, приземистое, смахивающее на сарай здание. Из чайханы доносились не слишком аппетитные запахи небрежно приготовленной пищи, многоголосый гул посетителей и заунывные звуки зурны в сопровождении дробно-рассыпающегося рокота барабанов. Али-Баба с облегчением сполз с провислой ослиной спины и привязал ушастое средство передвижения к убогой коновязи, по соседству с сосредоточенно жующими траву лошадьми и мулами. Глазастый Огвур сразу же приметил медную тарелку и засаленный молоточек, висевшие около входной двери но, не рассчитав силы могучей руки, так старательно гроыхнул по вдавленному, изношенному диску, что удерживающая его бечева немедленно порвалась и тарелка, с пронзительным звоном свалилась на просевшее, кирпичное крыльцо. Из двери тут же выкатился кургузый человек-колобок, при детальном рассмотрении оказавшийся низеньким, чрезмерно упитанным мужчиной с лысой, круглой головой, заканчивающейся жиденькой, пегой бороденкой. Хозяин испуганно воззрился снизу вверх на высокорослого орка, немного помялся, но все же осмелился выдать сбивчивую фразу:

– Господин воин, мест нет! Все занято перед праздником!

Огвур лениво нахмурился и поднял руку, уже примериваясь, как бы посильнее угостить негостеприимного чайханщика проясняющим разум подзатыльником. Но ему помешал старый дервиш:

– Милостью всеблагой Аолы, приветствую тебя, почтенный Расул!

Хозяин тут же сменил гнев на милость:

– Здравствуй, уважаемый Али-Баба! Давненько тебя не видывали в наших краях!

– Да пребудет покровительство богини над этим радушным кровом, всегда обогревающим и оберегающим друзей, – нараспев продолжал хитрый дервиш.

Расул громко, растроганно хохотнул:

– Ой, и лукав же ты, старик! Любого демона вокруг пальца обведешь. Конечно же, после таких слов я не смогу отказать тебе в ночлеге и ужине. Заходи, будь как дома. Только что это за молодцы тебя сегодня сопровождают?

– Это? – дервиш довольно разгладил седую бороду. – Это мои ученики!

– Ага! – понимающе воскликнул чайханщик, пытаясь наигранно многозначительной репликой немного замаскировать овладевшее им недоумение. – Ну, тогда проходите все! – и он отодвинулся от двери, пропуская внутрь чайханы троицу неожиданных гостей. При этом он все никак не мог взять в толк – ну чему скажите такому нужному, может обучать бездомный, нищий дервиш здоровенного воина-орка и божественно прекрасного, пепельноволосого

эльфа.

Закопченная, давно нуждающаяся в основательном ремонте чайхана, явно не относилась к заведениям для элитных персон. На застеленном грязной, несомненно блохастой кошмой полу, на которую Огвур сразу же взглянул с подозрительно-оценивающим прищуром, сидело и лежало не менее тридцати человек. Над большим очагом в центре комнаты жарилась целая баранья туша, а расплавленный жир с шипением капал на плоские камни с выстроившейся шеренгой старых, залатанных, медных чайников. Ланс брезгливо поморщился, и даже не в сторону неаппетитных кушаний, а на полуголую танцовщицу, имевшую вместо костюма три шелковых лоскута, но зато с глухо закрытым покрывалом лицом, лениво извивающуюся под заунывно-тягучие звуки однообразной музыки. Полукровка удивленно покосился на неровные клубки, перекатывающиеся под кожей исполнительницы танца-живота, и дернул едва заметным кадыком. У кого как, а у него подобные упражнения вызывали одни лишь гастрономические желания. В животе гулко заурчало, рот наполнился обильной слюной. Утренний плов он благополучно скормил прожорливому дервишу, о чем ничуть не жалел, а сладкой ваты на палочке оказалось всего ничего. А кроме этого, Лансанариэлю ужасно хотелось спать. Он давно уже брел как сомнамбула, с превеликим трудом переставляя ставшие словно чугунными ноги, и через силу разлепляя поминутно закрывающиеся глаза. Понятно, что устал и вымотался, но не до такой же нестерпимой степени. Подобной сонливости Ланс не испытывал ни разу в жизни... А это пугало и настораживало одновременно.

К счастью, колобок-хозяин целенаправленно пересек общий зал и откинул плотную занавеску, скрывающую небольшую нишу, застланную дешевым ковром и заваленную горками сафьяновых подушек. Орк обрадовано вздохнул, переступая невысокий порог и предвкушая сладостный отдых. Как по мановению руки, перед путниками появились тарелки с благоухающим кинзой и тмином люля-кебабом, и чайник лучшего чая. Но к огромному испугу орка, Ланс отстраненно ковырнул изысканное кушанье разок-другой и, закрыв глаза, повалился головой прямо в тарелку. Тысячник бережно отнес вялого красавца на подушки и раскрыл его рубашку, прислушиваясь к едва различимому дыханию. Но Ланс не впал в обморок, он просто спал – крепко, беспробудно. Огвур недоуменно пожал плечами:

– Что же это с ним такое вдруг приключилось? Раньше он никогда не засыпал столь внезапно!

Мудрый дервиш приподнял бледное веко, внимательно рассмотрел закатившийся зрачок, а затем взял полукровку за холодное, влажное запястье и проследил за пульсом.

– Не хочу тебя пугать, о воин, но подобный глубокий, подкашивающий человека сон вызывается одним небезызвестным мне наркотическим средством. Оно, будучи подмешанным в еду или питье, действует безотказно и гарантирует абсолютную беспомощность в течение шести-восьми часов.

Орк гневно ударил кулаком по ковру, жалобно задребезжал подпрыгнувший чайник:

– Задери меня гоблин, это точно подстроил тот мерзкий, сыплющий непонятными намеками хозяин лавки с рабами, угостивший Ланса сахарной гадостью! Но зачем?

Старик опечалился:

– В Рохоссе торговля рабами привычное дело. А уж украсть приглянувшегося красавца-юношу и втридорога запродать его в гарем какого-нибудь сластолюбца – значит, поиметь сплошную выгоду. Вы выглядите как иноземцы, а кто станет искать двух бродяг?

Огвур разъяренно заскрипел крепкими зубами:

– Ну, это мы еще посмотрим! Если они считают что смогу утащить моего друга как безвольного теленка, то сильно ошибаются!

– Извините, почтенный, что вмешиваюсь в ваш разговор, – вполголоса прошептал вошедший в нишу чайханщик Расул, – но в преддверии праздника, начинающегося завтра, в городе собралось великое множество всякого сброда и наемников, желающих попытать счастья на воинских состязаниях. В мое заведение тоже набилось немало незнакомых,

подозрительных личностей. Поэтому советую вам совсем не спать этой ночью и не утрачивать бдительности.

Али-Баба одобрительно кивнул, поддерживая хозяина:

– Дельный совет! Да и ханский визирь Бухтияр славится неумным влечением к симпатичным юношам! Думаю, сегодня ночью его люди обязательно попытаются выкрасть вашего друга!

– Ладно, ладно, – обещающе проворчал орк, любовно поглаживая массивную рукоять секиры, – если старый дурак-визирь не передумает, то придется ему срочно менять работу и переходить на должность евнуха. Моя Симхелла и не таких успокаивала!

Пока из общего зала еще доносились громкие голоса подвыпившей публики, звуки надоедливой будто зубная боль музыки и звяканье медной посуды, Оггур немного вздремнул вполглаза – как прирожденный и неизбалованный боец, привыкший к некомфортабельным полевым условиям. Но взбудораженный приключениями последних дней мозг не желал последовать примеру утомленного тела и продолжал лихорадочно анализировать произошедшие события. Орк вынужден был констатировать, что даже он, всегда уравновешенный и рассуждающий безупречно логически, на этот раз запутался окончательно. Он бесконечно переживал за свою бесследно и некстати пропавшую Мелеану, заранее мысленно сочувствуя любому неразумному противнику, дерзнувшему встать у нее на пути. Она ведь с полпинка кого угодно уделает, да к тому же так, что мало не покажется! Хотя, тут орк взволнованно завозился, почему-то именно сейчас он предпочел бы находиться не в этой демонами проклятой чайхане, а рядом с бесшабашной девушкой, безусловно, даже невзирая на весь свой недюжинный ум и совсем не девичью отвагу, нуждавшейся в поддержке и проницательном совете. Гоблин знает, что способна натворить эта рыжая оторва, да еще очутившись в отнюдь не подходящей ей компании своего заклятого врага. «Вот гоблины вонючие! – Оггур выругался зобным шепотом и импульсивно схватился за Симхеллу. – А она, поди, так до сих пор и не догадалась, кем на самом деле является ее любезный, белокурый принц! Вот ведь как получилось, ну и дела! – на излюбленный манер Ланса почти взвыл тысячник. – Как бы чего непоправимого не случилось!»

Но возможно, и такого варианта Оггур тоже не исключал, что и они сами не просто так попали в этот край проклятого песка, жирного плова и озверело кусачих блох? Не зря же Лансу несколько ночей подряд настойчиво снилась королева Смерть. Вот только бы еще понять, воплощения чего такого судьбоносного желала Ее зловещее величество от своих преданных слуг и защитников...

Постепенно шум в общем зале стих, пламя светильников притушили, гости устраивались на ночлег. Подождав еще с полчаса и полностью успокоившись по причине оглушительных раскатов дружного храпа, проникающего за занавеску, тысячник отложил верную секиру, слишком громоздкую для ночных вылазок и, оставив при себе лишь два надежных кинжала, бесшумно покинул уединенную нишу. Ланс остался спать на ковре, под присмотром все также бубнящего бесконечные молитвы Али-Бабы. Ловко лавируя среди лежащих вповалку тел, орк искусно приоткрыл и не подумавшую скрипнуть дверь, и компактным темным пятном плавно перетек через порог чайханы.

На дворе заметно похолодало. Удивляясь резкому контрасту между палящим дневным зноем и почти морозной прохладой ночи, выдыхая облачко пара и беззвучно призывая на голову коварного торговца рабами все мыслимые и немыслимые проклятия, Белый волк гибко скользнул за угол приземистого здания. Натренированное чутье воина не подвело его и на этот раз. Три плотных, одетых в черное фигуры, крадучись выбрались из тени старой коновязи и замерли у крыльца, совершенно сливаясь с полуночным мраком. Лишь выглянувшая из-за тучи луна мельком скользнула по контурам наемных убийц, высветив изогнутый ятаган на поясе крайнего из них. Орк едва удержался от протяжного свиста. Он так и думал, враги оказались профессионалами, опытными и чрезвычайно опасными.

– Ассар, а Ассар, – тихонько позвал один из наемников. – Ты уже побывал внутри

чайханы?

– Да, – откликнулся другой. – Красавец-иноземец спит в отдельной нише, под присмотром старика. А в соседней комнатухе заночевал приезжий купец. Смотри, – до орка долетел довольный смешок, – этот роскошный перстень я снял с пальца вусмерть упившегося торгаша. Клянусь, он слишком хорош для такой пьяной скотины!

– Но при торговце, кажется, находится охранник, – недоверчиво напомнил третий голос.

– Находится, – пренебрежительно подтвердил отличившийся наемник. – Но ведь не зря именно я прихожусь главой нашей гильдии. Чернокожий дуболом похоже увлекся чем-то вроде ритуального медитирования и сидел совершенно неподвижно, с закрытыми глазами...

– А воин, охраняющий нашего красавца? – спохватился первый убийца.

– Его там не было, – уточнил похититель перстня. – Видно вышел до ветру, так что давайте действовать быстро! Разделимся, я иду через окно, Бахит через дверь, а ты, Сафар, ждешь нас около взнузданных лошадей.

Черные тени разделились. Видимо, предложенный Ассаром план устраивал всех, в том числе и Огвура, не упустившего ни слова из подслушанного разговора. Главарь наемников змейкой пополз за угол и угодил прямо в руки поджидавшего его орка. Так и не успев ничего понять, он мгновенно получил рукояткой кинжала по затылку, обмяк и затих. Оггур легко поднял поджарое тело и споро оттащил на задний двор, где с радостью увидел выстроившиеся в ряд огромные горшки, прикрытые плетеными крышками и достигающие в высоту примерно уровня плеча среднего человека. Он снял крышку, обнаружил, что внутри сосуд до половины наполнен вяленым мясом, уложил сверху пребывающего в беспомощности Ассара, и вновь закрыл горшок. Но внезапно, словно осененный свыше, орк вновь заглянул в монументальное изделие рохосских горшечников, схватил разбойника за руку, и сдернул с нее чеканный перстень с камнем, переливающимся всеми цветами радуги.

Затем он легко залез в открытое окно, поймал второго наемника на самом пороге отведенной гостям ниши, увесисто приложил по затылку и загрузил во второй горшок. Сафар, послушно отправившийся за лошадьми, так и не дождался своих друзей, а вскоре разделил их незавидную участь, свернувшись комочком в третьем сосуде с вяленым мясом. После этого Оггур еще раз удостоверился в том, что грамотно вырубленные ночные тати пробудут в отключке еще очень долгое время, полюбовался блеском сказочного перстня, пробрался в свой закуток, обнял безмятежно дрыхнувшего Ланса и погрузился в спокойный, честно заработанный сон. Его последней, четкой мыслью, стали смутные воспоминания о словах работаровца, относящихся к какому-то неожиданному подарку, случайно подкинутому судьбой. Возможно, перстень с камнем и оказался подобным, посланным провидением сюрпризом? Но спустя мгновение, орк уже храпел во всю богатырскую мощь здоровых легких. Похоже, никто из присутствующих в чайхане людей не заподозрил ничего необычного. И только в бормотании тихонько молящегося дервиша, появились новые, победные нотки.

Однако, в самый разгар ночи, окутанное сонным оцепенением здание неожиданно всколыхнулось от громкого, душераздирающего вопля. А случилось вот что. Огромные глиняные горшки, неосмотрительно выставленные на заднем дворе и беззастенчиво использованные находчивым Оггуром в качестве импровизированных хранилищ для разбойников, предназначались на продажу. Уложенное в них вяленое мясо требовалось залить кипящим маслом со специями, а сами сосуды погрузить на арбы и утром вывезти на рынок. Сдобренное таким соусом мясо являлось весьма вкусным, сытным и долго не портящимся кушаньем, пользующимся в Рохоссе постоянным спросом. Сказано – сделано. Поэтому поздно ночью две работающие служанки вскипятили на кухонном очаге свежее кукурузное масло и, точно следуя полученным от хозяина указаниям, вылили его в два горшка с мясом. Вопль обожженных, тут же пришедших в себя наемников, расколол прохладную тьму и сотряс прилегающие к чайхане жилые кварталы. Звонко вторя

несчастливым жертвам кулинарных изысков, отчаянно визжали насмерть перепуганные девушки-служанки. А как тут не испугаешься, когда из горшка на тебя прыгает что-то темное, пронзительно орущее и залитое остро пахнущим соусом? Один из разбойников, закрывая руками обваренное лицо, потерянно метнулся на крышу и с грохотом провалился в отверстие дымохода. Второй, видимо совершенно дезориентированный, забыв про оставленных поблизости лошадей, шумно ломанулся вдоль по узкому проулку, сопровождаемый недоуменными вскриками разбуженных горожан и зажигаемыми в домах огнями. Полуодетые, сбитые с толку люди, выбегали во внутренние дворики и тревожно переговаривались с соседями.

– Вай, сосед Шарит, ты не разобрал случайно, это в чайхане толстого Расула что-то приключилось?

Дюжий кузнец Шарит, в голове которого, со дня его появления на свет, даже одной мысли всегда было слишком тесно, старательно делает умное лицо:

– Говорят, что сегодня засветло к нему приехал святой дервиш, а с ним два чужеземных волшебника. Собирались они принцессу Будур расколдовывать, да вот вроде бы перепутали заклинания, в полу чайханы разверзлась смрадная дыра, из которой полезли страшные демоны!

– Горе нам! – как оглашенная вопила ткачиха Зульфия, благонравная жена и примерная мать тринадцати детей, трепеща крыльями внушительного носа, учуявшего подозрительный запах масла и горелой плоти. – Воистину, правду глаголешь! Идет с той стороны дух могильного тлена и Тьмы!

– Посылайте за жрецом Аолы! – испуганным хором потребовало несколько дрожащих голосов.

А обожженный разбойник все также резво несясь напрямик в сторону ханского дворца, сея панику и смятение. Творилось что-то невообразимое! Ржали лошади, лаяли собаки, звонко прокукарекал какой-то совершенно обалдевший от суеты петух, предвещая скорое наступление конца света. По темным улочкам бестолково метались полусонные рохоссы, облаченные в широкие, белые, развевающиеся ночные одежды, часто принимая друг друга за привидения и лишь усиливая всеобщий разброд. Устрашающе бряцая оружием, рысцой пробежал отряд поднятых по тревоге стражников. Растворились двустворчатые, тяжелые двери храма и на мраморное крыльцо торжественно выступила процессия жрецов, несущих громоздкую золотую статую богини. Привлеченный светом факелов, полуслепший разбойник кинулся прямо под ноги первосвященника, намереваясь вымолить помощь и прощение за грехи. Носилки с изваянием Аолы покачнулись, и статуя вывалилась. С треском раскололось высокое крыльцо храма. Собравшийся на паперти народ на мгновение замер, обуянный ужасом, а затем запричитал еще громче:

– Знамение! – торжественно провозгласил чей-то хриплый голос. – Грядет великое горе!

Тихонько подвывали ушибленные богиней жрецы...

В городе воцарился хаос...

А тем временем в самой чайхане происходили еще более драматические события. Первый наемник провалился в вытяжное отверстие и эффектно спланировал в центр потухшего очага, куполом расправив черный плащ.

– Спасайтесь, демон! – дружно взвыли разбуженные гости, вповалку спавшие на большой кошме.

– Тьма наступает! Ничего не вижу! – надрывно голосил тощий погонщик мулов, силясь протереть глаза, щедро запорошенные золой и пеплом из недавнего огня.

Разбойник бросился к выходу, по пути бесцеремонно распиная пиалы с недопитым чаем. Вдрызг пьяный торговец из Хува, получивший за шиворот отрезвляющую порцию холодной жидкости, завизжал как утопающий боров, судорожно пытаясь выплыть из померещившегося ему потопа. Его более солидный коллега вступил в блюдо с финиками,

потерял равновесие и плашмя хлопнулся на скромно прикорнувшую в уголке исполнительницу танца живота. Девушка отбивалась всеми конечностями, самозабвенно отстаивая свою честь и неприкосновенность, но дородный купец продолжал беспомощно барахтаться на пышных и скользких телесах, обильно смазанных ароматическими притираниями. Жалобно затрещав, порвались шелковые лоскутки и до этого скудного девичьего наряда. Танцовщица в конце обессилела и обреченно заголосила:

– Спасите, помогите, насилуют!

– Дура! – завистливо прошипела беззубая, седая старуха в жалком, затрапезном халате. – Чего жалуешься? Радоваться надо...

– Помогите! – не сдавалась голосистая красотка. – Помогите хоть кто-нибудь!

– Молчи, дрянь продажная! – грозно рявкнул разозленный купец, тщетно сясь приподняться на разъезжающихся локтях. – Сам справлюсь!

И всего лишь двое людей во всем городе, оставались непоколебимо спокойными в эту сумбурную ночь, никак не отреагировав на все удручающие, произошедшие отнюдь не без их вины, события. Ими оказались конечно же, двое друзей – Ланс, еще не оклемавшийся от усыпляющего действия наркотического вещества, и сладко посапывающий Огвур, мирно почивавший беззаботным сном праведника.

Через пару часов полета, Лилуилла надоела Генриху до такой степени, что он почти уже был готов придушить ее собственными руками. Причем, судя по недовольному кряхтению Эткина и кривым ухмылкам Марвина, нудная княжна достала не только терпеливого сильфа. Поначалу эльфийка лишь восторженно охала и ахала, эмоционально комментируя каждый миг пути, да упоенно мечтала вслух о балах и нарядах. Она клятвенно обещала заткнуть грандиозный праздник по поводу ее воцарения на троне легендарного города Силя и планировала, какие именно указы издаст в первую очередь. У Генриха буквально глаза на лоб лезли от прослушивания запутанных несуразностей, изрекаемых его будущей королевой. Но вскоре княжна заметно подустала от пребывания на твердой, чешуйчатой драконьей спине и завела совсем другую песню – как мол она утомилась, да и не привыкла ее избалованная светлость к таким суровым условиям, к тому же пить и есть хочется аж не вмоготу – короче, пора сделать привал. Доведенный по умопомрачения ее бесконечными жалобами, Эткин пристально вглядывался в расстилавшиеся под его крылом горы и наконец, обнаружил свободную от обломков площадку, вполне пригодную для ночлега. Впрочем, отдых не удался. Капризная княжна оказалась весьма беспокойным соседом. В отличие от Ульрики, всегда спавшей под надежным крылом Эткина лучше чем в пуховой колыбельке, Лилуилла проворочалась ночь на пролет, поминутно и весьма неприятно пихая дракона острыми коленками. Ее беспрестанные причитания выводили гиганта из себя: подними крыло – мне жарко, опусти крыло – мне холодно, ты давно не мылся – от тебя пахнет затхлостью и мышами, не выдыхай дым – он вонючий и это неприлично... И так – без конца! К утру, совершенно одуревший от головной боли и вынужденной бессонницы дракон, добрую сотню раз проклял себя за необдуманно данное обещание – никогда не есть разумных существ. Хотя, по его глубокомысленному выводу, прекрасная эльфийка к числу разумных рас если и относилась – то с весьма большой натяжкой!

С первыми лучами солнца, княжна выбралась из-под драконьего крыла и, выразительно потрясая пустой фляжкой, заявила, что она умирает от жажды. Марвин, с превеликим трудом продравший опухшие, покрасневшие глаза, кое-как смог мобилизовать заспанные ресурсы своего магического зрения и с уверенностью заявил, что неподалеку отсюда находится подземный источник, бьющий из скалы.

– Там? – Лилуилла ткнула пальцем и, получив подтверждающий ответ, бодро затопала каблучками по каменным плитам.

Тройка хмурых, не выспавшихся друзей, обреченно потянулась следом за самоуверенной, золотовласой предводительницей. С этого дня Генрих и Марвин

окончательно и бесповоротно уверовали в мудрость Эткина, особенно в части его пространных, философских изречений о стервозных особенностях женской психики. Отныне, единственной девушкой на свете, которая, по их взаимному согласию, заслуживала уважения со стороны мужского пола, оставалась Сумасшедшая принцесса – Ульрика де Мор.

Глава 2

Симпатичный солнечный зайчик теплым пятнышком отразился от начищенного до зеркального блеска шлема, служившего нам котелком, и прыгнул ко мне на грудь. Сильная мужская ладонь попыталась поймать увертливое чудо, но вместо этого смогла отыскать лишь упругий, розовый холмик плоти.

– Доброе утро, замужняя леди! – ласково приветствовал меня принц, наклоняясь к моему лицу и нежно целуя в губы.

– Доброе утро, мессир муж! – улыбнулась я, отвечая на поцелуй.

Темные брови любимого задорно вздернулись:

– Ай-яй-яй, кажется, я совершил проступок государственной важности – женился на великой герцогине Нарронской, не удосужившись испросить благословения ее ближайших родственников!

– А плевать! – безалаберно усмехнулась я. – Тем паче, что у меня существует серьезное сомнение на счет получения положительного ответа...

Принц невесело вдохнул и ребячливо потрепал меня по спутанным волосам:

– А ты хоть отдаешь себе отчет в том, что своим поступком неосмотрительно поставила свое высочество в разряд парий, отвергнутых собственным родом. Впрочем, тоже самое касается и меня!

– А плевать! – легкомысленно повторила я. – Это вполне в моем стиле. Но знаешь, иногда я возношу молитву богине Аоле, – я встала на колени и сложила ладони с самым благочестивым видом, – умолая: Дарительница жизни – вынь штопор из одного моего места и вставь его в голову, пусть там появится хоть что-то извилистое!

Белокурый восхищенно расхохотался, и повалил меня в мягкий мох, целуя и щекоча:

– И все-таки, дорогая, было бы правильнее поставить в известность о случившемся кого-нибудь из твоих близких...

– Можешь уведомить об этом меня! – сухо произнес подрагивающий от едва сдерживаемого гнева мужской голос. – Я, как-никак, прихожусь названным братом королю Нарроны, а значит, я и для принцессы – не чужой!

Мы с принцем потрясенно вскрикнули.

На пороге пещеры стоял Генрих, сжимающий в руке обнаженную рапиру. Его поджатые губы кривись в презрительной усмешке, лицо отливало мертвенной бледностью. Пристальный взгляд черных глаз, словно не желая поверить в увиденное, многократно переходил с полуодетой меня на полураздетого принца.

– Так вот значит оно что! – запальчиво выкрикнул барон. – Ты отвергла меня, не пожелала стать моей королевой, чтобы вместо достойного тебя союза, без свадебного обряда – отдаться этому выродку? Да ведь так даже распоследние деревенские бабы себя не ведут. Как же низко ты пала!

– Браки совершаются на небесах! – мягко парировал принц, вынимая из песка отливающую холодным блеском Полумглу. – Поосторожнее в выражениях, сильф. Ульрика – моя жена, и я готов отстаивать ее честь с оружием в руках!

– Как можно отстоять то, чего уже не существует в природе? – саркастично спросил Марвин, выход из-за спины барона.

– Она уже не принцесса, – добавил мелодичный, но чрезвычайно злой девичий голосок, исполненный доминирующего осознания собственного превосходства. – Теперь она мерзкая шлюха и опозоренная, публичная девка!

– Мда, вот тебе и эклектика! – печально протянул заглянувший в пещеру Эткин.

Ничего не понимая, я в растерянности сидела на импровизированной постели, стискивая на груди распахнувшуюся рубашку и силясь уразуметь, откуда тут так внезапно появились мои друзья в компании потрясающе красивой эльфийки.

– Молчи, не смей, это вовсе не твоего ума дело! – выкрикнул барон, поворачиваясь к девушке.

Эльфийка обиженно надула губы:

– Вот здорово! Почему ты за нее заступаешься? Вроде бы, я твоя невеста, а она тебе – кто? А-а-а, понимаю, раньше ты ухаживал за ней! Ну и иди к ней, а я не собираюсь снимать тупой угол в этом любовном треугольнике!

– Лилуилла, одумайся! – мягко укорил девушку Марвин. – Ты и только ты выйдешь замуж за Генриха.

– Нет, – взвился совершенно замороченный сильф. – Ульрику я не отдам!

– Ну, барончик озабоченный, – насмешливо проворчал белокурый, – это уже нонсенс! Гаремы у нас не в моде! Ульрика – моя!

– Моей не стала, так и твоей не будет! – рычал Генрих, угрожая принцу тонким жалом Гиарды.

Белокурый демон ответил ироничным поклоном, отскочил и встал в дуэльную стойку.

Осознав, что сейчас начнется кровопролитие, я негодуяще вскрикнула:

– Остановитесь! Что вообще здесь происходит? Я не понимаю!

Противники замерли на мгновение, а затем повернулись ко мне и заговорили наперебой:

– Ах, ты не понимаешь! А то, что он тебя обманул, это до тебя тоже не доходит?

– Любимая, я не однократно пытался сказать тебе правду, но каждый раз мне кто-то или что-то мешало!

– Это ты о чем? – внутренне холодея, спросила я.

Принц замялся.

– Э-хе-хе! – как-то по-стариковски, сокрушенно вздохнул дракон. – Никогда не обманывай женщину по мелочам, береги силы на крупное...

– Ну не молчи же! – я вскочила, подбежала к мужу, схватила его за широкие плечи и затрясла как ветер – дерево.

Принц глубоко вдохнул воздух, подобно тому, как делают ловцы жемчуга перед долгим погружением, и с головой бросился в бездонный омут признания:

– Я Астор, принц демонов, гранд-мастер некромантов и старший брат Ринецеи!

– Что? – потрясенно выдохнула я, отпуская его и отступая в сторону. – Это что, шутка?

– Нет, – трагически покачал головой Эткин. – Мы все знали об этом очень давно, но боялись сказать тебе. Надеялись – ты сама догадаешься...

Я перевела растерянный взгляд на Марвина, но тот подтверждающе кивнул и виновато опустил глаза. По смуглому лицу Генриха бродила нехорошая, злорадная ухмылка.

– Ах, я дура наивная! – я с размаху села на песок, покрывающий пол в пещере. – И как я могла не замечать очевидного? Ты же сам упомянул про сестрицу, стягивающую войска под стены Нарроны, еще при первой нашей встрече в Лабиринте судьбы. И это ты спас Ринецею во время нашего с ней поединка в Храме!

– Ульрика, прости меня, ради тебя я пошел против интересов семьи, – жалобно попросил Астор, опускаясь на колени подле меня и пытаясь обнять. Но я вырвалась из его рук.

– Не верю! Ты специально заманил меня к Нису, рассчитывая, что я помогу вам усмирить Ледяного бога.

– Так и есть, – издевательски поддакнул барон. – Он обманул тебя, использовал и обесчестил в отместку за то, что мы убили Абигера. Хочу тебя порадовать, подонок, недавно я ухайдакал второго твоего братца, Арафела!

По челюсти принца перекатились желваки, он тяжело задышал, сжал кулаки, но – промолчал.

– Признайся, гад, что ты специально задумал похитить честь принцессы! – продолжал давить сильф.

– Угомонитесь! – повысил голос мудрый дракон. – Нельзя винить Астора, мужчины всегда идут на поводу у плотского желания. А девственность – это сладкий женский недостаток, легко устранимый мужским достоинством. Нельзя винить Улькику – она видела только то, что хотела видеть, отменяя здравые сомнения.

– Ну что со мной такое, а? – я глотала слезы. – Неужели предыдущие ошибки меня ничему не научили? Я отвергла Генриха, считая, что он хочет использовать меня для достижения собственных целей. Но вторично наступила на те же самые грабли с Астором.

– Иди сюда, – сочувствующе позвал меня Эткин.

Я бросилась к верному другу и укрылась в кольце его мощных лап.

– Мда, – крылатый гигант одним когтем бережно погладил меня по вздрагивающему от рыданий плечу. – На этот раз грабли оказались укороченными, и ударили не по лбу, а намного ниже...

– Милая, – душераздирающе закричал Астор, падая к моим ногам, – верь мне, я люблю тебя сильнее жизни!

– Ага, как же, – я подняла распухшее от слез лицо. – Не свисти, денег не будет. Так я и поверила родному брату своей заклятой врагини! Ты меня обманул, причем обманул сознательно. Убирайся, я тебя ненавижу и не хочу больше видеть!

– Любимая! – принц смирил гордость и пополз ко мне на коленях.

Но я пренебрежительно пихнула его сапогом в грудь, укрываясь в лапах благоразумно молчащего дракона.

Лицо Астора исказилось. Нежные, безупречно прекрасные черты словно потекли, превращаясь в ужасную, клыкастую морду. Демон закинул голову и пронзительно, злобно захохотал:

– Глупая женщина! Хочешь остаться одна, всеми отверженная и брошенная? Учти, это твой выбор. Умываю руки, баба с возу – и кобыле легче и волки сыты. Так и быть – я уйду. Ты совершенно права, я тебя не любил, просто хотел отомстить и надругаться. Поделом же тебе, гордячка! – Астор распахнул черные крылья и вылетел из пещеры, сопровождаемый гулким эхом мрачного хохота.

Красавица Лилуилла упала в обморок на руки осторожно подхватившего ее Генриха. Марвин смотрел на меня враждебно. Эткин шептал мне что-то ободряющее, но я рыдала пуще прежнего. Что я утратила? Что у меня осталось? Зачем я подарила свою любовь, свое тело и душу мужчине, оказавшемуся врагом? И как же мне жить теперь без этой любви? Слова смешивались со слезами, рождая крик измученного страданием сердца:

От чего так больно ранит
Это слово – не люблю?
Словно душу протаранит,
Нежность сушит на корню

Я забыть тебя пытаюсь,
Или кем-то заменить,
Иронично усмехаюсь:
«Вот бы взять – и разлюбить»

Вновь клинки танцуют в сече,
Очень нужен за спиной
Тот, кто нынче так далече,
Тот, кто нынче не со мной

Без тебя бушует вьюга,

Издевается, ревет:
«Невозможно жить без друга,
Но и с ним житье не мед...»

И приходит мысль невольно
В черед безликих дней:
Что любить – ужасно больно...

Не любить – еще больней...

Я почувствовала – если я не сделаю сейчас что-то страшное, то эта боль захлестнет меня с головой, вытравит душу, сожжет без остатка. Я тихонько отстранилась от Эткина, единственного, оставшегося со мной друга, провожавшего меня печальным взглядом. Наверно, он понял, что мне жизненно необходимо куда-то немедленно излить пожирающие меня гнев и отчаяние, и поэтому не стал останавливать, отговаривать. Я отвернулась от неприязненно косящегося на меня Марвина, обошла барона, обнимающего свою эльфийку, и ставшего для меня отныне окончательно чужим, подобрала разбросанное снаряжение и вышла наружу. Меня ждали Геферт, Дети стужи и Ледяной бог. Моя миссия еще не завершилась.

Город окончательно уgomонился лишь спустя пару часов. Недовольные, позевывающие жители, лениво переругиваясь, поплотнее запахивая халаты и поеживаясь от ночного холода, медленно разбредались по домам. Недобрым словом поминая всех демонов Тьмы, а заодно – и несостоятельность столичной стражи, успокаивали петухов и лошадей, загоняли в конуру собак и с тяжкими вздохами укладывались обратно в порядком остывшее постели. Времени на отдых оставалось не так уж и много, потому что согласно традиции, ровно на полдень наступающего дня было назначено торжественное открытие ежегодного праздника.

Прошло около часа. Первые солнечные лучи едва начинали несмело окрашивать чуть розовеющий небосклон, словно светило раздумывало – а стоит ли вылезать из мягкой периной облаков, и начинать свои обычные, давно наскучившие труды? Мерный, ровный гул многотонального храпа поднимался над успокоившейся чайханой. Важно водрузив голову на голый живот танцовщицы, спал богатый купец, так впечатлившийся обольстительными прелестями девушки, что даже пообещавший поутру выкупить ее у чайханщика Расула. Ритмично подвывала простуженным носом вредная старуха, успевшая под шумок незаметно прикарманить полподноса фиников и здоровенный кусок халвы. В обнимку с сундучком с казной, вполглаза дремал ушлый хозяин, предвкушая немалые суммы за причиненный во время паники ущерб, вписанные в счета постояльцев. Устроившись на горке мягких сафьяновых подушек, сладко почивали Огвур и Лансанаризель, под убаюкивающую бубнежку Али-Бабы, так и промолившегося всю ночь напролет. Спали ишаки у коновязи, кривые столетние платаны во дворе и даже вода в арыке, замедлившая привычно стремительный бег. Забившись под корни старого тутового дерева, лихорадочно вздрагивая и поохивая, успевал отсыпать впрок третий, не пострадавший от масла разбойник, отделавшийся всего лишь изрядно потрепанными нервами да спонтанно развившимся заиканием. И все было бы просто замечательно, если бы с первыми лучами солнца чайхану не потряс новый, еще более отчаянный крик:

– Ограбили! – размеренно, будто упиваясь собственными проникновенными интонациями, громко выводил красивый мужской баритон. – Украли, похитили, сперли, стырили..., – видимо на этот ассортимент эпитетов, характеризующих произошедшее – закончился, и пострадавший умолк. Впрочем, не надолго. Из скрытой занавесочной ниши, точно такой же, как и та, в которой благодаря гостеприимству хозяина ночевали дервиш, орк и полуэльф, выбрался дородный купец, облаченный в парчовый халат и съехавшую на затылок чалму. О вопиющем богатстве ограбленного свидетельствовали и многочисленные

перстни, густо унизывающие толстые, волосатые пальцы. Глубоко утопающие в пухлых щеках глазки, смотрели на весь мир неискренне и оценивающе, словно через узкие прорези маски из высокомерия и снобизма. Следом за разгневанным купцом, из ниши появился высоченный чернокожий невольник, весь обросший валиками из выпирающих буграми плотных мускулов, изобличающих в нем бойца и силача, одетый в одну только изукрашенную бисером набедренную повязку. Телохранитель невозмутимо взирал на суетящегося и размахивающего руками хозяина, достающего ему всего-то до середины бочкообразной груди, темной как эбеновое дерево.

– Что стряслось, почтенный? – угодливо подкатился к гостям коротышка Расул.

– У меня перстень украли сегодняшней ночью! – брюзгливо провозгласил купец, сунув лицо чайханщика отягощенную украшениями длань. – И между прочим, не где-нибудь, а именно в твоей грязной, полной блох и воров чайхане. Клянусь Аолой, если бы не праздник, то я нашел бы другое место для ночлега, более приличествующее моему высокому статусу.

Расул недоуменно уставился на богатую россыпь всевозможных драгоценных камней, ослепительно сияющих на волосатой кисти:

– Но господин, я итак никогда не видела столько колец сразу, их слишком много. Ты точно уверен, что одно из них пропало?

– Да, уверен! – возмущенно рявкнул купец. – Уж не думаешь ли ты, ничтожество, что я – вру. Я уважаемый коммерсант из города Тира, и зовут меня Хасан. Путем долгих поисков, уплатив огромную сумму золотом, мне наконец-то удалось добыть перстень «Пожиратель пространства» который считается одним из важнейших артефактов эльфийского Храма розы. Хотел перепродать ему вашему хану, скупающему подобные вещи. Но сегодня ночью раритет пропал, неизвестно как... Этот лентяй, – тут Хасан пихнул кулаком безмолвного чернокожего слугу, но тот даже и глазом не повел, – мой телохранитель Кса-Бун родом из Канагера, внезапно уснул, а утром я не обнаружил перстня на своем пальце...

Чайханщик и проснувшиеся гости подступили с расспросами к канагерийцу. Но Кса-Бун, весьма немногословно пояснил, что прошлой ночью он неожиданно увидел полупрозрачный силуэт прекрасной женщины с серебряной короной на голове и с черной розой в руке. Незнакомка провел цветком по его лицу, после чего он на некоторое время провалился в странное забытие, похожее на наваждение. А придя в себя, больше уже не замечал чего-либо необычного или подозрительного.

Купец Хасан категорически отказался поверить в подобные детские сказки, взбешенно потрясая сжатыми кулаками и брызжа слюной. Кса-Бун хладнокровно пожал татуированными плечами. Обкраденный богач вопил, рыдал, грозился вызвать стражу и потребовать немедленно обыскать каждого из путников, ночевавших в чайхане. Не грешивший контрабандой и прочими неблагоприятными делишками Расул испугался до полусмерти, всячески пытаясь умаслить не на шутку расскандалившегося постояльца. Но Хасан продолжал упорствовать, требуя любым способом, тотчас же вернуть ему пропавший дорогостоящий перстень.

Странный шум, напоминающий гул растревоженного пчелиного роя, проник через занавеску. Ланс не поднимая век, зевнул с подвыванием, демонстрируя нежное, розовое как у котенка небо и попытался перевернуться на бок. Не получилось. Полукровка удивленно распахнул зеленые глаза. Тяжелый, громоздкий предмет, ощутимо давивший на грудь, оказался рукой Огвура, хозяйски обнимающей стройный торс Ланса. Во второй руке орка полукровка увидел обнаженный кинжал, находившийся в опасной близости от его прекрасной головы. «Так и порезаться недолго, – недовольно подумал Ланс, отодвигаясь насколько возможно. – Чего они там разорались?» – он покривился от визгливых воплей, долетавших из общего зала. В его понимании утро, от которого зависело будущее дневное настроение, должно начинаться совсем не так, а куда более неторопливо и умиротворенно.

– Почтенный Али-Баба, не знаешь ли ты, отчего все так всполошились? – поморщившись, спросил Ланс, кивая на занавеску, отделявшую их от набирающей обороты

перебранки.

– У купца Хасана пропал ценный перстень, – спокойно улыбнулся дервиш. – Конечно, не без милости госпожи нашей Аолы!

Полуэльф недоуменно нахмурился. Его рассеянный взгляд случайно упал на руку никак не желавшего пробуждаться друга, да так и замер, не способный оторваться от увиденного... На пальце Огвур красовалось странное кольцо с полупрозрачным камнем, оригинально широкое, закрывающее все фалангу.

– Уж не это ли самое? – осенило красавца.

– Оно и есть, милостью Аолы!

– Ну и дела? – привычно выдал любимую фразу полукровка. – При чем тут покровительство богини? Аола разве благоволит к ворам и их укрывателям?

Старик рассмеялся тонким, дребезжащим смехом:

– Благородный орк не вор. Он отважный воин, вызволивший древнее сокровище из недостойных рук. И в этом выразилась воля богини, считающей что «Пожиратель пространства» должен пройти по пути многочисленных испытаний и обрести своего истинного хозяина!

– Кого же? – с любопытством спросил Ланс.

Но дервиш не ответил. Его лицо оставалось непроницаемо-загадочным, и только тонкие губы изогнулись в отстраненной улыбке, должной означать – а вот это дружок, совсем не твоего ума дело. Лансанариэль внимательно пригляделся к фигуре старика и ошарашено хлопнул ресницами – и как это он раньше не замечал, что при всем обилии морщин и седины, согбенности и дряхлости, губы у Али-Бабы хоть и тонкие, но сочные и свежие и..., тут Ланс неожиданно пришел к несвойственному ему, глубокомысленному выводу, ... подозрительно молодые. От усердной работы мыслей у него сразу же разболелась голова. Но в памяти почему-то прочно засело осознание – Али-Баба вовсе не тот, за кого он себя выдает. А если человек, не шибко в общем-то привыкший к психологическим изысканиям что-то втемняшивает себе в голову, то это уже серьезно!

Лансанариэль из всех сил затормозил орка, продолжавшего дрыхнуть сладко и безмятежно:

– Огвур, проснись!

– М-м-м, – бессвязно отреагировал Белый волк, открывая глаза. – Что случилось? Уже утро?

– Откуда у тебя это взялось? – полукровка пальцем восхищенно погладил камень перстня, мгновенно ответивший сердитым уколом холодной энергии, и очарованно взвизгнул. – Вот это да, клянусь Аолой, только настоящие магические артефакты способны на такие кусачие фокусы!

– Ночью снял с одного из трех наемников, пытавшихся похитить тебя для гарема визиря, – коротко отчеканил орк.

У Ланса глаза на лоб полезли от изумления:

– И ты их всех того...

– Да не убивал я никого, – оскорблено поморщился Огвур. – Как ты можешь так обо мне думать? Я ведь не зверь. Тюкнул их по дурным башкам, да рассовал по горшкам во дворе...

Али-Баба тоненько хихикнул:

– То-то весь город полночи ловил то, что из горшков вылезло!

Орк басовито хохотнул:

– Много шума было?

– Не то слово!

– А сейчас чего шумят?

– Купец перстень ищет, – доходчиво пояснил дервиш.

Огвур задумался ненадолго, а потом с жалобными интонациями спросил:

– Так что, пойти – отдать? А ведь не хочется!

– Нет, ну делай этого! – почти выкрикнул старик.

Орк и полуэльф переглянулись с недоумевающим видом.

– Почему? – поинтересовался тысячник.

– Негоже перстню без дела пылиться в храме Роха. Он для другого предназначен, – туманно пояснил Али-Баба.

– Эх, опять непонятки сплошные, – посетовал Огвур. – Но почему-то я верю в твою правоту, вот только...

Закончить начатую фразу не позволил дикий крик, с невиданной мощью взметнувшийся чуть не сорвавшуюся с бечевы занавеску. Друзья увидели раскрасневшегося словно помидор купца, угрожающе потрясающего кулаками перед носом бледного как полотно Расула. Дошедший до белого каления богатырь схватил чайханщика за грудки и, изрыгая проклятия, замахнулся на него кинжалом. Но чья-то сильная рука вдруг умело перехватила оружие в воздухе, искусно выворачивая кисть Хасана и заламывая локоть. Купец взвыл снова, на этот раз от боли. Он поднял взбешенный взгляд на своего обидчика, посмеявшегося вступить за нерасторопного чайханщика:

– Сто демонов Тьмы тебе в печенку, ты кто еще такой?

– Пират! – весело ответил стройный худощавый мужчина с серьгой в ухе, чье обветренное и сильно загорелое лицо и в самом деле красноречивее слов выдавало его принадлежность к морскому промыслу. – В Рохоссе меня знают многие, под именем Маллера Справедливого!

– Кличка! – презрительно буркнул купец. – Приказываю тебе называться настоящим именем, если посмел покуситься на Хасана – аль – Ашятта.

– Изволь, – хмыкнул пират, отпуская заносчивого богатыря. – При рождении я получил имя Маллер де Вакс и происхожу из старинного рода ликерийских дворян.

При последних словах храбреца, орк почувствовал, как взволнованно напряглись плечи Ланса под успокаивающе обнявшей их рукой друга.

Поняв, что его противник принадлежит к благородному сословию, купец заметно стушевался и поумерил заносчивый напор.

– Зачем аристократу защищать какого-то чайханщика? Ты должен быть на моей стороне.

Но Маллер осуждающе покачал головой:

– Не гоже сильному да родовитому, куражиться над слабым и зависимым. Тем более, что ты сам, да и твой слуга тоже, оказались растяпами – не уследили за своим добром. Проспать кольцо с пальца, – он обидно хохотнул, – это ж надо умудриться!

Хасан снова налился красной краской гнева:

– Да как ты смеешь! Это уже оскорбление, такое только кровью смывают!

– Изволь, – снова усмехнулся пират. – Могу за свои слова в поединке ответить, – и он уверенно, но вместе с тем и без лишнего пафоса, прикоснулся к рукояти изогнутой сабли, привешенной к его поясу.

Лицо пронырливого купца исказила гримаса растерянности, быстро сменившаяся злорадной ухмылкой:

– Ты воин, а я всего лишь мирный торговец. Наши силы не равны. Предлагаю тебе божий суд. Яставляю защитником своей правоты моего раба-телохранителя, а ты – любого другого бойца.

Народ в таверне одобрительно зашумел, признавая правильность притязаний Хасана.

– Победит мой защитник – так Расул, – тут толстый чайханщик испуганно свернулся в комок, – возместит мне полную стоимость кольца.

– А если победит мой боец? – спросил Маллер, жалостливо косясь на хозяина.

– Тогда я признаю, что был не прав! – с притворным смирением пообещал хитрый купец.

Пират расстроено почесал в затылке:

– Вроде бы и справедливое предложение, да только где ж я тебе сей же час бойца то

найду, способного выстоять против твоего силача-канагерийца?

– Я здесь! – прозвучал негромкий, спокойный голос и Огвур, незаметно сунув перстень в ладонь оторопевшего от неожиданности Ланса, вышел в общий зал.

Маллер де Вакс расширившимися от изумления глазами рассмотрел внушительное телосложение орка, мгновенно оценил его по достоинству и уважительно присвистнул:

– И откуда же ты взялся, такой здоровенный?

– Родители в капусте нашли, – на полном серьезе ответил Огвур.

Довольные зрелищем посетители чайханы ответили шквальной волной восторженного хохота.

– А нельзя ли тебя как-нибудь того, обратно в капусту положить? – разочарованно осклабился купец.

– Неа, – тысячник горделиво расправил широкие плечи, разминая упругие мышцы. – Поздно!

Глава 3

Сама не знаю, сколько продолжался мой поход к Геферту. Времени я не чувствовала, направление не выдерживала. Шла словно по наитию, печально размышляя о своем, о девичьем. А вернее – вовсе и не о девичьем уже. Размеренной трусцой преодолела горные гряды, будто ловкая серна, перепрыгивая с камня на камень и даже не удивляясь собственной сноровке. Потому что невольно отметила на уровне подсознания – что-то во мне изменилось после посещения Колодца пустоты. Движения стали быстрее, точнее и экономнее, реакция достигла уровня немыслимо отточенного автоматизма. Я начала хорошо видеть холодных тварей и без помощи Зеркала истинного облика. Неожиданно пробудился кулон Оружейницы, и сейчас окутывающий меня коконом теплого света. Что-то во мне изменилось, но вот что именно и почему? Но все эти новшества я воспринимала как-то вяло и отстраненно. Ибо они несравнимо меркли на фоне постигшего меня сердечного разочарования. Как я могла, о-о-о, как же я могла! Я громко взывала от переполнявшего меня отчаяния. О, мой возлюбленный Астор, мой прекрасный враг, демон моей страдающей души. Как же я тебя ненавижу, как же я тебя люблю! Ведь я понимала, догадывалась обо всем, но просто не хотела поверить в очевидное, поглощенная своей всепожирающей страстью, бушевавшей во мне словно пожар. А между тем – меня предупреждали, предостерегали не раз. И Эткин, и мудрый Арбиус. Я сама виновата во всем, потому что слушала их, но услышать – не захотела. И вот теперь поплатилась за собственное упрямство. Как там говорили тени в Колодце пустоты? Нужно просто жить, просто любить. Я думала – это легко, но оказалось что это – труднее всего на свете. Ибо реальная жизнь очень далека от наших идеализированных представлений о ней. Настоящая жизнь – это то, что происходит с нами в то время, пока мы упоенно строим совсем другие планы. А мои планы рухнули в одночасье, разбившись на мелкие осколки, больно порезавшие и меня, и других людей. Столько поломанных судеб, а все из-за моего глупого упрямства!

Я рыдала и стонала на бегу, будучи не в силах справиться с охватившими меня раскаянием и разочарованием. Я чувствовала, как сгорает и опустошается моя душа, теряя какую-то свою часть, слишком большую и значимую. А я то наивная, полагала что умирать – больно! А оказалось, что терять любовь – намного мучительнее! И можно ли теперь жить с этой черной, выжженной пустыней, ставшей моим сердцем после того, как из него исчезла любовь? Куда и как она ушла, можно ли ее остановить, вернуть, обрести вновь? Я тщетно искала ответы на терзавшие меня вопросы.

Куда исчезает любовь?

Кто даст мне искомый ответ?

Я им задаюсь вновь и вновь

Последнюю тысячу лет.

В каких закоулках души,
Стеная, как раненый зверь,
От горя укрыться спешит,
Захлопнув надежную дверь.

Тоскою затеплив огонь,
Среди поцелуев трухи,
Зажав крик последний в ладонь,
Сжигает мечты и стихи.

Свой брачный наряд раскроив,
Собравши его на струну,
От ужаса дух затаив,
Надгробную шьет пелену.

Уже ничего не боясь,
Отринув обиду и гнев,
Выходит она, не таясь,
Во вдовьем плаще королев.

Быть может в святую страну,
Уйдет, исполняя обет,
Меня оставляя одну,
Грустить еще тысячу лет.

И там, возродив чей-то дух,
Она обретет новый дом,
Об этом дойдет ко мне слух,
Но я не жалею о том.

Я ночью открою окно,
В чернила перо опущу,
Мне в жизни осталось одно,
Но я и том не грущу.

Такие поступки – грехи,
К чернилам примешивать кровь...
Но так создаются стихи
О том – как уходит любовь...

Я бежала. Воздух разрывал горевшие огнем легкие, клочкотал в груди, смешиваясь со слезами и невразумительными стенаниями. Я кричала и смеялась, жаловалась богам на судьбу и одновременно, проклинала их. Наверно, я подошла к самому краю безумия, своим поведением полностью оправдывая данное мне прозвище – сумасшедшая. Я стала ветром и пламенем, демоном мщения и символом отчаяния. Я более не принадлежала ни Свету ни Тьме, ни Добру ни Злу. Я утратила смысл жизни, так и не познав сущности бытия. Окутанная облаком сияющей энергии демиургов, с полыхающим холодным пламенем Нурилоном в одной руке и раскалившейся дагой Рануэль Алатора в другой, я ощущала себя бесплодным духом, призраком. Под моими ногами таяли вековые снега, передо мной испуганно отступал холодный, мертвый полумрак. Как в полусне, я различила увенчанные черепами ворота Геферта и вступила в его распахнутые створки. Меня немедленно окружило

колышущееся море щупалец, оскаленных зубастых пастей и вздымающихся ледяных лезвий. Движения моих клинков слились в две размазанные полосы, когда я врубилась в ряды врагов, сея смерть и разрушение, изливая свое горе в пылу схватки. Ударила, парировала, снова ударила... Дети стужи обступали меня столь плотно, что практически любой удар достигал цели. Свет от кулона Оружейницы доставлял тварям массу неудобств, заставляя их отдергивать лапы и пятиться с болезненными подвываниями. Убитые мной противники неловко валились на снег, впитывались в него неопрятными ручейками вонючей серой жижи, тая как клочья омерзительного тумана. Но и мне досталось изрядно. Вскоре мои руки и плечи обильно покрыли раны и порезы, рубашка превратилась в лохмотья, шляпу я где-то потеряла. Не пострадало только лицо, тщательно оберегаемое и прикрытое спасительной золотой маской. Кисти онемели, устав колоть и рубить, ноги подкашивались, на виске болезненно пульсировала набухшая жилка, наполняя голову однообразным, размеренным гулом. Количество противников изумляло. Казалось, стоило убить одну тварь, как на ее место немедленно вставали двое. А потом, как-то внезапно, все закончилось... Я недоуменно опустила клинки, густо запятнанные моей собственной кровью и съезживающимися пятнами темной, клейкой субстанции. Геферт замолк, с чадающим шипением догорали фиолетовые угли в глазницах черепов, заметно потеплело, тьма понемногу рассеивалась, благоразумно уползая за колонны ступенчатых зданий и затаиваясь там до поры до времени. Разбросанные на извилистых улицах гробы и кости утратили значительную часть своего мрачного великолепия, становясь похожими на то, чем они и являлись на самом деле – на гниющую, разлагающуюся падаль. Слитки золота на глазах покрывались плесенью и патиной, превращаясь в булыжники и обгорелые деревяшки. А прямо под моими ногами, с трудом пробиваясь через каменные плит мостовой, начали проклевываться первые слабые ростки зеленой травы. И лишь обиталище Ледяного бога, упрямо высившееся передо мной черной, вызывающе враждебной громадиной, продолжал излучать потоки холодного, убийственного света. Я хмыкнула, вложила оружие в ножны, небрежно утерла грязное лицо тыльной стороной ладони и начала медленно подниматься по ступеням Храма.

На заднем дворике чайханы, полускрытом колючими кустами малины и шатким заборчиком, по соседству с печально знаменитыми горшками, обнаружилась довольно большая площадка, ровная и будто специально, посыпанная мелким песком. Малер де Вакс вопросительно покосился на орка. Огвур ответил довольным кивком, полностью одобряя место грядущего поединка. Пестрый контингент постояльцев обоего пола, возглавляемый самим коротышкой Расулом, в полном составе высыпал из недр чайханы, явно намереваясь насладиться редкостным зрелищем. Брякали чашки и чайники, взлетали и стелились на траву пледы и куски кошмы, а какой-то оборотистый делец уже принимал ставки на бойцов, ссылая деньги в объемистый кошель и выдавая долговые расписки. Огвур неторопливо прошелся по хорошо утопанному клочку земли, борясь с сомнениями в справедливости подобного боя. Все-таки, по его меркам, перстень можно считать ворованным... И словно в ответ на эти невысказанные колебания между сердцем и рассудком, вперед вышел старый Али-Баба. Дервиш поклонился на все четыре стороны света, провел руками по жидкой бороде и неожиданно звонким голосом провозгласил:

– Мать всего сущего – Аола, услышь своего скромного служителя! Снизойди к нам своей великой милостью и пошли победу наиболее достойному, тем самым – подтвердив божественное согласия на пребывание древнего артефакта в его избранных руках!

Народ замер, затаив дыхание. А затем, на толпу налетел короткий порыв неведь откуда взявшегося ветра, швырнувшего к ногам молящегося дервиша крупную алую розу, символ богини – Дарующей жизнь.

– Аола услышала нашу просьбу! – торжественно произнес старик, благоговейно поднимая волшебным благоухающий цветок.

Раздосадованный Хасан скрипнул зубами.

Огвур с ироничной усмешкой заправил за ухо выбившуюся из прически прядь волос,

взглядом нашел в толпе зрителей обеспокоенного Ланса и подбадривающее подмигнул. Мол – не переживай, у меня все под контролем. Извлек из ножен Симхеллу, оба лезвия которой отливали красным заревом в ярких лучах утреннего солнца, и выполнил стремительную мельницу, проверяя – не расшаталась ли рукоять. Зрители разразились восхищенными воплями. И в этом же самый момент из дверного проема неторопливо появился канагериец Кса-Бун, вынужденный пригнуться, чтобы не стукнуться о притолоку покрытым татуировками лбом....

Огвур суеверно сплюнул и мысленно помянул всех демонов Тьмы, зловредно пославших ему этого, столь опасного противника. Вообще-то, у себя в клане он всегда считался необычайно высокорослым и крепким, даже среди отнюдь не страдающих рахитом здоровяков-орков. Да и сам он неизменно воспринимал себя именно таким, но лишь до сегодняшнего дня – пока хорошенько не разглядел чернокожего бойца. Видимо, лицо орка все же отразило какую-то степень растерянности, потому что купец – бывший владелец украденного перстня, ехидно хихикнул и довольно потер пухлые ладони. Стоявший в круге света канагериец являл собой достойный образец суровой мужской красоты и мощи. Широченная выпуклая грудь, стройные колонны ног, четкие пласты квадратных мышц торса – образующие непробиваемый пресс. Во всем теле – ни единой жиринки, ни одной лишней, негармоничной линии или складки. Кса-Бун выкатил отливающие синевой белки глаз, разинул рот с остро подпиленными клыками и вызывающе взревел, как хищный зверь, одновременно, стукнув себя кулаком в грудь – загудевшую как барабан. Публика испуганно охнула и отступила назад, Ланс побледнел и затравленно оглянулся на дервиша. Но Али-Баба улыбался по-прежнему благостно и безоблачно, привычно творя бесконечную молитву.

– Ничего, – без малейшего намека на страх, рассмеялся Огвур, – горные львы точно так же перед смертью режут, когда их на рогадины поднимают!

Канагериец злобно ощерился и пронзительно свистнул. Словно дожидаясь этой команды, купец тут же бросил ему какой-то объемистый предмет, плотно завернутый в пеструю ткань. Кса-Бун перехватил его на лету и сорвал защитный покров. Огвур недовольно крикнул... В руках у чернокожего гиганта очутился тяжелый, но вместе с тем и не лишенный грубого, дикого изящества топор на длинной рукоятке, заканчивающейся острым шипом. «Серьезное оружие! – справедливо отметил Белый волк, обходя противника по кругу. – Громоздкое, конечно, для одной то руки. С таким не на людей, на драконов ходить. Значит, нужно вымотать этого самоуверенного кувалдоносца, а уж потом – покончить с ним одним коронным приемом!»

Кса-Бун раскрутил чудовищный топор над головой и нанес страшный удар. Зрители заорали как оглашенные. Стальное лезвие на полпальца вонзилось в землю там, где еще секунду назад стоял орк, плавно перетекший вбок одним грациозным, мастерским движением. Незаметно, как тень. Канагериец удивленно оскалится. Али-Баба довольно закивал седой головой, а Лансанариэль обидно заулюлюкал, стараясь вывести чернокожего из себя. Гигант обиженно раздул широкие крылья приплюснутого носа. В своем родном племени он не проиграл ни одного боя, и еще ни одно живое существо не уходило от лезвия его ритуального топора, потому что помимо силы обычного оружия, в нем заключалось могучее наследие его предков-шаманов, душой и телом преданных королеве Смерти. И Кса-Бун тихонько запел заклинание, открывающее портал мертвых, призывая покровительницу на помощь. Огвур потрясенно ощутил, как при первых же звуках незнакомого наречия, в глазах у него неожиданно потемнело и земля закачалась под ногами... Но, старый дервиш, бдительно следивший за поединком, нежданно-негаданно привстал с потрепанного коврика и выкрикнул что-то грозно-повелительное, понятное, кажется, лишь одному воину-колдуну. Кса-Бун сразу же замолчал, его широкие плечи удрученно обвисли. Морок, овладевший Огвуром, сгинул так же внезапно, как и появился. И снова противники выжидающе закружились на утоптанном песке, не сводя друг с друга пристального взгляда налитых кровью глаз.

Время тянулось непереносимо медленно, дневная жара давно вступила в свои законные

права. Соленые потеки пота запятнали рубашку орка, прилипшую к напряженной спине. Кса-Бун оказался более привычен к палящему зною, но и он заметно устал, больше всего от веса своего огромного топора. Наконец, его нервы не выдержали. Одним широким шагом он резко сократил расстояние, отделявшее его от проворного орка и, молниеносно вскинул руку с оружием, нанося удар, способный раскроить череп. Тысячник привычно отклонился, но чуть не погиб от острого шипа на рукоятке топора, вскользь задевшего его плечо. На коже мгновенно выступила набухшая кровью рваная полоса, по суставам начало разливаться жгучее покалывание, грозившее перейти в скорое онемение. Орк понимал – еще пара минут и его правая, поврежденная рука повиснет плетью. Он опрометчиво недооценил канагерийца, и совершил непростительную ошибку, никак не ожидая, что тот сможет так быстро перегруппироваться и изменить положение тяжелого, инертного оружия. Кса-Бун, в свою очередь, изумленно таращился на мячом откатившегося по песку орка, дивясь его невиданному проворству. У него даже рот приоткрылся от изумления. Огвур знал, что у него осталось совсем мало времени, для того, чтобы успеть нанести решающий удар и свалить врага. А упустит он свой единственный шанс – и может считаться покойником. С одной рукой ему ни за что не выстоять против массивного как скала воина. Из последних сил он взмахнул уже почти не подчиняющейся ему секирой, отвлекая внимание канагерийца, и одновременно – пнул того окованным железом кончиком своего сапога ниже колена, ломая кость. Чернокожий выставил топор, готовясь принять обманный замах секиры. Раздался громкий треск... Кса-Бун взвыл дурным голосом, начиная заваливаться вперед, тогда Огвур нанес еще один удар, нацелившись закругленным окончанием рукоятки Симхеллы точно в носогубную складку противника. Канагериец упал на землю, обливаясь кровью из разбитого лица, совершенно оглушенный жуткой болью, неосознанно сплевывая выбитые зубы.

– Страшный удар! – прокомментировал кто-то из примолкших зрителей. – Орк очень опытный и жестокий воин!

– Был бы жестоким, – гневно ответил Огвур, со стоном облегчения расслабляя повисшую как плоть руку, – убил бы!

Валяющийся почти в беспамятстве Кса-Бун поднял на победителя затуманенный взгляд:

– Его не победить, – чуть слышно прошептали опухшие губы, – он воин королевы Смерти!

Но канагерийца не услышал никто, кроме старого дервиша, опустившегося на колени возле поверженного бойца и занявшегося его ранами.

Зрители шумно делили выигранные и проигранные деньги. Ланс торопливо разорвал свою рубашку и перевязал порез на плече друга. К Огвуру подошел довольный Маллер, ведя за собой стеснительно упирающегося чайханщика:

– Ну и силен же ты драться, дружище! – он восхищенно хлопнул орка по второму, здоровому плечу. – Ты совершил благое дело, спас от разорения нашего уважаемого Расула!

Чайханщик низко кланялся и лопотал что-то сбивчиво-благодарное.

Огвур тяжело вздохнул. «Знал бы почтенный Расул, каким запутанным на самом деле оказалось происшествие с перстнем...» – мысленно раскаиваясь, подумал орк. И он уже совсем собирался сознаться в содеянном, как точно в этот же самый миг, старый дервиш, словно почувствовавший намерение орка, повернулся и, красноречиво приложил палец к губам, призывая Огвура молчать.

Лансанариэль огромными, зелеными глазами очарованно рассматривал колоритную фигуру пирата:

– Скажите, – робко спросил он, – у Вас в семье случайно не было девушки по имени Маргота?

– А зачем она тебе? – недовольно нахмурился Маллер. – Эта женщина давно проклята за грехи ее, и навечно вычеркнута из фамильных списков. Она презрела девичью скромность, полюбила неизвестно кого и родила сына, как две капли воды смахивающего на эльфа из клана Синих, а их и по сей день, сильно недолюбливают в Ликерии. Зачем же ты

воскрешаешь память об отступнице?

– Видите ли, – Ланс высокомерно выпрямил стройный стан и в упор встретил испытующий взгляд пирата, готовясь до последнего вздоха защищать свою честь и память о несчастной женщине, умершей в болезни и нищете, – дело в том, что Маргота де Вакс была моей матерью!

Маллер удивленно присвистнул:

– А ты, значит, оказался живучим, бастард!

Огвур потянулся к кинжалу, собираясь вступить за друга, но пират миролюбиво улыбнулся:

– Твое счастье, родич, что я никогда не одобрял жестокого наказания, постигшего прекрасную Марготу. Говорят, твоя мать держалась очень смело, и не позволила умертвить своего незаконнорожденного выродка, а потом и вовсе сбежала с крохотным сыном из замка родителей. Она оказалась на редкость отважной девушкой, наша Маргота!

– А мой отец? – встрепнулся Ланс. – Где мне искать его? Возможно, он еще жив, ведь эльфы практически бессмертны...

Маллер брюзгливо заворчал:

– Если бы ты был ему нужен хоть чуть-чуть, то он бы и сам давно тебя нашел!

Но полукровка смотрел на него огромными, умоляющими глазами:

– Тысяча сраных гоблинов, малыш! – взорвался пират. – Где же еще стоит искать синего эльфа, как не на Поющем острове? Но предупреждаю заранее, бастардов там не любят!

Лансанаризель горько вздохнул.

– Мой корабль стоит в порту. Вечером мы отплываем на остров с грузом хлопка и оружия. Надумаете – приходите оба, я выделю вам каюту. Но учти, если наживешь себе неприятностей в королевстве эльфов, то не говори потом, что я тебя не предупреждал! – недовольно закончил пират. – Видит Аола, вы оба отличные парни и пришлись мне по душе!

– Так может, все-таки рискнем – и сразу двинем к эльфам? – предложил орк.

Но Ланс обернулся, встретился глазами с отрицательно мотающим головой дервишем и обреченно хныкнул:

– Сам не знаю зачем, но мне почему-то непременно нужно заполучить эту загадочную стрелу с серебряным наконечником и алмазным оперением...

– Какого гоблина, дружище! – насмешливо изогнул бровь Огвур. – Да ты, похоже, и в самом деле собрался целовать принцессу Будур!

Полукровка печально улыбнулся, глянул на него осуждающе и судорожно сглотнул, едва сдерживая подступивший к горлу приступ тошноты. Пират Маллер де Вакс отлично понял скрытый смысл разыгрываемой перед ним пантомимы. Он выразительно прищелкнул пальцами и громко захохотал, утирая выступившие от натуги слезы, концами своего пижонисто-красного, головного платка.

Глава 4

С вполне понятным волнением я твердо переступила через порог, ведущий в обиталища Ледяного бога. Сердце гулко бухнуло и тревожно замерло, боясь нарушить гнетущую тишину. Все тщательно продуманные, мстительные и ехидные фразы мгновенно выскочили из головы и позабылись сами собой. Обидно. С одной стороны – слишком многое во мне накопилось, сформировавшись в ряд обоснованных претензий, которые я и собиралась откровенно изложить кровожадному божеству. Ведь он загубил немало невинных жизней, внес значительный сумбур в планы моих друзей, врагов и демиургов, да к тому же, возможно и невольно – но, тем не менее, стал причиной мой собственной, личной драмы. «Все что не делается – все к лучшему», любит утверждать Эткин. А логика у него, между прочим – не подкопаешься. Вот и получается, исходя от обратного: все что делается – все к плохому. А Ледяной бог натворил изрядно... Но, при всем этом, и сей печальный факт я никак не могла

выбросить из своей взбалмошной головы, для меня он продолжал оставаться родным отцом, пусть даже всего лишь номинально. И потом... ну и что утешительного я в итоге Ульриху скажу? Типа: «Да, нашла драгоценного папочку, а он, видите ли, и в ус не дует – плавает себе спокойнехонько в здоровенном куске льда, и как бы между прочим, вполне успешно подвизается в амплуа главного злодея нашего времени...» «Ага, – непременно выдаст ответную реплику братец-король, весьма поднаторевший в церемонных речах, – так я сразу разбежался и поверил, неугомонная ты наша, что моя, пребывающая в неладах со здравым смыслом сестрица, хладнокровно полюбовалась подобным восхитительным зрелищем и безмятежно отчалила восвояси, даже ничего не предприняв...» Впрочем, братик обязательно усомнится в моем бездействии, и это я еще мягко выражаюсь. Нет, а вы бы на моем месте смирились, увидев своего давно потерянного отца в столь нелицеприятной ситуации? Я конечно, вправе обижаться на бросивших меня сразу же после рождения родителей, хотя папочкиной вины в том нет – он даже не подозревал о моем существовании, и продолжать надув губы строить из себя обездоленную сироту нарронскую, но, совесть мне подсказывала, что при таком раскладе я буду совершенно не права. Ибо родителей – не выбирают. Как и возлюбленных, кстати. Но, как известно, человек предполагает, а боги – располагают. Потому что, переступив порог святилища, я не только в мгновение ока позабыла все свои, по большей части надуманные – обиды, но обалдело вытаращила глаза и потрясенно помянула всю нечистоплотную гоблинскую родню, вплоть до третьего колена. Я не обрадовалась, а наоборот – искренне опечалилась. Ведь то, что я увидела, по уровню трагизма, не шло ни в какое сравнение с моими нахальными ожиданиями...

Холодная тьма, укутывающая внутренние покои Храма, заметно поредела и как-то необычно поседела, превратившись в жалкую, рваную дымку. Чаши с кровью опустели до дна, а нити, питающие бога, ссохлись и повисли тощими, серыми жгутиками. Огромный куб льда подтаял и уныло сочился крупными каплями вонючей, склизкой жидкостью, ничуть не напоминающей воду. А сам Ледяной бог превратился в сгорбленную мумию трясущегося, свернувшегося в позу эмбриона старичка, жалобно взирающего на меня мутными, слезящимися глазами. Шикарные черные кудри сползали с черепа, превратившись в жидкие, пегие пряди. От его былой мощи, устрашающей красоты и самовлюбленного величия не осталось и следа.

– Отец! – отчаянно вскрикнула я, бросаясь к ошметкам льда. – Что с тобой?

Морщинистые веки чуть дрогнули, клешнятая ручка мучительно тряслась, пытаюсь прикрыть зрачки от столба яркого света, льющегося из кулона Оружейницы:

– Дочка! – прокаркал старик, и я содрогнулась, явственно расслышав нотки гордости, четко различимые в этом умирающем, слабом голосе. Но это же просто невероятно! Почти мертвый, побежденный, поверженный – он все-таки гордился мной, своей дочерью, и моими победами! Мудрость и доброта сломленного врага намного превосходили духовные качества бестолкового победителя! Я зарыдала, метнулась к отцу и иступленно обняла кусок холодного льда. Отец рассмеялся коротким лающим смехом, скоро перешедшим в болезненный кашель:

– Девочка, твои объятия согревают мою душу, но еще быстрее они растапливают магический лед!

Я громко выругалась и отступила:

– Ты меня узнал?

– Скорее догадался, – усмехнулся старик. – Все родовые признаки на лицо, а твоя удаль и отвага напомнили мне о собственной молодости!

– А маму ты помнишь? – робко спросила я.

Уродливое лицо, похожее на скорлупу грецкого ореха, смягчилось и разгладилось:

– О да, – одними губами произнес Бог, и сладостный вздох несбыточной мечты сотряс его впалую грудь. – Время, проведенное с ней, стало самым счастливым периодом моей жизни. Но, увы, ей я принес лишь горе и боль потери...

– Не надо, – сочувственно попросила я, – не вини себя. Я думаю, она любит тебя до сих

пор!

– Она жива? – потрясенно выкрикнул отец, боясь поверить, но вкладывая в эти слова последние силы некогда мощного тела. – Ты не ошибаешься?

– Да, – радостно кивнула я. – Она очень больна, но не умерла, и сейчас находится на Поющем острове.

Ледяной бог рванулся, будто стремясь немедленно выйти за пределы своей прозрачной тюрьмы. Лед пошел крупными трещинами. Я испуганно закричала, умоляя отца остановиться:

– Не делай этого, ты погибнешь!

– Ну и пусть, – старик упрямо наклонил почти лысую голову, на мгновение становясь бывшим королем Мором, сильным и решительным. – Пусть! Я бы с удовольствием отдал свою жизнь, лишь бы спасти ее, мою королеву, и как-то облегчить участь родового проклятия, настигшего тебя!

Я недоуменно рассмеялась:

– О чем ты говоришь?

– О твоём лице! – кривой палец зашевелился, указующим перстом поднимаясь до уровня моей груди. – О моём лице! Об уродстве, ставшем расплатой за преступную любовь твоей бабушки, королевы Смерти! Ведь по велению этого чувства она попала свой долг и оживила короля Джаспера, тем самым – нарушив естественный ход событий!

Я негодуяще фыркнула:

– Это ничего не значит! Она и меня оживила, проведя через Портал смерти. И вообще, не нужно усложнять и драматизировать. Я давно перестала верить во все эти проклятия, пророчества и предзнаменования судьбы. Сплошная ерунда. Человек сам способен так капитально испортить свою жизнь, что любое проклятие рядом с подобным поступком покажется всего лишь безобидной детской шалостью! И то, что отразилось на наших лицах, стало не наказанием, а знаком пути, намеком – теперь ради достижения счастья нам придется изрядно побороться не только с внешними врагами, но и с демонами-пороками, обитающими в глубине наших душ!

Глаза отца восхищенно расширились:

– Так вот ты какая, моя Сумасшедшая принцесса! – уважительно протянул он. – Истинная королева и дочь короля!

Я смутилась и опустила голову.

– Сделай же то, дочь моя, что требуется свершить, дабы восстановить утраченную справедливость! – повелительно продолжил отец. – Вынь Морозную иглу из защитного футляра и добей ее острием эту слабую, физическую оболочку. Тогда дух мой станет свободным и вернется в Обитель затерянных душ, ожидать нового рождения, а ты – навечно избавишься от уродующего тебя проклятия! Да и сама память об ледяных тварях сгинет бесследно...

Я оторопела:

– Но Аола и бабушка Смерть четко говорили о том, что Иглу нужно сломать. Хотя, если это приведет к твоей гибели – то я на это не пойду.

Бог презрительно скривился:

– Демииурги хитры. Они упорно цепляются за ускользающую от них власть и обманывают богинь. Сломай Морозную иглу – и ты лишишься одного из клинков. А только объединенная сила всех даг демиургов может дать тебе возможность управлять разветвленной системой порталов, разбудить богиню Аолу и избавиться от самих Великих. Этого они и опасаются.

Я задумчиво прикусила губу, наматывая на палец свой длинный локон. Я размышляла и заодно анализировала полученную информацию, стараясь мыслить объективно. Куда не глянь – везде обман и игра. Всюду интриги, оголтелый эгоизм и преследование собственных, корыстных интересов. Жаль доверчивую бабушку, ведь и она стала всего лишь пешкой в руках всемогущих творцов. Сломаю Иглу – и отца не выручу, и свою позицию ослаблю. Я

колебалась, не понимая, как следует поступить...

Демоны моей души ожили и мерзко зашевелились, замышляя пакости, подсказывая: «Глупая девчонка, убей отца и тем самым – спаси и себя тоже. Тебе ведь требуется совершить всего-то ничего – только протянуть руку, только усыпить совесть... Получи предназначавшуюся тебе внешнюю красоту и возможно, может статься, тогда ты еще сумеешь вернуть утраченного любимого, очаровав его своей непревзойденной прелестью!» Я горько расхохоталась. С моих глаз спала обманная пелена фальшивого самоуспокоения и наносного, чванливого себялюбия. Вот значит, как все обстоит на самом деле! Так чем же в этом случае, я отличаюсь от корыстных, лживых демиургов, способных на все ради собственного величия? Да оказывается – ничем! Погубить отца ради возможности заполучить хорошенькое, новенькое личика? Поступок, достойный Ринецеи, усыпившей Аолу ради красоты и власти. Путь – ведущий не к служению Свету, а толкающий напрямик во Тьму, к безвозвратному превращению в демона! И внезапно я поняла – что мне нужно сделать. Я вспомнила собственное пророчество, произнесенное под воздействием травы янт. Здесь не было животворящего пламени, в которое следовало бы окунуть «Агриэль Алатору», но зато имелась горячая кровь, кипящая и пульсирующая в моих венах.

Я подняла Нурилон и обрушила его на поверхность хрустального ящичка, скрывающего Морозную иглу. Отец одобрительно улыбнулся, наивно поверив, что я решилась таки последовать его разумному совету. Хрусталь печально запел и рассыпался мириадами крохотных осколков. Магический клинок с мелодичным звоном грянулся об пол. Я подняла покрытое инеем тонкое лезвие, заканчивающееся удобной рукояткой. Клинок оказался неожиданно тяжелым, мгновенно заледенившим сначала кисть, а потом и всю руку до самого локтя, словно я держала не металл, а живой сгусток холода. По манере исполнения Морозная игла ничем не отличалась от «Рануэль Алаторы», сразу становилось понятно, что она создана тем же мастером, к тому же ее жало носило аналогичное клеймо – расколотое пополам солнце.

Я задумчиво покачала дагу в руке... Отец нетерпеливо кивнул, навязчиво показывая глазами на свою щуплую грудь и намекая – не медли, бей. Я улыбнулась проказливо и подмигнула ему, уже предвкушая, какую утонченную свинью я сейчас подложу Великим демиургам, а затем поудобнее перехватила рукоять клинка, взмахнула тонким лезвием и... вонзила его себе точно в сердце.

Каким-то краем сознания, я отметила внезапное появление теплого солнечного света, распоровшего полумрак Храма, заметила разваливающуюся на куски глыбу льда, качающийся под ногами пол и услышала горестный, отчаянный крик отца. Боли я не почувствовала, один только холод – жуткий, пронизывающий, леденящий кровь и перебивающий дыхание. Я пыталась открыть рот и вдохнуть через него, но губы покрылись толстой коркой льда, расползающейся вверх и вниз по телу от торчащей из сердца изящной рукоятки «Агриэль Алаторы». Перед моим мысленным взором промелькнули черные, полные немого укора глаза бабушки Смерти, перекошенное ужасом лицо короля Мора и две хрустальные колонны, отмечающие преддверие Портала смерти. А потом, уже виденные ранее скопления ярких звезд, пульсирующих на роскошном бархате неба, ласково приняли меня в свои родственные объятия, успокаивая и баюкая сладостным напевом о проходящей бренности земного существования...

Так я умерла во второй раз.

Огромный город гудел растревоженным пчелиным роем. Хотя нет, похоже – в десять, в сотню раз громче и сильнее. Узкие улочки, по случаю праздника выметенные и вымытые до блеска, примыкающие к обширной базарной площади и величественному ханскому дворцу, до краев наполнились пестрым людским водоворотом, грозившим захлестнуть, поглотить зазевавшихся путников. Али-Баба, гордо восседающий на невозмутимо перебирающем копытцами ослике, уже давно сорвал себе голос, призывая толпу расступиться и дать ему дорогу. А толку то? Потому что, то же самое, требовательное «поберегись», выкрикивали и

полуголые водоносы с запотевшими медными кувшинами, и торговцы всевозможными сладостями, ловко ввинчивающиеся в прожорливую толпу, и шнырявшие тут и сям посыльные, разносившие срочную корреспонденцию. Молчали одни лишь карманники, вовсе не горевшие особым желанием привлечь излишнее внимание к своей опасной, незаметной работе, да охотящиеся за ними стражники, безмолвно и непреклонно раздвигающие зевак своими пудовыми кулаками. Медленно, с грехом пополам, дервишу все же удавалось прокладывать себе путь посреди бурлящего потока беспричинно хохочущих, пританцовывающих, пьющих и беспрестанно что-то жующих человеческих тел. За ним неотступно следовал насупившийся, мрачный словно грозовая туча Огвур, совершенно одуревший от царящей вокруг бестолковой суеты, непреклонно тащивший за руку упирающегося будто упрямый ишак Лансанариэля, с лица которого не сходила детская, очарованная улыбка. Эльф впервые в жизни попал на столь яркий, необычный праздник, и сейчас в полной мере упивался всем разнообразием открывающегося ему, воистину потрясающего зрелища. Для него все оказалось в новинку. И вместительный шатер с поднятым пологом, где давали, судя по всему, уже далеко не первое представление заметно подуставшие, ушлые, бродячие циркачи. Полуобнаженная, смуглая девица, лихо отплясывающая на натянутом между двух столбов канатов, остановилась, засмотрелась на красавца полуэльфа и чуть не сверзлась вниз. Ланс виновато улыбнулся, хлопнув ресницами, но орк настойчиво тянул его вперед, к центру площади. Во второй раз полукровка надолго застыл возле сцены, на которой разыгрывался наивный кукольный спектакль. Зрители, приоткрыв от восхищения рты и вылупив глаза, неотрывно таращились на марионетки. А среди аляповатых, небрежно склеенных из бумаги и тряпок персонажей, полуэльф сразу же опознал серого, кишкообразного дракона, уродливую дюжую девицу с рыжими волосами, вооруженную чем-то вроде вертела, мощного здоровяка-орка и подозрительно женственную фигуру с длинными, пепельными волосами. «Смотри, Огвур, это же мы сами! – уже собирался выкрикнуть донельзя польщенный Ланс. – Комедианты разыгрывают спектакль про нас с тобой! Мы знамениты!» Но тут орк, с недовольным ворчанием так дернул за руку своего не в меру любопытного друга, что тот – едва успев протестующе взвизгнуть, пробкой вылетел из толпы.

Они миновали длинные торговые ряды и наконец-то приблизились к ханскому дворцу. Чем дальше, тем плотнее и нетерпеливее становилось волнующееся море полосатых халатов, затейливо свернутых тюрбанов и скромных женских платков. Над толпой плыл ядреный запах потных тел, щедро сдобренный ароматом амбры и сандалового дерева. Путникам несколько раз весьма болезненно наступили на ноги, неоднократно пихнули локтями под ребра, но Огвур продолжал целенаправленно переть вперед, таща на буксире раскисшего и уставшего от толкотни Ланса. Стражники, по случаю праздника одетые в одинаковые, вишневые кафтаны, растянулись цепочкой, с трудом сдерживая наплыв многосотенной толпы. Прямо над изукрашенными золотыми гвоздями воротами, отделявшими город от резиденции хана Исхагана, колыхался богатый шелковый навес, защищая от палящего зноя устланый коврами помост – с установленными на нем резным троном и хрустальным гробом, прикрытым траурным покровом. На троне, непривычно широком и низком, будто поднос, восседал, подвернув под себя ноги в расшитых жемчугом туфлях, сам правитель рохосских земель. Хан Исхаган оказался высохшим до костяка мужчиной неопределенного возраста, с обвислыми печальными усами и желчным, худым лицом, на котором застыло выражение какого-то отрешенного удивления. В непосредственной близости от трона тяжело переминался с ноги на ногу дородный визирь апоплексического телосложения, обшаривавший шеренгу выстроившихся перед помостом гостей похотливым взором, маленьких, круглых как бусины глазок.

– Будьте осторожны, это и есть главный визирь Бухтияр! – предупреждающе шепнул дервиш, обращаясь к Огвуру. – Первый при дворе распутник и сластолюбец!

Орк ничего не ответил, но предусмотрительно, еще крепче сжал тонкое запястье Ланса, словно защищая друга от неведомой, и безусловно близкой, опасности.

Внезапно наступила полнейшая тишина. Зеленая навозная муха с нахальным жужжанием пролетела над головами людей и неучтиво спикировала на крючковатый выступ ханского носа. Визирь Бухтияр побагровел от подобного бесцеремонного святотатства и торопливо щелкнул пальцами. Развесистое опахало из павлиньих перьев, сонно покачивающееся в руках чернокожего мальчишки, отработанным движением упало вниз и, промахнувшись – шлепнуло повелителя по щеке. Визирь возмущенно ахнул. Муха, как ни в чем не бывало, насмешливо махнула крылышками и умчалась прочь. Хан встрепенулся и безвольно поднял руку, с уныло трепыхающимся в ней белым платком. Народ послушно пал ниц. Басовито взревели медные трубы. Визирь сделал шаг вперед, развернул длинный пергаментный свиток и начал читать противным, каким-то липким голосом:

– Я, великий хан Рахман-ибн-Исхаган, правитель Роха и Осса, милостью богини Аолы ее преданный слуга и наместник на земле, объявляю, что сегодня состоятся очередные воинские соревнования по поводу тридцатой годовщины колдовского проклятия, овладевшего принцессой Будур. Победитель, прошедший через все испытания, получит право коснуться своими губами уст прекрасной принцессы, и если будет на то воля богини, тем самым пробудит ее ото сна. Этот избранный получит принцессы в жены, а в придачу – половину ханства и могучий артефакт, стрелу « Властительница жизней». Да будет так!

Облаченный в начищенные доспехи воин показал толпе поднос, на котором покоилось бесценное золотое древко, оканчивающееся серебряным наконечником с одной стороны и алмазным оперением с другой. Зрители ответили восхищенным ревом. Огвур почувствовал, как выжидательно дрогнули и обреченно затвердели в его руке ранее расслабленные, нежные пальцы Лансанариэля.

– К состязаниям в стрельбе из лука допущены: – продолжал громко читать визирь, – принц Али-Мангут, – стройный юноша вышел из цепочки претендентов и низко поклонился хану. – Тысячник Мамед Беспощадный, – этот оказался плотным и коренастым мужчиной в расцвете лет. – Маг Асдахад Уррагский, – старичок с седой бородой. «В чем только душа держится», – подметил Огвур. – Виконт Грегор Бранзонский, – молодой дворянин из нарронских земель. Кантор-Мореход из Ликерии...

«Явно пират из числа друзей Маллера де Вакса», – проницательно решил орк.

И прочие, и прочие.

– Всего двенадцать человек! – закончил отчет Бухтияр. – Это все! Пора начи...

– Нет, не все! – дребезжащий голосок старого Али-Бабы неожиданно громко взвился над притихшей толпой. – Я привел воина, чье появление предсказано пророчеством Бальдура!

По площади прокатился недоверчивый вздох недоумения и удивления. С застывшего лица хана мигом сползал маска скуки и отрешенности. Визирь подавился неоконченной фразой и судорожно закашлялся. Ланс одним сильным движением выдернул свои пальцы из руки орка и, ультимативно сжав яркие губы в тонкую, упрямую линию, упруго шагнул к помосту.

Лансанариэль поравнялся с шеренгой претендентов на руку принцессы и скромно пристроился последним в ряду, заметно выигрывая по сравнению со всеми прочими горделивой осанкой, невероятно тонкой талией и высоким ростом. Хан Исхаган бодро вскочил с трона и уставился на полуэльфа выпученными глазами с сильно расширившимися зрачками. Из толпы зрителей послышались дружные возгласы восхищения. Визирь Бухтияр побледнел, покраснел, схватился за сердце и тяжело осел на руки подхвативших его слуг, видимо, напав сраженный любовью с первого взгляда. Дервиш Али-Баба довольно ухмыльнулся, прикрываясь рукавом заношенного халата. Ланс обвел волнуемую толпу спокойным взором зеленых как изумруд очей:

– Да, я эльф! И нечего сейчас по этому поводу панику разводить! Не знаю, как получилось, что я априори подхожу под строки описания из Хроники Бальдура, но я прибыл в ваши края именно для того, чтобы заполучить стрелу, ранее принадлежавшую Храму розы!

– А принцессу? – возмущенно проблеял хан.

– А мне ее надо? – изогнул бровь Ланс. – Как говорится – учи мат часть. В пророчестве же прямо сказано, что я баб на дух не переношу!

По рядам зрителей пронесся глумливый смешок.

– Но рука принцессы! – настойчиво гнул свое тугодум хан.

– Да что я с ней делать то стану? – вспылил и до этого никогда не отличавшийся особым терпением Лансанариэль. – У вас тут что сегодня – распродажа? Не надобно мне ни ручки девичьей, ни ножки, я же не таксидермист. И повторю, если до вас с первого разу не дошло, мне как-то больше мужчины по душе, особенно если они красивые и мускулистые...

– А-а-а, – во время отмер визир Бухтияр, – не отдам красавца принцессе, я за него полтыщи золотых брахатов заплатил! Эльф – мой! Иди же ко мне, свет мой ясный, цветочек мой лазоревый! – он упал на колени и плотоядно шевеля пальцами, пополз к прекрасному полукровке, студенисто потрясая раскормленными телесами.

– Уйди, противный! – возмущенно фыркнул Ланс, брезгливо отодвигаясь от влюбленного толстяка. – Фу, ну ни какой эстетики! Может у тебя булимия? Сразу видно – жрешь как не в себя.

Бухтияр обиженно засопел. Хан вульгарно отвалил покрытую седой щетиной челюсть. Зрители уже почти рыдали от смеха.

– И вообще, звезда – в шоке! – картинно подбоченился Лансанариэль.

– Схватить его! – властно приказал пришедший в себя визирь, приосаниваясь и принимая царственную позу. – И препроводить в мой гарем!

– Щаз, разбежались! – Огвур торопливо выхватил из чехла грозную Симхеллу и вышел к помосту, своими широченными плечами полностью загораживая стройную фигуру любезного друга. – Ну, подходи, кому жить надоело!

Оба лезвия секиры угрожающе сияли в лучах полуденного солнца. Стражники растерянно переглянулись, не решаясь лезть на рожон. Огвур кровожадно прищурился:

– Хамы, они от рождения невежественны, к тому же, своим невежеством привыкли кичиться. Поэтому, их нужно ставить на место. Причем, желательно без хамства, и с улыбочкой.

– Да как ты смеешь, мужлан! – оскорблено взвыл визирь, потрясая кулаками. – Казнить его, на кол его!

– На кол, говоришь? – глумливо протянул Белый волк, выразительно поигрывая секирой. – Ах ты, старый проктолог-иллюзионист...

В толпе улюлюкали, издевательски показывая на Бухтияра пальцами. По всей видимости, сиятельный визирь никогда не вызывал особой любви или уважения со стороны простого народа.

– Отвергнете эльфа, и принцесса так и останется навсегда спящей! – пророчески выкрикнул дервиш, приподнимаясь в веревочных стремянах, и перекрывая шум толпы.

Уяснив смысл последних слов, хан Исхаган поднял ногу, и вышитой туфлей наступил на подол халата визиря, который, астматично хрипя, неуклюже спускался по ступенькам помоста, стремясь добраться до вождя красавца. Послышался громкий треск рвущейся ткани.

– Стой, ослушник! – голосом истинного владыки гневно взревел повелитель. – Эльф должен спасти мою дочь!

Парчовое одеяние самонадеянного визиря, посмеявшего поставить свое сердечное влечение выше интересов государства, не выдержало карающего напора ханской туфли и разорвалось вдоль спинного шва, явив взору изнемогающих от хохота горожан увесистый зад, облаченный в розовые, абсолютно прозрачные, кисейные шаровары. Увидев столь пикантное зрелище, Исхаган плюнул в сердцах, и сердито пнул нерадивого слугу под кокетливо обнажившееся седалище. Визирь неустойчиво покачнулся на хлипкой лесенке, потерял равновесие и рыбкой нырнул вниз, с громкими «бух-бух» пересчитав галантерейным шедевром все семь занозистых ступенек.

– Бух-Бухтияр! – экзальтированно взывала толпа. – Да здравствует наш мудрый хан! Женить эльфа на принцессе немедленно!

– Ну, уж нет, не бывать этому! – неожиданно вскрикнул маг Асдахад Уррагский, находившийся в шеренге всеми позабытых претендентов в женихи. – Я великий волшебник и должен стать новым правителем Рохосса! Трон и принцесса мои!

Он вскинул сухонькую ручку, нараспев прочитал короткое заклинание и на его ладони мгновенно набух огромный огненный шар. Сине-багровый сгусток пламени переливался на морщинистой ладошке старика, распространяя жар и ужас.

На площади началась паника. Шеренга женихов нарушилась, самые сметливые догадливо опустили на четвереньки и юркнули под свисающие до самой земли ковры, устилающие дощатое возвышение. Народ кинулся врассыпную. Впереди всех, побросав щиты и сабли, мчались доблестные стражники, громко завывая от страха. Еще бы! Ночью демоны, днем – маг с огнем в руках... Это оказалось слишком, даже для прочных нервов таких опытных, закаленных в боях воинов. Визирь Бухтияр находился в глубоком обмороке, умудрившись крепко приложиться затылком об последнюю ступеньку лесенки. Сам же великий хан Исхаган, нервно тряся иссохшими губами и громко стуча редкими, гнилыми зубами, робкой мышкой прятался за перевернутым троном. И только гроб принцессы Будур, один-единешенек, всеми заброшенный и покинутый, все так же возвышался в центре праздничного помоста, пугая траурным отрезом покрывавшего его черного шелка.

Асдахад Уррагский торжествующе расхохотался. Уже предвкушая скорую победу, он легонько подтолкнул огненный шар, посылая его в сторону обреченно скорчившегося хана. Сгусток пламени взвился в голубое небо, своим смертоносным сиянием почти затмевая блеск солнечных лучей, и падающей звездой устремился к земле. Повелитель Рохосса взвыл загнанным зверем, безнадежно прикрывая голову растопыренными пальцами.

Ланс возмущенно взмахнул головой, отбрасывая с глаз копну серебристых волос, одним отточенным движением выхватил свой миниатюрный арбалет из укрепленного за плечом футляра и, почти не целясь, выпустил в огненный шар болт, уже бывший уложенным в желоб на передней части оружейного ложа. Полыхнуло изрядно. Не достигший цели сгусток пламени рассыпался гроздью огненных капель. Оггур восторженно присвистнул, и одобрительно хлопнул ладонью своей правой руки об с готовностью подставленную ладонь меткого стрелка. Маг раздосадовано ругнулся. Он сцепил тощие пальцы в странном жесте и затянул нудную мелодию, спешно выплетая второе заклинание. Ланс иронично хмыкнул. Он вынул из колчана новый болт, в мгновение ока перезарядил арбалет с помощью медного крючка и, прежде чем Асдахад успел что-либо предпринять, выстрелил повторно. Маг шумно повалился навзничь, неподвижно распростершись на спине и крестообразно раскинув руки. Из его переносицы торчало, еще чуть подрагивая, толстое древко тяжелого арбалетного болта.

– Хилый тебе, однако, колдун попался! – выразительно прокомментировал Али-Баба, подъезжая к друзьям на своем неизменном ослике. – Ему сначала нужно было научиться побыстрее заклинания произносить, а уж только потом государственные перевороты затевать!

– Да куда ему! – хвастливо заявил Оггур, демонстративно зачехляя так и не понадобившуюся секиру. – Мой отважный Ланс даже высших демонов с одного выстрела валит, не то, что каких-то там провинциальных чародеев! – и он собственническим жестом обнял зардевшегося от радости полуэльфа за тонкую талию.

– Любовь зла! – притворно опечаленно вздохнул Лансанаризель, кокетливо строя ему глазки. – Полюбишь и орка!

– Нет, ну чем-то недовольным – для разнообразия предлагаются еще и толстые визири! – насмешливо начал ничуть не обидевшийся Оггур, и тут же бурно расхохотался, получив сердитый шлепок ниже пояса.

Красивые женщины редко рождаются умными. А вы разве об этом не знали? Чаше

всего слепое провидение, видимо по наитию, все же поступает справедливо, и раздает ценный товар предельно честно. Поштучно – либо ум, либо красоту в одни руки. Как говорится – всем сестрам по серьгам. Так то оно так, если конечно не принимать во внимание ошибочно или преднамеренно отбракованные экземпляры, не получившие ничего. Или наоборот, получившие вместо ожидаемого дара – хороший удар по жадно протянутым рукам, да еще и обидную реплику в качестве бонуса – нечего мол, клешни тянуть к тому, что тебе не предназначается. И на этом все, дорогая – будь здорова, не кашляй. Вот и нечему удивляться, что в итоге из подобных, дефектных девиц, обделенным как умом, так и внешностью, и по сему – вынужденных самостоятельно пробивать дорогу в жизнь, получается фиг знает что. Читали мы о таких случаях слезливые эльфийские фаблио, то бишь драматические притчи-баллады, знаем. Там, к примеру, подробно описано, как одна венценосная, влюбленная псевдоумница сдуру поменяла русалочий хвост на ножки, отдав за сей сомнительный бартер чистейшее меце-сопрано, при этом – совершенно не умея читать-писать. А в наше, просвещенное время, неграмотные жены ой как не в моде. Вторая – решила самонадеянно выпустить собственный бренд и, соревнуясь с королевскими мануфактурами, принялась в бешеном темпе вязать рубашки из крапивы. А знаете, что из этого получилось? Страшнейшая аллергия на самопальный трикотаж, постигшая ее младшего, любимого братца и закончившаяся обрастанием птичьими перьями, которую не смогли излечить даже умнейшие придворные архимаги. Нет, я конечно понимаю, что в балладах подобные несурезицы запросто раздувают до уровня увлекательнейших сказок. Вот и хотелось бы узнать, а что лет этак через двести-триста станут рассказывать про мою сумасбродную особу? Потому что я, похоже, умудрилась перещеголять всех непутевых принцесс разом. Красотой меня судьба от рождения обделила, ума я так и не нажила, зато сомнительных подвигов успела наворотить с лихвой, на целый десяток длиннющих легенд хватит с избытком, и еще останется! Вот такие дела... Но если меня когда-нибудь спросят, жалею ли я обо всем том, что со мной приключилось, то я лишь недоуменно пожму плечами и засомневаюсь, как же все-таки ответить нужно – честно или вежливо?

Всем доподлинно известно – если душа безудержно рвется к свободе и справедливости, то она обычно очень легко покидает брентную физическую оболочку. Чаще всего так и происходит, но увы, не у тех – кто состоит в близком, кровном родстве с самой королевой Смертью. И поэтому, открыв глаза, я сразу же вспомнила известную фразу, вычитанную в одной старинной франкской книге, гласившую «де жавю», что значило – «все повторяется». Вот все и повторилось. Моей жизни, видимо, так и суждено развиваться по спирали, резко переходящей в головокружительный штопор. Безобразное однообразие многообразного своеобразия наблюдались воочию – та же самая черно-белая комната и уютная кровать с многоярусным балдахином. Даже драное покрывало на ложе поменять не потрудились. Тяжеленный бабушкин кот нахально устроился у меня на груди и насмешливо щурит круглые глазищи. Я, как и в прошлый раз, совершенно раздета и заботливо укрыта до самого носа, а моя одежда и оружие аккуратной стопочкой сложены на низеньком креслице. Давно знакомые чертоги Смерти, уже традиционно ставшие отправным пунктом для самых запутанных приключений. Короче, картина маслом – добро пожаловать домой, Сумасшедшая принцесса!

Хотя нет, на этот раз в знакомом до боли пейзаже присутствовало одно, сразу же бросившееся в глаза отличие – на расшитом шелком покрывале небрежно валялся свернутый пополам листок бумаги. Я протянула голую руку и развернула записку. Емкое, лаконичное, справедливое слово: « Бестолочь», а внизу, вместо подписи, красовалось стилизованное изображение черепа с оскаленными зубами. Недаром краткость всегда считалась родной сестрой истинного таланта. Вобщем то, все итак ясно – каким же еще словом можно назвать непонятливую внучку, в очередной раз умудрившуюся наскрести неприятностей на свой, оказавшийся неожиданно прочным, хребет!

Я язвительно расхохоталась, скомкала записку и с комментарием: « Спасибо, бабуля!»

со всего маху запулила ее в угол комнаты. Откормленный кот проводил бумажку замороженным взором по-охотничьи прищуренных глаз, не выдержал, и резко скакнул следом. Я невольно пожалела заскучавшую животину, по всем видимости, тяготившуюся вынужденным бездельем. Похоже, извините за каламбур, во владениях смерти даже банальные мыши, и те не прижились. Я села на постели, с удивлением ощущая некоторую слабость, головокружение и неприятный дискомфорт в желудочно-кишечном тракте. Утешила себя мыслью, что для только что ожившего трупчика это вполне нормальное состояние, и принялась одеваться. Неторопливо натянула штаны, сапоги и только накинула на голову легкую, батистовую рубашку, как дверная ручка неожиданно пришла в движение, и резная дубовая створка растворилась с легким скрипом.

– Нет, сестры, вы только полюбуйте на эту живучую тварь! – прозвучал возмущенный женский голос с порога.

Мне очень хотелось поближе рассмотреть невежливую гостью, но моя голова как назло, накрепко застряла в узком вороте рубашки.

– А ты разве ожидала от нее чего-то другого? – насмешливо спросил кто-то на тон жестче.

– Вот вам наглядный пример того, как несовершенна наша система образования! – наставительно провозгласила третья, так же не видимая мне собеседница. – Исходя из ее эротической истории с принцем демонов, я пришла к выводу, что нашей принцессе куда большегодились бы уроки Кама-сутры, чем дурацкое умение махать мечом!

Я с треском рванула рубашку вниз, в лохмотья раздирая воротник. На пороге комнаты стояла уже знакомая мне четверка демиургов, только теперь я видела их гораздо отчетливее. Дамы непринужденно вплыли в комнату и удобно расположились в креслицах, предусмотрительно расставленных перед моей постелью. Ситуация начинала сильно смахивать на некую ускоренную пародию на судебный процесс. Четыре невозмутимых судьи, и я – обвиняемая. Причем, как и положено подсудимому – растерянная, взлохмаченная и полуодетая.

– Ну и...? – требовательно заявила я. – Надеюсь, хоть какой-нибудь заваливающий адвокатик-практикант мне полагается?

Одна из судий – неопрятная, расплывшаяся старуха, замотанная в тряпки неопределенного фасона и цвета, желчно усмехнулась, показав плохие зубы. Ее лицо, изборожденное глубокими морщинами, производило на редкость отталкивающее впечатление:

– А ведь мы тебя предупреждали, дорогая! – сварливо проскрипела она. – Ты могла бы выбрать себе любого мужчину и любое королевство. Даже – красавца Астора!

– Не приукрашивай, сестра Тьма! – возмутилась другая дама, толстая как бочка блондинка. – Принц демонов может казаться привлекательным лишь тебе, но отнюдь не эльфийской принцессе!

– Не бывает некрасивых мужчин! – по военному лаконично отчеканила третья сестра, шестирукая женщина-змея. – Бывает мало цветов и игристого вина!

Блондинка Свет пренебрежительно покривилась:

– Ох уж мне этот твой казарменный юмор!

Я обалдело крутила головой, слушая склочную перебранку демиургов.

– А уж как он тебя любит! – экзальтированно закатила выцветшие глазки Свет. – Даже не взирая на твое уродство, он готов целовать тебя везде, даже туда, куда никто еще не целовал... – она скабрёзно хихикнула.

– Это куда еще? В меч что ли? – шокировано буркнула я. Вот уж не ожидала, что они начнут так фамильярно обсуждать мою интимную жизнь.

Свет визгливо расхохоталась.

– Дура! Отвадила от себя второго мужика! Ну и чего ты этим добила?

Я криво усмехнулась. Не совали бы эти старые девы любопытные носы не в свое дело! Жаль, забыла обидное словечко, которым называют любителей подглядывать за чужими

любовными утехами, а то бы я им сейчас так припечатала!

Голос Оружейницы грохотнул сталью:

– А вот я ее понимаю! Зачем нужны мужчины, если в мире существуют клиники!

« Ага! – мысленно возликовала я. – Наблюдается разброд и шатание. Кажется, нас уж двое против троих!»

– Хватит! – самая страшная и старая из демиургов звучно стукнула ладонью по подлокотнику кресла. – Шутки шутками, но принцесса совершенно вышла из-под контроля. Что предлагаете, сестры?

– Стойте, – возмутилась я. – Я же вам помогла! Устранила Ледяного бога...

– Ша! – приструнила меня Хаос. – Тебя не спрашивали. Ты сама сейчас угроза, пострашнее Тварей холода!

Я потрясенно расширила глаза.

– Так ты еще не поняла, что с тобой произошло? – не поверила Свет.

Я отрицательно помотала растрепанной головой.

– Ты прошла Колодец пустоты, третье испытание, делающее человека – богом! – снисходительно пояснила Тьма. – Поэтому ты начала видеть наш истинный облик, поэтому тебе подчинился кулон Оружейницы. А кроме всего прочего, ты обрела вторую дагу из пяти!

– Да заберите вы ваши артефакты, от них одни неприятности! – возмутилась я. – Мне они ни к чему. Я бы сейчас все отдала, лишь бы вернуть Астора!

– Ой, – умилилась Свет. – Сестрицы, давайте ей поможем, она наконец-то поняла что любовь – превыше всего в мире!

– Цыц, курица сентиментальная! – командно прикрикнула на сестру Хаос. – Еще мне только любви ихней не хватает до кучи, итак проблем выше крыши! Забрать у тебя артефакты мы, увы, не можем, – это она уже мне. – Они сами выбирают себе хозяев и возвращаются к ним при любом раскладе сил. От Ледяного бога, ты нас конечно избавила, но при этом существенно нарушила течение жизни всех близких тебе людей. Ты стала слишком сильной. Ой, чую, ты теперь представляешь для нас угрозу почище Детей стужи и дурных демонов. В наши намерения совсем не входит делиться властью с какой-то там девчонкой, пусть и ставшей богом!

– Так чего проще, – вполне серьезно предложила я. – Убейте меня и дело с концом!

Хаос посмотрела на меня как на идиотку:

– Убить бога? – она заржала грубо и вульгарно. – Вряд ли это возможно в принципе! И боюсь, что это может привести к новым, еще более непредсказуемым последствиям.

Тьма чопорно поджала губы, разглядывая меня неодобрительно и брезгливо.

– Сестрица, а когда мы скажем ей о...? – встряла Свет.

Хаос недовольно махнула граблеобразной рукой:

– Не до этого пока. Время покажет, что к чему. Ума не приложу, что нам теперь делать еще и с этой, совершенно непредвиденной проблемой!

Я наострила уши, пытаюсь понять – о чем это она. Хотя, надо признаться, вторая беседа с демиургами стала для меня такой же малоинформационной, как и первая.

– Если проблему можно решить, то нет повода для тревог. А если нельзя разрешить – то и тревожиться бессмысленно, – наставительно произнесла Оружейница.

Тьма одобрительно хмыкнула. Хаос скептически покачала головой:

– Некоторые проблемы имеют свойство расти! – она сделала непонятный жест руками в области своего живота. Сестры захихикали, а я – опять ничегошеньки не поняла:

– Это вы о чем?

– Ох, Ульрика, – снисходительно вздохнула Хаос. – Я рядом с тобой, себя обычно такой умной чувствую!

Я сжала зубы, стараясь сдержаться и не вспылить. Интуиция мне подсказывала, что хитрые демиурги просто пользуются какими-то знаниями, о которых я пока еще не имею ни малейшего представления, и кроме этого, пытаются с помощью напускной небрежности скрыть владеющую ими растерянность и даже страх. Но вот чего и почему они боятся?

– А может, вы меня просто отпустите, и все мы все спокойно пойдем своей дорогой? – осмелилась предложить я.

Тьма выразительно покрутила пальцем у виска.

« Так, – поняла я. – И тут мне светит облом. Впрочем, не привыкать уже. Облом, как много в этом звуке для сердца женского слилось... »

– Не можем мы тебя отпустить, девочка, – почти извиняясь, призналась миролюбивая Оружейница. – Ткань бытия вокруг тебя слишком не стабильна, ты играючи прорываешь ее насквозь и легко перекраиваешь под свои идеи. Пока ты на свободе, мы вполне обоснованно опасаемся не только за свои полномочия, но и за свою жизнь!

– Запрем ее в чертоге Смерти! – предложила Хаос.

– Я за! – поддержала сестру подпевала Свет.

– И я! – откликнулась немногословная Тьма.

Оружейница немного поколебалась, но вскоре тоже утвердительно кивнула головой.

– А я – нет! – возмущенно вякнула я.

Демиурги умиленно заулыбались:

– Девочка глупенькая, это для твоей же пользы! – начала оправдываться Оружейница. – Позднее ты все уразумеешь и даже скажешь нам спасибо. Твое здоровье сейчас таково, что в ближайшее время ты нуждаешься в отдыхе, положительных эмоциях и полноценном питании. А отпусти мы тебя на волю, как ты тут же опять начнешь скакать с мечами, поднимать тяжести и проделывать всякие, еще более неразумные вещи.

– Да ты пойми, это же не на долго, – утешила меня ханжа Свет.

– И на сколько же? – осторожно поинтересовалась я.

– Ну, – начала загибать кривые пальцы Хаос, – думаю – месяцев на девять!

– На сколько, на сколько? – потрясенно взывала я. – Вы что, с ума сошли? Да за такую прорву времени, только гоблин знает, сколько всякого приключиться может!

– Вот именно! – наставительно провозгласила Хаос, поднимаясь с кресла. – Так что заруби себе на носу, дорогая принцесса, – она угрожающе помахала кистью с разбухшими от артрита суставами перед моим вытянувшимся от разочарования лицом, – мы хотим как лучше. Заботимся о тебе. Предупреждаю, послушаешься нас – тебе же хуже будет. Так что считай, будто ты находишься на принудительном лечении в санатории!

Она вежливо пропустила сестер вперед, вышла из комнаты и захлопнула за собой дверь. Ключ повернулся в замке с негромким скрежетом, напомнившим мне звук захлопывающейся крышки гроба. Я в растерянности стояла около кровати, недоуменно хлопая ресницами.

– Они это серьезно? – недоверчиво произнесла я вслух, задавая скорее риторический вопрос. – Но ведь у меня итак никогда ничего значимого в жизни не было, кроме свободы. И кто же дал им право лишать меня моей личной, персональной свободы?

Толстый кот бочком выбрался из-под шкафа, сел на упитанный зад, и сожалеюще развел лапы, намекая – теперь уже ничего не поделаешь, смирись, принцесса.

– А-а-а, – скандально заголосила я, бросаясь к запертой двери и иступленно молотя кулаками в крепкую створку, – откройте, падлы!

За дверью царила могильная тишина.

– Бабушка, помощи! – жалобно позвала я. Но мне никто не ответил.

Я тихонько сползла вниз по гладкой, лакированной доске, упрямо сжимая трясущиеся губы и пытаюсь не разрыдаться в голос. С ума сойти можно – они меня наказали как непослушное дитя, отлучили от жизни, лицемерно мотивируя тем, что делают это для моей же пользы. Они меня заперли, это же просто произвол какой-то!

Черный кот уселся около меня, сочувственно и успокаивающе мурлыкая, нежно утирая мое зареванное лицо своими мягкими, бархатистыми лапами.

– Замурррровали! – явственно звучало в его утробном мурчании. – Муррррррзавки!

Я строптиво усмехнулась и злорадно шмыгнула распухшим носом. « Ну и пусть! – вертелось в голове. – Все равно – убегу! И не в таких ситуациях бывала. Сумасшедшая

принцесса я в конце то концов, или кто!»

Глава 5

Хан Исхаган боязливо выглянул из-за перевернутого трона. Испуганно зыркнул вправо, влево и успокоился, осознав, что его венценосному благополучию уже ничего не угрожает. Облегченный выдох сотряс щуплую фигуру владыки, более всего подходившую под саркастичное определение язвительного Лансанариэля «и на груди его могучей – три волоса казались кучей». Правитель опечаленно опустил на истоптанный ковер и сокрушенно помотал седой головой. И ведь было от чего. Праздник сорвался, гости разбежались, первый визирь – позор государства, валяется обеспамятовав, кверху задом, в прозрачных бабьих штанах. Впрочем, монарший авторитет рушится на глазах, а принцесса так и лежит в своем гробу не расколдованная. Причем, тридцать лет уже лежит, не ворохнется. И хан вздохнул еще печальнее и протяжнее.

Огвур с любопытством наблюдал за картиной вселенской скорби, талантливо исполняемой престарелым повелителем. Железное сердце непоколебимого орка кольнул острый приступ жалости:

– Гляди! – он потянул за рукав Ланса, сосредоточенно перезаряжающего арбалет. – Как старик то убивается! Помог бы ты ему, а?

Полукровка кисло воззрился на гроб с принцессой:

– Целовать женщину? К тому же – мертвую? Огвур, ты в своем ли уме? Да я еще со времен штурма Нарроны мертвяков до икотки боюсь!

Хан Исхаган поднял на полуэльфа заплаканные глаза:

– Да не мертвая она, господин эльф. У нее это – летаргия. Сделайте божескую помощь, помогите! Все равно у нас сегодня нет никого отважнее и доблестнее вас! Да и пророчество...

– Ну уж дудки! – попятился Ланс, на всякий случай прикрывая рукой лекарство, должное исцелить спящую красавицу, а именно – свои алые губы. – Брехня это все, про поцелуй. Про эффект плацебо слышали? Так вот, это все – самообман!

– Да ты чего, дурашка, – мягко упрекнул его добросердечный Огвур. – Какой может быть самообман у заспавшейся бабы? Ну, поцелуй ты ее разочек, от тебя не убудет...

– И это ты мне предлагаешь? – горестно возвел очи к небу щепетильный красавец. – Ты!

– Да ладно тебе, – орк словно невзначай подталкивал сердечного дружка к хрустальному саркофагу. – Я не стану ревновать, я даже отвернуться могу...

– Не хочу! – принципиально уперся привередливый полукровка.

Народ, привлеченный второй частью увлекательного зрелища, начал стягиваться обратно к помосту. Несостоявшиеся женихи выползли из своего надежного, коврового укрытия.

– Поцелуй принцессу, Аолой заклинаю! – униженно умолял хан Исхаган, молитвенно складывая сухонькие ручки.

– Нет! – продолжал отказываться Ланс.

– Целовать – не воевать! – натужно кряхтели стражники, предусмотрительно сдвигая крышку гроба.

– Эй, красавец, не робей и целуй ее скорей! – громко скандировала толпа.

– Ты целуй ее везде, восемнадцать ей уже! – дружно подбадривали женихи.

– Целуй, а то меня целовать придется! – угрожающе пообещал очухавшийся визирь Бухтияр.

Ланс обреченно застонал и рефлекторно нажал на спусковой крючок арбалета, до сих пор находившийся в его судорожно сжатых руках. Тетива звонко тренькнула... публика ахнула. Короткий болт просвистел над крупом серого ослика дервиша Али-Бабы, который, полуприкрыв глаза, блаженствовал в тени шелкового навеса. Ощутив обжигающую молнию,

мимолетно царапнувшую его итак уже порядочно поношенную шкуру, несчастное животное заорало дурным голосом и взвилось на дыбы. Подкованное копыто, с жирным чавканьем, метко опустилось прямым на спину едва приподнявшегося на четвереньки визиря. Бухтияр надсадно взвыл и ухватился за свисающий с помоста ковер. Пестрое полотнище поползло вниз. Стоявшие на нем стражники взмахнули руками, словно птицы – крыльями, и рухнули на своего повелителя. Хан выпустил из рук вставший на ребро трон и, гремя костяком, покатился вниз по лесенке. Резной, деревянный, напоминающий барабан стул, плавно подбил под колени растерянного Ланса. Полукровка коротко вскрикнул и упал точно в гроб, прямо на принцессу Будур. Послышалось смачное чмоканье. Народ на площади испустил вопль восхищения и настороженно затих...

– Судьба! – философски уточнил мудрый Али-Баба, довольно поглаживая седую бороду.

Мертвую тишину разорвал пронзительный, возмущенный девичий визг и звонкий звук пощечины. Ланс резво отпрыгнул в сторону, держа ладонью за лицо:

– Стерва! – обиженно выкрикнул он, и торопливо застучал каблуками вниз по ступенькам лесенки.

Темное полотнище, прикрывавшее саркофаг, отлетело на пару метров. Из гроба поднялась разгневанная красавица и встала на помосте, эффектно упирая руки в бока, хозяйским взором окидывая притихшую в ожидании площадь. Ланс и Огвур, открыв рты, потрясенно рассматривали наследную рохосскую принцессу.

Принцесса Будур, несомненно, вполне подходила под определение – красавица. Высокая, как ханский янычар, мощная словно молодой дубок, она угрожающе поигрывала рельефными бицепсами, демонстрируя широкие плечи молотобойца, и тонкую талию, весьма аппетитно смотревшуюся в сочетании с ядреными бедрами. На круглом, луноликом лице гневно сияли огромные черные очи и сердито кривились сочные уста, пикантно оттененные темными волосками над верхней губой. Сросшиеся на переносице брови сурово хмурились, десяток толстых кос спускался почти до пят.

– Вот гоблины такие-разэтакие! – выразительно выдал Огвур, не сводя расширившихся глаз с прекрасной богатырши.

– Пери, гурия! – с неприкрытым вождением выдохнул subtilный принц Али-Мангут, эротично облизываясь.

– Слава госпоже нашей, принцессе Будур! – верноподданнически возопила толпа, падая ниц.

– И где мой жених? – требовательно спросила пери, негодующе топая ножкой сорок второго размера. Жалобно затрещал устланный коврами помост.

– Да вот же он! – хан с видом доносчика указал дрожащим пальцем на побледневшего Ланса.

– Этот? – Будур капризно скривила губы. – Чего-то тощеват, да бледноват! Никак, болел в детстве?

– Кто, я? – склочно уточнил полукровка.

– Ну не я же! – передразнила принцесса. – Ладно, сойдешь, пловом откормлю. Иди сюда! – и она поманила жениха жадным жестом изголодавшейся за тридцать лет людоедки.

При упоминании ненавистного, калорийного кушанья, полуэльф озверел:

– Фиг тебе, а не свадьба! – он взвился в невероятном прыжке, ловко хапнул с валяющегося на коврах подноса золотую стрелу, и мстительно показал принцессе выразительную фигуру из трех пальцев. – Отвали, корова усатая!

Оскорбленная в лучших чувствах Будур взвыла громче придворного муэдзина. Ланс издевательски рассмеялся, подмигнул Огвуру и не оглядываясь, рванул вдоль по улочке, ведущей к озеру. Грохоча сапогами, орк помчался за улепетывающим во все лопатки другом. Следом за ними, нещадно подгоняя ослика, резвым джигитом скакал старый дервиш Али-Баба.

Покинутая невеста голосила не переставая.

– Поймать, вернуть! – растерянно выкрикивал приказания хан, но куда там, стражники не слышали, сгибаясь пополам от неудержимого хохота.

Поняв, что беглецов уже не догнать, Исхаган изменил тактику:

– Да на кой гоблин он тебе сдался, дочка! – нежно уговаривал он зареванную наследницу. – Бледный, да тощий! Ну, какой из него муж? Я тебе другого найду!

– А я этого хочу! – в три ручья продолжала рыдать принцесса.

– Дочка, будь же благоразумна! – подхалимничал отец. – Ведь ты – правительница, трон и государство – твои! Утри глазки и займись делами, карай и милуй, хозяйничай!

– А-а-а! – Будур вытерла косой мокрые глаза. – Так это все – мое?

– Твое! – с готовностью закивал хан.

Правительница выпрямила сильный стан, черные очи метали гневные молнии:

– А почему мало воинов? Почему у замка башня в трещинах? А ты сам в засаленном халате? Почему на улице слишком жарко? Почему на небе нет облаков? Хочу облака, немедленно! Бездельники! Начальника охраны – казнить! Казначея – казнить! Хана – казнить!

Все присутствующие потрясенно зароптали, преисполненные ужаса.

– Дура! Красивая, но редкостная дура! – схватился за голову Исхаган. – Тебе только детей рожать да салфетки крестиком вышивать! Немедленно вернуть эльфа. Хочет он этого или не хочет, но он женится на принцессе!

Взбодрившаяся и воспрянувшая духом охрана, рысцой рванула к озеру, демонстрируя полнейшее согласие с компетентным мнением хана. Подоспевшие евнухи подхватили принцессу и, не взирая на бурное сопротивление, замотали в покрывало, утаскивая на женскую половину дворца. Назревавший было матриархат благополучно зачах на корню. Взбудораженная столица медленно успокаивалась.

Ланс давно запыхался, кровь стучала в висках, сердце грозило выпрыгнуть из груди, но он не сдавался и не сбавлял шага. Потому что позади наступающим эхом грохотали ятаганы и медные бляхи, нашитые на халаты догонявшей их погони. Повеяло прохладой, цепочка глинобитных мазанок неожиданно оборвалась, явив дощатые портовые постройки и насквозь пропитанные солью доски причалов. Убогие лодчонки, приземистые, крутобокие галеры, а выше всего этого – белопенная громада надувающихся ветром парусов гордой, готовой к отплытию каравеллы. Глаза полукровки выхватили надпись на борту «Маргота», поясную фигуру деревянной девы под бушпритом и красный, головной платок Маллера де Вакса, веселым пятнышком отсвечивающий на корме.

– Эй, на палубе! – громко закричал Ланс, размахивая руками.

– Это ты, родич? – отозвался пират. – Ты успел вовремя, мы отплываем вверх по реке, чтобы выйти в море. Ветер попутный, так и норовит сорвать корабль с якоря!

– Ты обещал отвезти нас на Поющий остров! – напомнил Огвур, первым вступая на веревочный трап.

Маллер протянул ему руку, помогая перебраться через планшир каравеллы:

– Вижу, выбора у вас нет! – он коротко хохотнул, указывая на приближающихся стражников. – Шумная вы парочка, везде умудряетесь набедокурить! Руби концы! – прикрикнул он на матросов и «Маргота» важно отвалила от причала.

На опустевшем пирсе разочарованно ругалась погоня, измотанная безрезультатной беготней.

– Как, парочка? – восторгнулся Ланс. – С нами же еще дервиш на ишаке бежал, Али-Бабой его звать!

– Да вон он, ваш старикан, – махнул рукой капитан, – на берегу остался!

И правда, на пирсе, никому не нужный и никем не схваченный – стоял старый дервиш, вскинувший ладонь в прощальном взмахе.

– Удачи вам, друзья Сумасшедшей принцессы! – долетел до путников его голос, ставший неожиданно сильным и молодым. – Вы сослужили мне отличную службу. А то, что

добыл ты, орк, отправится к тому, для кого и предназначено. Ведь от судьбы – не уйдешь!

Отгвур громко ругнулся и схватился за палец, на котором носил перстень « Пожиратель пространства» укрытый тряпичным лоскутом. Но увы, под повязкой ничего не обнаружилось. Тысячник снова взглянул на причал и заметил яркую искру света, сверкнувшую в грязной руке дервиша. Отблеск драгоценного камня был столь ярок, что друзья невольно зажмурились, и сквозь опущенные ресницы им на мгновение померещилось, что тщедушное тельце Али-Бабы странно изменилась, превратившись в статную фигуру женщины в роскошном одеянии, с серебряной короной на распущенных, черных как смоль волосах. Серый же ослик стал поджарым гнедым скакуном, щеголявшим золотым чепраком. Ланс протер веки, но на причале вновь стоял все тот же бродячий старик, хитро щуривший подслеповатые глаза.

– Ты видел? – заикаясь от волнения, спросил полуэльф у задумчивого орка.

Орк насмешливо цыкнул зубом, и сплюнул за борт:

– Я же сразу сказал, что имя у него какое-то подозрительное – али баба... А я бабу за милую чую!

Я давно уже утратила ощущение времени, сбившись с подсчета миновавших дней. Окон в комнате не было. Единственным ориентиром проходящих часов и суток служила свежая пища, появлявшаяся с четкой регулярностью. Кормили меня будто на убой, и вскоре я и смотреть не могла на разнообразные и питательные яства. Хотя, если говорить на чистоту, отсутствием аппетита я не страдала, даже не взирая на утреннюю, тоже ставшую регулярной тошноту. Нет, а чего еще можно ждать от подобного образа жизни? Нервы на пределе, прогулки на свежем воздухе не предусмотрены, прогрессирующая гиподинамия на лицо, четыре стены надоели дальше некуда, того и гляди – клаустрофобия разовьется. Наверно, мои бдительные тюремщики хорошо усвоили неписаное правило, что каждому попавшему в мышеловку полагается бесплатный сыр, а перед смертью – тем более. Сыром меня баловали вволю: и твердым нарронским, и мягким из козьего молока, и деликатесным эльфийским с голубой плесенью. Так что по поводу своей дальнейшей судьбы я радужных надежд не питала. Вот подумают демиурги, подумают, да и пустят меня в расход. Решив не сдаваться без боя, я частенько упражнялась в фехтовании, испортила стены метательными ножами и совершенно случайно, промахнувшись, чуть не угрохала кота, обидевшегося на меня словно на злейшего врага. Нарвавшись на заслуженный кошачий бойкот, я заскучала окончательно. Как никак, но усатый бабушкин любимец был единственным доступным мне собеседником, внимательным и никогда не перебивающим. А пространные монологи, патетично произносимые в черную, лупоглазую морду, помогли мне хотя бы немного разобраться в не только сложившейся, чрезвычайно запутанной ситуации, но и в самой себе.

Я часто слышала фразу, что от судьбы – не уйдешь. Ибо как можно избежать собственного предназначения, особенно, если ты сам сознательно выбрал свой путь, да еще и умудрился при этом перечеркнуть древнее пророчество? Что посеял – то и пожнешь. Выбился из предназначенных тебе рамок, значит – твори судьбу заново. Посеешь глупость – расплатишься за нее сполна, поступишь обдуманно – можешь надеяться на награду. Я с раскаянием покачала бедовой головой, ведь необдуманных поступков я совершила предостаточно и жаль, что осмысление последствий неразумных деяний пришло ко мне слишком поздно.

Я ошиблась – моя любовь к Астору не умерла, а наоборот, стала еще сильнее и пронзительнее. Любовь не признает титулов и сословий, не зависит от ума и внешности, не выбирает врагов или друзей. Любовь просто приходит. Правы оказались бабушка и Эткин, утверждавшие – любят не за что-то, а скорее – вопреки всему. Я наконец-то безоговорочно приняла свое чувство к принцу демонов и поняла, что в итоге примирилась и со своей душой. Без любви – душа пуста. Без нее не создаются стихи, не звучит песня, не существует красота. Без любви не имеет смысла само понятие бытия. Любовь – начало всех начал, источник всего лучшего. Признание в любви займет минуту, а ее доказательство может

растянуться на целую жизнь. А я поняла эту истину, лишь оттолкнув своего возлюбленного. И сильнее всего в мире я желала одного – вернуть Астора. Я звала его всей своей измученной, раскаявшейся душой, мысленно просила прощения и надеялась на встречу. Надеялась на второй шанс...

Я поняла – беда всегда ходит рядом с нами, стоит лишь по неосторожности или по неведению приоткрыть дверь, и впустить ее в свой дом. Счастье же наоборот – капризно и труднодостижимо, и далеко не у каждого хватит мудрости и терпения, достаточного для привлечения столь редкого гостя. Беда приходит незваной, вольготно располагается на хозяйском месте и потом ее трудно уже остановить, или выгнать. Счастье напоминает экзотический цветок, привередливый и хрупкий, возвращаемый старанием и благоразумием. А я оказалась слишком неумелым садовником. Теперь передо мной стояла труднейшая задача – вновь обрести счастье, потерянное по собственной вине. И я мучительно пыталась понять – как связаны между собой три этих важнейших понятия: судьба, счастье и любовь.

Я поверила, тот – кого я добровольно назвала своим мужем, презрев закон и обычаи, полюбил меня искренне. Любовью, ставшей для него дороже семейных уз и привязанности к единокровной сестре. А гневные и обидные слова, сорвавшиеся с его уст, были всего лишь логичным следствием нанесенной мной, совершенно незаслуженной обиды. Я доставала медальон с его портретом и ежедневно взывала к своему прекрасному принцу, пытаясь докричаться до его сердца. Но мои усилия оставались тщетными.

Я пала духом. Вынужденное, затянувшееся заключение тяготило меня все больше и больше. Однажды в моей голове даже родилась идея покончить с собой, тут же перешедшая в раскаты саркастичного хохота. Ведь я итак уже находилась в покоях Смерти.

К каждой трапезе прилагался графин отличного красного вина, и я начала все чаще прикладываться к до краев наполненному бокалу, мечтая забыться хотя бы на короткий миг и, таким образом – избавиться от болезненных воспоминаний. Однажды я злоупотребила спиртным сильнее обычного. Я почувствовала приятное опьянение, легкость во всем теле и безответственную бесшабашность в мыслях. Теперь я уже не взывала к Астору, а крепко сжимая в кулаке нагретый от моих прикосновений кулон, представила его ясно и четко, стремясь дотянуться до любимого. Как воочию я видела его золотистые очи, нежный овал лица, разметавшиеся по плечам белокурые локоны. Золотой медальон раскалится, обжигая кожу...

– Ульрика! – едва различимый шепот шел, казалось, ниоткуда. – Любимая!

– Астор! – счастливо улыбнулась я. – Где ты?

– У себя, – пришел немедленный ответ, – мой замок находится за пределами портала Тьмы.

– А меня заперли в покоях бабушки! – пьяно пожаловалась я.

До меня долетел вздох облегчения:

– Это не важно. Главное – ты нашлась! Я искал тебя повсюду. Но во владениях Смерти моя магия бессильна...

– Прости меня, – жалобно попросила я. – Я люблю тебя до безумия!

– Девочка моя! – нежно откликнулся он. – Ты мое нереальное, горькое, краденое счастье... Я сожалею, что вел себя как обидчивый мальчишка. Я готов отдать все сокровища мира за один твой благосклонный взгляд!

– А я смогу выйти из этой комнаты и попасть к тебе? – нетерпеливо спросила я.

– Через кулон – нет. И мне нет пути в чертоги твой бабушки. Но вспомни, в Лабиринте судьбы есть большой портрет, который приведет тебя ко мне...

– Но меня заперли!

– Это поправимо, – в голосе Астора появились задорные нотки. – Тебя удерживают не магия или заклинания, а обычный замок. Все гениальное – просто. Тебя обманули, заставив поверить, что дверь – несокрушима. Оставь в комнате какую-нибудь вещь, пропитанную твоим запахом, твоей аурой, чтобы сбить врагов со следа, взломай замок и беги в коридор, ищи мой портрет...

Не дослушав принца, я бросила на кровать два любимых метательных кинжала, вынула Нурилон и вставила кончик его лезвия между дверной створкой и косяком, всем весом налегая на меч. Бабушкин кот протестующе взвыл, цепляясь за мой сапог. Но я невежливо отпихнула его в сторону, усиливая нажим. И дерево не выдержало. От облицовки двери откололся огромный кусок, язычок замка вышел из паза, и я стала свободной. Не глядя, привычно пихнув клинок обратно в ножны, я побрела по длинному коридору, скудно освещенному редкими факелами. Под ногами что-то хрустело, сзади жалобно, как-то обреченно и задушено орал кот, но я не останавливалась. Сбила щит, висевший на стене, разбила изящную вазу, гоблин знает как оказавшуюся на моем пути, но лишь прибавила шагу, переходя на бег. На какое-то мгновение в памяти всплыло предупреждение архимага Арбиуса, умолявшего меня ни в коем случае не посещать Лабиринт судьбы во второй раз. Он предупреждал, что повторный визит чреват неожиданными последствиями и может по-новому, круто изменить не только мою судьбу, но и участь всех зависящих от меня людей. Рассудок подсказывал, что я творю запретное, но желание увидеть любимого превозмогло слабый голос разума. Я миновала длинную череду затянутых паутиной картин, обитатели которых взирали на меня с нескрываемой враждебностью и осуждением. Даже с учетом моего острого зрения, я плохо ориентировалась в царившем вокруг сумраке, но сердце оказалось зорче глаз. Я нащупала резную раму нужного портрета, его портрета, с трепетом узнавая эти вишневые губы и насмешливый прищур прекрасных глаз. «Торопись, – скороговоркой донеслось из кулона. – Они догоняют, они идут!» Я положила ладони на холодный, покрытый красками холст, и нежно прижалась к нарисованному лицу...

– Остановись, сумасшедшая! – раздался требовательный окрик сестры Хаос. – Ты сама не понимаешь, что творишь!

Но поверхность картины теплела, наливаясь жизнью и магией. Грубая ткань выгнулась, принимая форму плоти, обдавая влажным теплом близкого дыхания, донося биение сильного, такого родного сердца. Опора под моими пальцами неожиданно растворилась, превращаясь в туннель пустоты и света, бьющего в глаза. Я покачнулась, потрясенно вскрикнула и провалилась в странное ничто, краем меркнувшего сознания успев заметить, как меня подхватывают мускулистые, крепкие руки любимого мужчины...

Попутный ветер надувал широкие полотнища белоснежных парусов. Пенные валы речной воды щедро обдавали носовую статую, обильно смачивая пышные, деревянные груди гордой ликерийской дворянки. Ланс уцепился обеими руками за корабельный такелаж и рискованно перегнулся через борт, вглядываясь в незнакомое лицо искусно вырезанной фигуры. Он почти не помнил рано умершей матери. В сознании сохранилось туманное видение длинных каштановых кос, белых рук – нежно его баюкающих, да мелодичный голос, напевающий непонятную, страшную песню:

Тело пронзает иззубренный крюк,
Саван пятнает эльфийская кровь,
Принцем не стал незаконный байстрюк,
Это расплата за нашу любовь...

Песня, которую мать пела очень часто, была длинной, но детская память Лансанариэля милосердно сохранила только четыре начальные строки. Но и этого оказалось вполне достаточно для того, чтобы мучительные ночными кошмары, ставшие его неизменными спутниками, возвращались снова и снова. Сны, в которых он сотни раз видел худую, изможденную болезнью женщину, умирающую на клочке жесткой соломы в жалком, вонючем овине, куда их пустили из сострадания. А рядом с ней самого себя – долговязого подростка, голенастого гадкого утенка, обещающего вскоре превратиться в прекрасного лебедя. Единственную свою драгоценность – серебряную застёжку от плаща, он отдал неопрятному, прыщавому могильщику, окинувшего пепельноволосого, зеленоглазого

мальчишку похотливым, сальным взглядом и намекнувшего, что готов принять плату за похороны другим, более необычным способом. И полукровку опять передернуло от отвращения при воспоминании об этом давнем ужасе. Моросил мелкий, холодный дождик, превращающий в жидкую грязь убогий холмик желтой глины, насыпанный на могиле его матери. А Ланс все продолжал стоять на коленях, уже не ощущая онемевших ног, и повторял данное им обещание – разыскать неведомого отца, взглянуть в его лицо и рассказать, как умирала она, та – которую он когда-то прижимал к груди и, наверное, страстно целовал, заронив во чрево юной девушки нечаянный росток новой жизни. Росток – закрепившийся, родившийся и ставший внебрачным ублюдком, презираемым всеми бастардом, отверженным байстрюком – сыном эльфа и человеческой женщины.

Самое страшное чувство, которое только можно испытать в жизни – это надежда. Ланс давно постиг эту парадоксальную истину. Надежда, в отличие от своих единоутробных сестер – веры и любви, необычайно живуча, и обычно умирает последней. Стенает, корчится под наступающими ее ударами судьбы, но продолжает из последних сил цепляться за существование, дышать, вздрагивать и харкать кровью. Надежда – конечный, бесплотный, вымученный шанс страдающей души. Живучая, как и все бастарды. Надежда – ложный свет несбыточных желаний, единственная путеводная нить. Жажда любви, вера в справедливость, желание мести, поиск смысла жизни, все это называется одним коротким словом – надежда. И Ланс надеялся, всматриваясь в темнеющий горизонт, туда, где бурная река Оха вливалась в бескрайнее Ликерийское море, что долгие годы ожидания приведут его к заветной цели. И он, наконец-то, найдет того, кто зачал его – изгоя и полукровку, а затем безжалостно бросил и обрек на мучительную гибель благородную Марготу де Вакс. Ланс жаждал отмщения.

Погрузившийся в безрадостные размышления полуэльф не услышал подошедшего к нему Маллера и очнулся, лишь ощутив дружеское прикосновение мозолистой, заскорузлой от канатов ладони. Пират участливо потрепал Ланса по плечу, стараясь скрыть овладевшее им волнение.

– Догадываюсь, о чем ты грустишь, родич! – капитан кашлянул, отводя глаза. – Наверно следует признаться, что наш клан с лихвой заплатил за горе, причиненное тобой матери. Де Ваксы конечно же понимали, что Маргота стала жертвой собственной наивности и неопытности, попав в руки безжалостного совратителя. Но незаконнорожденный ребенок, да еще эльфийской крови – дитя из семени врага..., – пират горестно вздохнул. – Боюсь, они придавали слишком много значения родовой чести, которая оказалась запятнанной. Вот только, по моим меркам, эта честь не стоила ее загубленной жизни и твоей тяжелой доли. Боги заслуженно покарали моих предков. После бегства Марготы, не выдержавшей унижения и издевательств, их жены стали бесплодными, семья вскоре обеднела и утратила былое величие. Так великая Аола наказала жестокосердных.

Лансанариэль слушал Маллера молча, печально затенив длинными ресницами свои прекрасные глаза. Одинокая слезинка скатилась по бледной щеке и канула в изгибе подрагивающих губ. Заметив отчаяние друга, могучий Огвур мягко обнял его за тонкую талию, привлекая на свою надежную грудь голову полукровки, девически беззащитную и хрупкую. И ни один, даже самый грубый язык, не повернулся бы для того, чтобы назвать эту пару, являющуюся олицетворением пусть не привычной, но светлой и чистой любви, каким-либо грязным или обидным словом. Ланс всхлипнул, пряча лицо в ладонях орка, рядом с которым отступали назойливые ночные кошмары, и уже не было так одиноко и страшно. Ведь совсем не важно, какую форму принимает земная любовь, если она – истинная.

– Смотрите, друзья! – пират указующе вытянул руку, очерчивая линию горизонта. – Мы вышли из озера богини, поднялись по реке Охе и почти достигли места ее впадения в Ликерийское море. При благоприятной погоде, мы будем на Поющем острове через три-четыре дня. Не исключено, что там вас ожидает разочарование, но возможно..., – он порывлся в лежащей у его ног сумке, извлек какой-то сверток и протянул его Лансу, – именно это поможет тебе отыскать отца.

Полукровка удивленно развел ладони, принимая неожиданный подарок. Сверток неловко

скользнул по его пальцам, зашелестел, зашуршал и развернулся в легкий, невесомый плащ. В лучах заходящего солнца, ткань ослепительно рдела кровавым багрянцем, отливая излюбленным цветом королей и богов. Врожденно величавым жестом, Лансанариэль набросил плащ на свои плечи. Насыщенные оттенки бесценной ткани как нельзя лучше подошли к его роскошным, светлым волосам и изумрудным глазам. Что-то дрогнуло и неуловимо изменилось в чертах наблюдающего за ним Маллера:

– По преданию, этот плащ принадлежал твоему отцу, подарившего его Марготе. Только эльфы умеют выделывать такую ткань, не подверженную влиянию времени. А глядя на тебя сейчас, я начинаю осознавать, что скорее всего – твой отец принадлежал к самому знаменитому эльфийскому роду в клане Синей розы.

– Я убью его! – хрипло выдохнул Ланс, комкая ткань. – Я чувствую его душу, отпечатавшуюся на плаще! Он само зло, холод, лед, жестокость! Он растоптал мать, словно отцветшую лилию! Его преступление перед ней можно смыть только кровью. Из-за него она прошла через потерю любви и веры в добро, через унижение и боль...

– Если тебя ударили – забудь, если ранили – прости, если предали – вспомни, вспомни все разом и убей обидчика! – неразборчиво проворчал Огвур, предостерегающе притрагиваясь к рукояти грозной Симхеллы. – Это закон орков!

– Но эльфы сильны! – заботливо предупредил пират. – Выступая против них, вы показываете себя либо дураками, либо отчаянными храбрецами!

– Справедливость должна восторжествовать! – непреклонно отчеканил Ланс.

Он протянул руку Огвуру, и их пальцы крепко переплелись.

– Два дебила – это сила! – иронично проворчал Маллер, но нотки чего-то похожего на уважение невольно проскользнули в его насмешливом голосе. И он злорадно посочувствовал далекому бесчестному эльфийскому вырожденку, сумевшему неосмотрительно нажать себе столь опасных врагов.

Глава 6

«Если и существует земля обетованная, то несомненно – она находится здесь!» – лениво размышляла я, сквозь полуопущенные ресницы восторженно рассматривая открытое окно, находившееся прямо передо мной. Невесомый, теплый ветер приподнимал легкие кружевные гардины, донося из сада медвяный аромат цветущей липы. Деловито гудели мохнатые пчелы, перепархивая от цветка к цветку, и трудолюбиво собирая сладкий, как патока нектар. Так и грезилось, будто наяву – я сижу за легким ротанговым столиком на фоне вот этого не земного, чуть серебристого неба и неторопливо попиваю чай с янтарно желтым, липовым медом...

– Чашку то возьми, фантазерка! – послышался негромкий мужской голос.

Я резко повернула голову и вскрикнула от счастья.

Рядом с моей постелью стоял Астор, облаченный в одни лишь непритязательные парусиновые брюки, и протягивал мне тоненькую, просвечивающую фарфоровую чашечку, изливающую упоительный запах трав и сладостей.

– Попробуй, тебе понравится, – спокойно, по-домашнему предложил он, – бергамот, чабрец и чуть-чуть мяты. Мой личный рецепт...

Глаза мужа лукаво улыбались, и я впервые заметила две крохотные морщинки, отходившие от внешних уголков век. А эта предательская нить седины, блеснувшая на виске, в густой копне его белокурых волос... Я всхлипнула.

– Ну, ну, малышка! – нежно успокоил меня любимый, прикасаясь бархатистыми губами к моему страдальчески наморщенному лбу. – Все уже позади...

Его губы скользнули по переносице, я испуганно охнула и отшатнулась, неловко прикрываясь растопыренной ладонью. Волшебная золотая маска лежала рядом, на прикроватном столике, а муж беззастенчиво взирал на мое открытое лицо. Я обречено пискнула, натягивая простыню до самых глаз. Астор хмыкнул, отставил дымящуюся чашку и

силой отвел мои руки.

– Не напугала и даже не удивила, – его мягкие пальцы нежно касались страшных рытвин и рубцов. – Саму Смерть недаром называют безносой. А у нас, у демонов, уродство вообще давно уже сублимировало в понятие – красота. Так что по нашим меркам, – он отодвинулся и посмотрел на меня оценивающе, – ты даже без маски и Зеркала истинного облика вполне хороша собой!

Но я стыдливо протянула руку, под покровом простыни нацепила маску на привычное место и лишь только после этого отодвинула спасительную ткань. Обнаружила собственную наготу и торопливо укрылась вновь.

В глазах полураздетого мужа зажегся неприкрытый интерес, он приподнял простынь и гибким движением скользнул в постель, прижимаясь ко мне всем телом.

– Астор! – обмирающим голосом выдохнула я, закрывая глаза и погружаясь в легкое облако лавандового амбре, преследовавшего меня каждую ночь. Запаха его бледной кожи...

– А ты думала, что демоны непременно пахнул пеплом и серой? – спросил он, зарываясь губами в мои длинные, рыжие волосы и торопливо целуя меня сотни раз.

– Да! – хихикнула я, потому что его горячее дыхание настойчиво щекотало кожу, спускаясь по моему животу все ниже и ниже.

– Глупенькая! – нежно усмехнулся он и заслонил собой весь мир...

Потом мы долго лежали обнявшись, прислушиваясь к биению наших сердец, моя голова у него на плече, он обнимает меня крепко и уверенно. Его бездумно открытые золотистые глаза задумчиво блуждали по искусно выложенному мозаикой потолку.

– Милый, что есть судьба? – тихонько спросила я, бережно прижимаясь губами к еще не до конца затянувшемуся шраму на его правом предплечье, знаку – оставленному стрелой на арене Геферта.

Астор вздрогнул и приподнялся на локте.

– Ты угадала мои мысли, или мы уже настолько стали одни целым... , – он безрадостно рассмеялся и опустил обратно на подушку. – Представь себе ряд из подвешенных на нити шариков, – его палец обрисовал цепочку, составленную из кругов, и картинка немедленно обрела объемность и повисла в воздухе.

«Хорошо все-таки иметь в мужьях – мага!» – прищурилась я.

Астор рассказывал:

– Качнешь первый, и все шарик у приходит в движение. Это и есть судьба – первый значимый поступок, как первый шарик, движем всеми остальными. И большая часть людей просто послушно следует их поступательному движению. Но ты, радость моя, – золотистые глаза смотрели серьезно, – ты сделала так! – Изящная ладонь вклинилась в цепочку шариков, сбив их настроенное, синхронное движение. Нити закружились непредсказуемо, переплетаясь и путаясь, шарики стукались друг о друга и отлетали в стороны, полностью нарушая весь четко выстроенный рисунок однообразного движения... – Поняла? – спросил муж.

Я медленно кивнула, впервые начиная по-настоящему проникаться смыслом происходящего:

– Кажется, да! И что же дальше?

Астор хмыкнул и пожал широкими плечами:

– А вот это зависит только от тебя! Ты исказила нить своей судьбы. Теперь ты не зависишь от богов и демиургов, скорее они зависят от тебя, потому что твои поступки задевают также и нити их судеб, находящихся в непосредственной близости. Делай, что считаешь нужным, я верю, что ты не станешь руководствоваться чем-то корыстным или мелочным...

– Но что станет со мной, с нами? – печально перебила я изливания мужа, чувствуя, как сердце сжимается от предчувствия чего-то неминуемого и страшного.

Он погладил меня по животу, каким-то отстраненным, пророческим движением:

– Увы, девочка, мое время истекает! Я пока не знаю, что это будет конкретно, но ощущаю приближение холода небытия! И к тому же, слишком многое зависит от того, кто придет после меня!

Я недоуменно хмурилась, будучи не в силах постичь смысл его туманных речей:

– Скажи, ты знаешь, что случилось с моим отцом?

Вместо ответа Астор повел рукой и перед нашими взорами появился сияющий сгусток света. Колдовское окно медленно прояснилось, отображая подвижную картинку. Я увидела порт незнакомого города и фигуру высокого мужчины, торгующего с неопытным капитаном корабля за место на его паруснике, следующего до Поющего острова. На краткий миг капюшон, прикрывающий голову незнакомца, соскользнул, являя нам волну черных длинных волос и безупречно прекрасное лицо, благородное и величественное. То был мой отец, живой и здоровый, обретший свой истинный облик. Я ощутила горячую волну счастья, залившую мою ликующую душу. Астор улыбнулся:

– Ты спасла его ценой своей жизни. А теперь он собирается отыскать свою любимую женщину – принцессу Альзиру...

Я ощутила острый укол совести. Как же я могла забыть о моей несчастной матери, всеми покинутой и презираемой, больной, умирающей, блуждающей во мраке безумия.

– Любимый, я должна найти Пелену Аолы! – я требовательно затормошила мужа. – Я просто обязана это сделать!

– Зачем? – изумился демон, вздергивая черные брови. – Это очень опасно! За часть того, что принадлежит богам, всегда нужно платить соответствующую, весьма немалую цену. Ты готова пойти на подобное?

Я хмыкнула. Мне уже приходилось отдавать все.

– Я готова заплатить любую цену! – с готовностью ответила я.

– Вот значит, как! – муж горестно вздохнул. – Любую! Хотя..., – он покосился на меня выжидательно, словно на сивиллу, готовящуюся изречь пророчество, – возможно, тебе виднее!

– Астор? – я жаждала объяснения, но муж отрицательно покачал белокурой головой. – Я знал, что так оно и случится. Право выбора за тобой...

– Мне нужно найти Пелену! – вновь попросила я, жалобно и слезно. – Но никто не знает, где она хранится...

– Да уж, – снисходительно усмехнулся принц, – ее искали все – демиурги, боги и демоны. А нашел – я!

– Нашел? – я впиалась ногтями в его плечо.

– Нашел! – он мягко освободился от острого прикосновения и любовно поцеловал мои пальцы. – На Поющем острове есть гора Ранмир, место успокоения королей и героев, начало звездного моста, уводящего души умерших на путь возрождения – в Обитель затерянных душ. Там находится храм неведомого древнего божества, в котором и хранится Пелена...

– Мы можем попасть туда?

– Можем! Не на саму гору, но к ее подножию. Через подвластный мне портал Тьмы. Кроме того, именно сейчас на остров направляются и твои друзья, эта своеобразная парочка с нетрадиционной сексуальной ориентацией – орк и полуэльф...

– Они живы? – радостно вскрикнула я. – Ланс и Огвур живы?

– Живы! – успокоил меня муж. – И, кроме того, – он коротко хохотнул, – умудрились навести изрядного шухера по всему Рохосскому ханству. А твой неженка Лансанариэль, между прочим – совсем не простая личность. Береги его, – демон произнес эти слова наставительным тоном, – береги своего красавца-друга, ему предстоит сыграть важную роль в судьбе всего Поющего острова!

Трудно было понять, на что намекает Астор, но я утвердительно кивнула головой, принося клятву.

Муж страстно поцеловал меня в последний раз и неохотно поднялся с постели.

– Одевайся, – он кинул мне ворох свежей одежды, – события нарастают как снежный

ком! Нам нужно немедленно попасть на Поющий остров!

– А как же Эткин? – поинтересовалась я, прыгая на одной ноге и натягивая сапог. – Как же я – и вдруг без него?

– Умница! – муж прищелкнул пальцами, торопливо творя заклинание. – Он тоже должен присутствовать при развязке! Сейчас я его предупрежу!

Мы подошли к огромному зеркалу, отразившему две высокие, вооруженные до зубов фигуры. Астор снял украшенную пером шляпу и почтительно поклонился мне, сжимающей рукоять Нурилона:

– Приветствую вас, леди Астор! Готовы ли вы вершить судьбу людей, как и положено всякой настоящей, уважающей себя богине?

– Готова! – я потуже затянула пряжку портупеи.

– Тогда поехали! Все ради тебя, дорогая! – демон хлопнул в ладоши и нас закружил темный смерч, унося прочь из его волшебного замка и тихого сада, увлекая навстречу новым свершениям, втягивая в разверзшийся портал Тьмы.

– Каждая стерва мечтает встретить неординарного мужчину, чтобы сделать его своим ординарцем! – успела вполголоса, самокритично бормотнуть я, иронично подмигивая спутнику, и муж немедленно ответил мне согласной, все понимающей усмешкой.

Эткина одолевала хандра. Он расслаблено валялся на лугу перед королевским дворцом Силя и, с умным видом, рассеяно жевал первый подвернувшийся под лапу цветочек, как на беду, оказавшийся кислым словно хинин придворного лекаря. «Как бы не отравиться ненароком или диарею не заработать!» – хмуро подумал дракон, выплевывая синенького представителя местной, совершенно не съедобной флоры. Из дворца долетел очередной визгливый, женский вопль. Эткин устало поморщился и досадливо смежил веки. В многострадальной голове навязчиво вертелись привычные, на этот раз вполне обоснованные претензии к скандальному и хронически неуживчивому женскому полу. Желтый березовый листочек медленно покружился над цветочной поляной и спланировал на длинный драконий хвост. В воздухе ощутимо пахло пряным ароматом приближающейся осени. «Скоро в зимнюю спячку, – окончательно решил гигант, умиленно представляя себе уютное тепло родной пещеры, погребенной под толстым слоем снега. – И пропади оно все пропадом!»

– Я же просила розовые фестоны, а ты опять зеленых наколдовал! – донеслось из настежь распахнутого окна. – Ты все специально портишь, мне на зло. Я ведь отлично знаю, что изумрудный – любимый цвет этой бесстыжей девки, вашей Сумасшедшей принцессы. А меня здесь не любят и не уважают! А-а-а-а...!!! – возмущенный голосок ударился в откровенную истерику.

Эткин многозначительно хмыкнул и сознательно сунул в пасть очередную кислятину, стремясь хоть чем-то перебить гадкое послевкусие, оставшееся от нудного женского вопля, неприятного почище немытого гоблина. С крыльца кубарем скатился красный как помидор, гневно отпыхивающийся Марвин.

– Дос-та-ла! – четко произнес маг, широко шагая по направлению к дракону. – И зачем мы эту дуру расколдовали? – вопрос был явно риторическим.

Эткин пожал бронированными плечами и протянул некроманту синий цветочек, который тот так же автоматически немедленно сунул в рот, скривился и начал отчаянно плевать.

– Дружище, – сдавленно просипел маг, вытирая губы вышитым платком, – если ты хочешь умереть, то я могу предложить тебе что-нибудь не столь противное на вкус, например: кураре, цианид, аква тофану...

– Крысиная отравка? – меланхолично подсказал дракон.

– Э? – поперхнулся некромант. – Ну, это уж чересчур жестоко!

– Вот и я об этом же, – гигант криво усмехнулся. – Зато – метко и объективно. Именно так и называют Лилуиллу в Силе – крысиной отравой!

Уголки ярких губ Марвина печально поползли вниз:

– Ну да, подданные ее не любят, – тактично заметил он. – Но возможно, после свадьбы княжна остепенится и поумнеет!

Эткин недоверчиво хмыкнул:

– Чую, эта свадьба будет сильно отличаться от развеселой нарронской. Недаром барон Генрих каждый день чуть свет на охоту уезжает...

– Ага, – мстительно кивнул молодой некромант. – А нам тут за него отдуваться приходится с этим, с этой...

– Марвин! – требовательно долетело из дворца. – Кто-нибудь видел Марвина?

Маг обреченно поник плечами.

Дракон спокойно перевернулся на спину, подставляя живот последним, теплым солнечным лучам, его глаза насмешливо прищурились:

– И создали демиурги женщину, – выпренно разглагольствовал он. – Существо получилось злобное, но симпатичное...

– Ты об этой гримзе говоришь? – махнул рукой Марвин, указывая на дворец, гудевший как растревоженное гнездо диких ос. – Это же просто ведьма во плоти какая-то, а не женщина, прости меня Аола!

– Зато, – наставительно оттопырил коготь дракон, – высокородная эльфийка, безусловно, по всем статьям подходящая на роль сильфской королевы!

– Мда! – чистосердечно пожалел сильфов маг. – Повезло им, ничего не скажешь! Недаром говорят, что только истинная женщина умеет буквально из ничего сотворить три вещи – салат, скандал и шляпку! Хотя салаты и шляпы здесь требуют с меня...

– Устал я от всего этого, – тихонько признался Эткин, закрывая глаза и напуская на себя унылый вид.

– От чего это? – хмыкнул некромант, присаживаясь на массивную лапу, приглашающе подставленную и согнутую.

– Устал! – еще эмоциональнее повторил летун. – Сплошной шум, гам и тарарам. С тех пор, как во дворце поселилась Лилуилла! А нервные клетки, между прочим, не восстанавливаются. Собачья жизнь! День не спишь, ночь не ешь, да еще от Мелеаны, – он покосился на поспешно отвернувшегося, и виновато зардевшегося Марвина, – ни слуху, ни духу. Переживаю я за нее. За что вы на нее так в пещере накинулись?

– Генрих, тот явно от ревности, – признался некромант. – Это и дураку ясно.

– А ты?

– А я..., – маг покраснел еще пуще, – я от растерянности и страха. Эльфийка и демон... в голове не укладывается...

– Зато, видимо, в постель хорошо укладывается! – лукаво улыбнулся мудрый Эткин. – Эх вы, консерванты, э-э-э нет... О, – консерваторы! Не подумали, что все когда-нибудь случается в первый раз. И не обязательно это новое – плохое.

– Недоброе грядет, чую! – некромант схватился за сердце. – Магическое око являет мне ужасные картины будущего. Принцессе скоро понадобится наша помощь. Что делать то станем, Эткин?

Дракон помрачнел:

– Сам не знаю, но тоже, что-то предвижу. А с мыслями толком никак собраться не могу. То я занят, то они...

– Все ж таки Ульрика – всего лишь слабая девушка..., – начал Марвин.

– Нет, – насмешливо перебил летун. – Ты не прав. Слабый пол всегда сильнее сильного в силу слабости сильного к слабому полу!

– Эх ты, дружище, загнул! – рассмеялся некромант. – А если...

Но дракон внезапно вскочил с земли, напрягшись всем огромным телом и уронив Марвина в траву. Сапфировые глаза магического существа распахнулись во всю ширь, хвост вытянулся в струнку.

– Ты слышишь это, магикус? – взволнованно прошипел Эткин.

Марвин вздрогнул, ощутив незримый призыв, идущий издалека:

– Да! Но кто зовет нас?
– Он! – торжественно выдул сгусток пламени дракон. – Великий гранд-мастер, темный принц, супруг Ульрики!

– Враг! – ужаснулся маг, панически озираясь по сторонам. – Демон!

Эткин снисходительно оскалил белые зубы в хищной усмешке:

– Враг вон, у вас по дворцу бегают и всем почем зря нервы треплет! А Астор давно уже отринул Тьму и перешел на сторону Света из искренней любви к нашей бесценной Мелеане! Открой же свое сердце, маг, и внемли его зову!

Марвин послушно закрыл глаза и прислушался. И голос демона зазвучал, завывал как порыв урагана, неся мольбу и пророчество:

Вину пред нею искупи,
Ведь в ней горит святой пожар,
На трудном поддержи пути
Ту, что несет бесценный дар...

– О-о-о! – облегченно выдохнул дракон, трепеща крыльями. – Слава Аоле, это свершилось! Мир обрел новый шанс на достижение гармонии и спасения!

– Что? – изумился маг. – Это ты о чем говоришь? Я ничего не понял!

– Поймешь в свое время, – торжествуя хохотнул Эткин, сгребая лапой недоумевающего некроманта и водружая его себе на спину. – И это время приближается. Главное – не опоздать! – он подпрыгнул, поймал восходящий поток воздуха и легко поплыл в небе.

– Куда мы летим? – выкрикнул Марвин, хватаясь на чешуйчатый гребень и пытаясь перекрыть шум ветра.

– На Поющий остров! – коротко ответил дракон.

И в этот же самый миг, в парадной зале королевского замка Нарроны, великий архимаг Саймонариэль услышал призыв принца демонов и, открыв окно портала, ничего никому не объяснив, шагнул в светящуюся пустоту.

Многочисленные, взаимосвязанные нити судьбы различных людей закончили свое долгое и сложное переплетение, сложившись в единый узор, подкорректированный бесшабашной рукой Сумасшедшей принцессы. Ткань неопределенности напряглась и натянулась, ожидая прикосновения острого ножа предназначения, уже изготовившегося для того, чтобы выкроить из канвы вечности законченное полотнище ковра жизни, затканного любовью, справедливостью, местью, отчаянием и честью. Бытие обрело правильную форму, суть и ясное, четкое будущее.

Мы стремительно пролетели через длинный, тускло-серый туннель, плотно затянутый нитями упругой, черной паутины. Пахло тленом и запустением, растрескавшиеся стены густо обросли гирляндами пегой плесени и мелкими, гнилостно светящимися грибами. Струя энергии, влекущая нас вперед, имела затхлый запах чего-то застоявшегося, давно вышедшего из употребления.

– С тех пор, как таинственным образом куда-то бесследно исчез Храм Розы, в котором находилось большее число артефактов, способных управлять порталами, сами порталы редко посещаются. На это теперь способны лишь высшие посвященные, – разъяснил муж, бдительно следивший за тем, чтобы я не вляпалась в какую-нибудь гадость на стене туннеля.

В ответ я только поморщилась, приоткрывая рот и стараясь не дышать носом. Портал не портал, но пахло тут однозначно – помойкой.

– Свалка отходов забытых технологий! – хмыкнул Астор. – Хотел бы я увидеть начало начал – корабль демиургов!

Я едва успела сформировать в уме вопрос, собираясь расспросить его поподробнее, как вдруг испытала кратковременное чувство прорыва сквозь незримую преграду, в глаза мне ударил яркий внешний свет, и я болезненно хлопнулась на бок, бедром проехавшись по шероховатой гальке. Астор протянул руку, помогая мне подняться на ноги:

– Ну вот, это и есть то, о чем ты читала в книгах и слагала баллады. Любиуйся!

Я с готовностью расширила глаза.

По безупречно голубому небу вальяжно плыли перистые облака, напоминающие пригоршню замысловато рассыпанного лебяжьего пуха. Морские волны с тихим, монотонным шелестом набегали на каменистый берег, прекрасный суровой, неброской красотой. Чуть выше начиналась извилистая линия нежных, изумрудных папоротников, щедрая россыпь которым живо напомнила милые моему сердцу окрестности Нарроны. Солнце припекало. Вдалеке темнела полоса густого леса, маня обещанием прохлады и покоя. Астор снял шляпу и обмахнул разгоряченное лицо:

– Давненько я не посещал Поющего острова!

Я удивилась:

– Вроде бы считается, что Ринецея и ее демоны не способны преодолеть магическую защиту эльфийских магов и поэтому, остров для вас недоступен?

Астор нехорошо усмехнулся, злобно и пренебрежительно:

– Дорогая, ты забываешь о предателях. Всегда найдется тот, кто готов за соответствующую мзду открыть ворота изнутри и впустить неприятеля в ничего не подозревающую крепость. В данном случае таким персонажем стал твой честолюбивый дядюшка – Аберон Холодный! Между нами говоря, та еще сволочь!

– Помню его, встречались уже, – мстительно скрипнула зубами я. – У меня к нему тоже счета имеются, свои – родственные...

Астор выразительно присвистнул:

– Похоже, трындец дядюшке настает. Ну да так ему и надо – гадить не будет!

Я хмуро покосилась на супруга:

– А тебе то он чем досадил?

– Отплатил демону черной неблагодарностью! – коротко хохотнул принц. – Я ему помог, а он у меня за спиной замутил аферу с сестрицей Ринецеей. Ладно ты, милая, – он нежно ущипнул меня за щеку, – вовремя им помешала!

Я не стала допытываться подробностей, сцена с травой янт итак навечно запечатлелась в моей памяти.

– Значит, ты готов выступить против единокровной сестры? – лишь спросила я напрямую.

Муж ответил мне взглядом в упор:

– С тех пор, как я увидел тебя впервые, в галерее Лабиринта судьбы, я уже не управлял своим сердцем и разумом. Твои аргументы принять сторону Света оказались, м-м-м, – он игриво погладил меня по груди, – весьма весомыми! Ренегат! – он словно издевался над самим собой. – Ничего хорошего в этом слове нет...

Я схватила его пальцы и прижала к своим губам. Астор благодарно поцеловал меня в непокрытую макушку, так сильно надавливая клыками, будто хотел напомнить, что, не взирая на нашу обоюдную страсть, он по-прежнему продолжает оставаться демоном. Жаль, тогда я не поняла его намека на то, что существо, покинувшее свою привычную среду обитания, погибает так же быстро, как выброшенная на берег рыба. Но, в силу неосведомленности и наивности, я не оценила добровольной жертвы Астора, приносимой во благо мне.

– Смотри же! – принц вернул меня к действительности, взмахом руки указывая куда-то вперед. Я проследила за его жестом и восхищенно ахнула.

Перистые облака, плотно укутывающие линию горизонта, неожиданно разошлись в стороны, раздвинувшись как складки непроницаемого занавеса. Нашим взорам предстала высокая гора, крутая и лишенная растительности, имеющая форму двух цилиндров разного

диаметра, поставленных один на другой. От масштабности и неприступности увиденного зрелища у меня перехватило дыхание.

– Ну, каково? – спросил муж так горделиво, словно он сам создавал эту естественную твердыню.

Я разочарованно пожевала губами:

– Наверх можно только взлететь! Ты нас поднимешь?

– Нет, и не жди легкого решения сложно задачи, халявщица! – поддразнил меня супруг. – Это тебе не пустяк, и даже не магический шторм Нарроны. Это – цитадель богов, их святая святых. Магия демона здесь бессильна. Придется заняться альпинизмом.

– Чем, чем?

– Эх, скалолазка ты моя, скалолазковая! – мелодично пропел Астор, извлекая из походной сумки моток тонкой веревки и какие-то железные крючья, весьма ненадежные на вид. – Сцепляемся для надежности тросом и поднимаемся вверх по скале при помощи этих креплений, вбитых в трещины между камнями. Я первый, потому что уже имею опыт подобного развлечения.

– А что там,верху? – приставив ладонь козырьком ко лбу, я безрезультатно пыталась рассмотреть вершину Ранмира, теряющуюся в туманной дымке.

– Гора имеет два уровня, – неторопливо разъяснял Астор, обвязывая веревку вокруг моей талии. – Первый заканчивается уступом, на котором находится старинное эльфийское кладбище, – он затянул узел на своем поясе. – Там же начинается второй этап пути, более узкий цилиндр, на его вершине и расположен нужный нам храм, а в нем – спрятана Пелена богини Аолы. Вроде бы, по легендам – ее кто-то охраняет, но ничего точно не знаю, поэтому врать не стану. Это же самое касается и эльфийских могильников. Много о них рассказывают, в основном – жуткого до омерзения. Типа – имеют те беспокойные покойнички неприятную привычку вставать и пить теплую кровушку из непрошенных гостей...

Я никогда не отличалась особой пугливостью, но рассказ мужа напугал меня до дрожи. Заметив мое побледневшее лицо, принц ехидно прищурился:

– А ты чего ожидала, голуба моя? Это тебе не мой заповедный сад с цветочками и пчелками, да и мы, считай, не на увеселительную прогулку вышли! Боги свои секреты прячут основательно, а если и соглашаются что-то отдать в чужие руки, то за очень и очень приличную плату!

– Так я же вроде бы своя! – стеснительно проблеяла я.

Астор расхохотался зловещим демоническим смехом, показав острые клыки:

– Вот святая простота! А чужие – здесь вообще не ходят! – и он сильно щелкнул меня по носу. – Поняла?

Я не поняла ничего, но на всякий случай – робко кивнула.

Астор скептически хмыкнул.

« Не поверил!» – дошло до меня.

Он мимолетно, почти невесомо, коснулся губами моего лба, отвернулся и уверенно вбил в скальную стену первый крюк. « Поцеловал, словно с покойником попрощался!» - некстати мелькнуло у меня в голове, но соединяющая нас веревка требовательно натянулась, приказывая начать долгий подъем. Я неловко уцепилась за железное крепление, стараясь сосредоточиться на движениях, а потом мне и вовсе стало не до размышлений.

Ужасное занятие, названное Астором совершенно незнакомым словом «альпинизм» оказалось куда сложнее силового упражнения с кинжалами и стеной Колодца пустоты. Крохотные железные крючья были шаткими и неустойчивыми, да к тому же, муж с виртуозными ругательствами сообщил, что не рассчитал их запас, и расстояние между опорами придется увеличить. Прижавшись животом к холодному камню и чувствуя, как тянет назад вдруг ставший невероятно тяжелым Нурилон, я старалась не смотреть вниз, ощущая предательскую тошноту, накатившую так не к стати. Одеревеневшие пальцы судорожно нащупывали мельчайшую трещинку или выбоинку в монолитной стене, кончики

окованных железом сапог так и норовили сорваться со скользкого крюка. Боюсь, что я мало чем помогала Астору, болтаясь на веревке тяжелым грузом, и позволяя ему упрямо тянуть меня вверх. И я уже почти поверила в благосклонность богов, потому что до края уступа, на котором располагалось старое кладбище, оставалось совсем немного...

Аберон Холодный задумчиво сидел в опустевшем тронном зале. Тысячи никчемных мыслей так и роились в изболевшейся голове, не способной родить одну единственную – нужную, спасительную. Углы просторного, давно не убиравшегося помещения, украшали полинялые позументы и внушительный слой пыли. Магические светильники закоптились, окна помутнели. Прежде роскошный и шумный королевский дворец, ныне напоминал обиталище неряшливого, никому не нужного отшельника. Аберон уже много дней не пробовал горячей пищи, не спал на чистых простынях и не носил отглаженной одежды, потому что нерадивые слуги, не желавшие подчиняться утратившему мощь повелителю, бежали в Винсайский лес, где собралась целая армия недовольных, намеревавшихся выступить против узурпатора-альбиноса. Да и внешне король похудел, подурнел и будто бы – постарел. Хищные, кроваво-красные глаза утратили прежний, властный блеск, начав напоминать тусклые бельма смертельно напуганной, затравленной крысы. Роскошные, серебристые волосы потускнели и поредели, превратившись в жалкие сосульки. Тонкий, но еще недавно столь крепкий стан согнулся, лицо избороздили глубокие морщины. Иссохшие, подагрические пальцы утратили способность к выплетанию изящных колдовских пассов, охрипший голос более не подходил для выпевания сложных заклинаний. Сила Аберона иссякала.

Некромант злобно скривился, вцепившись в потемневшие подлокотники золотого трона. И пусть его осипшее горло уже не годилось для произнесения заклинаний, оно еще было способно наслать неотвратимое, черное предсказание, проклятие умирающего мага, вкладывающего в свою ненависть последние капли утекающей силы. Холодный отчетливо понимал, что влюбленный гранд-мастер Астор не простил ему зла, причиненного его рыжеволосой возлюбленной и ее матери – принцесса Альзире. Не простил пагубного союза с Ринецей. Он покинул Аберона, увел войска демонов, предоставив королю-выродку возможность единолично бороться за власть над Поющим островом и умирять взбунтовавшихся подданных. Оставшийся без поддержки альбинос-некромант, отчаявшийся, чувствующий приближение неминуемой, страшной развязки, пробовал вызывать к отвернувшемуся от него могущественному покровителю, но ответом ему стал саркастический хохот, да стремительное пламя, пожравшее портрет принца демонов. С того дня силы Аберона начали таять, унося с собой молодость и саму жизнь.

Последним, мучительным усилием король поднялся с трона, ставшего слишком просторным для его истощенного, слабого тела. С каркающим кашлем он воздел к потолку почерневшие руки, взметнувшиеся, словно стая голодного воронья. Слабая искра проскочила между скрюченных ладоней, но и этого оказалось достаточно для того, чтобы заключительный энергетический посыл истощившегося мага достиг выбранную жертву, сейчас беззащитную и уязвимую.

– Проклинаю тебя, Астор, принц демонов! – ликуяще просипел Аберон. – Да поразит тебя последняя капля моего гнева, да постигнет тебя неизбежное возмездие! – некромант старчески затрясся от переполняющей его радости. Он ясно, даже без своего хрустального шара, увидел две хрупкие фигурки, медленно ползущие по отвесной скале. – Да постигнет тебя смерть, полное разрушение и забвение, без надежды на возрождение! – некромант покатал искру по ладони и, размахнувшись, метнул ее в первую из видимых ему фигурок. Мужчина, получивший удар в позвоночник, выгнулся дугой и безвольно повис на вбитых в скалу крюках.

Холодный продолжал смеяться, не обращая внимания на тонкую струйку вязкой крови, сбегаящую из уголка его вялого рта. Он отомстил, не важно – какой ценой, остальное его не интересовало. Прощальным взором он окинул захиревший, некогда столь пышный зал,

бывший безмолвным свидетелем его недолгого величия. Шаркающими шагами он понуро побрел к выходу. Уже на самом пороге, вспомнив о единственной позабытой детали, еще имевшей для него какое-то значение, развенчанный король обернулся и позвал едва слышно:

– Гнус!

Из-под трона выкатился бесформенный комок тряпичного рванья, оказавшийся королевским любимцем, шутком-гномом, когда-то нарядным и злопамятным, а сейчас – больным и немощным. Гнус хитро прищурил гноящиеся глаза и преданно заковылял за уходящим хозяином, спеша вместе с ним покинуть дворец, чтобы укрыться в какой-нибудь тайной, недоступной людям берлоге. Неправедно добытая власть ускользала от Аберона, уходя, как вода в песок. Возможно, некромант, совершивший за свою долгую жизнь такое огромное количество злодеяний, что об основной их части он уже и сам давно позабыл, так и не понял – что причиненная кому-то боль всегда возвращается сторицей, оборачиваясь еще большей бедой. Но раскаяние так и не снизошло на черную душу выроodka-альбиноса, в эту решающую минуту способного думать лишь об одном – о непрестанно беспокоящих его, непонятных строках из пророчества, произнесенного Сумасшедшей принцессой. И душа Аберона содрогалась от мрачного предчувствия.

Гнус же не боялся ничего. Он мерзко хихикнул и уродливой тенью скользнул за порог, следом за королем, пряча под подол своего отвратительного одеяния узкий футляр, скрывающий его последнее, смертоносное, полумагическое изобретение.

Глава 7

До спасительного уступа оставалось всего ничего. Задрав подбородок, я смогла ясно рассмотреть, что отвесная стена заканчивается в нескольких метрах над нашими головами. Предвкушая окончание первой половины пути и скорый отдых, мы воспрянули духом, а Астор даже начал насвистывать какой-то задорный мотивчик. Натруженные мышцы гудели будто корабельные канаты, щиколотки сводила судорога. Исцарапанные пальцы онемели. «Еще немного, еще чуть-чуть», – уговаривала я саму себя, невольно подстраиваясь под знакомый музыкальный ритм, заданный мужем.

– Последний бой, он трудный самый! – подбодрил меня Астор. – Держись, малышка. Еще пара мгновений и мы будем на усту...

Он не успел договорить. Я же смогла заметить узкую, светящуюся полосу темного пламени, стремительно возникшую из ниоткуда и вонзившуюся в его напряженную спину. Астор глухо застонал. Очередной стальной крюк вывалился из его руки и улетел к подножию горы, донеся до нас слабое эхо далекого удара.

– Астор! – пронзительно закричала я, чувствуя, как что-то болезненное и жгуче-кровоточащее обрывается в глубине моей души. – Нет!

Но Астор закрыл глаза, пальцы его разжались, мертвенная синева разлилась по перекошенному лицу, и он камнем рухнул вниз...

Соединяющая нас веревка натянулась как струна. Зарывав от натуги, я вцепилась в два стальных, вбитых в скалу крепления, удерживая раненого мужа, безвольно повисшего на противоположном конце страховочного троса. Пот градом струился по моим плечам, из-под сорванных ногтей сочилась кровь.

– Астор! – хрипло позвала я.

Он ответил тихим стоном.

– Ты жив! – обрадовалась я, ощущая, как начинает прогибаться крепление под моей правой ногой, не выдержавшее удвоенной нагрузки, а крюк, за который я держусь левой рукой, медленно выходит из трещины между камней. – Попробуй за что-нибудь уцепиться!

– Не могу! – неясно выдавил он. – У меня перебит позвоночник, ноги парализованы. Мне не добраться до верха.

Я прикусила губу:

– Я что-нибудь придумаю. Ты только не нервничай и держись. Хорошо?

– Не хорошо, малышка! – голос любимого обрел слабую видимость прежней силы. – Тебе нужно не откладывая, сейчас же избавиться от меня, иначе мы оба – погибнем!

– Нет! – отчаянно запротестовала я.

Мысли метались вспугнутыми птицами, мучительно пытаюсь найти нужное решение. Левый крюк выскочил из стены и, попутно стукнувшись об мой сапог, исчез в полосе тумана, накатывающего на Ранмир. Воздух стал влажным, видимость резко ухудшилась. Мы словно зависли в слое непроницаемой субстанции, отделяющей нас от реального мира, отделяющей жизнь от смерти. Звнящая тишина внезапно наполнилась разнообразными, пугающими звуками. С пронзительным визгом я впиалась пальцами утратившей опору руки в кривую щель между камнями, сдирая плоть до самой кости.

Муж негромко рассмеялся:

– Слышишь! – его дыхание смешивалось с шепотом тысячи голосов. – Это духи умерших, они зовут меня!

– Нет! – я рыдала, старясь перекрыть зловеющий зов. – Это просто шум крови у нас в венах! Не слушай их!

– Обещай мне, – нежно, но требовательно начал муж, – что ты выживешь. Ты должна жить, любимая! Ты должна дышать!

– Нет! Без тебя – нет!

– Должна! – настаивал он. – Иначе все это было зря...

– Духи! – звонко закричала я, вкладывая в просьбу всю горечь утраты, которую только оказалась способна выразить словами. – Отступитесь от моего любимого, оставьте его мне!

– Мы не можем, избранное дитя Старшей крови! – пришел немедленный ответ. – Он наш, он наша искупительная жертва. Никто не смеет войти в святилище богов, не заплатив самым дорогим...

Мои слезы обильно смачивали бездушную стену Ранмира, к которой я прижималась лицом, готовая зубами вцепиться в камни, лишь бы только удержать, спасти Астора. Скосив глаза, я увидела его бледные, заострившиеся черты и руку, вытягивающую кинжал из ножен, укрепленных на поясе.

– Не надо, любимый! – напрасно умоляла я.

Он улыбнулся на прощание, обреченно и отрешенно:

– Прости меня, мое нереальное, горькое, краденое счастье! Я люблю тебя. Я готов заплатить своей жизнью за твое счастье и за тот бесценный дар, что ты несешь в себе..., – Астор взмахнул обнаженным кинжалом, перерезая соединяющую нас веревку. Последним что я запомнила, стали золотые звезды его глаз, стремительно удаляющиеся от меня и безвозвратно тающие в сгустившемся тумане...

Астор падал...

Он ощущал, как с каждой секундой духи мертвых, наконец-то заполучившие его в свои кровожадные лапы, все глубже вгрызаются в слабое, хиреющее тело, стремясь добраться до бессмертного разума, чтобы овладеть им полностью, лишив права на возрождение в Обители потерянных душ. Умиравший печально усмехнулся, осознав, сколь велика оказалась принесенная им жертва. Ему не суждено получить посмертие, у него не будет иного будущего и, что страшнее всего, никогда уже ему не увидеть ее чистых, зеленых глаз, не вкушать сладких, смеющихся губ, не услышать биения благородного сердца любимой женщины. Он уже не сможет защищать и ласкать ее, не станет качать на руках своего сына, не подарит шелковых лент кудрявой дочурке, не вплетет их в ее рыжие косы. Ничего этого у него не будет. Он враг, он ненавистен светлым силам Ранмира. Изменник, ренегат – предавший Тьму, справедливо обреченный на развоплощение и забвение. Его не встретят чертоги королевы Смерти, некогда ставшей наставницей и учительницей, отныне его удел – пустота, прах, ничто. Но Астор ни о чем не жалел, ибо познал то, что дороже любого сокровища, дороже бессмертия, дороже настоящего и будущего – он познал истинную любовь. Демон, дитя Тьмы, он не имел права вступать на гору Света, откуда начинается

небесный мост, уводящий к звездам души павших героев. Но он не стал одним из них. Он стал искупительной жертвой, жертвой любви и надежды...

Астор осознал, что превратился в тягучую струйку обезличенной массы, медленно растворявшейся в бездне пустоты. Души терзали его все сильнее и сильнее, добравшись до души, сгоравшей с болезненным воплем. Но сила воли все-таки презрела муки тела и отчаяние погибающего разума. Ведь в нем все еще жила любовь, не подвластная ни смерти, ни пустоте. Как жила в нем и надежда на бесценный дар, затаившийся под сердцем Сумасшедшей принцессы. Его принцессы...

Бытие слилось с небытием. Тело истончилось и сгорело дотла, искра рассудка ярко мигнула в последний раз и потухла, словно ее и не существовало вовсе. Получившая последнюю, долгожданную порцию бесценного топлива, домна судьбы завершающе лягнула и выдала ювелирно обработанную версию дальнейшего существования мира. Пустота жадно и сыто чавкнула, принимая в свои объятия того, кто родился Тьмой, но посмел взглянуть на Свет. А великий Логрус на минуту задумался, обаянный сомнениями, терзаемый раскаянием, навечно запечатлев в себе предсмертные слова Астора, принца демонов:

Танцует пламя на ветру,
Сегодня-завтра я умру,
Звезду последнюю сотру
Холодной сталью

Безумным эхом голосов
Со мной прощается любовь,
Под стоны северных ветров
Уйдет с печалью

По тропам дня крадутся сны,
Но тусклой рябью тишины
Мы утолить с тобой должны
Разлуки голод

И кровью раненой души
Я истекал, шепча: «Дыши!»,
А мне вернуться разреши
В промозглый холод

Под вязко-тянущую ложь
Я унимал глухую дрожь,
Ведь ты меня совсем не ждешь
Под смерти мглою

Добра по жизни не творя,
Я понимал – борюсь не зря
Лишь потому, что страсть даря
Дышал тобою...²

Не знаю, как и когда я сумела добраться до уступа, на котором располагалось заброшенное эльфийское кладбище. Навалилась мучительно ноющим животом на угловатый

² Стихотворение написано в соавторстве с поэтом Ю. Ленковым

скалистый край серой площадки, припорошенной крупной базальтовой крошкой и последним, натуженным усилием закинула на нее свое непослушное тело. Вцепилась пальцами в пожухлый клок сухой травы, торчащий из земли, и подтянулась, отползая от бездны, поглотившей Астора.

Долго лежала, уткнувшись лицом в мелкие камешки, чувствуя, как они жалобно похрустывают под вдавливающейся в них маской. Пыль запорошила мне глаза, смешиваясь со слезами и кровью, залепляя искаженный в плаче рот сухой коркой, похожей на печать, на клеймо. Я в ярости била кулаками по камням, кляня саму себя. А ведь он намекал! Не смел сказать прямо, но намекал не раз. На то, что твердыня богов не покорится без искупительной жертвы, и что демону совсем не место на горе Света. Но обуянная устремлением свершить желаемое, я оставалась слепой и глухой... Я перекатилась на спину и распласталась в грязи, устало разбросав руки и ноги. «Боги, – безмолвно взывала я. – Вот она я, как никогда близкая к вам и к вечному небу. Примите же меня! Заберите меня и воссоедините с любимым, или же верните его обратно на землю, ко мне. Боги, я не желала выпавшей мне доли, эта участь не для меня, ноша стала слишком тяжелой и давит на слабые плечи! Боги, как же можно жить дальше одной, без любимого человека?»

Но боги молчали. Возможно, они были довольны всем произошедшим или же им стало совершенно наплевать на ту, которая в полной мере хлебнула несчастий бунтаря, осмелившегося самолично вершить собственную судьбу. И я невольно задумалась – перешагнула ли я уже предел возможных страданий? Или же впереди меня ждет еще что-то более страшное и непоправимое?

Я подошла к краю уступа и заглянула вниз. В паре метров от меня клубились плотные облака непроницаемого тумана, укутывавшего далекую землю, и становилось совершенно невозможно точно оценить огромное расстояние, отделяющее меня от подножия горы богов. Я испытала краткий приступ искушения – достаточно сделать всего один короткий шаг и мои страдания закончатся. Меня останавливало лишь неверие в возможность посмертного воссоединения с душой погибшего мужа и данное ему обещание. Обещание выжить. И мне подумалось – если я трусливо отступлю, если я сдамся именно сейчас, то добровольная жертва Астора начисто утратит вложенный в нее смысл. Его смерть не должна быть напрасной, она должна стать началом новой жизни, началом нового пути, надеждой на возможное счастье, ожидающее нас в будущем. Да и к тому же – я дословно вспомнила проклятие умирающей Гельды, и печально усмехнулась. Некромантка не ошиблась и не промахнулась. Я лишилась самого дорогого человека, единственного, ради кого стоило жить. Но ревнивая ведьма прочиталась кое в чем. Пусть я утратила возможность искупить собственные грехи и вернуть любимого человека, но и кроме него на свете еще сохранились те, кому я могла бы помочь. Астор это понимал, поэтому и пошел со мной к Ранмиру, не обращая внимания на свои предчувствия. А значит, мой долг остается прежним – я должна исполнить предначертанное. Любой ценой. Мой священный долг любви. В память об Асторе.

Я, как сумела, почистила испачканную одежду, поправила снаряжение и оружие, умылась водой из фляжки и с любопытством огляделась. Промежуточный уступ, ставший перевалочным пунктом на пути к вершине, оказался не так уж и велик. Вокруг меня простиралась унылая равнина, усеянная редкими кустиками чахлого барбариса, усыпанного крупными ягодами, алевшими будто капли свежей крови. Вдалеке возвышалась вторая скальная стена, упирающаяся в облака. Я обескуражено покачала головой. Высота второго яруса Ранмира казалась ужасающей, а крюки для скалолазания погибли вместе с Астором. И я не смела даже предположить, каким волшебным образом смогу теперь достичь вершины горы и расположенного на ней храма. Прямо возле моих ног начиналась едва заметная тропа, ведущая к шаткой, полуразвалившейся изгороди, похоже, отмечавшей границы эльфийского кладбища. Сам могильник совершенно терялся в мутной, хаотично колыхавшейся полумгле. Я вспомнила таинственные предупреждения мужа, касавшиеся этого зловещего места, иронично усмехнулась и уверенно пошла вперед. Мертвых я не боялась. Бояться нужно

живых – так учил меня старый Гийом, до изнеможения гоняя по тренировочной площадке замка де Брен. Впрочем, сейчас, балансируя на тонкой линии, отделявшей меня от безумия, я совершенно утратила способность страшиться кого-либо вообще – хоть живого, хоть мертвого. Что же касалось призраков, то длительные походы по катакомбам обширных владений приемных родителей выработали у меня искреннюю симпатию к этим излишне суевливым, но совершенно безвредным существам. Поэтому я не стала обременять свои руки ни одним кинжалом, а спокойно убрала в ножны все оружие и, не утруждая себя дальнейшими размышлениями, направилась к изгороди, на встречу новым, неожиданным поворотам судьбы.

Я миновала убогие, разошедшиеся ворота, створки которых криво висели на потемневших от времени балках. Чуть помедлила и шагнула на землю мертвых. Кратковременное, легкое дуновение магического ветра обдало мое лицо и, дрогнув, отступило, не смея выступить против охранного амулета, подаренного мне тетушкой Чумой. Странное, серебристое марево обволакивало мои ноги, поднимаясь почти до уровня колен. Извиваясь как живое, оно то подкатывало ближе, то, будто обжегшись – поспешно отдергивалось со злобным шипением. Туман клубился, свивался длинными змеями, тут же перетекая в контуры огромных пауков или сворачиваясь острыми шарами-ежами, топорщившимися сотнями черных игл. Меня здесь не ждали. Из старинных книг я узнала, что право на проход по охраняемой духами земле нужно купить, поэтому торопливо отцепила от портупеи золотую пряжку и уронила ее в туман. Белесая дымка завихрилась, принимая ценное подношение, пошла рябью и медленно растворилась, освобождая проход на территорию заброшенного эльфийского могильника.

Я неторопливо брела вдоль мраморных надгробий, изумленно любуясь их застывшей красотой. Слева от тропинки печально склоняла стан юная дева, высеченная из алебаstra, но прекрасная, словно живая. Незрячие глаза смотрят прямо на меня, хрупкие детские ладони протянуты в требовательном жесте. Я вздрогнула от жалости, сорвала веточку барбариса, густо обсыпанную ягодами, и вложила ее в руку статуи. Шепнула: «Покойся с миром!» и торопливо отошла в сторону. Моего слуха неожиданно коснулся довольный вздох, прозвучавший за спиной. Я оглянулась. На губах мраморной девы играла легкая улыбка, ладонь державшая мой скромный подарок, сжалась. «Да что же это за кладбище такое!» – мысленно охнула я, переход к следующему надгробию. Эту могилу венчала статуя мощного старца с зубчатой короной на голове. «Король Эльтебран Несгибаемый, из рода Шеар-эль-Реанон, – прочитала я надпись в изголовье тяжелой плиты из черного камня. – Был схвачен врагами и уморен жаждой в тюремных застенках, так и не отрехшись от власти». Бр-р-р, ужас какой! Я торопливо извлекла фляжку и омочила водой пересохшие губы мраморного предка. Не стану утверждать, но мне показалось, что кадык статуи дернулся, и каменный король тяжело сглотнул. Я задумчиво пожала плечами, уже ничему не удивляясь. Похоже, страдания усопших и похороненных здесь эльфов ничуть не уменьшились от факта смерти.

Я упрямо продвигалась по направлению ко второму ярусу Ранмира, попутно разглядывая траурные могильные комплексы, которых на уступе насчитывалось невероятное множество. Неупокоенных душ среди них тоже набралось не так уж мало. Я читала эпитафии, чаще всего бессильно разводила руками и смущенно хлопала ресницами. Не к дальнейшему подъему будь сказано, но большая часть моих предков померла отнюдь не своей смертью – оказавшись либо отравленными, либо погибнув в бою, либо удостоившись совсем уж извращенной и лютой казни. А чем в подобной печальной ситуации можно помочь неотмоленному страстотерпцу? Я делилась с мертвыми последней краюшкой хлеба, каплями воды и своей крови, серебром и железом, да и просто словом сочувствия. Некоторым от этого становилось заметно легче, но почему – я не ведала.

Наконец я миновала последний ряд могил, совсем старых и обветшавших и уперлась ладонями в крутой, вертикальный, резко уходящий вверх склон второго яруса Ранмира. Эта часть горы выглядела еще более монолитной и неприступной. На ее почти до зеркального

блеска отполированной поверхности не просматривалось ни одного выступа или трещины, куда бы можно было попытаться воткнуть лезвие кинжала или поставить носок сапога. Я разочарованно ругнулась. Похоже, на этот раз мой путь окончательно зашел в тупик.

– Девочка! – внезапно прозвучал ласковый шепот у меня за спиной. – Ульрика, внучка! Помоги нам!

Я проворно обернулась и замерла, впадая в состояние столбняка и будучи не в силах сдвинуться с места от сильнейшего потрясения, подобного которому мне еще никогда не доводилось испытывать.

Чрезвычайно растерянный Лансанариэль неспешно шествовал по тихим, малолюдным улицам Ширулшэна и не переставал удивляться. Нет, совсем не таким рисовался в его воображении этот легендарный город, таинственная столица синих эльфов. Хотя на первый взгляд вроде бы – все в порядке, все диковинки в наличии, только успевай восторгаться. И белокаменные дома знати, с крытыми серебряными пластинами крышами, изукрашенными пугающе-правдоподобными статуями горгулий. И тенистые кленовые аллеи с легкими, ажурными скамейками, так и навевающие томные мечты о прогуливавшихся по ним красавцам-аристократам в вычурных столичных нарядах. И забытый кем-то веер из серебристых перьев, от которого еще доносится утонченное амбре дорогих духов из жасмина и гиацинта. И феерически рассыпающий капли искрящейся влаги многоструйный фонтан-жирандоль на центральной площади, с прозрачным хрустальным кувшином, легкомысленно оставленном на гранитном парапете. Но вот почему-то прохожих на улицах почти не видно, а те горожане, что встречаются изредка, так и норовят побыстрее, да понезаметнее прошмыгнуть мимо двух странных незнакомцев, надежно закрывая лица непроницаемыми складками глубоких капюшонов. Впрочем, как ни старайся, но так и не разберешь совсем – эльфы они или нет. И все куда-то торопятся, бегут, спешат – будто за ними гонятся полчища темных демонов, или словно они боятся на один лишний миг нечаянно задержаться на негостеприимной и опасной улице.

Огвур недовольно хмыкнул и состроил недоуменную мину:

– Гоблин его не разберет, что тут у них творится! Город будто вымер, а те, кто нам попался по пути, похожи скорее на больных при последнем издыхании, чем на нормальных людей. Глядя на их сгорбленные фигуры, так и хочется еще раз пожелать им крепкого здоровья. Может, в столице чума?

Ланс ненадолго задумался, сжимая в кулаке котомку с багряным плащом, подаренным ему Маллером де Ваксом:

– Боюсь, в Ширулшэне случилось что-то пострашнее эпидемии. Как жаль, что я не смог попасть сюда раньше. Интуиция мне подсказывает, что я каким-то образом связан с происходящими здесь событиями и все могло бы пойти иначе, окажись я на острове заблаговременно.

– Ой, сомневаюсь я в этом, – добродушно проворчал мудрый орк, не забывая настороженно зыркать по сторонам. – Все что с нами приключилось, происходило не просто так, а именно тогда, когда и должно. А убиваться по прошлому и вообще бессмысленное занятие. Не жалею о прошлом, дружище, оно то ведь тебя не пожалело!

Ланс согласно кивнул. Он уже неоднократно убеждался в том, что все рассуждения Белого волка несут в себе рациональное зерно и способны помочь выпутаться из любой, на первый взгляд даже совершенно безвыходной ситуации.

Идеально пригнанные друг к другу каменные плиты мостовой вели их вверх, к пологому холму, господствовавшему над столицей. Эхо шагов отражалось от безмолвных стен домов и рождало переливчатый отзвук, замиравший и теряющийся в веренице богатых кварталов. Ланс невольно поежился. Было что-то несказанно мрачное и торжественное в погребальном великолепии этого как бы уснувшего города, казалось, терпеливо ожидавшего возвращения того, кому суждено здесь появиться и снять нависшее над Ширулшэном заклятие. На холме, под защитой чеканных решеток, изукрашенных изображениями

геральдических роз, дремал роскошный королевский дворец, резиденция правящего рода эль-Реанон. И чем ближе подходили путники к этому неповторимому чуду архитектурного гения эльфийского народа, тем сильнее сгущалась окружающая его аура темного, старого колдовства, уже почти утратившего свою исходную силу, но сохранившего былую частицу закоренелого страха и холодного, высокомерного зла.

Одни только перекрещенные и прислоненные к стене алебарды охраняли неприкосновенность главных ворот замка. Суеверно побоявшись тронуть затянутое паутиной оружие, Ланс наклонился и гибко скользнул между длинными древками. Куда более громоздкий Огвур попытался повторить маневр друга, но широкие плечи зацепились за тусклые лезвия и алебарды, с жалобным звоном, шумно обрушились на посыпанную гравием дорожку. Непонятно чем расстроенный тысячник смачно выругался и нагнулся, чтобы поднять то, что посмело осквернить мертвую тишину обиталища могущественных королей. Виноватые, торопливые движения орка не отвлекли внимания полукровка, не сводившего глаз с высокого крыльца на котором, словно привлеченные неуместным сейчас шумом, неожиданно возникли две фигуры, как будто и ожидавшие появления Лансанариэля.

– Смотри! – полуэльф дернул друга за воротник камзола, побуждая распрямиться и поднять голову. – Этот седой старик в короне кажется мне смутно знакомым!

Огвур нахмурил кустистые брови, старательно вглядываясь в тощего, согбенного мужчину, медленно спускавшегося по устланной ковровой дорожкой ступеням:

– Десять гоблинов мне в глотку, Ланс! Так ведь это и есть тот самый бледномордый колдунишка, что нахально форсил вместе с пьяным принцем демонов перед войском Азура, под стенами Ниса!

– И правда! – признал полукровка. – Но как же он изменился!

Они медленно сходились посреди цветущих клумб с розами. Высокий, стройный Лансанариэль и едва передвигающийся старик, на длинных, седых патлах которого нестерпимо сиял усыпанный сапфирами венец. По пятам за немощным королем тащился хромоногий, отвратительно подхихикивающий карлик.

– Не таким мне виделся правитель бессмертного народа! – печально признался Ланс, приближаясь к старику.

Король вперил в него пристальный взгляд подслеповатых, слезящихся глаз:

– Не знаю, кто ты – полукровка, но у меня еще достанет сил для того, чтобы поставить на место зарвавшегося выскочку с нечистой кровью!

Нежную переносицу Ланса прорезала гневная морщинка:

– Меня предупреждали, что Поющий остров не прощает своих же ошибок и не выносит вида своих отвергнутых детей! – в его голосе прозвучала вся накопившаяся за долгие годы обида, вылившаяся в одной, язвительной фразе. – Мнящие себя благородными эльфы часто совершают недостойные поступки, за которые не желают расплачиваться. Но я пришел для того, чтобы восстановить справедливость!

Эти слова, содержащие непреложную истину, острым жалом вонзились в сердце утратившего власть короля. Аберон на мгновение задохнулся от переполнявшего его возмущения, а когда вновь обрел дар речи, оскорблено взвыл, потрясая пожелтевшими кулаками:

– Кто ты такой, что посмел открыто поносить мой благородный клан, и возводить на нас напраслину?

Губы Ланса искривились в презрительной усмешке:

– Я всего-навсего нежеланный сын своего отца, отрекшегося от меня и погубившего мою невинную мать. Я приехал на Поющий остров для того, чтобы взглянуть в его бесчестные глаза, а в качестве улики предъявить вот это, – он выхватил из сумки скомканный плащ и бросил его к ногам короля. – Возможно, этот выродок известен и вам, ведь только самые родовитые дворяне, по праву высокого рождения, носят багряный шелк...

Аберон с кряхтением нагнулся и кое-как подцепил ткань непослушным пальцем:

– Выродок, – потрясенно бормотал он, – ты сказал выродок..., – зятянутые бельмами глаза подслеповато всматривались в черты молодого красавца, стоящего перед ним. Юноши, чья ослепительная внешность пронзительно, как две капли воды, напомнила Холодному лица его сестры Альзиры и младшего брата Лионеля. – Откуда это у тебя, чужеземец? – он невольно поднес к губам струящееся полотнище, еще хранившее пряный запах луговых трав.

Злодейка память услужливо воскрешала давно позабытые картины его безвозвратно утерянной молодости – стог сена, крупные капли теплого, летнего дождя и доверчивые поцелуи юной девушки с пушистыми, каштановыми косами... И непромокаемый багрянец королевского плаща, скрывший их страстные объятия, плаща – который он подарил ей на прощание...

– Я помню, – губы старика дрожали, – ее звали Маргота...

Ланс сдавленно вскрикнул, побледнел и отшатнулся:

– Она была моей матерью! А вы... значит вы...

Король хрипло расхохотался, а затем бросил плащ себе под ноги и принялся остервенело топтать, пытаясь разорвать неподатливую ткань:

– Так значит, наивная дурочка понесла! У меня есть сын! Сын короля всего Поющего острова – незаконнорожденный, полукровка, ублюдок, отщепенец... Надеюсь, эта девка Маргота умерла в мучениях, как паршива собака? Даже это будет слишком милосердным наказанием за тот позор, которым она покрыла меня – великого короля и мага!

Изумрудные глаза Лансанариэля налились кровью, праведное возмущение вскипело в любящем сердце:

– Не смей незаслуженно порочить мою благородную мать, ты, выродок! – звонко выкрикнул он. – Я думал, что ты раскаивался и оплакивал ее гибель, но ошибся – твоя душа темнее ночи! С этого мгновения я отрекаюсь от тебя и народа эльфов, я отомщу за гибель матери...

Но Холодный продолжал хохотать глумливо и самозабвенно:

– Так вот какой неожиданный дар, зачатый в беззаконии, напророчила мне Сумасшедшая принцесса устами своей безумной матери! А я то почти повелся на обман и опрометчиво испугался наркотических бредней глупой бабы! Да что можешь сделать мне ты, тупой, бессильный сосунок?

– Клянусь Аолой, я убью тебя! – Ланс намеревался прыгнуть на отца, но в последний момент благоразумно сдержался и сделал всего один, крохотный шаг.

Некромант протянул руку, отрывисто выкрикнул несколько слов, и с его морщинистой ладони сорвалось черное облако угольно-искрящейся пыли, устремившееся по направлению к отверженному сыну.

Стоящий поодаль Оггур, не желавший мешать приватному разговору, предупреждающе закричал и выхватил из-за пояса нож, но он явно ничем не успевал помочь обреченному полуэльфу...

Наблюдавший за драматичной сценой Гнус тихонько помянул всех демонов Тьмы и незаметно заполз за куст сирени...

Глава 8

Мои ноги будто бы окаменели и приросли к земле, а выпученные глаза почти вылезли из орбит. Неприятно, конечно, осознавать, что со стороны выглядишь дура-дурой, но такое... Короче, именно в этот самый момент нервы мои все-таки не выдержали, я отчаянно завизжала и попыталась картинно грохнуться в обморок. Не получилось, я просто навалилась спиной на шершавую стену Ранмира и плавно сползла вниз, прикусила себе язык и наконец-то замолчала. Тихонько сидела в пыли и тупо пялилась на колыхавшегося передо мной призрака.

– Внучка! – смущенно укорил меня вежливый голос. – Не к лицу наследнице великих королей так пугаться, да еще в добавку, голосить словно последняя престолоудинка!

– Ага, – вяло оправдывалась я, стараясь хотя бы из приличия не стучать зубами. – Вы то сами себя видели? Нет? Вот так то...

– А что со мной не так? – всерьез забеспокоился призрак, взволнованно теребя подол окутывавшей его рваной хламиды.

– Да нет, все нормально! – но мой голос звучал слишком не натурально, и мне не поверили.

Я со вздохом сожаления достала из кармана Зеркало истинного облика и подала его смущенному призраку. Существо раскрыло туманную кисть, жадно схватило артефакт и с трепетом всмотрелось в волшебное стекло. Глухо застонало от разочарования, и чуть не выронило старинный раритет из разом ослабевших пальцев. Губы призрака горестно искривились. И было от чего. Призрак по ошибке смотрел на тыльную сторону зеркала, являющуюся простой пластиной полированного металла, отражавшего одну лишь голую правду.

Само Зеркало явило нам благородный лик мужчины в расцвете лет, высокое чело которого венчал тяжелый венец с сапфировыми розами. Тонкие брови, прямая линия носа, правильно очерченные губы и точеные скулы – все в этом аристократическом лице носило отпечаток утонченной эльфийской красоты, живо воскресившей в моей памяти облик прекрасного дядюшки Лионеля. Действительность же была ужасной. Изъеденный червями череп на тощем костяке, покрытом лохмотьями полусгнившей, бурно разлагающейся плоти. Несчастный призрак казался страшнее самой Смерти, производя неизгладимое впечатление вечного, непрекращающегося страдания. Сердце мое преисполнилось жалости. Я дружелюбно протянула руку и сочувственно пожала гнилую ладонь мертвеца. Призрак тяжело вздохнул и опустил на землю рядом со мной:

– Можешь не верить, дорогая девочка, но я твой родной дед – король Шеарран!

Я поняла, что призрак не лжет. К тому же, я сама видела отражение королевской короны, появившееся в зеркале.

– Мне не привыкать к внешнему уродству, уважаемый дедушка! Да и при том, я давно уже поняла, что душевные качества человека не всегда соответствуют его телесной оболочке.

Король одобрительно улыбнулся:

– Знания, приобретенные несоизмеримой ценой собственных проб и ошибок, всегда являются самыми жизненными и правильными. По видимому, тебе слишком хорошо известно, что не все то золото – что блестит!

Я поморщилась:

– Сталь – куда надежнее и полезнее различных никчемных, вычурных побрякушек! Из стали куются клинки героев и их сердца...

– Знаю я одного такого храбреца! – вполголоса пробормотал призрак, искоса поглядывая на меня. – Совсем недавно наш мир осветила яркая вспышка. Это его душа канула в небытие...

Я вздрогнула и требовательно вцепилась в смрадные лохмотья мертвого короля:

– Ты говоришь об Асторе, принце демонов? Можно ли спасти его душу?

Призрак неопределенно пожал костлявыми плечами.

– Там, – он поднял к небу бельма, заменяющие ему глаза, – на вершине Ранмира, высится Храм древнего божества, прародителя всего сущего во вселенной. Не многим разрешено посещать сие тайное святилище. Лишь тот, кто несет в себе частицу первозданной Пустоты, способен перешагнуть порог Храма. Тот, кто обрел знание! Храм охраняют загадочные Привратники. Возможно, они ведают – можно ли вернуть обратно на землю то, что погрузилось в Ничто.

Мне невольно вспомнился Колодец пустоты и танцующие в нем тени.

– Твори, люби, живи! – как молитву шепнула я, навечно впитавшая в себя завет бестелесных теней.

Король кашлянул:

– Вижу, ты постигла тайны, мне не подвластные. Есть в тебе что-то такое, дитя Старшей крови, что возрождает во мне мечту о спасении. Помоги же нам, девочка!

– Но чем я могу вам помочь? – удивилась я.

Призрак застонал так, что гнилые ребра, составлявшие его торс – заходили ходуном, из провалов в груди посыпались белесые черви:

– Многие их тех, кто похоронен на этом кладбище, не нашли успокоения в могилах и не обрели пути в Обитель затерянных душ. Меня погубил собственный сын-некромант, Аберон Холодный, узурпировавший трон и ввергнувший страну в пучину ужаса, отдавший ее на растерзание демоническим ордам Тьмы. Он издевался над твоей матерью – принцессой Альзирой, убил младшего брата Лионеля и отверг своего незаконнорожденного отпрыска – Лансанариэля.

Я нахмурилась:

– Так вот в чем заключалась тайна рождения Ланса! Но почему Аберон властен над вашими душами?

– Он могучий некромант, овладевший потаенными заклинаниями смерти. Он проклял меня и разрушил начало Звездного моста, уводящего на небо мертвые души, обрек нас на вечное блуждание по пустынным склонам Ранмира!

– Значит, если я не восстановлю утерянные пролеты моста, вы никогда не обретете покой? – уточнила я.

Король согласно кивнул:

– Думаю, что подобное под силу лишь детям Старшей крови! Попытайся, девочка!

Я поднялась на ноги, пристально всматриваясь в мерцающий воздух. Смеркалось. Легкая паутинка мглы начинала едва различимо сгущаться вокруг траурных надгробий, зыбкой пеленой серебра каменные кручи и чуть заметно обволакивая странные, полупрозрачные нити, тянущиеся с уступа. Я потрясенно захлопала ресницами. Нет, мне не померещилось. Теперь я вполне отчетливо различала легкий мостик, больше напоминающий канатную дорогу, начинавшийся на могильной площадке и уходящий куда-то вверх, за грань доступного мне обзора. Мост образовывали тонкие, светящиеся, как будто бы хрустальные нити, переплетенные в ажурную сеть – хрупкое подобие ступеней и перил. Вся невесомая конструкция натягивалась и напевно вибрировала в такт почти не слышимой музыке. Мост жил и дышал. Но увы, в небесной симфонии явно проскальзывали фальшивые, черные ноты нарушавшего его заклęcia, а первые ступени отсутствовали, провалом отделяя мост от поверхности Ранмира. Я прислушалась, пытаюсь уловить ритм жизненного биения Звездного моста. Путь Чести по-прежнему вел мое сердце. Меня переполняли тысячи противоречивых чувств – гнев и негодование на коронованного злодея, горечь утраты любимого мужчины, вера в справедливое возмездие и надежна на праведную месть. И я запела, подстраиваясь под пульс звезд:

Клинка отзвенели,
Напившись досыта...
Да как вы посмели
Решить, что убита,
Крылатая птица,
Победная весть,
Героев царица —
Бессмертная Честь

Колчаны слежались,
Они опустели...
Вы храбро сражались,
И мы не посмели
Сказать, что на муки

Проснулись в крови,
Прощальные звуки —
Последней Любви

Слова отлетели,
Сердца замолчали...
Да как вы посмели
Поддаться печали,
Забыв, что на свете
По-прежнему есть,
За павших в ответе —
Священная Месть

Слова и звуки крепили, обрастая не хрусталем, а сталью. Фразы слагались в новые нити, выстраивавшиеся в прочные ступени, нараставшие на мост. Мост удлинялся и упрочнялся, звеня и вибрируя уже не жалобно, а победно и ликующе. И вот, начало Звездного моста все же достигло моих ног, прочно соединив небесный купол с земной твердью.

Король Шеарран восхищенно вскрикнул и склонился передо мной в низком, благодарном поклоне. Сотни полупрозрачных, неприкаянных душ, отделились от мраморных надгробий и, сияя – словно очистившиеся от праха могил звезды, окружили меня трепещущим хороводом. Я с радостью узнала среди них и замученного жаждой короля, и юную деву, и многих других, с кем я поделилась кровью, хлебом и состраданием.

Это было непередаваемо прекрасное зрелище. Души усопших, танцующие будто светлячки, плотно облепили Звездный мост и начали подниматься в небо, туда – где их ждало новое рождение и новая жизнь. Прощаясь со мной нежным теплом и ласковой песней, они обещали, что никогда не забудут моей помощи и станут повсюду искать малейший намек на след того, кто стал так дорог моему сердцу – след принца Астора.

Наконец на площадке остались только я и король Шеарран. Величественный призрак мертвого владыки теперь ничуть не походил на прежний, источенный проказой труп. Черное проклятие спало, мой предок обрел присущую ему красоту и мощь. Король уже поставил ногу на первую ступень моста, как вдруг обернулся и улыбнулся по-детски лукаво:

– Каждая добрая душа, совершившая бескорыстный поступок, достойна награды, – его сжатая ладонь протянулась и коснулась моей. – Вот твоя награда! Этот артефакт, который и предназначается тебе по праву Старшей крови, просит передать в твои руки сама королева Смерть! Прими же ее дар, Ходящая через порталы! Поверь, он добыт твоими верными друзьями ценой немалых испытаний, – пальцы призрака разжались, выронив в мои, сложенные чашечкой ладони что-то странное, что я первоначально приняла за звезду.

Но это оказался перстень, массивный и широкий, занимавший целую фалангу, выполненный из темного серебра и украшенный огромным камнем. Я надела украшение, пришедшееся точно по моему пальцу.

– Его называют «Пожиратель пространства», – уточнил Шеарран. – Когда-то он принадлежал Храму Розы и является одним из сильнейших артефактов, позволяющих перемещаться по порталам. Прощай, девочка, да хранят тебя Истинные боги! – король еще раз улыбнулся и исчез. Звездный мост ярко вспыхнул и растаял в воздухе. Я проводила его глазами и очутилась в полнейшем одиночестве.

Я очарованно любовалась сияющим перстнем, ощутимо отягощавшим мою левую руку. Пристально всмотрелась в камень и заметила в его глубине туманное очертание огромной, зубастой пасти, беспрестанно открывавшейся и захлопывавшейся. «Ничего себе!» – уважительно подумала я, немного побаиваясь неведомой магии. Но король совсем ничего не сказал о том, как работает эта удивительная штука, поэтому я решила немедленно приступить к рискованному эксперименту. Я крепко сжала в кулак руку, на которой

красовался перстень, и мысленно пожелала переместиться к Храму на вершине Ранмира. У меня тут же закружилась голова, в уши ворвалось бряцание оружия, а мир вокруг резко пришел в движение, сливаясь в одну широкую, размазанную полосу света и пламени...

Этот портал ничуть не напоминал заброшенный проход Тьмы, через который Астор привел нас к Ранмиру. Перед моим замороженным взором мелькали гладкие стены, увешанные таким оружием, что я лишь успевала обалдело таращиться по сторонам, да восторженно прищелкивать языком – вот это клинки! Утащить бы хоть один! А чего? Умудрился же мой нахальный супруг вынести свою Полумглу из какого-то храма на Радужном уровне... Воспоминание о погибшем возлюбленном резануло по сердцу острой сталью, и я беспомощно сморщилась, пытаюсь удержать подступающие слезы. Кружилась голова, тошнило, перед глазами расплывались радужные круги, и в целом – я чувствовала себя так плохо, что когда меня неожиданно выбросило из светящегося туннеля, я рухнула на колени и согнулась в приступе неудержимой рвоты. Впрочем, желудок старался напрасно, сумев извергнуть из своих оголодавших недр всего-навсего несколько жалких каплей едкой желчи вкупе со слюнями и продолжительными судорогами. Что-то не припомню, когда же я ела в последний раз, кажется, это было еще в чертогах Смерти? Я вытерла губы замызганным рукавом рубашки, совсем недавно называвшейся новой, и кое-как поднялась на ноги, пошатываясь и отдуваясь. «Совсем ты похоже, Рыжая, до ручки дошла!» – в мозгу замучено пролетела обрывочная мысль, объективная и адекватная. Недавно полученная свежая одежда, вроде бы – тогда пришедшаяся точно в пору, мало того, что успела превратиться в обноски, не способные пригнуться даже старьевщику, так в довершение ко всем неприятностям – еще и стала невозможно велика. Я мельком ощупала свои ввалившиеся щеки, худую шею и выпирающие из ворота, острые ключицы. Без сомнения – я так скоро в дистрофики попаду. Плюс это мое постоянное недомогание. Я на самом деле ощущала себя тяжело больной, что для меня – и элементарным насморком то никогда не подверженной, стало неприятным и весьма обременительным фактом. Хотелось сейчас же забиться в какой-нибудь темный угол и хотя бы просто выспаться для начала. Но времени на отдых у меня не было, да и окружающая сумбурная обстановка мало способствовала малейшему проявлению излюбленной женской слабости: хватанию за виски и жалобам – ах, не хочу больше изображать героя – у меня мигрень. Поэтому я постаралась как можно быстрее переключить нехоти расслабившийся организм на жесткий военный термин «самодисциплина» и внимательно осмотрелась по сторонам.

Я находилась на плоской каменной площадке размерами не превышающей нескольких десятков метров в диаметре. Со всех сторон меня окружали умопомрачительные обрывы, кажущиеся бездонными. Ни единая куртинка чахлой травы не украшала вершины горы Света, на ней расположился лишь скромный Храм из неприглядного серого камня, маленький, напоминающий устремленную в небеса иглу, оканчивающуюся острым шпилем. Признать по справедливости – простота и размеры странного сооружения весьма мало подходили к окутывающей его тайне и сложности ведущего на Ранмир пути. Я настороженно приблизилась ко входу, даже не имевшему крыльца, и прикрытому грубыми деревянными створками. От святилища веяло многовековой древностью и вопиющей чужеродностью. К моему величайшему недоумению, в резных изображениях, покрывающих стены Храма, многократно повторялось суровое мужское лицо, уже виденное мной на кладке Колодца пустоты. Становилось понятным – ни один из известных мне богов нашего мира, никто из демонов и демиургов, не имели ни малейшего отношения к простиравшемуся передо мной святилищу. Да и вряд ли сюда когда-нибудь ступала нога хоть одного живого существа. Я замерла на пороге, трепеща от предвкушения прикосновения к тому, что могло стать очередной загадкой или наоборот – ответом на все волновавшие меня вопросы.

Дверной проем охраняли две фигуры, высотой в три человеческих роста. Как я ни старалась, но так и не смогла постигнуть скрытого символизма каменных статуй, потому что примитивно очерченные силуэты полудетей-полувзрослых с угловато-недоразвитыми

талами, не имели лиц. Лишь два схематично намеченных овала на их месте. Вместо оружия на плече каждой фигуры висело по небольшому походному барабану, а руки замерли в жесте неоконченного музыкального удара, сжимая тонкие палочки. Я с огромным интересом рассматривала загадочные скульптуры, смутно грезя об упомянутых призраках Привратниках. Было в этих неподвижных истуканах что-то притягательное, одухотворенное... А вдруг они меня видят, не взирая на отсутствие глаз? Я, на всякий случай, вынула из ножен Нурилон и вежливо отсалютовала неподвижной охране. Привратники никак не отреагировали, видимо, желая презрительным, затянувшимся молчанием довести до моего сведения – что им абсолютно нет дела до какой-то едва живой букашки, ползающей у их ног, да и вообще – им все по барабану. Я пожала плечами, смирившись с еще одним секретом, который мне тоже не суждено постигнуть, взялась за массивное дверное кольцо и потянула на себя тяжелую, неприятно заскрипевшую створку.

Крохотный внешне, изнутри Храм оказался несоразмерно огромным и невероятно величественным. Я потрясенно таращилась на уходящую вдаль анфиладу просторных помещений, пытаюсь понять, как удалось втиснуть подобные, поистине сверх масштабные размахи в казалось бы – столь незначительное снаружи здание. Оптический обман? Вряд ли. Видимо, здесь присутствовала какая-то особенная, недоступная моему разумению, древняя и мощная магия. Вереница смежных помещений, щедро изукрашенных фресками и барельефами, явно имевших ритуальное значение, простиралась настолько, что даже мое острое зрение оказалось не способно оценить настоящие размеры святилища неведомого бога. Чувствуя, что совершенно запуталась и утратила ощущение реальности, я, тем не менее – целеустремленно перешагнула через порог. За моей спиной шумно захлопнулись деревянные створки. Над настороженным ухом издевательски прозвучало негромкое, ехидное хихиканье. Вот именно это и задело меня больше всего. Любуйтесь мол, люди – перед вами картина маслом: глупая, но чрезмерно и даже во вред себе настырная девица, сумела таки добраться до скрытого от всех Храма. А теперь пусть она в полной мере и по справедливости – расплатится за свою самоуверенность. Мы же посмотрим, глумливо похихикаем...

– Ах, так значит? – грозно рявкнула я, стараясь не выказывать овладевшей мной растерянности. – Для вас это все просто шуточки? Ну, мы еще посмотрим, кто кого! – с этими словами я извлекла из-за пояса две волшебных даги и, сжимая их в руках, бестрепетно шагнула вперед...

Богатый зал пропал. Меня немедленно закружил завывающий на разные голоса песчаный ураган. Затылок опалило жгучее, южное солнце, горло пересохло от жажды, мышцы словно истончились и превратились в хрупкий пергамент, грозивший рассыпаться прахом. Дикая усталость сковала мои члены. Но самым страшным было то, что я неожиданно перестала осознавать себя самой собой – Сумасшедшей принцессой. Я стала изнеженным полуэльфом, красавцем Лансанаризлем. Это не я, а именно он брел сейчас по пустыне далекой, неведомой мне страны, но каким-то неведомым образом мой разум слился с его телом, полноценно переживая все выпавшие на его долю страдания и мучения. И меня до самой глубины души потрясла несгибаемая сила воли прекрасного полукровки, которого я до этих пор считала совершенно не способным на подобные подвиги. Лансом двигала идея, затмившая и усталость и страх. И более того – им двигала уверенность в то, что проходя через воистину немыслимые испытания – он тем самым помогает мне. Меня переполняли благодарность и теплое дружеское участие. Выставив вперед волшебные клинки и рассекая ими ветер, до крови закусив губы, я упрямо шла вперед, стараясь непоколебимо принять на себя значительную часть гнева пустынной стихии, дабы по возможности лучше облегчить тяжелую участь преданного друга. Изнемогающая от жары, обливаемая соленым потом, я весело смеялась в лицо беспощадной судьбе – видя, что и у Ланса все получается. И когда мне начало казаться, что я уже не смогу сделать больше ни одного шага, картина изменилась разительно...

Я осознала себя Генрихом, вступившим в поединок с могущественным демоном, вселившимся в мертвую оболочку мой названной сестры Луизы. Бой оказался изматывающим, стоившим мне и сил и нервов, но я как умела – помогала отважному сильфу одержать безрадостную победу и горько оплакала печальную долю несчастной Луизы.

Я затем я стала могучим Огвуром, вышедшим на битву с чернокожим воином из земли Канагер, призом за которую оказался подаренный мне артефакт, носивший название «Пожиратель пространства». И я искренне удивилась, осознав – как, оказывается, неразрывно связаны между собой различные события, параллельно происходящие, каждый в своем времени и месте – со мной, и с моими верными друзьями.

Моя выносливость и мой запас прочности давно уже иссякли, исчерпавшись до дна, но я продолжала идти из зала в зал, последовательно становясь вершащим странную волшебку Марвином – превращающимся в муху, драконом Эткином – пролетающим сквозь полыхающие смертоносной, черной магией столбы энергетической, защитной решетки над Краем Тьмы, и даже самим Астором – отчаянно расправляющим черные крылья над ареной Геферта. Но самым страшным испытанием стало соединение с разумом погибающего в пропасти любимого, посылавшего мне последнее «люблю и прощай». Я так же увидела отца, высаживающегося на берег Поющего острова и спешащего на долгожданную встречу с моей матерью. Я совместилась с разумом преисполненного горем Ланса, лицом к лицу столкнувшись со своим зловещим отцом и этим поступком – наконец-то раскрывшим ужасающую тайну своего появления на свет... Я узнала все, я поняла, что значит участвовать в великом замысле providения, значительно исправленного моими походами в Лабиринт судьбы, и неразрывно соединившим наши судьбы ради чего-то конечного, от чего зависело будущее всего мира. Я не понимала главного – чем в итоге должна завершиться непрерывная цепь событий и, к сожалению – не увидела еще одного незримого участника происходящих событий, чье аккордное присутствие я, тем не менее, ощущала всем своим существом. А ведь ему и предназначалось стать тем, кого Астор назвал «тот, кто придет после меня». Но я безрезультатно задавалась вопросом – кто же он такой на самом деле, теряясь в догадках и неопределенных предчувствиях.

Все закончилось как-то совершенно неожиданно. Мокрая от испарины, окровавленная, обожженная и замерзшая, густо припорошенная песком и снегом, я чуть ли не на четвереньках вползла в следующий зал, ожидая неминуемого продолжения изматывающего аттракциона. Но в этом зале не обнаружилось ничего. Почти ничего.

Я увидела голые белые стены без каких-либо рисунков или фресок. Однотонный пол из светлого известняка, полнейшее отсутствие окон, но зато огромный просвет в потолке, через который в помещение вливался скупой свет ночных звезд. Упоительная прохлада и до звона в ушах пронзительная тишина, нарушаемая лишь хрипом моего запаленного дыхания. Спокойствие и умиротворение. А в самом центре комнаты – два больших, мягких кресла, кем-то предусмотрительно поставленных друг напротив друга. И ни души...

«Какого гоблина!» – устало подумала я. Наплевав на правила хорошего тона, подошла к одному из кресел, уронила на пол звякнувшие клинки и с ногами забралась на комфортабельно прогибающиеся под моим весом подушки. Кажется, я уснул раньше, чем моя исцарапанная щека успела угнездиться на призывно откинутой спинке. Закрывая глаза, я мысленно посмеялась над своей неосторожностью и доверчивостью, но даже и не пыталась бороться с естественной потребностью в конце измотанного организма. Может, я и богиня, но явно – не железная. Вот! И пусть весь мир подождет...

– Дорогая Морра, ты не напомнишь ли, к случаю, свою знаменитую фразу, буквально впечатанную в дорожную пыль? – просительно прозвучал спокойный, приятный голос, вырывая меня из сладостных объятий глубокого сна без сновидений. – Как же она выглядела? Что-то я запамятовал. Ах да, кажется вот так: кто рано встает – тому весь день спать хочется? Очень точно сказано! – голос довольно рассмеялся.

Я мгновенно открыла глаза, чувствуя себя отдохнувшей и посвежевшей, опустила на пол ноги, не совсем прилично заброшенные на бархатный подлокотник кресла, взглянула на своего собеседника и... оторопела.

В кресле напротив удобно расположился крупный, белоснежный... Единорог, насмешливо обнажавший в широкой ухмылке безупречно ухоженные зубы. «Не иначе толченым мелом чистит, на хорошей щеточке! – не к месту отметила я. – Да еще полощет хвойным отваром по три раза в день. Вон какие у него десны розовые, так и пышущие здоровьем, без малейшего намека на гингивит...» – и только тут до меня дошла вся несуразность ситуации, в которую я попала... Здоровенный коняга, пропорциями ни чуть не уступающий впечатляющему экстерьеру моего Беса, совершенно по человечески сидит себе посиживает в мягком креслице, скромно прикрывая роскошным серебристым хвостом полагающиеся жеребцу причиндалы. Шерсть белоснежная, лощеная, серый храп раздвинут в вежливой улыбке, ноги передние – две штуки – элегантно покоятся на подлокотниках, глаза синие – две штуки – устремлены на меня, на лбу красуется витой рог – одна штука...

Я обалдело помотала головой. Нет, быть такого не может! Либо я все еще сплю, либо у меня от недоедания ядреные глюки прорезались, либо Сумасшедшая принцесса окончательно сошла с ума!

– Я сошла с ума, я сошла я ума! – иронично пропел Единорог хорошо поставленным баритоном. – Кстати, дорогая Морра, королева Смерть заблаговременно и предусмотрительно предупредила меня, что ее отважная внучка часто подвержена приступам спонтанной мнительности и к тому же, страдает повышенной самокритичностью...

– Значит, вы и с бабушкой моей знакомы? – удивленно перебила я увлеченный монолог загадочного существа. – А вы сами то, простите, кем будете?

Единорог заржал наигранно-драматично:

– Всем, без исключения, нравятся прекрасные лошади, но вот почему-то совершенно не наблюдается хоть малое число желающих стать ими по жизни!

– Выспренные жалобы на тяжелую долю? Фи, какая сопливая лирика! – презрительно отмахнулась я. – А нельзя ли перейти ближе к делу?

Единорог желчно усмехнулся:

– Ну, опасаясь за здоровье твоей психики, не стану сразу набиваться в близкие родственники, но уж поверь мне на слово – я тоже тебе не чужой!

– Во дела! – непроизвольно вырвалась у меня излюбленная фраза Ланса. – Видно не зря меня Франк с Бернаром частенько кобылой называли!

Единорог смешливо фыркнул:

– Вполне философский подход к проблеме самопозиционирования. В чем, например, существенная разница между конскими яблоками и пресловутым конем в яблоках? От перестановки слагаемых – яблоки не меняются. Суть не в форме объекта, конечно, а в его содержании. Мне показалось, что именно облик лошади окажется наиболее уместным...

– Это еще почему? – глупо вылупилась я, совершенно не улавливая логики в рассуждениях говорящего жеребца.

– Ты очень любишь моего дальнего родственника – крылатого Пегаса! – обаятельно улыбнулся Единорог. – Вот я и решил...

– А-а-а, – иронично протянула я. – Скажите, а кобыла сивая, конь в пальто и лошадь тыгудымская – не из вашей ли семейки?

– Ага, – невозмутимо подтвердил жеребец. – А еще Росинант, Буцефал, Боливар...

– Это который не вынесет двоих? – на всякий случай уточнила я.

– Ну вот видишь! – Единорог удовлетворенно развел черные копыта. – Ты в коневодстве человек опытный!

– А еще я этого знаю, Коннибала! – вдохновенно продолжила я.

– Ганнибал, дорогая! – педантично поморщился Единорог. – Античный военачальник из Карфагена. Никогда не пиши стихов на исторические темы, дабы не попасть впросак!

Кажется, я покраснела.

– Ну, так что вернемся к нашим баранам, то есть жеребцам, а точнее – делам скорбным, земным! – ободряюще подмигнул собеседник.

Я неопределенно пожала плечами:

– Я то как раз – твердо стою на земле. А что, наверху мной недовольны?

– Наверху это где? – не понял Единорог.

– Ну, там! – я наугад указала пальцем в потолок, с которого лились светоносные лучи жаркого полуденного солнца.

– Да уж куда выше Ранмира то! – заносчиво осклабился мой собеседник. – Но, признаюсь, ситуация сложилась классическая. Низы – уже не хотят жить по старому, а верхи – не способны управлять как раньше...

Я совершенно запуталась, да к тому же, из последних сил пыталась сдерживать недовольное урчание голодного желудка.

Единорог посмотрел на меня внимательно, махнул копытом и извлек прямо из воздуха завязанный узелком белый платок, плавно спланировавший ко мне на колени. От узелка пахло так аппетитно, что я тут же чуть не захлебнулась обильной слюной. Развязала плотную ткань и обнаружила жареную куриную грудку, изрядный ломоть свежего, теплого ржаного хлеба и увесистую гроздь отсвечивающего янтарем винограда. Я с урчанием впиалась зубами в сочное мясо, благодарно помаргивая благодетелю. Тот небрежно кивнул – чего уж там!

– А платочек не бросай, приberi про запас, – посоветовал Единорог, после того как от вкусного завтрака осталась лишь сиротливая виноградная веточка. – Не бережешь, ты себя, Морра, ой – не бережешь! А ведь тебе теперь питаться нужно регулярно и полноценно, слишком многое сейчас от твоего драгоценного здоровья зависит. Завяжешь платочек в узелок, и тебе всегда будет готов обед и ужин...

– Спасибо! – проворчала я, пряча подарок в карман и мельком замечая, что вместо прежних лохмотьев на мне теперь одета вполне приличная, новая одежда. – Что-то все вокруг, в последнее время, о моем здоровье подозрительно бескорыстно печься начали, и демиурги и вы вот... Ой, чую, не к добру это!

– Ну, как говорится: чем можем – тем поможем, – уточнил Единорог.

– Астора верните! – сварливо потребовала я, многозначительно хватаясь за кинжал.

Белая лошадиная морда вытянулась:

– Эка тыхватила! – искренне возмутился Единорог. – Песню слышала – он вчера не вернулся из боя...? Нет, дорогая, ты свою судьбу сама вершишь, по запретным местам в одиночку гуляешь как по парку, вот и расхлебывай теперь самостоятельно ту кашу, что в мире по твоей вине заварилась!

Я разозлилась:

– А вашего интереса в этом совсем нет? Что-то не верится!

Единорог откинулся на спинку кресла, важно складывая передние ноги на поджаром животе. Все прежнее наигранно-благодарное выражение сошло с лошадиной морды напрочь:

– Хорошо, Морра, давай поговорим на чистоту!

Я согласно кивнула, закидывая ногу на ногу и готовясь к долгому разговору.

– Ты, надеюсь, уже поняла, – начал Единорог, – что ничего в нашей жизни не проходит бесследно. Не хочешь слепо следовать промыслу богов и послушно плыть по течению судьбы, тогда будь добр – в полной мере отвечай за творимые тобой поступки! Чего ты там просила у теней в Колодце пустоты?

– Знания! – твердо подсказал я.

– Получила?

– Да! – я снова кивнула. – Я поняла, что значит на самом деле любить и жить! Я осознала – как сложен, оказывается, этот казалось бы простой рецепт! Любить так, что твоя любовь наложит на тебя массу нелегких ограничений и страшную ответственность. Любить – это значит не только брать, но гораздо чаще отдавать и терять. Жить – не выживать, не

существовать, не прятаться трусливо за спину друга – но бороться и идти к намеченной цели только благородным и достойным путем!

Глаза Единорога вспыхнули будто звезды, нежные ноздри затрепетали:

– А творить? – напряженно спросил он.

Я задумчиво опустила ресницы:

– А вот этого пункта я пока не постигла. Думаю, что боготворчество неразрывно граничит с совестью и умением предвидеть последствия своих поступков!

– Умница! – радостно похвалил жеребец. – Теперь я спокоен за будущее нашего мира! Ты повзрослела, испытала горечь утраты самого близкого человека, и получила могучие артефакты – две даги, кулон Оружейницы и перстень «Пожирающий пространство», позволяющий перемещаться через Портал Оружия. Я думаю – теперь ты готова!

– К чему? – вскинулась я. – Снова принять участие в игре демиургов?

– Нет! – отмахнулся Единорог. – Ты готова начать свою Игру!

– А Астор? – жалобно напомнила я.

Жеребец хитро усмехнулся:

– Все в твоих руках, и даже он! Найди Ларру! Она носительница духа магии и по совместительству – царица драконов. И возможно, в этом случае ты еще сможешь обратить судьбу вспять и вырвать у Пустоты душу своего ненаглядного принца!

– Где ее искать! – возбужденно спросила я, загораясь огнем надежды.

Единорог вновь протянул копыто и извлек из воздуха тонкую книжицу, переплетенную в сафьян. Я бережно приняла второй дар и начала перелистывать веленевые страницы. Рукописная книжица оказалась похожей на сам Храм Света. Внешне маленькая и тонкая, а откроешь ее – и дивишься огромному множеству скрытых в ней страниц. Я бегло просмотрела несколько листов и восхищенно хмыкнула:

– Это же Хроники Бальдура вроде?

– Ага! – подтвердил Единорог. – Они же Хроники Розы и Хроники Смутных времен. Летопись нашего мира, отражающая прошлое и настоящее.

– Но почему на обложке нет заглавия, а в конце присутствует несколько чистых листов? – спросила я, впрочем, уже предугадывая ответ.

– Ты же сама все поняла! – ухмыльнулся хитрец. – Допиши книгу, заполни листы будущего и тогда ты сможешь назвать ее по-новому, например – Хрониками Рыжей!

– И все, что я сюда впишу – непременно сбудется? – не поверила я.

Единорог язвительно хохотнул:

– Что написано пером, то не вырубишь топором! Сбудется конечно, в случае – если ты станешь писать правду, а не сочинять наивные сказки!

Я скептически улыбнулась:

– Думаешь, тогда я пойму, что значит – творить?

Единорог упрямо молчал, но его синие глаза таили скрытый подвох.

Так и не дождавшись внятного объяснения, я решила:

– Я пришла в Храм ради Пелены богини Аолы! Может, стоит начать творить будущее нового мира именно с нее?

– Изволь! – махнул копытом Единорог.

И тогда я увидела...

Глава 9

Кресло с белым жеребцом куда-то пропало, а стены помещения безгранично раздвинулись, являя мне картину прозрачных струй воды, шумно низвергающихся с уступа водопада. За завесой из водных брызг парила самая обычная женская рубашка, сшитая из простого, беленого полотна. Ничего в ее крое и фасоне не выдавало принадлежности к туалету самой Дарующей жизнь. Просторный, застроченный с двух сторон прямоугольник, оканчивающийся тонкими ляпочками. Ни кружева тебе, ни вышивки. А вот подол Пелены и

правда, различимо портили несколько бурых пятен, отдаленно смахивающих на давно засохшую кровь. На мгновение я почувствовала себя неловко. Зазорно вот так явно и без разрешения приобщаться к личной жизни других людей, а тем более – богов, состоящих с тобой в близкородственных отношениях. Ну да отступать уже поздно...

Я поспешно упрятала в походную сумку подарки Единорога, разделась, прихватила с собой «Рануэль Алатору» и ступила в бурлящую воду. Не ожидая глубины, сразу же ушла с головой, но мгновенно вынырнула, недовольно отфыркиваясь и отводя мокрые волосы, облепившие лицо. Подплыла прямо под поток, падающий со скалы и окатывающий Пелену, прежде чем попасть в чашеобразную заводь. Откуда течет эта река? Упругие струи прозрачной влаги насмешливо барабанили по моим плечам, пока я, вытяну шею, рассматривала рубашку, невозмутимо зависшую в паре метров над головой. Мысленно помянула всех мерзких гоблинов, по моему разумению, безусловно, пребывавших в извращенном сговоре с создателями сего Храма. Хорошо придумано – ничего не скажешь! Это кем же нужно быть, чтобы добраться до Пелены, горгульей что ли? Но я то, как на беду, крыльями не обладаю! Я невольно вспомнила свой наивный вопрос, адресованный Эткину – почему драконы летают? И его ироничный ответ – по чему, по чему, по небу конечно! Эх, хорошо ему, а мне вот приходится...

... я перехватила дагу в зубы и, искренне надеясь, что никому и в голову не придет дурацкая идея подглядывать за мой в столь нелепой ситуации, резко подпрыгнула вверх, отталкиваясь от воды и пытаюсь дотянуться до злополучного артефакта.

Недолет, однако! Я шумно обрушилась вниз, эмоционально рыча самые скабрзные ругательства сквозь плотно стиснутые челюсти. Второй прыжок. На этот раз я смогла кое-как уцепиться за скользкую ткань, даже и не думавшую сдвинуться с места. Я повисла на мокрой рубашке, чувствуя, что начинаю медленно съезжать вниз. Чудно, но от прикосновения к Пелене у меня сразу же пропало ощущение реальности, а перед глазами возникли неясные, размытые образы. Я будто со стороны увидела саму себя, несущую на вытянутых ладонях полыхающий красным жаром брусок раскаленного металла, а затем опять себя же – окровавленную, сжимающую в руке обнаженный Нурилон, тяжело поднимающуюся с камней, на которых заходится криком голенький, новорожденный младенец, а рядом – две странные, радужные фигуры вооруженных воинов. Уже едва удерживаясь кончиками пальцев за подол Пелены, я выхватила из небытия последнюю, величественную картину парящего под облаками огромного, золотого дракона, и симпатичного мальчика лет пяти, залиvisto хохочущего у него на спине. Буйные локоны лихого наездника изумляли необычным чередованием рыжих и серебристо-белых прядей... Но рубашка выскользнула из затекших пальцев и я повторно обрушилась в воду.

Ничего себе, вот это артефакт! Еще бы понять, что же такое я увидела! И как все-таки вытащить Пелену из водопада? Я попыталась сконцентрироваться, обратиться к астралу, силясь отыскать подходящее решение возникшей проблемы, но астрал ответил мне полнейшим равнодушием. Тогда, отчаявшись, я перехватила дагу в руку и, в следующем прыжке, что было сил полоснула острым клинком по подолу окаянной рубахи. На ткани образовалась значительная прореха. Еще прыжок, и в мои ладони мягко спланировал треугольный отрез ткани, вблизи отливающий теплым, мерцающим светом. Я задрала голову. Пелена все так же, словно издеваясь надо мной, продолжала неподвижно висеть в воздухе – целая и невредимая.

Бережно прижимая к груди добытый кусок Пелены, я выбралась на берег. Ткань трепыхалась как живая, так и норовя выскользнуть из пальцев. Лицо под маской призывно зудело, безмолвно напоминая о себе. Сейчас все решится! Как долго же я шла к этому выстраданному мгновению. Стоит лишь загадать желание, произнести мольбу, и я на веки вечные избавлюсь от своей мерзкой, уродливой личины!

Я подняла на вытянутых ладонях священный обрывок магической ткани:

– Взываю к вам – Истинные боги! Внемлите моей просьбе. Силой обновления и возрождения, заключенной в Пелене Аолы, заклинаю вас – даруйте здоровье, красоту,

незамутненность мыслей и долгие годы жизни... моей матери Альзире, принцессе Поющего острова!

Ткань вспыхнула ярким сгустком света и растаяла без следа. Я опустила руки и удовлетворенно вздохнула. Вот так! Теперь все наконец-то встало на свои места, вопиющая несправедливость судьбы исправлена. Я оглянулась через плечо. Как и следовало ожидать – водопад и Пелена исчезли. Я находилась все в той же скромной комнате с белыми стенами. Я неторопливо оделась, собрала оружие и скудные пожитки, и шагнула к закрытой двери. Длинной анфилады залов с испытаниями уже не было, просто обычная деревянная створка – выход из Храма, ведущий наружу. Дверь призывно растворилась... На пороге стояли два каменных Привратника, с барабанами наперевес...

Я иронично подняла брови:

– Я в чем-то напортачила? Меня не выпустят из Храма?

Глухой, лишенный всяческих интонаций голос шел из плоских серых кругов, заменявшим Привратникам лица:

– Твоя благородная бескорыстность привела в смущение силы Света, боги устыдились собственной ограниченности и мелочности. Они признают тебя, принцесса, своей сестрой и даруют молодой богине повторную попытку, право второго желания. Вернись и получи еще один кусок Пелены для себя лично, дабы исправить свое физическое несовершенство или скажи нам свое второе желание, а мы – исполним его немедленно!

Я громко расхохоталась, едко и саркастично:

– Ну уж нет, фиг вам – уважаемые боги! Силам Света хотелось бы сделать из меня самодовольную, равнодушную красавицу? Но я никогда не отступлю с осознанно избранного мной пути Чести и, как и раньше, буду начисто разрушать удобную для вас череду событий. Да на кой гоблин мне сдалась эта красота? Правильно преподнесенные недостатки всегда превращаются в достоинства! Сумасшедшей принцессе от рождения предначертано иметь подобное, уродливое лицо и я горжусь своей необычной внешностью. Не собираюсь я становиться очередной лощеной красавицей! Я уже неоднократно убеждалась, что женская красота редко уживается с умом, любовью к приключениям и готовностью отстаивать свои убеждения и принципы. Обычно, трусливые красотки не торопятся лезть в драку, опасаясь получить раны и шрамы. Астор полюбил меня такой, значит, такой я останусь – уродливой, бесшабашной Сумасшедшей принцессой! А хорошенькое личико – совсем не мой удел!

Привратники склонились в почтительном поклоне:

– Ты в очередной раз удивила богов, принцесса! Мы поняли твою позицию и не смеем настаивать. Выбери другое желание!

Я на минутку задумалась:

– Пелена слишком притягательна для различных темных сил. Но она не должна попасть в неправедные руки. Вы можете спрятать ее так, чтобы никто и никогда уже не нашел столь могущественного артефакта и не использовал его во вред миру? В этом и состоит мое желание.

Привратники не ответили. Но их каменные руки тут же пришли в движение, палочки ударили по поверхности барабанов, наполняя тихие склоны Ранмира размеренной, громоподобной дробью, сходной с грохотом горного обвала. Боясь оглохнуть, я испуганно закрыла уши обеими ладонями. Шум нарастал. Скальная площадка под моими ногами сначала пошла крупными трещинами, а потом и вовсе раскололась на части, раскрываясь, будто полый футляр. Небо потемнело, заволокло грозowymi тучами, фиолетовые трезубцы жгучих молний не переставая, били в склоны Ранмира. Храм покачнулся и начал неуклонно погружаться в образовавшийся провал, увлекая вслед за собой Привратников, не прекращавших отбивать четкий, разрушительный ритм. Я удовлетворенно улыбнулась. Теперь хранилище Пелены богини бесследно сгинет с лица земли, надежно укрытое в недрах горы Света. Но я вовсе не собиралась разделить роковую судьбу святилища. Я крепко сжала руку с перстнем управления Порталом Оружия и пожелала перенестись к королевскому дворцу Ширулшэна. Мне не терпелось узнать, какой эффект воспоследовал за моим самым

заветным желанием, высказанным над частицей исцеляющей Пелены богини Аолы.

Стены портала так и мелькали вокруг меня, вполне сочетаясь с царившим в голове сумбуром. Пространные речи Единорога, бывшего, как я поняла, отнюдь не отображением темных или светлых сил, а скорее единой квинтэссенцией великой Пустоты – начала всех начал и сути всего сущего, ввергли меня в пучину продолжительного самоанализа. Итак, эгоистичная Игра, задуманная демиургами, утратила для меня свое исходное значение. Думаю, что все свои обязанности перед ними, обусловленные воскрешением брата, я исполнила с лихвой. Пришло время отказаться от навязанной роли и ввести свои правила, ведь именно на это и намекал хитроумный Единорог. Пустоту не интересовали Свет или Тьма, ее интересовало их равновесие – единственное условие, при котором изначальное Ничто могло оставаться самим собой. Я тоже стремилась к равновесию, к созданию того нового мира, в котором Тьма и Свет стали бы противоположными полюсами непоколебимого бытия, сосуществуя мирно и уравновешенно, и не вмешиваясь в судьбы людей. Земля должна избавиться от власти богов, демонов и демиургов, мир должен взять свою судьбу в свои руки, а не зависеть от прихоти высших существ. Тогда люди обретут счастье.

Несмотря на памятный разговор с Марвином, я сама до сих пор так и не постигла потаенного смысла жизни и осознания факта личного счастья. «Счастье – это когда все тебе завидуют, а нагадить – не могут!» – любит изрекать Эткин. «Счастье в том, чтобы у нас все было, а нам за это ничего не было!» – добавляет красавец Лансанариэль, при этом – трепетно поглядывая в сторону Огвура. Возможно, Лансу уже удалось обрести свое долгожданное счастье. «Счастье есть, оно не может не быть!» – подмигивает ему никогда не унывающий орк, впиваясь зубами в хорошо прожаренный свиной окорок и запивая его кружкой доброго эля. «Жизнь называют счастливой, если ее удастся прожить так, чтобы боги наверху обалдели и сказали – а ну-ка, повтори!» – бесшабашно улыбаюсь я. «Счастье – в мудрости!» – стеснительно изрекает Марвин. И возможно – все мы по-своему правы!

Нужно просто любить и жить – учили меня мудрые тени в Колодце пустоты. Жить весело и полноценно, торопиться сделать как можно больше хорошего до того, как ты сыграешь в деревянный ящик, в котором есть все для того, чтобы никогда из него не выбраться. Великие боги, как же оказывается трудно на самом деле воплотить в жизнь столь банальный совет, подкупающий фальшивой на первый взгляд простотой. Только не нужно возводить себя в ранг властолюбивого тирана, и устраивать личное счастье за счет несчастья других. Подобное поведение рано или поздно аукнется огромными неприятностями. Не нужно извращенно выворачивать наизнанку прописные истины, подменяя их собственной интерпретацией законов мироустройства. Не нужно изобретать колесо, и менять местами добро и зло, ибо каждое из них уместно именно в своем исконном образе. Стоя на голове – легко вообразить, что ходишь по небу ногами. Именно поэтому, в глубине души, я всегда жалела не шибко умную, зарвавшуюся Ринецею, видевшую счастье в овладении властью. Нет, я желала совсем иного счастья. Я мечтала вдоволь испить недопитое лето своей рано отцветшей любви, топтать сапогами пыль своих – еще не пройденных дорог, воевать на своей – а не на чужой войне, не подрезать крылья птице-надежде, не сжигать мосты за спиной... Я хотела свободно дышать полной грудью и жить, просто жить...

Безумие ветра излить на страницы,
Раскинуться гладью холодной воды,
И слышать, как с небом прощаются птицы,
Не в силах отсрочить прихода беды.

Сгорая в слезах, не стыдиться испуга,
И может лишь год, но прижить без зимы,
В котором отступит холодая вьюга,
В котором с тобой повстречаемся мы.

Главы не клонить под жесткой лавиной,
Удары судьбы принимая без слез,
Воскликнуть с надеждой: «Не бойся, любимый!
Ведь это лишь игры. Но игры – всерьез!»

Ушедшие дни облакая в страницы,
Истлевших, написанных мной дневников,
Смотреть, как на юг устремляются птицы,
И наши мечты из пророческих снов.

Рукой отметаю беду и сомненье,
Я воем волчицы в ночи обернусь,
Я знаю, любовь не уходит в забвенье,
Я жить обещаю, а значит – вернусь...

Заметно сказывался практический опыт, приобретенный при перемещении по порталам. И поэтому, когда передо мной в очередной раз распахнулась светящаяся мембрана перехода в реальный мир, я уже не вывалилась из туннеля неловким, громоздким грузом – а вышагнула грациозно и горделиво. Я не промахнулась, Портал Оружия привел меня прямоком во двор королевского замка, вежливо выгрузив в центре обширной клумбы с пышно цветущими, синими розами. Среди любовно взращенных самой природой символов моего королевского рода, так сказать. Вот и стояла я в этом шикарном розарии дура-дурой, еще один геральдический тотем воплоти – девушка с мечом и полнейшей растерянностью на лице. И недоумение мое объяснялось весьма просто, ибо ну кто же мог предположить, что я попаду в самый разгар драматических событий, разворачивающихся в непосредственной близости от моей замершей персоны?

Видимо, ходящие через порталы посвященные, приобретают какие-то неожиданные свойства или качества, позволяющие им запанибратски обращаться с естественным течением времени. Вернее, для всех прочих участников разыгрывавшейся сцены, время существовало в привычном режиме, априори не подвластное какому-либо воздействию извне. Но для меня оно почему-то замедлилось, позволяя внести в реализуемый перед моими глазами процесс любые, удобные мне коррективы.

Я увидела Ланса, непередаваемо медленно поднимающего руку в бесполезном жесте преграды на пути облака черных точек, от которого так и веяло смертоносной угрозой. Туманное облако шлейфом шло от фигуры некроманта-альбиноса, в котором я без особого труда опознала своего, гораздо на различные пакости, дядюшку. Правда, на этот раз он выглядел весьма постаревшим и захиревшим. Но, тем не менее, становилось очевидным, черное облако насквозь пропитано убийственной магией, и соприкосновение с ним не предвещает Лансу ничего хорошего. В паре метров от нас, беззвучно раззявил рот в отчаянном крике Огвур, схватившийся за Симхеллу, но явно проигрывающий магу в скорости реакции. Ситуация складывалась угрожающая. Меня же от обреченного на гибель полуэльфа отделяла всего-то одна-единственная, причем – не широко широкая клумба со злополучными розами. Не найдя лучшего решения, я торопливо сдернула с шеи амулет тетушки Чумы и сунула его в раскрытую ладонь друга. Пальцы полукровки рефлекторно сжались, стискивая белую косточку защитного артефакта. И сразу же после этого, время снова ускорилося – обретая свой привычный, стремительный ход.

Черное облако враждебной магии осыпалось на траву бессильным холмиком мертвого пепла. Дядюшка Аберон, получивший ответный удар заградительных чар, скорчился от невыносимой боли, свалился на землю и глухо завыл. Ланс обалдело выкатил зеленые глаза, не сразу осознав неожиданно пришедшую подмогу.

– Мелеана! – приветственно прогудел Огвур, убирая на место так и не приготившуюся

секиру. – Ну, слава Истинным богам, ты как всегда – вовремя!

Я показала орку выразительно оттопыренный большой палец правой руки. Тысячник довольно заржал. По его смуглому лицу разливалась непробиваемая гримаса непоколебимой уверенности – Рыжая опять с нами, а значит – нам теперь любое море по колено! И я в очередной раз пожелала себе хоть малую дозу знаменитого орочьего оптимизма.

Эльфийский некромант с воплями катался по земле, уже утратив даже малейшее сходство с некогда могущественным чародеем. По всем видимости, амулет, красовавшийся в тонких пальцах Ланса, причинял ему огромное неудобство.

– Убери! – хрипло стонал Аберон, загоразивая глаза морщинистой ладонью. – Жжет...

Лансанариэль брезгливо покривился и, не глядя, легкомысленно забывая о своей безопасности, перекинул артефакт обратно в мои руки:

– Спасибо, Мелеана! Но заberi его себе, думаю силы моего..., – он помедлил, но все же, вытолкнул из себя с мучительной горечью, – отца, иссякли...

Холодный смотрел на нас снизу вверх пустыми, слезящимися глазами бессильного старца.

– Убьем его? – предложил подошедший Огвур.

Лансанариэль вздрогнул, как от удара:

– Не могу! – он отвернулся, пряча слезы обиды и разочарования. – Должен конечно, за все мучения матери, но видят боги – не могу! Он так жалок..., – голос полукровки окреп и зазвучал шелкающим ударом бича. – Пусть убирается с острова...

Орк восхищенно присвистнул и одобрительно похлопал Ланса по плечу, оценив его великодушие.

Внезапно я почуяла присутствие еще чьей-то злобной воли, готовящейся свершить пусть не совершенное, неумелое, но несомненно – смертоносное колдовство. Острым взором я безошибочно разглядела уродливого карлика, скрытно притулившегося в тени куста сирени. Со все возрастающим опасением, я наблюдала, как он неспешно, будто боясь ошибиться, извлекает из футляра тонкую трубочку, вкладывает в нее короткую стрелку, острие которой, по моим ощущениям – несло смесь яда и магии, и подносит к губам, направляя на Лансанариэля. Ну уж нет! Я выхватила из-за пояса любимую метательную звездочку и, тщательно прицелившись, метнула в кровожадного урода. Карлик отрывисто вскрикнул и выронил свое самодельное оружие. Зубчатые концы звездочки вошли ему точно в переносицу. Угасающие глаза несостоявшегося убийцы одарили меня последним, злобным взглядом, и мертвое тело шумно повалилось в кусты.

– Гнус! – горестно выдохнул Аберон. – Друг, не покидай меня так!

А дальше произошло то, чего не мог предвидеть не один из нас. Гнев, и скорбь утраты единственного друга, истступленно всколыхнули последние силы старого некроманта. Он с безумным рычанием выдернул длинный стилет, до этого надежно упрятанный в бесчисленных складках бесформенного балахона и, скрипя зубами, как дикий зверь прыгнул на спину равнодушно отвернувшегося от него сына.

– Сдохни! – ревел Холодный. – Сдохни, как погиб подлый Астор, настигнутый моим проклятием!

Поняв, что на самом деле стало причиной смерти моего супруга, и что сейчас случится с Лансанариэлем – я протестующе закричала...

Но Ланс оказался проворнее. Не снимая арбалета, висевшего у него на плече, он сунул руку в колчан и вытащил что-то, поначалу показавшееся мне тонким лучиком солнечного света. Но чуть позднее я поняла, что это была стрела из драгоценного металла, оперенная веером мелких алмазов. Невыносимое сияние, исходящее от волшебного оружия, ослепило всех. Аберон выронил кинжал, ошеломленно зажмурился и, будучи не в силах остановить поступательного движения корпуса, практически сам напоролся на серебряный наконечник, притягивающей искрой вспыхивающий в ладони полуэльфа... Золотая стрела, не встретив никакого препятствия, даже без помощи арбалета, по самое оперение вошла в черное сердце некроманта. Ланс вскрикнул, страшно и печально...

Я удовлетворенно хмыкнула. Возмездие – свершилось! Тело короля-узурпатора начало таять, превращаясь в слабый столбик сизой дымки, быстро растворяющейся в теплом воздухе Ширулшэна. И вскоре от мага остался лишь тяжелый королевский венец, усеянный сапфирами, торжественно подкатившийся к ногам полукровки. Волшебная стрела, унесшая жизнь некроманта, дотла сгорела вместе с его ставшим уязвимым телом.

– Свершилось! – прозвучал ликующий голос с неба и на землю плавно опустился Эткин, на спине которого призывно вопил, и усиленно размахивал плащом, черноволосый Марвин.

– Свершилось! – согласно поддержал величественный Саймонариэль, выходя из раскрывшегося Портала Света.

– Друзья! – я радостно всплеснула руками. – Как же мне вас не хватало!

Саймон нежно привлек меня к себе и отечески погладил по растрепанным волосам.

Лансанариэль недоуменно поднял королевский венец, броско сиявший бесценными сапфирами в чашечках золотых, наследственных роз.

– Имеешь полное право! – негромко подсказал Саймон, показывая жестом, чтобы полуэльф возложил праведно добытую корону на свою прекрасную голову. – Ты наследник древних королей по крови и облику, ты станешь достойным правителем Поющего острова!

Ланс повертел венец в руках и скептически ухмыльнулся:

– На кой гoblin мне, спрашивается, сдались проблемы управления государством? Нет, королевский трон не для меня, зато я знаю человека, который гораздо больше подходит для подобной, судьбоносной роли! – и он как что-то незначительное и мешающее, небрежно сунул корону в мои руки. – Забирай, Мелеана! Уж если кто-то по по-праву и заслужил титул правителя Поющего острова, так только ты! А у меня, – он нежно улыбнулся зардевшемуся от радости Огвуру, – уже есть то, ради чего стоит жить!

Теперь настала моя очередь потерянно вертеть драгоценный символ власти.

– Имеешь полное право! – вновь, словно свершая ритуал коронации, убежденно повторил магистр. – Ты наследница древних королей по крови и чести, ты станешь достойным правителем Поющего острова!

Друзья поддержали слова эльфийского мага ровным, одобрительным гулом.

– Ну уж нет, – я испытала настоящее удовольствие, отказываясь от нудной обузы навязываемой мне власти. – Прекрасный народ эльфов не заслуживает такой уродливой повелительницы! – не удержавшись, я вполне к месту вернула давно полюбившуюся фразу. – Тем более, что я хочу представить вам королевскую чету, должную по-закону и справедливости унаследовать трон Ширулшэна! – и я сделала широкий победный жест, раздвигая притихших друзей.

Они тихонько шли от дальнего флигеля дворца, не привлекая ничьего внимания и никем, кроме меня, не замеченные. Он – высокий, весь в черном, с благородным, безупречно прекрасным бледным лицом, в ярком обрамлении выющихся локонов цвета воронова крыла. А рядом с ним – она, не сводящая с него светящегося любовью взора. Молодая, стройная, ослепительно красивая и царственная даже в скромном, сером платье. Они бесшумно вступили в круг моих друзей, встреченные почтительным молчанием. Я первая опустилась на колено, выражая преданность своим повелителям, своим наконец-то обретенным родителям.

– Тебе удалось, ты все же сумел ее отыскать! – едва слышно шепнула я.

– Благодаря тебе, дочка! – дрожащим голосом ответил король Мор.

Из глаз моей матери катились крупные, прозрачные слезы счастья.

Саймонариэль взмахнул своим магическим посохом и королевский венец раздвоился.

– Разрешите представить вам истинных властелинов Поющего острова! – церемонно возвестил он. – Королеву Альзиру – Шеар – эль – Реанон, дочь повелителя Шеаррана из клана Синих эльфов! – он возложил один венец на голову моей матери. – И короля Мора, происходящего от правителя Нарроны – знаменитого владыки Джаспера и королевы Смерти! – он воздел второй венец на черные кудри моего отца. – Да живут вечно

благородные правители народа эльфов!

Ответом ему стало многоголосое эхо сотен ликующих голосов: – Да живут они вечно!

Оказывается, увлеченные своими проблемами, мы и не заметили толпы горожан, собравшихся у ограды дворцового парка.

Король Мор поднял руку, испрашивая тишины:

– Скажите люди, какой награды достойна наша дочь – Ульрика де Мор, Сумасшедшая принцесса, великая герцогиня Нарронская – спасшая свою мать из мрачных лап безумия и освободившая меня от власти Ледяного бога?

Окружающие молчали, тщетно подыскивая нужный ответ.

А я уже совсем собиралась возразить – что, мол, я вполне счастлива их радостью и не желаю большей награды, чем видеть их родные лица, как вдруг ощутила резкий приступ дурноты и ужасающую боль, иглой вонзившуюся в мозг. В глазах неожиданно потемнело, и я замертво повалилась на руки подхватившего меня отца.

Глава 10

Все-таки самое главное в жизни каждого разумного существа – это привычки и традиции! Именно они являются исходной точкой для осмысления истинных причин тех или иных наших поступков, как относительно хороших, так и условно плохих. К тому же, именно их точное и неуклонное соблюдение и формирует сложный путь человеческого бытия – логически увязанную череду судьбоносных событий. Вот к примеру взять меня: вылезла девица в окно и пожалуйста – ждет ее отныне дорога дальняя да витиеватая, с толпой оголтелых врагов и целым ворохом неудобоваримых магических подлянок. И как теперь ни старайся – но уже стопроцентно не отвертишься от злокозненных наездов выдумщицы-судьбы. Пусть даже ты никому очки не втираешь, паинькой не притворяешься, и честно признаешься, что да – сама неоднократно приложила ручку к тому самому пресловутому обвалу лавины приключений, которые и огребла, закономерно, на свою беспутую, рыжую голову. Вот и разгребай теперь, Сумасшедшая принцесса, сложившуюся запутанную историю. Хотя оптимисты обычно утверждают, что выход есть из любой, даже самой безнадежной ситуации. А философ Эткин авторитетно утверждает, что если вас проглотил дракон, то и в этом случае не стоит отчаиваться преждевременно. Для вас как минимум – найдется целых два выхода. Вот так то! Умение выпутываться из неудобных ситуаций – очень хорошая традиция...

Я задумалась, пытаюсь мысленно перечислить – чему такому важному и нужному я успела научиться в жизни, не считая частые побеги через окно и просто неприличную, какую-то почти кошачью живучесть. Ах да, живучесть! Кажется, пора внести в мой официальный перечень привычек, традиций и принципов еще один весьма значимый пункт – если я на время утратила способность адекватно реагировать на окружающих, но при этом еще как-то умудряюсь дышать, и сердце бьется – значит, я благополучно пережила очередные неприятности. Но вот когда после очередной попытки умереть я стабильно прихожу в сознание от звуков знакомых голосов, значит – новые неприятности не заставят себя долго ждать! И это – традиция! Спорно конечно, удача это или нет – заранее знать, что впереди тебя ждут новые, еще более заковыристые неприятности? А я считаю, что это очень даже полезная способность. Возможно, другие решат, что удача от меня отвернулась, обрекая на разочарования и промахи. Но фортуна – понятие растяжимое, а отсутствие результата – тоже результат. Ведь там, где заканчивается полоса неудач, начинается территория кладбища. И это – сама что ни на есть зловредная, устоявшаяся традиция для всех героев без исключения!

Разговаривали четверо. Через открытое окно до меня доносился важный бас Эткина, насыщенный интонациями, приятный баритон Оггура и частенько присоединяющийся к нему звонкий дискант Ланса. Марвин не произносил ничего вразумительного, но временами

задумчиво кряхтел, при этом так шумно и усиленно почесывая затылок, что подобная, некрасивая привычка ставила под угрозу его шикарную шевелюру, грозя весьма скоро свести ее на нет, превратив в преждевременную и удручающую по размаху лысину.

– Э-э-э, – однообразно-недоуменно тянул молодой некромант, издавая именно тот самый неприятный звук, который и вывел меня из состояния забытья.

– Магикус, прекрати немедленно! – решительно потребовал Эткин. – У меня от твоих стонов зуб мудрости разболелся.

– Не понимаю! – озадаченно изрек Марвин, судя по долетающему до меня шороху, быстро листая какой-то магический трактат. – Здесь четко сказано, что после сборки всех деталей, у меня должен получиться универсальный, боевой амулет. А я же, вместо него, создал какую-то странную, совершенно не поддающуюся идентификации штуkenцию...

– Знаю я эти учебные пособия из категории «сам себе волшебник». Там после каждой инструкции нужно от руки дописывать – тщательно обрабатывать напильником вновь собранный артефакт...

– Думаешь? – скептически спросил Марвин.

Тишину разорвали пронзительные, вжимающие звуки... Потянуло жуткой вонью...

– Фу! – возмущенно пискнул Ланс. – Ну и гадость же ты изобрел, Марвин!

– А чего! – насмешливо одобрил дракон. – Что хотел, то и получил – универсальный боевой артефакт! Убойная вещьца, от ее амбре – мухи на лету стаями дохнут!

Некромант прошипел что-то неприличное и, по всей вероятности, запустил неудавшимся раритетом в сторону кустов...

Бабахнуло. Причем так, что меня чуть с кровати не сбросило. Оггур громко выругался, дракон хихикал в своей привычной, обидной манере. Марвин с грохотом разочарования захлопнул магический талмуд.

– Нет, ты погодь, погодь, – не успокаивался вредный дракон, – дай-ка я сам этот шедевр почитаю..., – снова раздался шорох истертых, пергаментных страниц. – Так, – со вкусом декламировал гигант. – Великий архимаг Дендроний советует – «а если попросит у тебя помощи благородный рыцарь, в дальний поход отбывающий, то выкуй магический пояс верности и надень его покидаемой, прекрасной даме на то самое неназываемое место, наибольший искус несущее...»

– Мда, – язвительно хмыкнул орк, усиленно внимавший мудрой рекомендации. – Да ведь бедная баба с таким магическим наворотом есть не сможет, и помрет от голода задолго до возвращения глупого рыцаря...

Разноголосый хохот свидетельствовал о том, что пикантный юмор Оггура оценили по достоинству все участники увлекательной беседы. Я тоже не сдержалась и хмыкнула.

Магическая книга неуважительно полетела в кусты, которым похоже, итак уже на сегодня изрядно досталось.

– А что, маги все такие умные? – язвительно поддел Марвина прекрасный полуэльф, обычно любопытный просто до неприличия.

Некромант обиженно засопел свежим насморком.

– Успокойся, другие ничуть не лучше, – вступился за друга Эткин, на спине которого маг, без сомнения, и подхватил свое бурно прогрессирующее респираторное заболевание. – Эльфы тоже особой смекалкой не блещут!

– А ты докажи! – привычно выдал Ланс.

– Да запросто! – не спасовал летун. – Слышал я не так давно одну правдивую историю. Великий эльфийский владыка пожелал иметь сапоги из шкуры дракона. Ну, сказано – сделано. Призывает к себе его главный военачальник двух самых доблестных воинов и велит – отправляйтесь-ка вы, братцы, в джунгли юга и добудьте для короля драконьи сапоги. Три года отсутствовали воины, но потом все же вернулись – одичавшие, израненные, усталые... Где сапоги? – грозно спросил командир. И тут герои расплакались в голос – мол, убили они двести тридцать шесть драконов – но ни на одном из них сапог... так и не обнаружили!

Мой безудержный смех удачно вписался в царившее на улице веселье.

– Ура! – в оконном проеме возникла лукавая морда Эткина. – Ребята, она очнулась!

– Ну, а я вам что говорил? – торжествующе констатировал Белый волк. – А вы, пессимисты, ревели и хныкали – ой, типа она на этот раз заболеет серьезно и надолго! – он удачно изобразил капризный голосок Лансанариэля. – Мелеана, скажи им, что ты абсолютно здорова и уже полностью готова к новым подвигам! И что запросто коронуешь еще десяток владык и замочишь сотню злобных карликов!

Я улыбнулась:

– Спорно. Хотя попробовать – можно!

Но дракон недовольно покачал головой:

– Не слушай этих заводил, принцесса! Отдыхай, пока есть возможность.

Но я настырно откинула пуховое одеяло и опустила на пол ноги, про себя дивясь их непривычной слабости. Первая же попытка встать с постели, закончилась сильным приступом головокружения. Я виновато шмыгнула носом и, к вящей радости Эткина, послушно улеглась обратно, дав себе твердое обещание, что завтра меня в этой кровати и орда гоблинов не удержит.

Но у судьбы, как всегда и случается, конечно же, имелись свои, тайные планы, на беду – полностью идущие в разрез с моими, излишне самоуверенными намерениями.

Я быстро нашла общий язык со своим отцом, памятуя о накрепко связавших нас событиях, произошедших в Геферте. Однажды я читала в одной очень умной книге, что девочки имеют привычку возводить своих отцов в ранг безупречных героев и поэтому, достигнув брачного возраста, подсознательно выбирают на роль мужа – мужчину, обладающего сходными качествами. Скорее всего, книга была права. Венценосный батюшка, король Мор, своим бледным, красивым лицом и неторопливыми, уверенными в себе повадками, разительно напоминал моего незабвенного Астора. Нет, принц демонов конечно, отличался куда большей экспрессивностью, но главным оказалось то, что рядом с любым из этих двоих мужчин я ощущала себя в полнейшей безопасности. Надежность, вот то главное качество, которым должен обладать мой избранник.

Отец просидел у моей постели добрую половину вечера, говоря мало, но много и опечаленно вздыхая. На его белоснежное чело то и дело набегало легкое облачко задумчивой озабоченности, скрываемой им тщательно, не безрезультатно. Я поняла – отцы гнетет что-то важное, не дающее в полной мере насладиться вновь обретенным семейным счастьем. Но он молчал, а я так и не решилась спросить его о природе овладевших им раздумий. Перед уходом он нежно поцеловал меня в лоб, пристально всматриваясь в мои наивно распахнутые, зеленые глаза. Черные локоны на мгновение смешались с рыжими, словно хотели влить в них свою стальную волю. Дверь за королем закрылась.

– Ульрика! – просительный шепот вырвал меня из полудремы. – Ты спишь?

На подоконнике сидел сопливый Марвин, прижимающий к носу огромный, неряшливо скомканный платок.

– Дружище, – хихикнула я. – Ты бы взял, что ли, у меня в сумке мазь с базиликом и намазал себе переносицу!

– Гоблин ее заberi, эту ангину, – неразборчиво прогнусавил некромант, несмело косясь на меня поверх платка. – Такую сразу даже магия не исцеляет! Это меня боги наказали...

Я заинтересованно приподнялась на локте.

– ... за тебя! – виновато закончил Марвин, сконфуженно сморкаясь.

Я рассмеялась:

– Брось! Это же самая обычная простуда. А подхватил ты ее во время полета на Эткине, стремясь как можно скорее попасть в Ширулшэн и помочь мне!

Взор мага просветлел:

– Ну да. Честно говоря, я все время боялся, что с тобой может произойти что-то не хорошее! А теперь еще и Саймон...

Мое сердце настороженно бухнуло.

– А что Саймон? – взволнованно перебила я. – Что он говорит?

Молодой маг неловко слез с высокого подоконника и робко приблизился к кровати.

– Прости меня, Мелеана! – жалобно попросил он. – Я оказался не прав относительно тебя и принца демонов. В конце концов – нечего нам было совать нос в твою личную жизнь...

Я молча протянула Марвину руку, которую он крепко пожал и облегченно вздохнул.

– Так что там с Саймонариэлем? – напомнила я.

Некромант оторвался от моей сумки, в которой хозяйски копался с самым невозмутимым видом.

– Может, это просто старость? – осмелился предположить он. – Все-таки, Саймону уже очень много лет. Что-то я его совсем не понимаю. Он там сидит, почитай – целый день, пялится в свой хрустальный шар, заламывает руки и предрекает недоброе! – Марвин наклонился ко мне и шепнул в самое ухо. – Боюсь, это касается тебя, Мелеана! – Он отодвинулся, озабоченно посмотрел мне в глаза и добавил с надеждой: – Наверно это маразм, может – он ошибся?

Но Марвин понимал, что занимается никчемным самообманом, потому как магическое око подсказывало ему, что Саймонариэль прав, мучая некроманта аналогичными, смутными и пугающими видениями.

Сраженная интуитивным предчувствием, я откинулась на подушку.

« Да нет, дружище, старый маг не ошибается! – устало подумала я. – Вон она и пришла – закономерная беда! Ведь проклятия Гельды и Аберона еще не исчерпались и не исполнились до конца...»

Жизнь никогда не била меня по лицу. Возможно, она посчитала подобное наказание не этичным, или просто брезговала прикасаться к моему вопиющему уродству. Зато под дых я получала часто и весьма болезненно. Причем, в самые непредсказуемые и неожиданные моменты. И это меня не удивляло ничуть. Как говорится – любишь кататься, люби и саночки возить. Или перефразируя – имеешь смелость самолично рулить собственной судьбой, будь готов отвечать за последствия подобных манипуляций. Хотя в большинстве случаев, возникающие последствия носили совершенно стихийный и непредсказуемый характер. Так получилось и на этот раз...

Мгновенно установившиеся дружеские и близкие отношения с отцом ничуть не повлияли на мое восприятие матери – неопределенное, носящее легкий оттенок затянувшегося и все никак не проходящего удивления. У меня попросту не укладывалось в голове – как может эта обворожительная эльфийка, хрупкая и тоненькая как подросток, выглядевшая едва ли не моложе меня, являться моей матерью. Как смог этот безупречно девственный стан – подобный гибкой лозе винограда, выносить ладно бы только меня, так ведь еще и моего брата-близнеца – высоченного, поджарого, но мускулистого и широкоплечего короля-воина, блистательного Ульриха де Мор, правителя всея Наррона. Непостижимо!

Утро началось с визита матушки. Сквозь сладкую рассветную дрему я чутко различила легкий скрип приоткрывшейся двери. Стройная, невысокая фигурка, не достигающая даже гренадерского плеча рыжеволосой доченьки, робко скользнула в мою комнату, пугаясь в пышной юбке и прижимая к груди глубокую фарфоровую миску, неустойчиво подрагивающую в слабых руках. От тарелки тянуло аппетитным запахом наваристого, куриного бульона. Альзира жалобно воззрилась на мою атлетическую фигуру, стыдливо прикрывшуюся одеялом до самого носа, но усилием воли превозмогла возникшую неловкость и нежно заворковала серебристым голоском:

– С добрым утром, дорогая! А я вот тебе супчика принесла, для поправки здоровья!

– Мне бы бифштекс с луком лучше, да кружку темного пива, – чистосердечно

попросила я, невольно пытаюсь смягчить зычный голос и не напугать свою похожую на статуэтку матушку.

Две тонкие дуги эльфийских бровей сердито поползли вверх:

– Забудь о пиве, дорогая! – наставительно провозгласила мать, видимо, так и не сумев выдавить из себя более интимное слово «дочка». – Ведь тебе сейчас нельзя принимать даже каплю алкоголя!

– Почему? – недоуменно поинтересовалась я.

– Как это почему? – хлопнула ресницами королева. – В твоём то положении...

– А что у меня за положение?

– Как, ты не знаешь? – и без того огромные глаза распахнулись ещё шире. – У тебя будет ребенок! Саймонариэль сказал, что ещё не скоро, но он никогда не ошибается...

– Ребенок? – шокировано переспросила я, не дослушав мать, и тут до меня наконец-то дошло.

Ну конечно! Так вот в чём крылась тайная причина моего странного недомогания, слабости, головокружения и надоедливой утренней тошноты. У меня будет ребенок, ребенок от Астора! Но это же... это же просто замечательно! Дитя, в котором возродится часть души великого принца демонов. Крохотное, беззащитное существо с мягкими ручками, доверчиво обнимающими меня за шею. Чудо с алыми губками, прижимающимися к моей груди и пьющими материнское молоко. И он будет моим – только моим... Волна теплых чувств неожиданно поднялась внутри и ширилась бесконечно, без остатка заполняя сердце и душу. Подумать только, у меня родится наше дитя – плод страстной любви, бесценный дар богов. Я вспомнила осторожные намеки Астора на того, «кто придет после него» и поняла – он знал, он предвидел, но не решился сказать мне напрямую. О, Астор!

– Это просто чудесно! – продолжала заботливо ворковать мать. – Марвин рассказывал мне о Генрихе, благородном повелителе сильфов. Нужно немедленно послать ему известие об ожидаемом, радостном событии...

– А Генрих то тут при чём? – не поняла я.

– Ну как же, глупенькая! – менторским тоном попеняла мне Альзира. – Ребенок эльфийской принцессы и правителя сильфов – это так символично! Это означает восстановление утраченного мира и создание нерушимого союза между двумя древними расами!

Я прикусила губу. «Ах, злодейка-судьба, на этот раз ты выбрала очень изощренный способ мести! Ты ударила по самому дорогому и самому болезненному!»

– Мама, отец ребенка не Генрих! – я словно окуналась в ледяную прорубь, отбросив прочь всякую надежду на понимание и сочувствие.

– А кто? – оторопела Альзира.

Я набрала побольше воздуха в легкие, и смело бросилась вниз головой в темную полынью признания и обреченности:

– Его отец Астор, брат Ринецеи, великий архимаг и принц демонов!

Осколки фарфоровой тарелки с грохотом разлетелись по мраморному полу. Наваристый бульончик щедро окатил пышное платье эльфийки. Но матери было не до этого.

– Демон? – пронзительно завизжала Альзира, возмущенно сжимая кулаки. – Сын Тьмы? Наш враг? Да как ты посмела полюбить нашего злейшего врага, неразумная дочь моя, о чём ты думала? Слияние эльфийской крови с кровью демона! Подобного в мире ещё не случилось!

А дальше началось невообразимое... Все бегали, орали, билась посуда, трещали гардины. Громко молились придворные, одновременно насылая витиеватые проклятия на мою неразумную голову. Упала в обморок матушка, с кем-то ругался Эткин – бурно и многословно, в качестве убедительных аргументов изрыгая густые клубы дыма и пламени. Угрожающе скрипела тетива арбалета, спешно взводимая Лансанариэлем. Огвур с секирой наперевес встал перед дверью моих покоев, грозя разmozжить голову любому, кто осмелится хотя бы пальцем прикоснуться к священной особе его Мелеаны. С кем-то спорил

Саймонариэль – давно перейдя на повышенные тона, бросался оскорблениями, заклинаниями и огненными шарами Марвин, бурно отстаивавший мою невиновность. Молчал отец, но молчал так пронзительно – что его безмолвное горе раздирало мне душу сильнее любых обвинений. И лишь одна я оставалась удивительно спокойной, демонстрируя завидную выдержку духа, и силу воли плюс характер. Ибо одно я знала наверняка – ребенка не отдам, а от памяти Астора – не откажусь ни за что, даже под угрозой казни! Поэтому я поднялась с постели и тщательно оделась, а потом просто села в кресле у окна – насмешливо прислушиваясь и приглядываясь к царившей вокруг кутерьме. На всякий случай заплела волосы в тугую косу, чего ранее не делала даже перед самыми опасными поединками. Так, словно ждала чего-то неизбежного. Но ждала без мешающего страха и волнения, а скорее как что-то важное, уже неотвратимое – а возможно, и в какой-то мере полезное. И дождалась...

Вопреки ожиданиям, погода в тот день так и не разгулялась. Небо затянули свинцово-серые тучи, рыхлые и мокрые, несущие обещание скорого дождя. Знаменитые ширулшэнские розы предпочли вообще не раскрывать свои ароматные головки, испуганно прячась под защиту плотных листьев. Свирепые порывы ветра бессильно хлопали полотнищами шелковых навесов, зверея от многократных, но тщетных попыток сорвать их с прочных опор и унести за мрачный горизонт. Королевские штандарты возмущенно реяли над головами собравшейся толпы, словно протестуя против затеянного судилища. Жертвами непогоды уже стали широкополые шляпы мужчин, шарфы, вуали и воздушные куафюры придворных фрейлин. И лишь мою гладко-причесанную шевелюру, разбушевавшаяся стихия обтекала бессильными потоками легкого бриза, успокаивающе остужая бледные щеки подсудимой и незримым палантином ложась на гордо расправленные плечи. Казалось, сейчас милосердный друг-ветер сурово порицал всех, кроме меня, ласково нашептывая на ухо гарантированное обещание – при малейшей же опасности подхватить в свои надежные объятия и унести в даль, прочь от жестоких судий и закоренелых ханжей. Они по-прежнему оставались со мной – мое единственное богатство и достояние: ветер странствий, свобода, да слова песни, позволяющие мне отвлечься от горестных мыслей. И, конечно же, на моей стороне были все друзья...

Королевский суд открылся около полудня. Главный зал дворца правосудия не вместил толпу зевак, желавших полюбоваться невиданным зрелищем, поэтому процедуру судебного разбирательства вынужденно перенесли на широкий двор, постиравшийся перед родовым замком клана эль-Реанон. Тысячная толпа, до отказа заполнившая сад и розарий, влекомая жаждой опорочить ту, которая осмелилась пойти против веками устоявшейся морали и семейных традиций, беспощадно вытоптала изумрудную траву и равнодушно переломала стебельки нежных цветов. Роза – сломленный родовой символ... Наверно, точно так же они хотели согнуть и мою свободолюбивую шею, но – в пику всем, я стояла спокойно, немного расставив напружиненные ноги, непринужденно положив руки на рукояти волшебных даг и надменно вскинув непокорную голову. Мой самоуверенный, полный достоинства вид, породил глухую волну недовольного ропота, шквалом прокатившуюся по рядам судий и зрителей. Отступница отнюдь не раскаивалась в содеянном, и вовсе не собиралась признавать проступки, вменяемые ей в вину! Неслыханная дерзость!

Сначала меня попытались лишить оружия, но верный Нурилон вырвался из рук моих обидчиков и снова вернулся к хозяйке, обжигая чужие пальцы и оставляя на них глубокие порезы. А две «Алаторы» полыхнули таким ярким импульсом магического света, что стража отступила в страхе, не смея более касаться того, что для нее совсем не предназначалась. Поэтому я так и осталась стоять полностью вооруженной, выведенная на высокое крыльцо, возвышаясь над растерянно гомонящей толпой и не скрывая язвительной усмешки, кривившей мои губы. Пресветлые боги, я же вижу – они меня попросту боятся! Меня, добровольно влившую в свои вены кровь демона и носящую под сердцем их будущего врага и наследника расы врагов. Да и сама я, совершенно не терзаемая угрызениями совести и не

умоляющая о пощаде – стала для них демоном, посмевающим возжелать свободы и права выбора того пути, по которому я и намеревалась идти в жизни. «Поправшая судьбу» – эти слова все чаще и чаще долетали до моего слуха.

В первом ряду, рядом с королем, королевой, прокурором и верховным судьей, сидели мои верные друзья – грозно нахмурившийся Оггур и судорожно кусающий губы Ланс. Эткин разместился чуть поодаль, даже и не пытаясь притушить тоненький огонек гнева, непрерывно вырывавшийся из его приоткрытой пасти. Великие маги – Саймонариэль и Марвин, взошли на ступеньки крыльца, по обе стороны от меня, поклявшись, что ни за что не допустят вынесения несправедливого или пристрастного приговора. Марвин иногда поднимал голову, и подмигивал мне ободряюще и легкомысленно, а Саймон наоборот, неотрывно сверлил судью тяжелым, мстительным взглядом, заставляя того нервно ерзать в кресле и поминутно покашливать. Король Мор дал торжественное обещание, что – не смотря на связывающие нас кровные узы, подчинится мнению народа и безропотно примет любой вердикт суда, каким бы он ни оказался. Итак – сегодня народ Поющего острова судил меня – Сумасшедшую принцессу, наследницу древней крови, герцогиню Нарронскую, спасительницу и охранительницу обеих королевств, Ульрику де Мор, именуемую так же Моррой и Мелеаной – посмевавшую полюбить демона и понесшую от него ребенка, которому до смерти предстояло носить клеймо незаконнорожденного. Все мои прошлые подвиги и свершения были забыты в одночасье, потому что теперь я стала отступницей и отщепенкой!

Судья требовательно постучал медным молоточком, и во дворе воцарилась мертвая тишина. Суд начался...

Верховный судья взволнованно помял рукой пересохшую гортань, поправил булки белоснежного парика и начал:

– Каждый из вас знает, в чем обвиняется принцесса! Прегрешения ее весьма многочисленны, как-то: – он развернул скрепленный печатями свиток, – вступление в сношение с врагами королевства, радение о личных интересах в ущерб политике государства, смешение крови эльфа с кровью демона, подрыв основ морали и самое страшное, – он обличающее поднял палец, подчеркивая смысл обвинительной речи, – внесение смуты в умы и прямая угроза для династии в следствие появления в ней ребенка проклятой крови!

– Неблагодарные! – возмущенно выкрикнул Оггур, вскакивая с места. – Быстро же вы забыли о том, что она спасла короля и королеву и помогла избавить народ Поющего острова от власти темного мага!

– Сядь, чужеземец! – властно приказал прокурор. – Не тебе оспаривать справедливость наших претензий к принцессе! Тебе не понять наших забот о чистоте крови правящей династии, ибо ты не принадлежишь к расе эльфов и к тому же, являешься близким другом подсудимой!

– Вы обвиняете Ульрику в преступной любви! – поддержал орка Ланс, как никогда прекрасный в гнев, окутанный облаком длинных, растрепанных волос. – Тогда судите меня вместе с ней, потому что я совершил еще больший поступок и полюбил мужчину! – выкрикнул он смело и звонко, вызываясь разглядывая толпу.

Народ ответил насмешливым улюлюканьем и непристойными репликами.

– Ты полукровка, – наставительно изрек судья, – и исторгнут из правящей фамилии, ты не стоишь так близко к трону как наследная принцесса и ее байстрюк.

– Я тоже бастард! – с достоинством парировал отважный Лансанариэль. – Неужели вы хотите загубить еще одну невинную душу и обречь ее на участь всеми презираемого изгоя?

– Молчи, извращенец! – больнее, чем камнем, прилетело из толпы. – Еще мы не слушали всяких..., – далее последовали совсем уж грязные эпитеты.

По рядам зрителей прокатились скабрезные смешки. Многим не терпелось сделать оскорбительные жесты, направленные в адрес Ланса. Оггур заскрипел зубами и, бешено вращая налившимися кровью глазами, схватился за нож. Обстановка накалялась.

– Народная мудрость гласит: любишь орка..., – словно невзначай громогласно выдал Эткин и выжидающе замолчал.

– Так чего там она гласит, а? – нетерпеливо уточнил грубый мужской голос.

Дракон лукаво прищурил сапфировый глаз.

– Народная мудрость гласит: любишь орка – люби и... терпи!

Толпа снова рассмеялась, но на этот раз уже не злобно, а снисходительно-добродушно.

– А про козлов она ничего не говорит, случайно, эта мудрость то? – с любопытством поинтересовался все тот же мужик.

Хитрая морда Эткина приняла лицемерно-постное выражение.

– Да я как-то сам сказал стаду козлов: любовь зла – могу случайно полюбить и козла!

– А что козлы ответили? – завопил тонкий, дотошный фальцет.

– А ничего они не ответили! – ехидно добавил дракон. – Разбежались они, во избежание так сказать..., – и столько скрытой угрозы прозвучало в этой фразе, что народ задумался и притих, боясь нарваться на опасную во всех отношениях «любовь» дракона.

Видя, что дебаты уходят не в ту сторону, я решила напомнить о себе:

– Эй, – насмешливо бросила я с высоты крыльца, – тут вроде бы меня сегодня судят, а не козлов!

Взоры сотен пар глаз снова устремились на меня.

– Козлов, говоришь! – довольно громко крикнул Эткин, и риторически процитировал: – А судьи – кто?

Судья сконфуженно прокашлялся:

– Однако, вернемся к нашему разбирательству! Какое наказание следует применить к преступной принцессе?

– Пусть маги лишат ее ребенка-чудовища, изведут его прямо в утробе матери! – выкрикнул сварливый женский голос. – А потом распутная девка искупит свою вину на следующей же войне!

Народ одобрительно загалдел.

– А ну, шаг назад и всем дышать носом! – свирепо прикрикнул дракон. – Этот ребенок не вашего ума дело!

Толпа тут же заткнулась и попятилась.

– Легче договориться с голодным тигром, чем с сытыми баранами, – чуть слышно пробормотал Эткин, ни к кому конкретно не обращаясь.

– Что скажешь, принцесса? – обратился ко мне судья, взглядом и жестами намекая – соглашайся, дурочка!

– Ребенка не отдам! – категорично отрезала я.

Толпа всколыхнулась вновь.

– Казнить ее! – послышались многочисленные требования.

Краем глаза я подметила, как помертвело лицо отца, а мать залилась слезами и уткнулась ему в плечо. Я насмешливо обвела твердым взором неистово орущую толпу.

– Казнить? Ха, ну попробуйте! Кто рискнет выйти против Сумасшедшей принцессы? – и оторопелые люди услышали, как тонко и протяжно запел Нурилон, требуя крови врагов.

Многие начали торопливо пробираться подальше от меня, уходя в задние ряды зрителей, толкая и тесня более слабых. Ощутимо запахло паникой.

– Да у нас и палача то нет! – ошеломленно шепнул прокурор.

Эткин гадко хихикнул.

– Ну вот и пошли бы вы! – невежливо послала я.

Марвин смеялся в открытую, даже не потрудившись хотя бы для приличия прикрыться рукавом.

– Дочка, разговаривай с судом корректнее! – попросил король-отец, пряча улыбку.

– А не пошли бы вы некоторым образом туда, где и подобает находиться таким как вы, в виду того, что я, в силу некоторых обстоятельств попросила бы вас туда отправиться! – галантно поклонилась я.

Лансанариэль не выдержал и прыснул, громко и весело. Утробным басом хохотал орк. Суд превратился в фарс.

– Не страшно, когда над тобой смеются, хуже – когда плачут..., – философски бубнил дракон.

Прокурор и судья стушевались окончательно.

Но, на беду, нашлись и те, кто по злобе или зависти не желал, чтобы я отделалась слишком легко.

– Нет, так дело не пойдет! – вдруг раздался спокойный, рассудительный голос. – Казнить – это конечно чересчур, но принцессе нужно сурово и публично наказать для примера всем, да для острастки другим, ибо закон – он для всех един!

– Правильно, это будет справедливо! – поддержали оратора многие из толпы.

Судья приободрился.

И тут вперед вышел Саймонариэль...

Одного взмаху руки великого архимага оказалось достаточно для того, чтобы толпа уgomонилась. Все же, на Поющем острове Саймона знали и уважали все – от мала, до велика.

– Хватит! – негромко вымолвил магистр. – Не уподобляйтесь стаду тупых баранов! Нельзя вот так бездушно и опрометчиво судить человека, принесшего нам добро и благо. Не нам поднимать карающую длань на ту, которая не только уподобилась богам, но и стала одной из них. Провидение открыло мне сегодня – принцессе суждено свершить еще множество подвигов, а ее дитя окажется не наказанием и злом, а великим благом и истинным подарком судьбы! Ее сын станет одним из столпов глобального мирового равновесия между силами Света и Тьмы!

Судья хищно прищурился:

– А может это лишь сказка?

– Докажи нам свое пророчество, Саймонариэль! – недоверчиво прилетело из толпы. – Слова ничего не значат и никого не убедят.

– Хорошо! – согласно кивнул архимаг. – Ульрика де Мор пройдет божий суд, и тем самым очистится от несправедливых наветов!

– Да будет так! – хором вскричали все, с облегчением принимая мудрое решение волшебника.

Прямоугольный брусок железа, раскаленный до бела и так и пышущий волнами испепеляющего жара, удерживаемый щипцами кузнеца, завис прямо перед моим побелевшим от ужаса лицом. И тогда я догадалась – что намеревается совершить Саймон. Совершить со мной. Я хотела рвануться, убежать от этого невозможного, противоестественного ужаса, но не смогла. Ибо если я побегу сейчас, то буду обречена всю оставшуюся жизнь продолжать этот бессмысленный, трусливый бег. Тогда память об Асторе уж точно, станет страшным проклятием, историей – призванной пугать непослушных детей долгими, зимними вечерами. А мой собственный ребенок когда-нибудь пожалеет о дне своего рождения и отвернется от матери, подарившей ему столь безрадостную судьбу. Значит – я вынесу все, чтобы они не сотворили со мной, вынесу, перетерплю, пускай даже не ради себя, но во имя погибшего отца и на благо своего, еще не рожденного сына. Сына, который будет мной гордиться!

Волосатые руки кузнеца, удерживающего раскаленный металл, защищали толстые войлочные рукавицы, но я заметила, что, даже не смотря на материю и длинную рукоять щипцов, его ладони начали ощутимо страдать от горячего бруска, предназначавшегося для меня.

«Боги! – мысленно взмолилась я. – Так что, это и есть ваша хваленая справедливость? Если да, то помогите, дайте мне силу, чтобы вынести это испытание, ведь мои собственные силы уже на исходе!»

– Ульрика! – сильные пальцы Саймонариэля больно стиснули мое напряженное плечо, вырывая меня из мира призрачных видений. – Ты осознаешь, что тебе предстоит сделать?

– Да! – послушно шепнули мои онемевшие губы.

– Тогда выслушай меня внимательно, – темные глаза мага приблизились, вливая в меня спокойствие и странное равнодушие, напоминающее сон на исходе ночи. – Вы примешь этот металл на свои обнаженные ладони и, держа руки вытянутыми перед грудью, медленно пройдешь от крыльца до вон того куста сирени, а потом бросишь стальной брусок на землю. И если ладони твои не пострадают и не будут иметь следов ожога, то мы все признаем твою невинность и не станем преследовать твое дитя, не причинив ему ни малейшего вреда ни до, ни после рождения!

– Это справедливо! – многоголосый гул толпы единодушно поддержал решение мага.

– Но это невозможно! – тихонько ответила я. – Мне придется пройти не менее двадцати шагов. За это время мои руки прогорят да самых костей!

– На все воля богов! – торжественно возвестил Саймонариэль. И добавил едва слышно, так, что это расслышала только я: – Если ты веришь в собственную правоту, моя дорогая девочка, то с тобой не случится ничего дурного!

Я недоуменно моргнула, силясь вникнуть в потаенный смысл услышанного. Судьба готовилась совершить очередной обманный ход – проверяя и испытывая меня. Неужели, таким образом, она желает сломить непокорный, свободный дух и пытается приучить меня к повиновению? Ну, уж нет, этого она не дожидается!

Я издевательски оскалилась и наглым жестом протянула раскрытые ладони:

– Давай свое железо, Саймон! Клянусь гоблинами, я попадала в переделки и покруче!

Архимаг улыбнулся светло и радостно:

– И не сомневаюсь в этом, Мелеана!

– Люди! – громко заорал ошарашенный моим нахальством кузнец. – Она не боится! Она смеется над нами! Да она же ведьма!

– Ведьма! – ветром прокатилось по двору.

Я вспомнила похожую сцену, не так давно произошедшую в замке де Кардиньяк, и мстительно расхохоталась. «Труссы, какие же они все суеверные труссы!»

Я почти вырвала раскаленное железо из удерживающих его щипцов и медленно, умиряя нетерпеливую походку, зашагала к финишному кусту, проход мимо расступающихся при моем приближении людей.

Поначалу я не ощутила ничего. Только исходящий от бруска холод, злобно покусывающий мои голые руки, да странную, туманную дымку, обволакивающую все тело и мешающее идти вперед. Мне приходилось буквально продираться через тугую, липкую субстанцию, цепляющуюся за ноги и делающую каждый шаг невыносимо мучительным и трудным.

А потом неожиданно пришла боль. Голодным жаром вцепилась в руки, овладев ими до самых плеч, жала сильнее стаи диких пчел, заставляя меня до крови кусать губы, стараясь подавить жуткий вой, произвольно рвущийся прямо из глубины души. Подобного я не испытывала никогда в жизни. Боль вынуждала остановиться, упасть на землю и грызть, зубами грызть свои руки, доводящие меня до безумия.

– Ульрика, иди же вперед! – умоляли отец и мать.

– Мелеана, ты можешь! – раненым быком ревел Огвур.

– Рыжая, не сдавайся! – стонал Лансанариэль.

– Не останавливайся, девочка! – хрипел дракон.

– Иди, иди, иди! – как заклинание выкрикивал Марвин.

Конвульсивным усилием я подняла голову, сквозь пелену слез, застилающих глаза, пытаюсь разглядеть нужный мне куст. Около сирени стоял напряженно выпрямившийся Саймонариэль, а рядом с ним... тут я чуть не задохнулась от восторга и изумления, виднелась полупрозрачная, туманная фигура Астора, нежно манящая меня к себе чуть согнутым пальцем.

– Иди же ко мне, любимая! – призывно шелестел потусторонний голос. – Сюда, радость моя!

И я слепо пошла на зов...

Вязкий туман все так же замедлял мои шаги, но, разгоняя его, в голове рожались слова путеводной песни, отмеряя путь и успокаивая боль:

Тьмой накрывает Ранмира кручи —
Тяжелый рок,
Над нами смерти нависли тучи —
Помилуй Бог,
Но полыхает каленым жаром —
Огонь в груди,
Мы повстречались с тобой не даром —
Не уходи...

Мне так хотелось в любви болоте —
Проложить гать,
Смерть поджидает на повороте —
Все выжигать,
Под этой ношей уже вскипает —
Как пламя кровь,
Но и под пыткой не умирает —
Моя любовь...

Я сквозь обиды и сквозь презрение —
Пройду шутя,
Храня в объятиях свое прозрение —
Твое дитя,
Я в счастье верую, что повстречается —
Нам впереди,
Я знаю, с гибелью жизнь не кончается —
Не уходи...

Последнее слово привело меня к кусту сирени. Астор улыбнулся и запечатлел на моем лбу невесомый поцелуй. Я протянула ему раскаленный брусок.

– Назови его Люцием, Люцифером – сыном Утренней звезды! – попросил меня любимый.

– Мы еще встретимся? – трепетно спросила я, напрочь забывая о железе, прилипшем к ладоням.

Но призрак Астора ничего не ответил, лишь прощально взмахнул рукой и бесследно растворился в прохладном воздухе...

– Ульрика, бросай брусок! – зычный голос Саймона привел меня в себя.

Я поспешно встряхнула ладонями, железо упало на землю, превращая в серый пепел траву, мгновенно погибающую от его прикосновения. Я удивленно осматривала свои ладони, здоровые и неповрежденные, сиявшие девственной белизной...

– Ведьма! – кричали люди вокруг, отбегая от меня на безопасное расстояние. И вскоре я уже стояла в центре враждебного круга, оцетинившегося кинжалами и арбалетами. – Убьем ведьму! – раздавалось все громче.

– Нет! – повелительно потребовал Саймонариэль, раздвигая людей и подходя ко мне. – Она честно прошла испытание, она полностью оправдана!

– Не может обычный человек, эльф или сильф выдержать подобное! – резонно изрек седой старик с пронизательными глазами. – Это под силу лишь демону, порождению Тьмы и пламени. А демону не место среди нас!

– Изгоним ее! – почти миролюбиво выкрикнул кто-то. – Пусть уходит прочь!

Саймон переглянулся с королем Мором и опечаленно кивнул головой:

– Хорошо! Принцесса уйдет! Покинет тех, кто оказался так неблагодарен и неосмотрительно отрекся от защиты воина Старшей крови. Но не пожалеете ли вы потом об этом, люди? Не попросите ли ее о помощи?

– И не подумаем, не нужна нам ее подмога. Не попросим! – донеслось самоуверенное обещание. – Ведьма, демон! Пусть она убивается!

А ведь они все-таки попросили.

Но это было потом...

Я заботливо поправила на плече ремешок от футляра с гитарой и легко перепрыгнула на покатый, обросший мхом и водорослями валун. Инструмент тряхнуло, и он протестующе тренькнул, серебристо и мелодично, будто пригоршня жемчужинок раскатилась по серебряному блюду. Отличная гитара – маленькая и изящная, прощальный подарок Саймонариэля. К тому же, ничем не уступает моей любимой, потерянной еще под стенами Ниса. А как она звучит – м-м-м, заслушаешься! Настоящее эльфийское чудо!

Я немного постояла на пустынном берегу, подставляя разгоряченное лицо соленым брызгам шумного прибоя. В гуле накатывающих на гальку волн, мне почти осязаемо чудился мотив новой баллады, на этот раз не жалобно-лиричной, а торжествующе-обнадеживающей. Я не чувствовала себя побежденной. Наоборот, в душе разливались упование на лучшее будущее и тихое, колыбельное успокоение. Ведь я была молода, свободна и полна сил. Я ждала ребенка от любимого человека. И пускай мой возлюбленный погиб – я вовсе не собиралась мириться с подобным, несправедливым поворотом судьбы, а напротив – собиралась бросить отчаянный вызов всем зарвавшимся демиургам, богам и демонам, и среди тысяч холодных звезд, среди завихрений неизвестности в жерле Обитали потерянных душ – намеревалась найти посмертную сущность своего прекрасного принца и... вернуть ее обратно, на землю. Я пока не ведала, сколько путей мне придется пройти для осуществления своей цели, сколько пар железных сапог износить, сколько медных караваев изгрызть – но это меня не пугало. Отступать и сдаваться я не намерена, а значит, когда-нибудь жестокая судьба все-таки допустит один маленький промах, которым я обязательно успею воспользоваться. Надежда умирает последней...

Я положила руку на свой живот, желая уловить шевеление крохотного существа, поддержать самого дорогого и близкого человечка, тихонько дремлющего под моим сердцем. Здравствуй – сын мой, Люцифер, дитя Утренней звезды! Я готовлюсь подарить тебе весь этот чудесный мир с его ветрами и туманами, реками и пустынями, городами и лесами. Я научу тебя любить и верить, ждать и надеяться, брать все и отдавать себя без остатка. И я четко знаю – твоим крохотным пальчикам суждено крепко сжать струны вселенского равновесия и управлять ими сурово, но справедливо. Да будет так!

Шлюпка, высадившая меня на берег, давно скрылась из виду, вернулась на корабль, шедший с Поющего острова до окраины Ликерии. Отважный капитан, настоящий сорвиголова в красной бандане, на прощание крепко пожал мою руку и подмигнул так неприкрыто лукаво, что выглядело красноречивее сотни пожеланий успеха и благополучия. И я поняла, что если мне неожиданно понадобится помощь, я вполне могу положиться на этого нечаянного друга, посланного благим провидением. Но сейчас мне хотелось побыть одной. Сейчас еще не настало время задумываться о будущем, вспоминать плохое или размышлять, куда в первую очередь направить свою тропу странствий, ведущую меня к какой-то безусловно важной, но пока не понятной, скрытой в тумане цели. Мой путь не должен кануть в пустоту. Нет, я четко осознавала, что впереди меня ждет что-то невыразимо ценное, что-то жизненное и значимое...

Но сегодня я не стану соревноваться с неутомимой выдумщицей-судьбой. Я дождусь заката и разобью скромный лагерь в тени этих высоких скал. Соберу обломки выброшенных на берег досок и достану из походной сумки непритязательный ужин – хлеб, сыр и краснобокие яблоки. А с наступлением темноты, я разожгу костер и прослежу, как золотистые искры разгоревшегося пламени поднимутся в небо, образуя тонкую, хрупкую дорожку между мной и многоликой вечностью. Филигранный мост прогнется под невесомыми шагами, когда привлеченная теплом и светом, ко мне спустится призрачная душа ушедшего в небытие Астора, и уютно устроится по другую сторону огня. Он обязательно придет сегодня – мое нереальное, горькое, краденое счастье... И тогда я загляну в любимые глаза, почувствую биение родного сердца и спою ему новую песню, песню своей надежды:

Струна на гитаре звенит и дрожит,
Меня уводя в пустоту, и во тьму,
А путь мой отныне в те земли лежит,
Где ветер нашепчет: «Не верь никому!»

Не верь в одинокий, кровавый рассвет,
В осколки желаний и пепел миров,
В горячее «да» и холодное «нет»,
Но в небо взлети, уходя от оков

Ты вслух заклинаний уже не кричи,
О боли и страхе навек позабуди,
Себя оправданием зря не лечи,
И жалу кинжала позволь отдохнуть

Тебе не достать с небосвода звезду,
Уже не разрушить судьбы круговерть,
Тихонько пройдя по застывшему льду,
Тебе не осилить безликую смерть

Но можно согреть чью-то мертвую кровь,
И в жизнь распахнуть заржавевшую дверь,
И в смерти – бессмертна святая Любовь!
На это – надейся... И в это – поверь...